

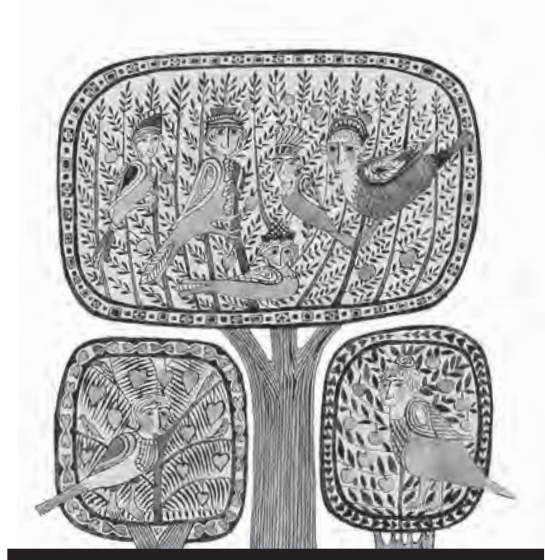
НА ПРИХОДЕ
И В СЕМЬЕ

Протоиерей

Константин Островский

ПРОТОИЕРЕЙ КОНСТАНТИН ОСТРОВСКИЙ

НА ПРИХОДЕ И В СЕМЬЕ

*статьи, ответы на вопросы,
разные истории...*

Издательство «Христианская библиотека»
г. Нижний Новгород * 2016

ЗНАМЕНСКИЙ ХРАМ
г. Красногорск * 2016

УДК 271.2
ББК 86.372
0 77

*Рекомендовано к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 16-???-????*

О 77 Протоиерей Константин Островский

НА ПРИХОДЕ И В СЕМЬЕ / Статьи, ответы на вопросы, разные истории. – Нижний Новгород : Издательство «Христианская библиотека» ; Красногорск : Знаменский храм, 2016. – 576 с., илл.

ISBN978-5-905472-48-0

Книгу «На приходе и в семье» можно назвать пособием по решению актуальных проблем приходской и семейной жизни.

Автор интересно, на примере собственного опыта рассказывает, как воспитать современного ребёнка православным христианином, даёт конкретные рекомендации, как правильно организовать работу воскресной школы, как обустроить приходскую жизнь православной общины, даёт советы в непростом деле восстановления и реставрации храмов. Есть разделы, в которых автор отвечает на вопросы верующих о духовной жизни.

Книга будет полезна молодым священникам, приходским старостам, церковным педагогам, родителям, а также широкому кругу читателей.

УДК 271.2
ББК 86.372

В оформлении издания использованы работы
Елены Черкасовой.
На переплёте: «Райское веселие», 2012.

ISBN978-5-905472-48-0

© Островский К. Ю., 2016
© Знаменский храм, г. Красногорск, 2016
© Издательство «Христианская библиотека», 2016

ОБ АВТОРЕ И КНИГЕ

Протоиерей Константин Островский родился в Москве в 1951 г. Окончил факультет прикладной математики Московского института электронного машиностроения и четыре года работал по специальности. В 1978 г. стал алтарником в церкви Рождества Иоанна Предтечи на Пресне в Москве, в 1987 г. принял священный сан. В 1992 г. заочно окончил Московскую духовную семинарию.

В настоящее время — настоятель Успенского храма г. Красногорска Московской области, благочинный церквей Красногорского округа Московской епархии, председатель Епархиального отдела по реставрации и строительству, директор Благотворительного фонда Московской епархии по восстановлению порушенных святынь, автор книг «Жития святых для детей», «Православное семейное чтение на каждый день», «Приключения в египетской пустыне», «Умереть нам не удастся», «Жизнь равна вечности», «Вечность — у дверей», «Не угаси курящегося льна», «Святые XX века» и «Жития святых».

Настоящая книга сложилась на основе книги «Не угаси курящегося льна», вышедшей в свет в 2011 г., значительно переработанной и дополненной. Дополнения касаются актуальных проблем церковной и семейной жизни, делаются по материалам накопившихся за последние несколько лет авторских статей, интервью, ответов на вопросы читателей церковных газет и журналов, а также выступлений отца Константина на различных конференциях и чтениях.

Автор приносит искреннюю благодарность Татьяне Саудиловой Зельдман за большую помощь в работе над текстом.

«Ты значил всё в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил».

Борис Пастернак, «Рассвет»

Здравствуй, старость — вечерний рассвет!
После сумрака суетных дней
страшит наступление последней ночи.
Но воссиявает Вечность и солнечной делает ночь.

Раздел первый

КОНТЕКСТ

МЕСТО
ЛОБНОЕ
РЧЙ
БЫСТЬ

НА ПУТИ В ЦЕРКОВЬ*

За 25 лет служения в Московской епархии было опубликовано в разных изданиях несколько моих статей, выступлений, ответов на вопросы. И захотелось их собрать в одну книгу, которая, возможно, окажется интересной и даже в чём-то полезной собратьям священникам, церковным педагогам, родителям и вообще читателям. Для того чтобы ясен был контекст публикуемых материалов, книга начинается с этих небольших автобиографических заметок.

Я — коренной москвич, родился в 1951 г. и вырос в совершенно нерелигиозной семье. Мама и бабушка пришли в Церковь позже меня. В 1967 г. я окончил одну из лучших математических школ Москвы, сейчас называется Лицей «Вторая школа». Конечно, воспоминания о школе остались отрывочные, а из них далеко не все стоят того, чтобы их публиковать. Мне кажется, главным делом и даже подвигом «Второй школы» было то, что она воспитывала в учениках чувство собственного достоинства. Как воспитывала? В полноте не могу описать. Вот только несколько штрихов.

Как-то раз, на уроке химии я невзначай порвал линолеум на столе и был справедливо отправлен учительницей к директору. Ожидался разнос и тяжёлые вопросы, зачем я это сделал (а я это сделал ни зачем), но вместо выговора директор Владимир Фёдорович Овчинников просто сказал мне, чтобы

---

* Эти заметки частично опубликованы в сборнике «Записки о Второй школе, или Групповой портрет во вторшкoльном интерьере», вып. 2, М., 2006 г.

я починил испорченный стол. Это было так потрясающе, что помнится до сих пор.

То ли в 9-ом, то ли в 10-ом классе был недолгий, как мне помнится, период, когда во Второй школе старостам было разрешено самим вписывать замечания в дневники своих товарищей. Когда наш староста Дима Соболев стал делать такие записи, «пострадавшие» возмутились, и многие их поддержали.

По этому поводу Наталья Васильевна Тугова, наш классный руководитель, устроила собрание. Был довольно горячий и откровенный спор; помню, что я выступал на стороне «пострадавших»; Наталья Васильевна, естественно, защищала позицию администрации (впрочем, сейчас я не уверен, что она была с ней действительно согласна). Чем дело кончилось, я плохо помню; наверное, старосты больше дневников не касались. Но важно не это, а то, что Наталья Васильевна нас уважала, поощряла искренность, давала нам высказаться, хотела, чтобы мы имели свою точку зрения и умели её отстаивать.

В десятом (тогда выпускном) классе мы с приятелями часто прогуливали уроки, и дошло до того, что Наталья Васильевна пригласила в школу мою маму. Если бы мама узнала о моих прогулах, она бы очень огорчилась, а я маму жалел (ну и себя тоже) и поэтому попросил Наталью Васильевну не рассказывать маме о прогулах. Она обещала. И сдержала обещание!

Должны ли учителя выполнять такие просьбы учеников? Разумеется, нет. Но Наталье Васильевне важно было, как я сейчас понимаю, уйти от безжизненного противостояния «училка — школяр» и доказать, что она не училка, а учитель. Этим она и школяра (меня) как бы призывала возвыситься от школярства к ученичеству. Странное обещание классного руководителя стало уроком великодушия.

Впрочем, к чести Натальи Васильевны должен добавить, что тот её поступок не был из ряда вон выходящим. Мы все знали, что она великодушна, и просьба моя казалась вполне естественной. Было даже забавно (ведь не только мама, но и я избежал неприятности), а вот сейчас я пишу эти заметки и мысленно низко кланяюсь Наталье Васильевне.

Ребята во «Второй школе» были из самых разных социальных слоёв. В нашем классе учились и сын члена-корреспондента Академии педагогических наук Вадик Петровский, и сын председателя Федерации футбола СССР Саша Ряшенцев, и сын доцента мехмата Коля Зверев. Но были дети, в том числе и я, выросшие в простых семьях. Однако социальные различия нисколько не мешали нам дружить, мы их осознавали, но не придавали им значения. Ни «рафинированная интеллигенция» (запомнившееся выражение Натальи Васильевны) не задирала нос, ни «пролетарии» не завидовали.

Именно во время учёбы во «Второй школе» со мной произошло очень важное для меня лично событие. В школе, где я учился до 8-го класса, меня несколько лет обижали хулиганы, не избивали, но часто унижали. А я, хотя был физически крепким и по натуре отнюдь не робким, привык перед ними сникать. Во «Второй школе» систематического хулиганства, сколько я помню, не было, но окрестные подростки иногда к нам приставали. Привычка малодушествовать была у меня наготове.

Но, однажды, помню, сижу я на уроке и смотрю в окно, а там к какому-то второшкольнику пристают два хулигана. Он одного толкнул, другого толкнул да и пошёл себе. И вдруг меня осенила мысль: «Лучше пусть ударят в лицо, чем плюнут». В душе произошёл переворот. «Лучше пусть ударят в лицо, чем плюнут» — я принял как девиз. Конечно, формула

не очень точная и не вполне христианская, но какая-то правда в ней есть, ведь, хотя гордость — грех, малодушие — тоже грех.

Что такое чувство собственного достоинства? По-христиански, это чувство своей причастности Богу. Я — сын Божий по благодати, и это накладывает на меня высокие требования. Насколько я мог заметить, среди моих школьных товарищей не было православных христиан. Среди учителей, как я потом узнал, были, но нам они об этом тогда не говорили. Но чувство собственного достоинства, чувство того, что есть нечто высшее, чем сиюминутные интересы, что есть какая-то правда, которой мы причастны и которой не должно изменять, это чувство «Вторая школа» в нас воспитывала.

После школы я сразу поступил в 1-й Московский медицинский институт*. Сначала собирался в физкультурный, потому что в то время довольно успешно (на юношеском уровне) занимался греко-римской (тогда «классической») борьбой. Но физкультурный мне и родственникам показался каким-то несолидным, так что решил поступать в близкий по профилю медицинский.

Полгода проучился, сдал 1-ю сессию и заскучал. Заскучал по математике, по родному классу, по ребятам. Совершенно не воспринимал медицинские науки, как науки, хотя учился неплохо. Уже прошли паразитологию, эмбриологию, часть анатомии, другие важные предметы, а я всё думал: когда же начнётся наука?

Однажды, на лекции по гистологии, уже во 2-м семестре, мы с приятелями так шумно болтали, что преподаватель после занятий нас задержал и стал

* В настоящее время называется «Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова».

отчитывать, что, мол, столько хороших молодых людей не смогли поступить в медицинский институт, а вы тут время убиваете. И я с ним искренне в душе согласился: решил уйти из вожделенного для столь многих Первого Меда и возвращаться к математике.

Неразумно, конечно. И поступать в медицинский нужно было ради того, чтобы стать врачом, а не вместо физкультурного. И уходить из такого хорошего института не стоило. Мама и бабушка были потрясены. Решили, однако, спросить совета у Леонида Михайловича Волова, который преподавал во «Второй школе» математику.

Леонида Михайловича в нашем классе очень уважали, любили, трепетали перед ним. Учил он интересно, основательно; был остроумен, добродушен и строг одновременно. Я в 10-м классе много уроков прогуливал, но когда пару раз прогулял уроки Леонида Михайловича, он мне что-то такое (конкретно не помню) и как-то так сказал (кстати, не грозил), что я больше не пропустил ни одного его урока.

Ещё был с Леонидом Михайловичем такой замечательный случай. Один из ребят нашего класса получил за контрольную пятёрку, но потом сам нашёл в своём решении одной из задач ошибку и сказал о ней Леониду Михайловичу. Тот исправил пятёрку на четвёрку. И, я думаю, правильно. Мальчик ради правды пожертвовал удовольствием от получения отличной оценки. Хорошо ли было бы отвергать его жертву, оставив незаслуженную пятёрку?

Вот мы с мамой и бабушкой и решили, что я поеду к Леониду Михайловичу Волову и спрошу его, стоит ли мне уходить из медицинского института и поступать на мехмат. Приехал я в родную школу и задал Леониду Михайловичу свой вопрос. Он сказал, что творческим математиком я вряд ли смогу стать,

но преподавать смогу. Решение было принято. В деканате лечебного факультета мне даже документы отдавать не хотели, настаивали, чтобы мама приехала. Мне ведь было тогда только 16 лет.

Но и сейчас, уже далеко не мальчиком, я считаю, что, по большому счёту, поступил тогда правильно. Это был поиск своего жизненного пути. В конце концов, я не стал ни медиком, ни математиком, ни учителем, но был искренний поиск, и он привёл меня именно к моей дороге. А ради этого стоит рисковать и даже многое терять.

Итак, я потерял возможность получить полезное для жизни медицинское образование и после нескольких месяцев упорной подготовки не добрал двух баллов на мехмате МГУ. Оставалось поступать в МИЭМ*.

Несколько моих одноклассников поступили в него в 1967 г. сразу после школы, а я, «потеряв год», поступал вместе со второшкольниками следующего выпуска. И с нами произошла весьма поучительная история, для многих неприятная. Некоторые из студентов МИЭМа, поступивших в 1967 году, получили за сочинение двойки, но на апелляции добрые проверяющие всем исправили двойки на тройки. Слух о такой радости дошёл, конечно, до многих второшкольников, поступавших в МИЭМ на следующий год, и мы, успешно сдав 3 профилирующих экзамена, отнеслись к сочинению весьма легкомысленно.

И тут «грянул гром». Я, по счастью, получил тройку и с тремя пятёрками по основным предметам поступил в институт, а несколько ребят выпуска

* Московский институт электронного машиностроения. Позднее был переименован в Московский институт электроники и математики, с 2012 г. действует в составе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

1968 года, получивших за математику с физикой по 14–15 баллов, «схлопотали» по русскому языку двойки. Но на апелляции им не сделали уступок. Надеясь на лучшее, готовясь к худшему — урок остался на всю жизнь.

МИЭМ я окончил и четыре года проработал по специальности. Специальность нравилась, но работа не увлекала. Душа искала смысла жизни. Описывать все её толкания в разные смысловые двери, мне кажется, не стоит, потому что на самом деле я туда-сюда метался, а Бог меня даже не вёл, а нёс на руках, как это в действительности бывает и со всяким человеком на пути в Церковь. Впрочем, кое-что о моих духовных поисках расскажу, потому что там бывали и поучительные моменты.

Начинал я, как и большинство моих советских сверстников с полного атеизма и крайнего материалистического детерминизма: всё в мире сводится к физике, и будущее абсолютно определяется прошлым. Убеждение это было стихийным, почти неосмысленным. Конечно, в действительной жизни так тупо не получалось, было и нравственное чувство, и размышления о добре и зле.

Но, поскольку веры в Бога не было, нравственность замыкалась на человеческих отношениях. Например, женщина тайком съела фрикадельку из соседской кастрюли. Фрикаделек было много, значит, заметного материального ущерба соседке она не причинила, и соседка, ничего не узнав, не расстроилась, поэтому совесть может быть спокойна. А вот если соседка заметит, как эта женщина вытаскивает фрикадельку, то соседка будет справедливо возмущена, тогда похитительница фрикадельки окажется виноватой. Блуд, при таком подходе, не был чем-то плохим сам по себе, но если из-за него

портились хорошие отношения или страдали люди, то он становился злом. Довольно последовательное рассуждение.

Были размышления о смысле жизни. Но без веры в Бога или хотя бы во что-то большее, чем «материя, данная нам в ощущениях», смысл не обретался. Впрочем, всё это не очень беспокоило, ущербности своего мировоззрения я не чувствовал. До одного момента, самого по себе незначительного и развития не получившего.

Вскоре по окончании института я познакомился с компанией художников-кинетистов из группы «Движение» (Лев Нусберг, Наталья Прокуратова и другие). Их главной идеей было создание «искусственных бион-кинетических сред», как они их называли, которые, глубоко и активно контактируя с людьми, постепенно создали бы сверхчеловека или, скорее, сами превратились в сверхчеловека. Мне эти идеи очень не нравились, и я горячо спорил с кинетистами, в результате чего они вскоре потеряли ко мне всякий интерес. И справедливо, потому что, хотя спорил я горячо, но своей определённой позиции, на самом деле, не имел.

Слава Богу, что я тоже это понял. Меня вдруг осенило, что я имею только отрывочные гуманистические взгляды, но не имею сколько-нибудь связного мировоззрения. Тогда же я поделился этим открытием с двоюродной сестрой, и она дала мне почитать книгу Альберта Швейцера «Культура и этика».

Первые слова этой книги потрясли меня и запомнились на всю жизнь: «Мы живём в условиях, характеризующихся упадком культуры. И не война создала эту ситуацию — она сама есть лишь её проявление». Казалось бы, что тут такого? Но для молодого советского человека, впитавшего исторический оптимизм едва ли не буквально с молоком советской

же матери, осознание справедливости этих слов (хотя Швейцер и написал их в тридцатых годах XX века) было огромным скачком в развитии. После Швейцера читал всё, что попадалось по философии (Гегель, Фихте, Платон, Толстой последнего периода жизни; многих авторов не помню, да мало что и понял), читал бессистемно (посоветоваться было не с кем), увлёкся этикой, стал философствующим моралистом, чем весьма удручал друзей.

Но у моего тогдашнего морализма был важный положительный оттенок: понятия о добре и зле я рассматривал не в том смысле, что вот, мол, я хороший — подражайте мне, а как регуляторы поведения человека в соответствии со смыслом его жизни. Параллельно с этими философскими размышлениями шли размышления над возможностью создания искусственного интеллекта. Мне стало ясно, что, сколь совершенным ни будь компьютер, любовь и добро не могут быть удовлетворительно формализованы. И постепенно я незаметно для себя пришёл к вере в Бога. Ни к какой ложной религии я не прибился, но и до веры во Христа ещё было далеко.

Пока я увлекался морализмом, друзья увлеклись мистицизмом. Обычный тогдашний комплекс: йога, карате, суфизм, Кастанеда, Гурджиев и прочее. Какое-то время я упорно держался за свой морализм, но и то, что говорили друзья, было интересно. Я читал некоторые книги, которые они мне давали, в глубине души завидовал друзьям, сам себе в этом не сознаваясь.

Наконец, как-то осенью 1977 года стираю я ночью пелёнки старшего сына Илюши (ныне епископ Константин) и одновременно читаю книгу оккультиста Успенского «В поисках чудесного». И вдруг приходит мне в голову мысль: «Вот люди ходят по морю, аки по суху, а я всё кисну со своими Толстым

и Швейцером». Интересно, что так и подумал «по морю, аки по суху» — на церковнославянском языке.

С морализмом было покончено, нужно было выходить на духовный путь. «Духовных путей» было много, православие в нашей компании считалось одним из них. Говорили, между прочим, что «Христос рассеял свой астрал в атмосфере, и, кто крестится, тем Он помогает в духовной жизни». Сейчас понятно, что это бред, но тогда этот бред расположил меня к христианству!

И тут создалась опасная ситуация. С одной стороны, мне открылись две очень важные вещи: во-первых, моя полная духовная несостоятельность и, во-вторых, что идти духовным путём без руководителя невозможно. Но, с другой стороны, пребывая вне Церкви и потому не имея истинного ориентира, я был готов поступить в духовные ученики едва ли ни к кому угодно! Господь помиловал меня, сохранил от великих заблуждений и вывел на истинный путь.

Как раз в то время двое моих друзей, Серёжа Жигалкин* и Коля Новиков**, крестились в Православной Церкви (не знаю, что они при этом имели в виду), а я их тогда очень почитал и тоже надумал креститься. Однако решил посоветоваться с неким Владимиром Степановым, который в нашей компании считался высокодуховной личностью. Он переводил «Сказки дервишей» Идрис Шаха, я считал его суфийским шейхом. На мой вопрос о крещении Степанов укорил меня, что я просто подражаю друзьям,

* С. А. Жигалкин в настоящее время — философ, писатель, автор книги «Метафизика вечного возвращения», статей, рассказов, эссе. Переводчик с английского и немецкого языков, в том числе книги М. Хайдеггера «Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении. Вечное возвращение равного. Лекции 1923–1944 годов».

** Н. М. Новиков через много лет стал церковным человеком и автором получившей заслуженную известность книжной серии «Путь умного делания».

а мне нужно искать свой путь. Может быть, мой путь — карате или йога... После этого я твёрдо решил креститься.

Для моего крещения было ещё важное препятствие: некоторые места в Евангелии и вообще в учении Церкви были мне непонятны или даже вызывали неприятие. Среди знакомых нашёлся некий Коля Широков, который считался (а, может быть, и был) настоящим православным христианином. Я задал ему все мои вопросы, он на них что-то (не помню что) ответил, и вопросов больше не было.

Наконец, как было креститься практически? Опять же, среди знакомых оказался алтарник храма Рождества Иоанна Предтечи на Пресне Валера Мишин*. Во время какой-то встречи у Коли Новикова я сказал Валере о своём намерении креститься, мы с ним долго проговорили (помню — на кухне), таким образом, катехизация завершилась, и на следующий же день, 27 июня 1978 г. я был крещён в храме преподобного Пимена Великого (возле метро «Новослободская»). Валерий стал моим крёстным.

В один из ближайших дней я, по совету крёстного, исповедовался в том же храме и причастился Святых Христовых Таин. Исповедь проводилась интересным способом: народ стоял рядами, батюшка проходил по рядам, накрывал по очереди головы людей епитрахилью, а идущий следом диакон давал целовать Евангелие и крест.

Крещение моё совершилось, но оккультная муть не исчезла, и опасные поиски «духовных путей» продолжались. Сразу после крещения я отправился с друзьями отдохнуть в палатках на берегу Чёрного моря, среди нас был некий Вася. Он имел весьма духовный вид (сейчас бы я сказал «нахрап»), я его

* В настоящее время — протоиерей Валерий Мишин, клирик храма Рождества Иоанна Предтечи на Пресне в Москве.

очень заужал и стал проситься к нему в ученики. Но условия Васины — слава Богу — принять отказался. Он сказал, что для этого нужно присягнуть сатане; я ответил: «Не знаю, о чём ты говоришь». А ещё я, купаясь в море, потерял крестильный крестик. Вася предложил, чтобы он сам вырезал мне новый, но я «не духовно» ответил, что куплю себе в церкви. Но в ученики к Васе я продолжал набиваться. Наконец, Вася прямо сказал, что я не буду его учеником, а буду священником. Я тогда ещё и церковным-то человеком не был.

Но вскоре стал. По возвращении моём в Москву в Республиканском информационно-вычислительном центре Минздрава РСФСР (РИВЦ), где я работал в лаборатории математического прогнозирования, уплотнился график работы. Мне это было не по душе, и я почему-то (!) решил, что в церкви будет больше свободного времени. Сначала попробовал устроиться певчим (хотя ни слуха, ни хоть какого-то музыкального образования не имел). Из храма преподобного Пимена Великого меня просто «послали», а в левом хоре Елоховского собора я даже один раз спел (случайный знакомый привёл), но оттуда тоже, разумеется, выставили. И сторожем нигде не взяли.

Зато вдруг открылось место алтарника на Пресне, и Валерий предложил мне стать его напарником. Я почему-то (по особому Промыслу Божьему) согласился. Дело было совершенно незнакомое, церковная среда для меня — тёмный лес, зарплату обещали 73 руб. в месяц — вдвое меньше того, что я тогда получал в качестве старшего инженера в РИВЦе. Были ещё неработающая жена и годовалый ребёнок, и было «накоплено» 150 руб. Кто был большим авантюристом: я или будущая матушка?!

Алтарное служение мне не то чтобы понравилось, я в него просто сразу врос, почувствовал, что

это моё. Первый раз я вошёл в алтарь в воскресенье, накануне Успения. Как раз отец Георгий Бреев потреблял Святые Тайны после ранней Литургии, и я подумал: «Надо же, из каких сосудов священники завтракают». Однако вечером я уже был в стихаре, а через два дня, во время чина погребения Богоматери, помнится, уже что-то указывал Боре Даниленко.

Боря Даниленко был тогда на Пресне внештатным алтарником, учился в каком-то радио-техническом вузе, потом бросил его, стал секретарём у митрополита Минского Филарета, в то время председателя Отдела внешних церковных сношений. Из секретарей Борю забрали в армию, служил в стройбате, сослуживцы относились к нему очень хорошо, начальство отпускало по воскресеньям на службу в церковь. После армии Боря окончил семинарию и позже стал директором Синодальной библиотеки протоиереем Борисом Даниленко.

В первые же дни моего алтарничества произошло важное искушение. Я ведь не сразу уволился с работы в РИВЦе, и мне в храме стали советовать работать в церкви без оформления, официально числиться где-нибудь в миру, а то мало ли что. Звучало разумно, я задумался, но — слава Богу — решил спросить у отца Георгия Бреева. Он посоветовал поскорее увольняться, и так я связал свою жизнь со служением Церкви. Псевдо-эзотерический мусор довольно быстро развеялся с помощью Бори Даниленко, алтарника-напарника Валерия Мишина и, конечно, отца Георгия.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЦЕРКВИ

Мы с будущей матушкой Александрой (по паспорту она осталась Риммой, но в Церкви заменила мужское «Римма» на женское «Александра») крестились почти одновременно в 1978 г., а через пару месяцев я уже стал алтарником в церкви Рождества Иоанна Предтечи на Пресне в Москве. Настоятелем там был известный, ныне покойный, протоиерей Николай Ситников. Постепенно мы оба с женой воцерковились.

Нашим духовным отцом стал протоиерей Георгий Бреев, впоследствии — духовник епархии г. Москвы и настоятель двух Московских храмов, а тогда — просто 3-й священник в церкви на Пресне. Мы его старались во всём слушаться, это была главная церковная наука. Конечно, много читали святых отцов, потому что, хотя духовной литературы тогда почти совсем не издавалось, но в перепечатках и ксерокопиях можно было много чего найти.

Писать об отношениях с духовным отцом сложно, во-первых, потому что, по слову преподобного

Иоанна Лествичника, может возникнуть вопрос: «Как же доброе дерево принесло бесплодную ветвь?» А во-вторых, опасно писать о духовной жизни людей до их кончины. Но думаю, что кому-то может принести пользу краткое изложение тех оснований, на которых строились мои отношения с отцом Георгием. К сожалению, я от этих принципов многократно отступал, о чём мне всегда приходилось жалеть. А теперь уже жалеть поздно, остаётся смиряться.

Основанием для доверия и послушания отцу Георгию у меня было не мнение о его святости и прозорливости (кто я такой, чтобы оценивать отца?), а надежда, что милосердый Господь, давший мне — только что ступившему на духовный путь — руководителя, не даст нам с руководителем заблудиться.

Я старался быть искренним с духовным отцом. По обстоятельствам было невозможно, да и не нужно, посвящать его во все подробности моей суетной жизни. Но если мне случалось что-то плохое сделать, или подумать, или пожелать, и я сомневался, сказать ли об этом духовному отцу или нет, то я говорил обязательно. Невозможно все открыть, но ничего нельзя скрывать.

Особенно важно не таить своих помыслов против самого духовного отца и слов или дел, которыми вольно или невольно пришлось причинить ему вред. Это со мной бывало. Конечно, исповедовать такие вещи было особенно неприятно, но иначе невозможно было бы сохранить искренность в отношениях с отцом.

В духовной жизни всё важно. Идеальным было бы спрашивать благословение буквально на каждый шаг, как это бывало у великих подвижников, о которых мы читаем в отечниках. Очевидно, что для меня, немощного человека и не монаха, такие отношения с духовным отцом были невозможны. Но правила

я держался такого: о чём спрашивать и о чём не спрашивать — определяет духовный отец, а не чадо.

И ещё выработалось правило: не хвалить своего духовного отца и не ругать, не хвалиться им и не стыдиться его.

Хотя поговорить я всегда любил, но в присутствии отца я старался говорить поменьше.

И что бы мне порой ни внушали помыслы, я старался держаться мысли, что духовный отец меня всегда и всякого любит, никогда на меня не обижается, никогда не пренебрегает мной; что он любит меня не меньше, чем родного сына, но и не больше, чем кого-нибудь другого; если ругает меня или утешает, то только для моей пользы.

Можно было бы рассказать несколько примечательных случаев из опыта моего общения с отцом Георгием, но, я думаю, сейчас не время. Впрочем, один случай расскажу. Однажды спрашивает меня отец Георгий: «Как дела?» Ну, я ему этак смиренно отвечаю: «Всё падаю, батюшка». А он мне говорит: «Куда же дальше падать-то?»

С самого своего воцерковления я очень захотел стать священником, и года через три духовный отец это желание одобрил. Но при коммунизме большое значение имело мнение уполномоченного Совета по делам религий, а его мнение отнюдь не совпадало с моим желанием. Поэтому я пробыл алтарником на Пресне почти 9 лет, прежде чем меня рукоположил архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом (позднее митрополит Виленский и Литовский, сейчас на покое). Он единственный, насколько я знаю, из архиереев того времени, который сначала рукополагал, а потом отправлял документы уполномоченному.

Владыка Хризостом, которого я, конечно, всегда чту как благодетеля, посвятил меня в священника

в Знаменском кафедральном соборе г. Иркутска; тамошний уполномоченный, как я понимаю, махнул на меня рукой, и я стал штатным клириком Хабаровского Христорождественского собора (Хабаровский край тогда входил в Иркутскую епархию). Настоятелем и благочинным там был священник Валерий Васильев, который потом стал архиепископом Корсунским Иннокентием (ныне архиепископ Виленский и Литовский). Он меня знал очень мало, но по просьбе отца Георгия Бреева взял на себя ответственность рекомендовать меня владыке Хризостому. Это был смелый поступок.

В то время я поступил на заочный сектор в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1992 г.

Послужил два года на Дальнем Востоке и, в конце концов, вернулся в Москву, был принят в Московскую епархию и стал настоятелем Успенского храма г. Красногорска.

ІЙСЪ РЕЧЕ ІНЪ: ѠСТАВ
ТЕ АБЪ ТЕІ ПРИХОДИТИ
ННЪ І НЕ БРАНИТЕ ІНЪ,
ТАЦЪ ХЪ БО ЁСТЬ ЦРЪТВИЕ
БЖІЕ

а ни ни
глю в
нъ: иже
ѡще не
пріише
не ина
ихъ, во
нихъ,

тъ црѣви
тъ вни
зл
блѣваше

Раздел второй

С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ

ѡжъ руцѣи
ихъ.

НКІ, АІ-СИ.

ЧЕТЫРЕ МАЛЬЧИКА

Мы с матушкой воцерковились, когда старшему был год, и сознавали: Бог нам вручил детей для воспитания именно как церковных людей. К сожалению, мы часто проявляли чрезмерную настойчивость, перегибали палку. К счастью, помогал наш духовный отец, который эти ошибки обнаруживал, и мы их старались исправлять.

Я, например, считал, что не нужно обращаться к врачам, а надо только полагаться на волю Божию. Не сразу пришло в голову, что воля Божия может состоять именно в обращении к врачу. Бывает, конечно, людям приходится пережить смерть ребёнка, понести такой крест. Но ведь не всегда Бог посылает нам самые тяжкие кресты. Когда нет средств для лечения, тогда человек стоит один на один с Богом и только молится. А когда есть способы лечения, то, если ими не воспользоваться, можно стать убийцей собственного ребёнка. Слава Богу, у меня никто не умер.

Помню, как я боролся со сребролюбием детей. У меня был кораблик, который мне в детстве

подарили. Из твёрдой пластмассы, с моторчиком, с медными деталями. Я его все эти годы хранил, не выбрасывал. Дал двух- или трёхлетнему сыну — и он в него так вцепился! А надо спать ложиться. Он — капризничать. Я возмутился — и на глазах Илюши разбил этот кораблик. До сих пор жалею и кораблик, и младенца.

Пока дети были маленькими, мы Новый год не встречали. Не из принципиальных соображений, но не ехать же в гости на ночь с младенцами, и у себя принимать гостей было бы тяжело. А самим как-то глупо сидеть до двенадцати часов, чтобы потом наесться и лечь спать. Кроме того, на Новый год я старался причаститься.

Мы старались не создавать детям лишних неприятностей в школе, с учителями не конфликтовали. Сыновья мои веру не скрывали и не афишировали. Все знали, что они дети священника, но мальчики были боевые, могли за себя и друг за друга постоять, поэтому их никто не обижал.

Я вообще думаю, что в наше время проблемы на религиозной почве у верующих детей в школе бывают или по особому Божию благословению, чтобы ребёнок защитил веру, или когда есть конфликт по другой причине и заодно начинают дразнить за веру.

Конечно, не всё было гладко. Чем старше ребята становились, тем труднее было удерживать их в желаемых нами пределах нравственности. Потом стало и невозможно удерживать. Но, к моему, надо сказать, удивлению и утешению, отношения с детьми не испортились и до сих пор остались хорошими.

Почему даже в благополучных церковных семьях сплошь и рядом бывают трудности с нравственностью и религиозностью детей? Потому что, пока ребёнок маленький, он естественно подражает родителям: папа — в церковь, и ребёнок — в церковь;

папа молится — и он молится; папа причащается — и ребёнок причащается. Но это — детская религиозность. А человек должен сам обрести веру. Тут без проблем порой не обходится.

Бывают редкие случаи, когда подросток в 12–13 лет — уже христианин. А у остальных это происходит (если вообще происходит) позже — и за 20, и за 30 лет. Конечно, родителям это тяжело. Они хотят, чтобы всё было благообразно. Но пока человек ищет свой путь, благообразно, как правило, не получается.

ЧУДО ВОСПИТАНИЯ

В 2000 г. Московский храм Трёх Святителей на Кулишках выпустил сборник «Подвиг семейного воспитания», в который вошла запись беседы, которую я провёл в действовавшей при храме «Школе православной семьи». Помещаю здесь текст этого выступления вместе с предисловием Е. Рогачевской и ответами на заданные в ходе беседы вопросы, как это и было в сборнике.

Беседа о. Константина даёт нам возможность поразмышлять над одной из самых острых проблем современной семьи: о роли отца в воспитании. Личность отца очень мощно влияет на становление детей, особенно мальчиков. Рассказ отца Константина представляет собой чрезвычайно интересное дополнение к статье о. Владислава Свешникова «Начало духовного воспитания», показывая, что на практике может сделать отец, по-настоящему воспитывающий детей.

Отец Константин во главу угла ставит послушание. На первый взгляд может показаться, что это некий деспотизм. Дети, которые не произносят «я не хочу» и «я не буду», являются сейчас редкостью.

Послушание — вещь, не знакомая не только детям, но и взрослым. В чем же здесь дело? Известно, что там, где родители говорят о послушании, но сами не слушают ни духовника, ни Церкви, ни Бога, дети не будут расти послушными. Рассказ отца Константина, достаточно лаконичный и скупой на детали, тем не менее, раскрывает механизм формирования уклада церковной семьи, где отец — настоящий ее глава, потому что ему глава — Христос. Такой отец подчиняет своей воле детей, но сам подчиняется воле Божией. Проявляя настойчивое, ответственное участие в воспитании, прикладывая к этому руку, отец в то же время знает: «только Бог может всё возместить, всё исправить». Мы читаем здесь замечательный образец отцовской молитвы: «Господи, покрой мою немощь, Сам воспитай моих детей». Воспитание, в конечном счёте, — приведение ко спасению, а это, по словам отца Константина, всегда «чудо Божие».

Я хотел бы рассказать о некоторых моментах в воспитании, на которые я сам обратил внимание и которые, как мне кажется, имеют значение для многих. Я могу предложить их скорее для обсуждения, чем как некие рецепты, тем более, что мои мнения не всегда совпадают с мнениями весьма мною уважаемых и заслуженно популярных в церковной среде батюшек.

Опыт мой, несомненно, ограничен (я говорю сейчас в основном о семье). Во-первых, у меня есть только опыт воспитания мальчиков, потому что я отец четырёх сыновей, а девочек я видел только издали, в воскресной школе. Ещё мой опыт ограничен тем, что мы пришли с женой в Церковь практически одновременно, когда старшему сыну был только год, то есть дети росли в церковной семье. Мы довольно скоро воцерковились, я даже сразу стал алтарником в храме Рождества

Иоанна Предтечи на Пресне. Через некоторое время я был рукоположен, и здесь начинается иной опыт, чем у мирянина. Затем, у нас до сегодняшнего вечера — что будет вечером, не знаю — было с женой единство по всем основным духовным вопросам. Это тоже некое ограничение опыта, потому что в большинстве семей как раз существуют конфликтные ситуации по важным духовным вопросам. По милости Божией, у меня нет опыта решения таких конфликтов, хотя какие-то семейные проблемы у нас, как у всех, бывают.

В воспитании детей — с самого начала и пока они не выросли — была очень твёрдая установка на послушание. Я по натуре человек авторитарный, и мне было ясно, что дети должны слушаться. Прямого непослушания, чтобы какой-нибудь младенец или отрок небольшого возраста мог сказать: «я не хочу» или «я не буду», честно говоря, совершенно не предполагалось, и не помню, чтобы дети когда-нибудь такое говорили. Они стали лет в пятнадцать-шестнадцать маме такое говорить, но не папе. И я думаю, что это правильная установка. До тех пор пока от ребёнка ещё можно требовать послушания, наш родительский долг — требовать. Когда мать позволяет своему чаду стучать её кулачком по лицу, то поступает очень неразумно, и это никак нельзя считать шуткой, а надо назвать это прямым антивоспитанием, обучением ребёнка плохому.

Всякое послушание ограничено, всё-таки, свободой. Речь идёт о послушании, а не о палочной дисциплине, и поэтому, конечно, возникают трудности, когда ребёнок подчиняется, но злится. Родители от него требуют каких-то вещей очевидно справедливых, а он в ответ никак не смиряется, а просто злится. Тяжёлая проблема, из которой выхода, может быть, никто и не знает. Но Господь как-то помогает жить в таких ситуациях.

Думаю, почти все сталкиваются с такой трудностью (и я сталкивался), что дети, если даже и не восстают против старших, то начинают обманывать. И это противоречие возникает с необходимостью, потому что от ребёнка требуют чего-то, чего он делать не хочет, и большинство детей в какой-то момент догадывается, что можно, оказывается, взять — и обмануть. Дневник не показать, или сказать, что был не там, где был на самом деле, или сказать, что съел кашу, а на самом деле не съел. И возникают неразрешимые противоречия (которые, опять же, как-то с Божьей помощью, разрешаются): не заставлять нельзя, а заставляешь — провоцируешь обман.

Богослужение, посещение церкви входило в жизнь моих детей совершенно естественно. Я был алтарником, и мне казалось нормальным брать их с собой, как-то даже не приходило в голову иначе. У меня было обычно четыре дня служебных и три дня выходных, иногда меньше. И во все выходные дни я всегда водил их в церковь, за редким исключением. Я не могу сказать, что это плохой опыт. Я читал прекрасную книжку отца Владимира Воробьёва (*Протоиерей Владимир Воробьёв. Покаяние, исповедь, духовное руководство. М., Свет Православия, 1997 г.*), где он рассказывает о противоположном опыте. Я с ним, в общем, не спорю и считаю, что и его опыт положительный, тем более, что сам батюшка о Владимир — очень хороший. Но с другой стороны, то плохое, что я вижу в своих детях, никак не может быть связано с тем, что они с раннего детства ходили в церковь. Они и сейчас тоже любят в церковь ходить: старший учится в Московской Духовной Академии, трое — в семинарии*. От частого причащения в младенчестве и клиросного послушания

* В настоящее время один — епископ, двое — священники, один не стал принимать сан.

в отрочестве ни у кого из них аллергии на церковную службу не возникло.

Однако привести в храм детей — ещё полдела: нелепо приводить ребёнка в храм, бросать его там, а самому или молиться где-то в углу, или даже уходить куда-то. Вот это действительно детей разлагает, и видишь: маленький мальчик в два года стоит, как вкопанный, всю службу, не оторвёшь, и в три года стоит, а потом, став постарше, убегает. Когда я с детьми ходил в церковь, то сам с ними стоял обычно всю литургию, а вечером мы очень редко ходили. Я решительно проходил с детьми вперёд, к самому амвону, и там мы всегда стояли. Дети были маленькие, им, конечно, было тяжело, и — то сделаешь поклончик с ними вместе, то свечку дашь поставить, то на батюшку покажешь, что-то пояснишь шёпотом.

В алтарь я их практически не водил, и духовный отец мне не благословлял, пока я сам не стал священником, а они — маленькими, но настоящими алтарниками. Действительно, в алтаре не всегда бывает благочестивая обстановка. Многое зависит от конкретного батюшки, который служит, и вообще от порядков в храме. Кроме того, надо сказать, что наше богослужение рассчитано на то, что человек молится вне алтаря. Так устроено, и я сейчас не буду говорить, плохо это или хорошо; нельзя сказать, что это совсем плохо. Но даже когда и очень благочестивый священник служит, всё-таки ребёнку, если он не алтарничает, обычно лучше стоять поближе к амвону, где всё видно и слышно, то есть не скучно. Надо учитывать детскую немощь. На вечернюю службу мои дети обычно не ходили, потому что вечером им трудно стоять, скучновато, мало впечатлений.

Меня спрашивают о половом воспитании детей. Я не хочу сказать, что мои дети выросли какими-то особо выдающимися в смысле целомудрия,

но мне кажется, общая установка у нас была правильной, и думаю, что то плохое, что в них есть в этом отношении, не от этой установки.

О том, как рождаются дети, мы всегда говорили со своими сыновьями просто, откровенно. Но откровенность здесь вовсе не предполагает то, что сейчас предполагает сексуальное воспитание. Мы не показывали какие-то картинки и вообще не занимались с ними медициной, потому что не в этом состоит откровенность. Мы не рассказывали им ни про капусту, ни про аистов, ни про тычинки и пестики в цветах. Они, естественно, как и все дети, в довольно раннем возрасте задавали какие-то вопросы, и говорилось о главном, говорилось о том, что именно Бог посылает человека в мир, что всё совершается по воле Божьей, и сразу им разъяснялось, что всё, что они могут услышать во дворе, это глупости и неправда, и эти ребята просто знать ничего толком не могут. Неужели какой-то сопляк может знать, откуда берутся дети, понятно, что мама и папа лучше в этом разбираются, чем мальчишки во дворе. Конечно, до конца это их не могло удовлетворять, но, на самом деле, заманчивость вопроса определяется нашей греховностью, а вовсе не устройством Божьего мира и устройством человеческого тела. Потом, поскольку мама бывала беременной на глазах у всех, кроме младшего, то и понятно было, что дети появляются из маминого живота, и очевидно, что есть какое-то отверстие, через которое ребёнок выходит. Был один такой вопрос, что за отверстие, но мы разъяснили, что бесполезно всё это детям знать и смотреть. Поэтому эти вопросы прошли без всяких трудностей. Разумеется, трудности возникают сами собой, они не могут не возникнуть, потому что дети начинают ходить в школу. Понятно, что школа — это училище всякого неблагочестия, и, конечно, все здесь сидящие, у кого

есть дети-школьники, с этим столкнулись. Здесь нет упрёка учителям, вреден детский коллектив как таковой, но об этом сейчас говорить не будем.

Домашняя молитва проходила у нас так: пражило мы читали обычно вместе с супругой, а дети — по мере возрастания понемножку подключались. Был, кстати, интересный момент: когда двухлетний Илюша, старший, говорить ещё почти не умел, то он становился перед иконками и что-то лопотал. Ну, я, «умудрённый» святоотеческой литературой и неправильно понявший многие вещи, стал его останавливать, дескать, он бессмысленно говорит. Потом, когда об этом услышал мой духовный отец, то я от него заслуженно получил, потому что не надо вмешиваться в детскую молитву. И когда церковный ребёнок сам обращается к Богу, это никогда не бывает кощунством. И дети постепенно втягивались в молитвенное правило. Конечно, маленький ребёнок не может выстаивать все вечерние и утренние молитвы: где-то немножко с нами помолится, а потом может тихонько поиграть. Позже мы начали давать им читать некоторые молитвы. Хотя читать мы тоже любили, но детям уступали. Потом читали уже только дети.

Что касается чтения художественной литературы, то у меня была большая ошибка от неофитского энтузиазма: я правильно понял, что баба-яга — это ведьма, и поэтому решил, что нельзя детям читать сказки про бабу-ягу, и вообще — всё грех один. Положительным в этом было только одно: увидав, что нет церковной литературы для детей (это было в 80-е годы), я взялся сам перекладывать жития, и сейчас эти жития для детей даже изданы*.

* *Священник Константин Островский. Жития святых, изложенные в сокращении для детей по святителю Димитрию Ростовскому. — М., Орбита, 1991.*

Протоиерей Константин Островский. Жития святых. — Красногорск, Успенский храм, 2014.

Но в остальном, конечно, это было неправильно, и, опять же, духовный отец весьма меня не одобрил, потому что если, конечно, ребёнок, подобно Сергию Радонежскому или Серафиму Саровскому, с младенчества призван Богом, посвящён Богу, откликнулся на призвание Божие, то, действительно, ему ничего светского и не нужно, и Бог Сам знает, как сохранить такого избранника. Но подавляющее большинство детей, абсолютно лишённых светской пищи, будет чувствовать себя ущербными и может кинуться на совсем плохую пищу, поэтому лучше всё-таки какую-то здоровую, добрую, естественную душевную пищу им давать, в том числе и сказки.

Мы довольно много читали с детьми Священное Писание. Было такое благословение отца Георгия: мы читали с ними каждый день детские жития святых на соответствующий день (из моей будущей книжки, а тогда она была просто в рукописи), главу из Ветхого Завета, главу из Апостола, главу из Евангелия. Понятно, что и дети, и мы сами иногда впадали в дремоту по немощи духовной, но я думаю, что чтение было полезно. Кстати сказать, Библию читали подряд всю, не пропуская, решили хотя бы разок целиком её прочитать. Детям очень нравились книга Исход, книга Левит, хотя там, вроде бы, ничего не поймёшь: перечисляются жертвы, обряды (но не случайно это всё-таки Священное Писание, есть там какое-то для ума почти непонятное, но воспринимаемое сердцем содержание), и с удовольствием слушали. Я думаю, что чтение Священного Писания (не Детской Библии!) очень способствовало и духовному воспитанию детей, и приобщению их к культуре. Они с удовольствием читали классическую литературу, в раннем отрочестве старший мальчик читал Гомера. После Священного Писания Илиада и Одиссея воспринимались как лёгкое

чтение. Потом это всё сошло на нет, конечно, но опыт поучительный.

Насчёт праздников. Очень хорошо, что у нас было много детей и они были близки по возрасту, поэтому им никогда не было скучно. Когда в семье один ребёнок, то колоссальная проблема — чем его занять. У нас таких вопросов не стояло, но всё-таки проблема праздников была, потому что мы их на школьные праздники не пускали, но тогда праздники должны быть дома, чтобы не получилось так, что все ребята пришли с каникул, побывав на всяких «ёлках», и вообще весело время проводили, а только мои в тоске сидели за шкафом без телевизора.

Телевизора у нас, надо сказать, не было, как-то мы без него обошлись, хотя я не считаю, что в семье никогда не должно быть телевизора, приведу даже пример. В семье одного батюшки тоже не было телевизора, и стали взрослые замечать, что дети из дома исчезают. Дознались, что они у соседей время проводят и там смотрят телевизор. Тогда купили телевизор, стали хотя бы вместе в семье смотреть, но не всё подряд. А у нас без этого обошлось. Они иногда к бабушке вырывались и там смотрели (но всё-таки это не каждый день).

Мы устраивали домашние праздники, старались — с конкурсами, с ёлками, с чаепитиями. Когда они были маленькие совсем (это тоже такой, может быть, и всем интересный опыт), я всегда был на службе, во все праздники, и, соответственно, дети как раз именно в праздники в храме не бывали и не причащались, особенно когда были маленькие. Но когда я приходил со службы, мы устраивали крестный ход из комнаты в комнату, у меня было кадило (я хотя и не был тогда священником, но и миряне тоже могут ладан класть и воскурять). Шли со свечами, с бумажными иконками, с кадилом, с пением церковных

песнопений. Дети были на диете из-за разных болезней, но по два-три печенья им выдавалось, пили чай, скатерть была белая на столе — чувствовался праздник. И я думаю, что это было хорошо. Потом, когда они выросли, стали уже на праздники в храм ходить, тогда отпала нужда в таких домашних празднованиях.

Насчёт телесных наказаний. Я не считаю, что телесные наказания — это что-то плохое само по себе. Так же как в медицине, скажем, есть уколы, или нужно лекарство горькое дать, или какую-то другую процедуру совершить, неприятную для ребёнка, и мать, несмотря на его писк и недовольство, и протесты, всё-таки делает то, что необходимо для его тела. Так же и в отношении наказаний, особенно когда дети маленькие, именно когда маленькие, это бывает почти необходимо, потому что они слова-то ещё не особенно понимают, а через тело доходит.

Я считаю принципиально важным, чтобы наказание не было в злобе, то есть наказывать надо с любовью, с молитвой, можно взять ремень и сказать: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Дело в том, что жестокость — это грех. Что обычно, или очень часто, получается? Мать сидит, занимается своими делами, а ребёнок там шуршит. Он ей мешает заниматься этими своими делами, она ему делает замечание, а он продолжает, не обращая внимания на её слова, шуршать. Мать тон повышает, ребёнок все равно шуршит, он её не слушается. Наконец, когда она дошла уже до истерики, в гневе, со злостью бросается и тогда, может быть, даже не бьёт, а щиплет его. На самом деле, надо было сразу побить, и всё было бы хорошо. Я не замечал, чтобы дети особенно на это обижались. Когда они уже становятся старше, то бить их нелепо, с ними уже можно и нужно разговаривать.

Чтобы Бог пробился

(вопросы, заданные после выступления, и ответы на них)

Вопрос: *Я хотела Вас спросить не о семейном Вашем опыте, а меня очень интересует Ваша церковная музыкальная школа, потому что я не слышала, чтобы где-либо ещё такое существовало. Если можно, скажите два слова о ней.*

Ответ: Наша музыкальная школа размещается в надстройке над храмом, сделанной военной организацией, которой храм принадлежал некоторое время. Дети сейчас занимаются там с четырёх лет и до седьмого класса. Выпускники кроме хора уже ничем в обязательном порядке не занимаются. У нас есть хор, фортепиано, сольфеджио, музыкальная литература. Дети получают музыкальное образование в объёме обычной детской музыкальной школы и, уж как Бог даёт, воцерковляются (тоже, конечно, не без трудностей).

Там преподаётся Закон Божий?

Это отдельная великая тема: нужно ли преподавать Закон Божий? Церковные предметы, конечно, есть. В службе дети участвуют: поют за литургией (с разной частотой: некоторые хоры раз в месяц, некоторые хоры раз в два месяца), причащаются регулярно.

Закон Божий, как некоторое систематическое вложение знаний, у нас пока не удался. Но я заметил, что обычному развитому ребёнку нужно максимум две-три недели, чтобы «Закон Божий» Слободского вы зубрить и сдать. То есть, сами знания получить

очень просто, и если человеку они будут нужны, он их получит. Что касается такого безлюбивого познания, то я этот пример приводил на Рождественских чтениях: скажем, если кто-то хочет меня узнать или о моей жизни что-то узнать, то для меня весьма безразлично, любит ли меня этот человек или не любит. Потому что если человек меня любит, и ему это знание нужно для чего-то хорошего, если любовь его побуждает что-то обо мне узнавать, то я имею основания как-то ему открываться и давать узнавать нечто обо мне или меня. А если человек меня не любит, или, скажем, равнодушен ко мне, а просто ему любопытно: батюшка, а какой у Вас рост, а какой размер ботинок или какой у Вас цвет носков? — а почему, собственно, я должен ему открываться? Тут, кроме естественной человеческой осторожности, есть и некое целомудрие, и оно меня будет побуждать скрываться, скрывать себя от таких людей и не одобрять их попыток что-то обо мне узнавать.

Я думаю, что Бог не радуется, когда люди холодным сердцем хотят о Нём узнать. Поэтому вообще не очевидно, что предмет «Закон Божий», как его обычно понимают, нужен. На конференции в Свято-Тихоновском институте выступала Ольга Янушкявичене из Вильнюса (там Закон Божий введён как обязательный предмет), так там православные педагоги счастливы, что они имеют право его не вести. У них есть альтернатива, они могут вместо Закона Божия вести этику. Православные педагоги стараются вести этику, потому что тогда они как раз имеют возможность нормально общаться с детьми, и что-то им сказать о Боге, и как-то их просвещать. И я был приятно удивлён, что отец Евгений* Шестун, автор толстого учебника по православной педагогике, высказал мысль, что Закон Божий в школах вообще не нужен.

* Ныне — игумен Георгий.

Поэтому, с одной стороны, мы стараемся, конечно, по возможности, привлечь педагогов, Закон Божий стараемся ввести, но не особенно горим в этом отношении. Тем более, что довольно много ребят кончили нашу школу, с нашим хлипким Законом Божиим, поступили и в Свято-Тихоновский институт, и в семинарию, и в Православный Университет. Ничего страшного, не мы их научили, сами открыли книжки и прочитали, и всё.

А почему школа тогда церковная? Потому что при храме?

Школа церковная — во всех отношениях. Она не только существует при храме, она — часть нашей общины, поэтому и церковная. Кроме того, восемьдесят процентов её репертуара — церковные песнопения.

А Вы не боялись своих детей перегрузить молитвами? Ведь некоторые священники так говорят: «Потихонечку, потихонечку. Акафисты — не надо, вечернее правило — не надо, утреннее правило — понемножечку».

Мне кажется, правило должно быть обязательно. Оно разное по размеру может быть: у кого-то правило с Трисвятого по «Отче наш», а кто-то всё читает строго по Каноннику. Помню, когда сам я пришёл в Церковь, сначала на меня никакого правила духовный отец не возлагал, а потом я стал с Трисвятого по «Отче наш» читать. Я долгое время так читал, года два, пока он вдруг об этом нечаянно не узнал. «Что же это такое? — говорит. — Читай целиком утренние и вечерние молитвы». Правило обязательно какое-то нужно, это некий строй, скелет. Но мы

детей не перегружали. Они понемножечку втягивались, пока были маленькие, но потом уже становились на молитву вместе с мамой и папой: не так много, пятнадцать-двадцать минут обычное правило по молитвослову читается. Семья должна устраиваться как домашняя церковь, и по образу храмовой жизни там нужны и свои молитвенные уставы. Конечно, они не могут быть такими продолжительными, как в храме.

Нужно ли особое благословение, чтобы в праздник, или если возникает какая-то проблема в воспитании или в учёбе, почитать акафист? Или это естественное чтение?

Я думаю, как правило, благословение не нужно, разве что есть такая семья, которая подвизается в очень строгом послушании. Но это, честно говоря, большая редкость, и это надо ещё, чтобы было кого слушаться, чтобы был человек, который может так серьёзно окормлять, и должно быть искреннее послушание, глубокое. Но это почти никогда не встречается, и обычно духовные отцы не ограничивают своих чад. Если хочется мужу и жене прочесть акафист, то не нужно звонить или бежать к батюшке за благословением. Я думаю, что ничего в этом особенного нет.

А это полезно?

Читать акафист? Дело не в форме. Праведный Иоанн Кронштадтский писал, что Бог отзывается на сердечное желание человека, выраженное в словах или не выраженное. Важно, чтобы наше сердечное желание было благим и было обращено к Богу, это и есть молитва, а проявляться

в словах она может по-разному: у кого-то душа располагается молиться акафистом, у кого-то нет. Заставлять друг друга не нужно, потому что, скажем, если жена желает прочитать акафист, а муж желает прочитать канон, и чтобы они из-за этого поругались — это, я считаю, неразумно. Если есть общее желание — почитайте. А если не хотите, то и не надо.

Скажите, пожалуйста, как воплощаются в жизнь Ваши сценки для детей? Сейчас телевизор занимает все детское внимание, и хочется, чтобы они не телевизор смотрели, а видели интересные постановки, как, например, Ваши. Кроме того, возникают споры у детей, когда они не хотят играть плохих персонажей, они и ссориться начинают.

У нас этот вопрос не возникал. У нас говорят: «Ты играешь это, ты — это, ты — это». Это дело преподавателя. Надо меньше у них спрашивать. А чего спрашивать-то? Это же известная вещь: пока не спросишь, проблемы нет. Вот мать говорит: «Что ты будешь, бутерброд с сыром или с колбасой?» И ребёнок сидит, думает. Проще дать ему, и пусть ест на здоровье.

Как правильно работать с детьми во время постановок, чтобы вреда не было для души? Когда они играют злого, они же переживают эти чувства.

Дело в том, что есть два, по большому счёту, подхода к актёрской игре. Один — это когда человек должен именно вжиться в роль на это время. Играет человек Митю Карамазова — он должен стать Митей Карамазовым, начать переживать, чувствовать так, думать даже так. Это такая глубокая актёрская игра,

и это никому, особенно детям, не полезно, хотя, конечно, могут возникать замечательные произведения искусства. А дети играют поверхностно, это именно как игра: когда они играют в казаки-разбойники, они при этом не являются ни казаками, ни разбойниками. Мне просто неудобно в рясе примеры приводить: вот я сейчас постучу кулаком по столу и скажу строго: «У-у-у!» — но я в это время, на самом деле, вовсе не гневался. Может быть вот что: скажем, как дети играют священников или архиереев. Мы в таких случаях на них ни крестов, ни панагий не надеваем. А балахончик всякий человек может надеть. Дети руками жестов благословляющих не делают, а сказать: «Бог тебя благословит», — это всякий мирянин может. Ну, понятно, что в это время они должны быть серьёзны. Так что здесь особенных проблем нет.

В принципе, когда артисты обращаются к Богу, даже в спектакле, они должны обращаться к Богу. Это к вопросу об употреблении имени Божия всуе. И не только, кстати, на сцене. Например, вдруг я «Господи, помилуй» случайно сказал, ну, так и помолюсь тогда: «Господи, помилуй». И получится, что плохое начало обрело добрый конец. Если артисту — нашему маленькому или настоящему взрослому — по ходу действия нужно помолиться, пусть он молится по-настоящему. Так что я здесь неразрешимой проблемы не вижу. Ну, конечно, мы стараемся поменьше молитв вводить в эти пьесы, потому что почва для искушения всё же есть.

Мы, сорокалетние, пришли в храм четыре-пять лет назад, и дети уже в подростковом возрасте. То есть, когда мы сами начали что-то познавать, нашим детям было уже около десяти. Хочется от ошибок, которые мы в жизни совершили, не зная Бога, их уберечь. Молитвенное

правило, например, в этом возрасте уже трудно привить, другое дело, когда дети вырастают в церковной среде. И как часто ходить на службу? Мы, конечно, стараемся причащать детей хотя бы раз в месяц, но у них ведь постоянно идёт какое-то своё осознание Церкви, бывает протест...

Все мы разные, и поэтому надо смотреть самой, как матери, чувствовать своего ребёнка, что с ним происходит. Или он, не дай Бог, равнодушен или даже враждебен к святыне, или ему просто по немощи человеческой скучно в храме, или его что-то рассеивает. Важно разобраться в причинах, но это только конкретно по отношению к своему ребёнку можно чувствовать.

Из общего что можно сказать: если, скажем, какой-то мальчик любит алтарь, то полезно быть алтарником. У нас довольно много ребят в алтаре. У нас очень строго, они там как раз не разлагаются, они участвуют в богослужении, и то, что ребёнок иногда то со свечой пройдёт, то кадило поправит, даёт ему возможность войти в ход службы, и ему не так скучно. Они в алтарь ходят с удовольствием.

А если девочки? Они службу не понимают — не понимают, зачем это надо. Ну, перед едой ещё молитву прочитают, а утреннее и вечернее правило — зачем? И я не могу им объяснить толком.

Если девочки большие, то, может быть, оставить и так. Но, мне кажется, это всё-таки очень конкретные вопросы. Я, по крайней мере, общих правил не вижу и не могу сказать, что в каких-то случаях надо так поступить, а в других — по-другому... Тем более, что внутренний мир наших детей часто

закрыт для нас. Нередко дети стыдливо прячут что-то доброе и святое, что есть в их душах, от нашего назойливого внимания. Я приведу пример из жизни: была у меня очень дальняя родственница — старушка, недавно умерла — сто десять лет. У неё взрослый сын был неверующий. Мы приехали — я тогда был алтарником — тётю Соню соборовать. Мы её соборuem, а он, неверующий, стоит где-то в углу и тайком крестится. А всем говорил, что он неверующий, но постепенно у него в душе что-то происходило. А маме своей он не хотел признаться, что он верующий, хотя мама об этом только и мечтала. Но она, видимо, так много ему об этом говорила, о своём желании, что он уже и не мог ей открыться... Большим ребятам, наверное, надо давать свободу, чтобы они сами молились, как уж получится.

Дети особенно чувствуют равнодушие или какую-то фальшь. Батюшек, которые перевернули бы душу, не так много, или они очень загружены, и, может быть, пока не встречают наши дети такого батюшку, которому хотелось бы душу открыть? Нужно ли ждать момента, когда проскочит какая-то искра? Так происходит и у взрослых, только начинающих воцерковляться. Многие говорят, что не могут батюшку своего найти. Надо ли искать именно своего батюшку?

Это разные вопросы — о детях и о взрослых. Что касается детей, то не надо рассчитывать, что они, будучи в отрочестве, найдут своего батюшку. Это очень большая редкость. Потому что они почти никогда не готовы к такому глубокому общению со священником. И священники это знают, я, по крайней мере, не обольщаюсь, когда слышу от какого-

нибудь отрока подробную и как будто глубокую исповедь. Само по себе это ещё ничего не значит. В основном, они воспитываются всё-таки дома. И желательно, чтобы, насколько это вообще возможно, возникали между детьми и родителями глубокие отношения, и тут нужно ради добрых, душевных отношений, ради открытости, идти, может быть, на многие жертвы.

А что касается взрослых людей, то, я думаю, что Бог посылает духовного наставника. Когда у человека душа жаждет наставления, когда человек действительно глубоко, не только в уме, но глубоко всем существом переживает свою неспособность руководить самим собой и действительно не знает, как правильно поступить (между хорошим и плохим всякий может выбрать: у нас есть заповеди Божии, а как выбрать между хорошим и хорошим?). И когда он чувствует свою немощь, но жаждет стать на путь Христов, то Бог или духовника пошлёт, или по-другому будет им управлять — у Бога нет трудностей ни с чем. Поэтому здесь, мне кажется, забота должна быть только о своём внутреннем расположении.

Но ведь чаще и у взрослых, и у детей получается, что пока не случится какая-нибудь беда, мы не повернёмся к Богу. А сейчас детям намного труднее, чем нам, воспитанным десять-двадцать лет назад, когда не было таких искушений. Их забивает всем отрицательным и околешкольная среда, и телевизор, а ведь и мы, взрослые, не начинаем искать Бога, пока не случится какая-то трагедия, которая нам перевернёт и откроет душу. Чаще всего именно так бывает?

Ну, так и есть. Это общее место.

Что ждать, пока что-нибудь с ними случится? Хочется же как-то пробиться...

Ну, всякое бывает. Ещё неизвестно, хорошо ли это — пробиться. Потому что надо, чтобы Бог пробился. То-то и оно, что, по преимуществу, именно мы пробиваемся. Я пришёл на работу и хочу всех убедить, что Бог есть. А в Деяниях святых апостолов описан случай, когда какие-то люди стали бесов изгонять именем Иисусовым. А бес им ответил: «Иисуса знаю, Павла знаю, а вас не знаю», — и побил их. С нами часто получается, что мы несём своё знание Бога, а не Бог через нас действует. Вот в чём трудность.

Батюшка, у меня целый комплекс вопросов. У нас почти на каждом занятии возникает один и тот же вопрос, иногда очень сумбурный, иногда конкретный, глобальный или узкий, но эта тема волнует всех. Вы замечательно сказали сейчас, — а мы за собой иногда этого не замечаем — что мы пытаемся своих детей спихнуть на священника и там стараемся создать между ними глубокие отношения. А выстраивать свои собственные глубокие отношения, конечно, труднее. Но дело в том, что существует очень болезненная проблема, Вам она, наверное, понятна по своему приходу — это неполные семьи. Сейчас не хватает отцов и вообще мужского воспитания. И в конкретной семье, и в приходе — дефицит мужества. И иногда пастырь (священник, духовник) заменяет отца, особенно мальчику. Насколько это полезно, или, наоборот, опасно?

Мне кажется, такие отношения между ребёнком или подростком и духовником возможны. Но это

большая редкость, и их никак нельзя нарочно устроить. Но я хочу сказать другое: Бог может всё возместить. Вот в чём дело. Молиться надо. Это относится не только к неполным, но и к полным семьям, потому что мы ничего не можем сделать своими силами, даже когда есть мужественный отец и женственная мать, и они очень разумны, но сами по себе всё равно ничего хорошего они не сделают. Не говоря о том, что во многом дети с нас берут пример, а пример-то наш отрицательный. Я и сейчас, кстати, вижу множество всяких плохих привычек у своих детей, которые буквально у меня почерпнуты. Я часто в душе молился Богу: «Господи, помилуй, покрой мою немощь, Сам воспитай моих детей».

А вот в приходе у Вас есть какая-то направленность, чтобы мужчины включались в окормление детей, в воспитание, в руководство?

Ну, по возможности мы стараемся мужчин привлекать. Мы тоже знаем, что хорошо, когда мужчины участвуют в воспитании мальчиков. Но мужчин действительно мало, и на приходе тоже. И даже не столько их мало, сколько все уже рукоположены. Ведь сейчас не хватает священников. Иной раз задумаешься, сколько прошло хороших людей через наш приход и как они могли бы у нас на стройке работать и в воскресной школе преподавать, а они все рукоположены, кроме тех, кто второй раз женаты, или у которых жены второй раз замужем, или тех, у которых характера не хватает, ревности не хватает. Поэтому трудности, конечно, в воскресной школе есть, мужчины очень нужны. Стараемся выискивать их, но плохо получается. Если только Бог найдёт.

На Рождественских чтениях мы слушали отца Бориса Ничипорова, который, по-моему, даже на Вас ссылался в своём опыте. У него хор церковный, где дети поют, и он говорил, что у него мальчики поют отдельно от девочек, и что такая установка — специально.

Да, мы тоже к этому пришли. Всё очень просто. Подростки (особенно мальчики, но девочки тоже) в определённом возрасте в присутствии друг друга становятся почти неработоспособными. Потому что они друг на друга ориентированы, и вместо того, чтобы заниматься пением, они друг перед другом что-то постоянно вытворяют. И многие муки у нас уменьшились, когда мы хоры разделили. Они общаются между собой, многие мероприятия, конечно, совместные, на службах они могут петь вместе, ведь нет мужской или женской церкви. Но и это не обязательно, могут и отдельно петь. Но заниматься им вместе трудно, слишком много они друг на друга внимания обращают. Вот такой опыт.

Батюшка, в двенадцать, тринадцать, четырнадцать лет — нужно ограничивать общение девочек с мальчиками? Они на улице хотят гулять... Некоторые семьи ведь не пускают своих детей на улицу, даже до институтского возраста. А палка — о двух концах.

В нашей семье был период, когда мы детей вообще на улицу не пускали. Они гуляли только со мной, хотя это звучит, возможно, дико. Но поскольку их четверо, им скучно не было. На улицу мы их именно выводили. А то приходит сын, рассказывает: вот, поймали девочку, задрали ей платье. Это ещё довольно маленькие, они ничего с ней больше

не сделали. А уследить-то невозможно, всё это совершается не на глазах. Я особенных открытий не делаю. Но какое-то время детей вообще не пускали на улицу. И я не могу сказать, что это на них плохо повлияло. Но, повторю, в значительной мере проблемы не было, потому что их было четверо, они между собой играли, дрались, но не скучали.

Но это мальчики, а я спрашиваю именно про девочек и именно подросткового возраста.

Я считаю, что дети должны быть под любящим, но бдительным родительским оком, мы должны знать, с кем общаются наши дети и как они общаются. Я, конечно, не могу сказать: «Братья и сестры, не пускайте своих детей гулять, не давайте им ни с кем общаться». Для большинства семей это просто невозможно. Но то, что общение со сверстниками в школе и во дворе очень часто бывает не только вредным, но даже опасным, и то, что именно в общении с товарищами дети учатся рукоблудию, учатся курить, учатся пить, именно в общении со своими сверстниками они начинают принимать наркотики — это очевидный факт.

Я совершенно согласен с теми духовниками и авторами книг, которые говорят, что нельзя, чтобы дети замыкались в своём мирке, надо, чтобы они не чувствовали себя ущербными. Но в этом смысле я могу сказать, что мои сыновья ущербными себя уж точно никогда не чувствовали, и то, что они не имели свободного общения со сверстниками, им, конечно, не повредило. И я думаю, что трудности в общении в школе возникают не из-за того, что дети не были в детском саду. Мои дети не были в детском саду, и никаких трудностей в общении с ребятами у них в школе никогда не было. Но это

вопрос сложный и тоже индивидуальный. Ввести мой опыт в общее правило — получится гетто, это нехорошо. Каждый пусть действует, как может.

А можно чем-то нейтрализовать вредное влияние школы?

Очевидно, что полностью его не удастся нейтрализовать. Но Богу всё возможно, мы молимся за своих детей. Нужно стараться, чтобы у них были какие-то занятия, стараться, чтобы, по возможности, был круг общения христианский. В значительной мере наша церковная музыкальная школа создаёт такой круг общения. Обыкновенные мальчишки и девчонки, с обычными немощами, но всё-таки нравственный уровень в среднем, конечно, гораздо выше, чем в обычной школе. Из-за некоторых поступков наших учеников мы ужасаемся, переживаем и скорбим, но понятно, что если уж сравнивать и говорить о среднем уровне, то он гораздо выше. Старемся приучать детей к культуре, чтобы они имели вкус к хорошей песне, к хорошей живописи.

Но вообще-то только Бог защищает. Спасение — это чудо Божие, в каждом отдельном случае. Поэтому я, например, радуюсь, что опыты с воспитанием собственных детей у меня заканчиваются. Потому что никогда не знаешь, чем это кончится. Родить — не проблема, а что дальше-то?

А как быть с телевизором?

Я считаю, что когда люди не пристрастны к телевизору и свободно им пользуются, то могут без вреда для души иметь его дома. Скажем, в 19 часов я включил телевизор, посмотрел какую-то поучительную передачу, «В мире животных»,

например (какие сейчас еще передачи можно посмотреть, не знаю, потому что не смотрю телевизор), и потом выключил его, скажем, в 20.15. Потом в конце недели ещё раз включил, посмотрел «Клуб кинопутешествий» и опять выключил. Если кто-то так может, пусть пользуется. А кто не может, тому лучше его не иметь, чтобы не соблазняться. Я, например, так не могу, когда я был на Сахалине несколько месяцев, у меня стоял в гостиничном номере телевизор, и я смотрел, поэтому я дома его не имею. То, что он мне ни за чем не нужен, это я могу сказать, и что ничего хорошего в нём нет — это уж точно.

Я по должности благочинный, настоятель храма, общаюсь с людьми самого разного уровня. И я никогда не испытывал недостатка информации, так чтобы мне со светскими людьми было трудно разговаривать, а тем более с прихожанами. Когда говорят, что телевизор нужен для того, чтобы быть информированным, это просто неправда. А то, что без него лучше — это однозначно. Речь может идти о большем или меньшем вреде.

Другое дело, что, опять-таки, как Бог даёт, потому что может быть такая ситуация, что придётся и купить телевизор. Много в чём пришлось нам нашим детям уступать, но без телевизора обошлись, а без чего-то не обошлись. Они, когда были маленькие, читали Диккенса, читали Толстого, читали Достоевского, а потом, с возрастом, стали читать книги похуже, то есть в тринадцать лет он читал Диккенса, а в пятнадцать лет ему скучно Диккенса читать. Купили Конан-Дойла, ещё кого-то. Целые полки заставлены такой, средней, литературой.

Я считаю, в этой области надо отступать в порядке. Во время Великой Отечественной войны не было же так: немцы перешли границу и все сразу убежали во Владивосток. Отступали, далеко отступили,

но отступили в порядке, отступили, сжались, потом пошли наступать. Так и здесь, перед давлением мира приходится отступать, но должно быть именно отступление в порядке, а не предательство, вот в чём ещё разница. Потому что одно дело — человек (я рассказывал про батюшку, который купил телевизор) отступил именно ради духовного блага своих детей, ради мира, ради того, чтобы семья сохранялась в единстве, он отступил и совершенно правильно сделал, а если он под этим предлогом покупает телевизор, чтобы самому смотреть что ни попадя, то он согрешает. Здесь дело-то не в телевизоре, а в нашем отношении к делу спасения своей души.

Вы сказали, что ребят у Вас четверо, они могли драться и так далее. Я просто в лагере один раз встретился с такой ситуацией: была предложена игра мальчишеская, где и потолкаться и попихаться можно было. И один человек стал возмущаться, говоря, что у монахов даже лишнее прикосновение к телу человека дерзостью считается, что этого нельзя допускать. Я, например, не вижу ничего особенного, если ребята в игре начинают не только словами объясняться, а где-то и столкнутся.

Но они же не монахи. Есть огромная разница между игрой и дракой, и это, конечно, всегда очень чувствуется. Я у своих ребят тоже это различаю. Приведу один забавный случай: как-то раз мои Вася с Пашей подрались, маме надоело, она их разогнала. Вася в одной комнате, Паша в другой, мама между ними в третьей комнате. И вот она сидит, читает книжку, слышит шорох и видит: Вася ползёт к Паше, тихо по полу ползёт для того, чтобы подраться. Понятно, что это всё игра в форме драки, такая

сравнительно беззлобная возня. Действительно, у мальчишек это есть. Но с этим можно особенно и не бороться. Что я имею в виду? Что значит такая допустимая драка? Вот они подрались, покричали, потом я дал каждому по подзатыльнику, они садятся, продолжают играть в то, во что они раньше играли. Это обычная мальчишеская энергия выплёскивается. Конечно, было бы лучше, если бы они непрестанно молились, а не дрались. Действительно лучше, но нет этого — как факт. Что же касается такой вражды, когда они не любят друг друга, когда один другого систематически обижает, это, конечно, очень плохо.

У меня вопрос, скажем так, хозяйки и жены. У Вас дома, в семье, был бытовой уклад? То есть «мы печём пироги сегодня, мы делаем уборку тогда-то». Чёткое распределение обязанностей было ли?

Хозяйством у нас принципиально занималась только жена, и я не могу сказать, что она всегда была этому очень рада, но когда я пришёл в Церковь, то первое, что я понял — я не должен ничего делать по дому. Я считаю, что когда мужчина занимается домашним хозяйством, то семья разрушается. Но был период, когда я очень много делал по дому, скажем, жена болела, и мне приходилось и убирать, и стирать, в магазин ходить, собственно, делать всё. Но она знала, что я помогаю не как муж, а как брат — как брат во Христе я ей оказываю помощь. Какие-то обязанности, естественно, я брал на себя — по нашим обстоятельствам, а не потому, что ей лень было этим заниматься. Я не буду описывать, это неважно, в каждой семье по-своему. Какие-то вещи я делал. Что касается детей, то они в домашнем хозяйстве тоже участвовали, маме помогали.

Какова роль уклада в семейной жизни?

Я считаю, что уклад нужен. Вообще строй только помогает, но, с другой стороны, люди все разные, поэтому кто-то может жить в таком укладе, который мне естественен, а кто-то, может, просто затоскует, и, может быть, ему и нужно жить как-то расслабленно.

Мне очень понравился положительный опыт Владыки Антония (Блума). Он вспоминал про свою семью и говорил, что никогда ему мама или бабушка не говорили: «Пойди помой посуду». А говорилось: «Пойдём, помоем посуду». Хорошо, когда есть совместный труд, когда дети видят в родителях положительный пример. Невозможно научить ребёнка чему-то хорошему, если на словах учим, требуем, а сами делаем противоположное. Это относится ко всему, в том числе и к домашнему хозяйству.

Так получилось, что у нас поздний ребёнок, ему три с половиной года, он такой энергичный, и он всё время дёргал, тряс маму, а она этого не переносит. Тогда я ему сказал: «Ты меня трясси. Мама этого не любит, а мне всё равно». И вот теперь мне стоит войти, он на меня набрасывается с кулаками, по животу меня бьёт, до тех пор пока «не лишится сил». Я, в общем, не возражаю.

Мне кажется, здесь очень трудно соблюсти меру. Я бы не разрешал это вообще никак. Существует ещё момент телесной привычки. Умом он, может, понимает, папа ему объяснил, что это просто такая игра. Но то, что он бьёт отца, эти самые движения как-то на его душу воздействуют. У него возникает определённое отношение к отцу. Мне кажется, здесь разрушается уважение. Я думаю, что тут необходим жёсткий

запрет, то есть даже в явную шутку не должен ребёнок руку поднимать ни на мать, ни на отца. Вообще на старших, но в первую очередь на мать и отца. «Чти отца твоего и мать твою». Чти! Не сказано: «Уважай». «Люби» — всех ближних должны любить. Уважать, может быть, и не за что даже отца. Мало ли, отец — алкоголик, живёт под забором. Уважать действительно не за что. А чтить надо, однако же. Мне кажется, что здесь не нужно это допускать, ни словом, ни делом... Никакого непочтения, а тем более оскорбления, не должно быть, и даже в шутку. «Папка — дурак» он не должен говорить ни в каком смысле.

Вероятно, у меня несколько идеалистическое ощущение, но раньше жизнь была более напряжённая в смысле физического ритма и менее напряжённая в смысле стрессовом. И в крестьянской семье успевали очень много: у них и корова, и огород, и пчельник, и сад, и у купцов день был так расписан, все так загружены, а сейчас впечатление общей расслабленности. Такой ритм утрачен, и, может быть, от этого и бедность нашей страны в целом? И дети-то тоже разные по темпераменту. Вот одного, который дерётся, надо загружать побольше, чтобы эта энергия куда-то уходила, а другому, вроде, ничего и не надо; даже два ребёнка в семье — совершенно разных. Нужен ли какой-то ритм дел, чтения и всего остального, чтобы они напряжённо себя чувствовали? Или оставить всё идти своим чередом, потому что в школе и так все перегружены, только, к сожалению, перегружены одним чрезмерно, а другим недогружены вообще.

У человека должен быть отдых, но, по возможности, не должно быть рассеяния. Одним и тем же словом

«расслабление» называются две разные вещи. Одно дело — человек устал, лёг и расслабился, поспал даже часок, но потом он встал и начал что-то делать. А я по себе знаю, бывает, так отдохнёшь, что после этого ещё больше устаёшь. В психологии есть понятие «структурирование времени», то есть у человека всё время должно быть занято, и должна быть, по возможности, перемена занятий, а не просто какое-то балдение.

Нужно ли себя и детей заставлять «через не могу»?

У нас в жизни всё должно быть осмысленным, поэтому если, скажем, я себя буду заставлять «через не могу» бежать четыре километра, вряд ли нужно это делать, потому что у меня нет такого долга — бежать четыре километра. Но если в десять часов вечера меня зовут причащать умирающего, значит надо встать и пойти, даже если я плохо себя чувствую.

Так же и с ребёнком: я устал и, скажем, хочу пойти прогуляться. А у меня сын-двоечник в кои-то веки сделал домашнее задание. И счастливая мать приходит и говорит: «Вот, проверь, что он здесь нацарапал». Ну и что же, надо отложить прогулку, это мой долг родительский — заняться этими домашними заданиями. То есть когда Господь от нас чего-то требует, то мы должны это делать несмотря ни на что. Я стараюсь (не всегда успешно), чтобы моё время было всегда занято. Например, отдыхом, но занято отдыхом. Потому что (это уже не моя мысль, это общее место у всех святых отцов) дух уныния — один из самых страшных врагов. Для монахов это просто гибель, но я думаю, что и для мирян опасно состояние, когда ничего не хочется делать: ни молиться, ни читать, ни работать, ни отдыхать.

Батюшка, у меня дочка старшая учится, много времени на это тратит, и всю домашнюю работу я выполняю сама. Но я стала замечать, что, так как я её всё время освобождала от домашних дел, она от них старается увильнуть. И когда я прошу её помочь, она мне отвечает, что, мол, ей учиться надо, я и рукой махну — надо, значит надо.

Я думаю, она Вас просто надувает. На самом деле, у человека вполне может хватить времени и на учёбу, и на работу.

Каждый день надувает?

Нет, когда-то давно это сделала первый раз, а теперь этим пользуется.

Но значит, я сама себя надула, я просто считала, что я всё лучше сделаю, зачем её отрывать.

Дело в том, что она не должна была об этом знать. У неё не должно быть установки, что раз она учится в институте, то может всё свалить на маму. Можно было потихоньку, тайно, устроить так, чтобы большую часть работы делали Вы, но и у неё были бы обязанности, а не так: вот я, умная, учусь, а ты, мама, дура, подметаешь пол.

То есть постоянная какая-то обязанность, которую она должна изо дня в день выполнять?

Конечно, мелкие обязанности обязательно, тем более у вас дочь, будущая женщина. Она должна участвовать в уборке, в готовке еды. По дороге в институт вполне можно зайти в магазин,

дома постирать можно, пол подмести — какая это трудность? На помойку сходить ведро вынести — времени совсем мало занимает.

Но у нас всё время споры из-за этого происходят.

Потому что ей лень, и не надо это объяснять тем, что она учится. Другое дело, что, может быть, Вы просто не можете её заставить.

Но мне настаивать на том, чтобы она всё-таки выполняла какие-то обязанности?

Если можно настаивать, то лучше было бы исправить это положение. Если ещё не потерян контакт и можно с ней как-то договориться. Но она взрослая, может быть, уже и нельзя настаивать. Надо радоваться, что она не бьёт Вас. Ну, терпите всё.

У нас общеобразовательная православная школа. Мы существуем второй год, разработана концепция, программа на её основе. Возник вопрос о православных традициях. Вы сказали, что надо жить в укладе, создавать его. Мы стараемся такой уклад создавать в нашей школе. Именно в православных традициях мы находим истоки нравственности, ведь культура, история, вся наша жизнь — исходят из православных традиций. Но в следовании этим традициям мы идём в определённой степени стихийно, а ведь их очень много: женщинам при молитве покрываться, на Пасху красить яйца — невозможно всё изучить, и мы боимся упустить что-то важное. Нельзя ли каким-нибудь образом сформулировать это, основополагающе

и в то же время конкретно? Или, может быть, Вы посоветуете какую-нибудь книгу?

Мне кажется, что главная ошибка в том, что вообще сформулирована задача вводить в школу православные традиции. Это похоже на ситуацию, когда девушка выходит замуж и думает: «Я должна любить своего мужа». Мне кажется, что всё должно быть очень просто и естественно. У нас в школе традиции, конечно же, есть. Ну, скажем, взять паломническую поездку. Сели в автобус, пропели «Царю Небесный», благословились, поехали. Перед едой помолились. А какие нужно ещё изобретать традиции? Что касается Пасхи, и так все знают, что надо красить яйца и печь куличи, покупать творог. Не надо ничего искусственно выдумывать. А вот если у вас есть какие-нибудь профессионалы, то они могут детей танцам учить, хороводам, сарафаны шить — как элементы внеклассной работы с детьми. Мне кажется, эти традиции существуют сами по себе, и всё происходит очень естественно.

Бывает, что к нам в школу приводят детей люди не очень воцерковлённые. Они читают нашу концепцию, нашу программу. Православному человеку, воцерковлённому, нечего объяснять про традиции, он сам знает всё. А если родители раз в полгода причащаются? Они прочли нашу концепцию: «православные традиции» — да, это вроде «красить яйца под Пасху», что-то ещё подобное вспомнили — теперь им всё понятно. А потом, когда дети начинают учиться, возникают какие-то новые вопросы. И поэтому хотелось бы (тем более, что у нас уже третий набор), чтобы родителям было ясно с самого начала, что они привели своих

детей именно в православную школу. Они думают так: «Будет батюшка приходить, рассказывать о нравственности, да и мы тоже вроде верующие, крещёные, вот в другой школе сорок человек в классе, а здесь всего двенадцать, там драться будут и тому подобное, там наркотики, а здесь православная школа».

Но ведь на самом деле православная школа — это гораздо серьёзнее, чем такие соображения. Мы хотим, чтобы наши дети и их родители были более воцерковлёнными людьми и более глубоко рассуждали, более высокие задачи ставили, чем вот эти — только чтоб не драться и наркотиков не было. А родители не хотят воцерковляться. А общинная жизнь — это тоже православная традиция, тоже уклад.

Мы с Вами о разных вещах говорим: создание уклада, воцерковление людей и крашение яиц. Это совершенно разные вещи. С вашим внутришкольным укладом никаких проблем нет. Воцерковление людей — это вообще дело Божье. И я, честно говоря, если раньше ставил такую задачу в нашей школе, то сейчас уже и не ставлю, потому что в конце концов всё сводится к тому, что надо жить. Как у Пастернака сказано, «быть живым, живым и только». Потому что — как я могу поставить задачу воцерковления не только что родителей, а даже детей, своих собственных детей? Я могу только сам быть православным человеком, жить духовной жизнью. Естественно, дети — часть моей жизни. Господь мне благословил, и это моя обязанность перед Богом — их воспитывать. Но какие могут быть методы воцерковления? Никаких методов воцерковления, конечно, нет. Ни детей, ни родителей. Оно само собой происходит. Само собой — в том смысле, что Бог воцерковляет. Мы хотим —

и это добрые чувства — в этом поучаствовать, чтобы через нас воцерковлял, а не губил, скажем так. Но, мне кажется, сами вы люди православные, школа у вас православная; и если Богу будет угодно, будут дети воцерковляться, и за ними будут и родители. А таких задач мы даже и не ставим.

Батюшка, бывает так, что детки идут, слава Богу, Божьим Промыслом, но родители начинают сопротивляться этому, православие воспринимает как игрушку. Это проблема очевидная, она сейчас распространена.

Ну, бывает и так. Но это конкретные люди. Вот когда ко мне приходит какой-нибудь карапуз (независимо от того, из какой он семьи, из церковной или не из церковной) и спрашивает, например, как ему поститься, я говорю, что поститься надо так, как мама тебя кормит; тебе вот десять лет, ты ещё человек несамостоятельный, что тебе мама или папа даст, то ты и должен есть. Ну, если Господь кого-то из детей избирает в мученики, то Он, конечно, без меня сделает его мучеником...

Не надо пытаться что-то насильно внести в чужую семью: я представляю, скажем, такую ситуацию: я человек нецерковный, сын у меня пошёл в школу, и вдруг он приносит домой какие-то куличи и пасху, или вдруг он икону мне на полку ставит: у меня там — вещи нужные, а он тут — не пойми чего. Понятно, что в подобных ситуациях родители будут противиться. Мне кажется, что надо просто заниматься с детьми в школе, то есть не надо вам лезть к ним в дом-то.

ПОЧЕМУ ОНИ УХОДЯТ?*

Довольно обычным, к сожалению, явлением в современной церковной жизни стало то, что дети, воспитанные в православных, даже священнических семьях, уходят из Церкви. Почему так случается? Причин, конечно, много, но попробуем выделить главные.

Во-первых, в мире сейчас гораздо больше соблазнов, чем в прошлые века, и они несравненно сильнее действуют на душу ребёнка, даже если он родился в церковной семье и получает благочестивое воспитание. С переходным возрастом у подростков это действие усугубляется, подчревные пары ударяют в голову — и устоять против этого воскипания очень сложно. Святитель Феофан Затворник в книге «Путь ко спасению» писал, что во время переходного возраста бороться со своими страстями может только тот, кто ещё до его наступления определил себя христианином: почувствовал призвание Божие и откликнулся на него. Действительно это так, потому что в целом каждого подростка тянет ко греху (конечно, бывают разные характеры: например,

* Эта статья в сокращении была опубликована в журнале «Фома», № 5 (145), май 2015 г.

некоторые вялые подростки, может быть, и хотели бы согрешить, но у них не получается). А потом многие каются. Как писал святитель Димитрий Ростовский, мир обещает злато, а даёт блато (т. е. болото). И очень многие, нахлебавшись этого, потом всё-таки возвращаются в Церковь.

Во-вторых, лицемерие родителей. Это очень плохо действует на детей. От подростков в семье ничего не скроешь, и если родители, хотя и ходят в храм, исполняют церковные обряды, вычитывают домашние молитвенные правила, то есть внешне ведут себя благочестиво, но к внимательной сердечной молитве, к очищению своего сердца от страстей не стремятся, то это или и детей сделает такими же поверхностными христианами, или может их соблазнить. Они вырастут и скажут родителям: «Мы не хотим ваших пустых обрядов». Но несравненно хуже, когда отец на людях изображает благочестие и учит людей нравственности и религиозности, а вдали от опасных для него глаз пьянствует или впадает в ещё более тяжкие грехи.

Не только лицемерие страшно, но опасно и чрезмерное давление со стороны даже искренне и глубоко благочестивых родителей. Знал одну такую семью. Отец — это было ещё при коммунизме — состоял в партии, работал начальником цеха на заводе, а потом уверовал во Христа, всё бросил и стал простым кузнецом. Мать, интеллигентная женщина, тоже горячо уверовала. Причём, характеры у обоих были очень мощные, и оба считали полезным жёстко требовать от детей исполнения церковных правил. Физически, кажется, не наказывали.

Вроде бы всё хорошо: ходят в храм, старший сын всегда с молитвенником, на клиросе поёт — старушки отроком восторгаются, родителям кажется, что всё идёт как надо.

Первым ударом для них стало совершенно для отца и матери неожиданное и внешне ничем не мотивированное вступление 15-летнего сына в комсомол. А в 18 лет он им заявил: «Я сам буду искать Бога и, конечно, не в Церкви». И как только он Его ни искал: в последние годы своих исканий даже переехал в Америку и принял там иудаизм! А лет в 25 покаялся и вернулся в Православие. Думаю, что такой буйный разворот был связан не только с его характером, но и с ошибками родителей.

Из своего опыта могу сказать: давление полезно (если дети его выдерживают) во всех областях жизни, но только не в духовной. Борьба с непослушанием, сленью — даже если ведётся слишком строго — особенно ребёнку не повредят. Но в области отношений с Богом заставлять опасно. Естественно, маленьких детей носят или водят в церковь, но подростка, если он не хочет идти на службу, вставлять на молитвенное правило или слушать Священное Писание, уже принуждать нельзя.

Впрочем, духовная жизнь зачастую парадоксальна. И может складываться очень по-разному при, казалось бы, одинаковых обстоятельствах. Так понуждение в духовной области сплошь и рядом приводит к восстанию против родителей и Церкви, а, с другой стороны, стояние в храме может, наоборот, расположить душу к искренней молитве.

Например, в одной семье детей воспитывали очень строго и заставляли их вместе с родителями читать длинные молитвенные правила. Детям это, пока они были маленькими, нравилось, а в подростковом возрасте — уже нет. Они скучали, но, уступая авторитету уважаемого ими отца, эти правила выставляли. Дети выросли, стали жить самостоятельно — и почти все побросали чтение правил. Но при этом стали церковными, благочестивыми людьми.

И вот как-то мать говорит отцу: «Правила-то мы их научили, а молитве не научили». А отец отвечает: «Наоборот, мы их заставляли, но они, хоть и отказались от молитвенных правил, зато научились внутренней молитве». Думаю, кстати, что здесь огромное влияние оказало то, что, хотя эти родители часто перегибали палку в давлении на детей, но дети их любили и уважали.

Думаю, что такие парадоксы не случайны: когда нам кажется, что мы делаем всё очень хорошо, что ведём детей в Царствие Небесное, то Господь может и показать нам, что мы заблуждаемся. Мне очень нравится такая мысль: не столько нужно говорить детям о Боге, сколько — Богу о детях.

Поэтому общего совета насчёт того, как избежать ухода детей из Церкви, быть не может: родители сами должны чувствовать своих детей, замечать, что происходит с ними и вокруг них, и понимать, что кроме родительского усилия есть ещё и свободная воля человека, и Промысл Божий. Мария Египетская, например, страшно грешила на протяжении 17 лет. А потом принесла покаяние и стала величайшей святой. Но до 29 лет её никто не мог остановить, пока Сам Господь не призвал её к покаянию.

«Кто же может спастись?» — спросили Христа ученики, и Он им ответил: «Человекам это невозможно, Богу же всё возможно» (см. Мф. 19, 26). Это, однако, не значит, что мы должны опустить руки и что на нас не лежит никакой ответственности.

Родители могут быть виноваты, когда не занимаются детьми — бросают их на бабушек, на кружки и секции или, как часто происходит в наше время, просто дают им в руки планшет, чтобы, с одной стороны, не надо было беспокоиться, где ребёнок, с другой, он не мешал им заниматься своими делами. Отец бросает семью — тоже есть его вина. А если

отец и мать стараются воспитывать детей, в этом их заслуга. И когда родители верующие, дома есть какой-то церковный уклад, дети к нему приобщаются, это помогает им стать церковными людьми. Помогает, но никак не гарантирует.

Детская религиозность проходит, и человек должен сам сделать выбор. Заставить его выбрать истинный Путь («Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6)) невозможно, но важно на Него указать и при этом не мешать своим давлением. Когда коснётся человеческого сердца призывающая благодать, знает только Господь. Решающее значение, повторюсь, имеют произволение человека и Промысл Божий.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Как объяснить ребёнку заповедь «не прелюбодействуй»?

Великий педагог Янош Корчак в книге «Как любить детей» писал: «Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребёнка». И ещё: «Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли — это поручить другой женщине родить твоё дитя».

Первая задача и долг родителей — быть вместе с ребёнком, общаться с ним, чувствовать его. Ради этого можно, а зачастую и должно многим пожертвовать (например, матери отказаться от престижной работы). Когда глубокое душевное и духовное, сердечное общение есть, то ответы на трудные вопросы будут рождаться из глубины сердца родителей и будут проникать в глубину сердца детей. Эти ответы должны быть плодом молитвы, плодом нашего желания духовной пользы ребёнку. В полной мере это, конечно, встречается редко, но стремиться мы к этому можем.

Бывает, какой-нибудь великий сам по себе вопрос задаётся автоматически. Ребёнок услышал слова «не прелюбодействуй» да и спросил: «А что такое "не прелюбодействуй"?» Может быть, в таком случае и не стоит ничего отвечать.

А бывает, к сожалению, ответ лежит на поверхности: «Это, сынок, как наш папа ушёл жить к Тамаре Петровне. А не нужно было, это он заповедь Божью нарушил. Давай с тобой молиться, чтобы он покался».

На чём, конечно, не стоит заострять внимание, отвечая на относящиеся к супружеским отношениям вопросы, — это на физиологии. Если уж говорить, то нужно говорить о главном. О том, что Бог благословляет людям или принимать монашество, или вступать в брак. А в браке благословляет одному мужу иметь одну жену и одной жене иметь одного мужа. И муж, и жена должны хранить верность друг другу и своей семье, не бросать друг друга. А если кто-то эту заповедь нарушает, это называется «прелюбодеяние» и это тяжкий грех.

Насколько я помню, мне приблизительно так приходилось говорить своим сыновьям, когда они были маленькими. А кому-то эти слова, правильные сами по себе, не подойдут. Нужно, повторяю, каждому жить в единстве со своими детьми, тогда Господь сам положит отцу и матери на сердце, что сказать в конкретный момент.

У детей, начиная с 2–3 лет, зачастую начинает проявляться жадность (мои игрушки! не дам!). А бывает наоборот, что ребёнок готов подарить одну из самых дорогих своих игрушек. Как тут следует действовать родителям?

Страсть к вещам — одна из основных страстей, которая владеет не только нашими детьми, но и

нами. Поэтому и борьбу с ней нужно начинать с себя. А то, если дети будут слышать от нас наставления в щедрости, а видеть будут пример жадности, они будут воспитываться в первую очередь дурным примером, а, кроме того, вскоре поняв наше лицемерие, перестанут нас уважать.

Так что начинать нужно с себя. Мы сами должны помнить, что собственность нам даётся Богом, для того чтобы мы её употребляли во славу Божию, чтобы и свои нужды удовлетворяли, и ближних не забывали. Мы должны сочувствовать ближним, и если необходимо, то жертвовать ради них не только излишками, но и необходимым. С другой стороны, раздать буквально всё — это великий подвиг, к которому большинство не только детей, но и вообще людей не готовы и не призваны Богом.

Дети, разбрасываясь дорогими игрушками, конечно, не помышляют ни о каких подвигах, а просто не знают цены вещам, потому что они им достаются без труда. А знать цену вещам полезно. Полезно, когда ребёнок знает, что не всякое его желание будет исполнено, что если ему подарили дорогую игрушку на именины, а он её ломает, то новую сразу не получит.

Если ребёнок хочет подарить кому-то игрушку, пусть спросит разрешения у родителей и, как они скажут, так пусть и поступит. Но пусть он при этом знает, что родители отнюдь не обязаны возместить ему подаренное, а то какая же это будет жертва?

Накормить, одеть ребёнка, обеспечить его, по возможности, всем необходимым (в том числе, игрушками) — это наш родительский долг. А вот баловать детей — это наш родительский грех, в котором проявляется вовсе не любовь к детям, как нам могут подсказывать помыслы, а по большей части — наше сластолюбие, тщеславие и лень.

Ребёнок растёт дома, родители стараются оградить его от дурного влияния, стараются привить чувство добра, красоты. Но вот ребёнок идёт в школу и там получает не только знания, но и много такого, с чем в домашней обстановке не сталкивался: нецензурные выражения, клички, насмешки, грубость некоторых учителей и многое другое. Как помочь ребёнку справиться с этими вредными воздействиями?

Ну, во-первых, я считаю, что упоминать в таком контексте об учителях неправильно. Думаю, что наши педагоги в среднем не грубее родителей, даже и верующих. Конечно, учителя бывают разные, но ведь и вообще люди бывают разные. Мне кажется, нам лучше говорить не о вредном воздействии школьной среды, а о том, что всякому ребёнку, в том числе и из благочестивой церковной семьи, рано или поздно приходится соприкоснуться с житейским морем.

Море это обязательно нужно переплыть, поэтому нельзя ребёнка совершенно оградить от него. Но что делать, чтобы маленький человек не захлебнулся, не потонул в этой мутной пучине?

Чтобы ребёнку помочь, нужно быть с ним рядом. Мало записать его в какие-то кружки и секции, пусть даже самые престижные. Дети нуждаются в общении с родителями — близком, глубоком, серьёзном. Но нам всё не хватает времени: днём деньги зарабатываем, вечером телевизор смотрим или за компьютером сидим.

А нужно постараться войти с сыном или дочерью в такие отношения, чтобы им хотелось рассказать папе и маме о том, что с ними и вокруг них происходит. Постараться понять ребёнка, разобраться во всём вместе с ним, и не один раз в полгода,

а ежедневно разбираться. Но на это требуется много душевных сил и внимания, а мы устаём на работе. Поэтому мы детей на первой же фразе обрываем и рады верёвкой привязать к компьютеру или телевизору, только бы они от нас отстали.

Впрочем, сколько семей — столько и ситуаций, готовых рецептов на все случаи нет и быть не может.

Батюшка, расскажите, в каком возрасте можно ребёнку говорить о смерти и в какой форме?

Нужно говорить, в первую очередь, не о смерти, а о вечной жизни. Поскольку человек пал, в его жизнь ворвалась смерть. Но, поскольку Христос воскрес, временная смерть стала одним из моментов жизни человека, причём отнюдь не завершающим. Так мы, православные христиане, должны верить сами и так должны учить верить своих детей. Никаких возрастных ограничений тут нет, форму общения с детьми должно подсказать нам наше любящее родительское, христианское сердце.

Особенно легко говорить детям о смерти, находясь в храме, когда они видят покойника, лежащего перед алтарём. Здесь церковная символика очень помогает ребёнку правильно понять и почувствовать таинство временной смерти, как перехода в вечную жизнь.

Конечно, и временная смерть страшна, потому что сама по себе смерть — зло. Но нам нужно верой преодолевать этот страх, а поистине нужно бояться вечной смерти, которая постигнет нераскаянных грешников на Страшном Суде. И этому страху мы должны учить детей. А больше ничего бояться не нужно, потому что везде и всегда, и особенно в скорбях и болезнях, с нами любящий нас и спасающий нас от вечной смерти Бог.

Хотела бы усыновить или удочерить ребёнка, но муж уверяет, что если младенец уже унаследовал от своих родителей порочные наклонности, то ничего хорошего из этого не выйдет. Всё равно вырастет бандитом или алкоголиком. Я с этим не согласна. Какое Ваше мнение, батюшка?

Вопрос очень и очень не простой. Действительно, наследственность имеет значение, но главное, на мой взгляд, даже не в этом. Главное в том, что, когда плохо себя ведёт свой ребёнок, родители это со скорбью, но терпят, терпят даже наркоманов, которые продают вещи из дома, не отрекаются от них до последнего. Даже и в наше время это обычное поведение родителей.

Но, если что-то не так с приёмным ребёнком, реакция, как правило, бывает совсем другая. Тогда от него, даже если он не героиновый наркоман, а только в 13 лет начал дерзить старшим и лениться выносить помойное ведро, уже хочется избавиться, и кажется, что все его недостатки — плод дурной наследственности. У нас на приёмных детей не хватает любви.

А вот, когда любви хватает, бывает и дурная наследственность компенсируется. Я лично знаю замечательный случай. Одна женщина взяла из дома младенца девочку, от которой отказалась мать-алкоголичка. Девочка росла хорошей и послушной лет до пятнадцати, а потом буквально пошла по стопам своей родной матери: начала пить, блудить, приёмную свою мать — бить.

Конечно, женщина очень страдала, плакала, жаловалась своим близким знакомым, но не отреклась от своей заблудшей приёмной дочери. И та по прошествии времени исправилась, получила образование, вышла замуж, я сам её венчал.

Так что сила любви велика, только нужно любить, а это, на самом деле, труднее всего.

Моей дочери 4 года. Ей очень нравится слушать жития святых и Новый Завет. Стоит ли читать в таком возрасте Ветхий Завет, ведь даже мне он трудно даётся? Новый Завет гораздо понятнее и ближе.

Новый Завет нам «понятнее и ближе» и не так «трудно даётся», как Ветхий Завет, потому что мы привыкли (и делаем это, не задумываясь) рационализировать и морализировать на тему Священного Писания. Мы, неразумно подражая протестантам, ищем в Библии в первую очередь прямого морального назидания, и если находим, то хвалим Библию, а если находим в ней что-то несоответствующее нашим понятиям, то смущаемся.

Это смущение одних побуждает к попыткам как-то замысловато истолковывать простое по существу Слово Божие, а других вообще приводит к отрицанию Священного Писания.

На самом деле, если мы по своей темноте от постижения Ветхого Завета очень далеки, то от постижения духовных глубин Нового Завета мы, к сожалению, ещё более далеки. И поэтому, парадоксально, Новый Завет нам кажется ближе, чем Ветхий. Так и горы издали иногда кажутся не такими уж далёкими и высокими.

На мой взгляд, ко всему Священному Писанию нужно относиться с простотой и доверием, читать его, не мудрствуя и не стараясь подогнать безмерность Слова Божия под наши житейские мерки. Толкование и осмысление Библии нужно искать в Церкви, а что не поддаётся толкованию и осмыслению (нашему или вообще) со смирением принимать без толкования.

Дети проще нас и, насколько я мог заметить, обычно с удовольствием слушают и Ветхий, и Новый Завет. Естественно, родители и церковные педагоги могут выбирать для чтения то, что им представляется более подходящим. Смиренное сознание своей неспособности постичь многое в Священном Писании отнюдь не ограничивает нашей свободы.

Можно и всё подряд читать. В некоторых семьях, я знаю, читают детям по вечерам отрывки и из Ветхого Завета, и из Нового, и ещё жития святых. Хорошая традиция.

Сейчас родители очень заботятся о том, чтобы ребёнок был развит во многих областях. Это и иностранные языки, и спорт, и танцы. А у меня такой вопрос: есть ли такие кружки или студии, куда бы Вы не советовали отдавать своих детей? Например, восточные единоборства или балетные танцы?

В Вашем вопросе заложен очевидный намёк на ответ, что, конечно, заниматься карате или балетными танцами не следует по той-то или той-то причине. На самом деле, я думаю, суть не в том, чтобы священник распределил всевозможные занятия на три группы: желательные, допустимые и недопустимые — и навязывал своё мнение верующим родителям, а в том, чтобы сами родители задавались вопросами: «Что я хочу воспитать в своём ребёнке? Какие качества хотел бы, а какие не хотел бы в нём видеть?» Самый главный вопрос, над которым, к сожалению, мало кто задумывается: «Если Бог даровал мне ребёнка, то какую задачу Он передо мной ставит?»

Осмысление такого рода вопросов — главных вопросов воспитания — и обретение (хотя бы частичное) ответов на них может дать родителям

внутреннее основание для решения конкретных проблем, в том числе и для выбора внешкольных занятий своим детям.

Что касается так называемых восточных единоборств, то, мне думается, всякий разумный человек, прежде чем направить своего ребёнка чем-то заниматься, должен разобраться в сути предлагаемых занятий. Есть хорошая русская пословица: «Не зная броду — не лезь в воду».

Скажем, о карате или ушу известно, что это не просто системы боевой подготовки воинов, а шаманистические духовные школы. В какой мере занятия в таких духовных школах совместимы с православной верой, об этом, наверное, стоило бы задуматься и родителям, и вообще всем, кто в этих школах занимается.

С другой стороны, очень часто в наших дворовых секциях с таинственными японскими названиями нет на самом деле ни тхэквондо, ни айкидо, а только приукрашенная юго-восточной атрибутикой физкультура. Большого духовного вреда от занятий в таких секциях не ожидается, но есть некоторая опасность для здоровья. Серьёзные же занятия боевыми искусствами у настоящих учителей этих искусств могут привести к тяжелейшим последствиям для души.

Ещё раз хочу сказать, что взрослые люди сами должны решать, чем им заниматься и какие занятия выбирать для своих детей. Христос родился, пострадал и умер на кресте не для того, чтобы связать человека сводом новых правил, а чтобы освободить его от рабства греху. Вот эту свободу мы должны хранить, а от того, что нас вновь греху порабощает, — уклоняться. Но уклоняться надо самим, свободно, не потому, что батюшка в Церкви запрещает, а потому, что это от Бога удаляет, Богу не угодно.

Батюшка, скажите, как могло случиться, что сердцами многих наших детей завладел не наш святой богатырь Илья Муромец, а какой-то странный мальчик в очках по имени Гарри Поттер?

Откровенно говоря, я думаю, не столько Гарри Поттер завладел сердцами детей, сколько удачливой группе бизнесменов удалось завладеть кошельками их родителей. Об этой серии книжек столько говорят и спрашивают, что я, для того чтобы знать, о чём речь, и сам купил одну и начал читать. До конца не дотянул — очень скучно. Но ведь купил же! И сейчас мы с вами о Гарри Поттере говорим, и кто-то, послушав, захочет сам разобраться, что за книжка. И купит! У рынка, у рекламы — свои законы, и профессионалы умеют ими пользоваться.

Эта книга очень удачно, как сейчас принято говорить, «раскручена». Заслуга здесь не столько автора книги, сколько авторов проекта. (Не случайно приходится употреблять именно коммерческие, а не литературные термины.) Больше говорить об этой книжке я не хотел бы, чтобы невольно не занимать её рекламой.

Кстати, не подумайте, что я просто не люблю детскую или приключенческую литературу. Для всякого возраста и во всяком жанре могут создаваться как бездарные, так и талантливые произведения. Взять хотя бы «Хроники Нарнии» Льюиса. Книга вполне детская, сюжет захватывающий, а содержание глубокое, без всяких скидок.

Можно вспомнить множество заслуженно прославленных детских книг — и старых, и современных — содержательных и в то же время остросюжетных. Но эти книги вошли в историю литературы, а «Гарри Поттер», мне кажется, должен заслуженно войти в историю торговли.

Что Вы могли бы сказать о кукле «Барби»?

Игрушка как игрушка. С точки зрения коммерции — очень удачная (ведь она хорошо распродается). С точки зрения педагогики — по-моему, нет. Игрушка не должна быть натуралистичной, не должна быть слишком похожа на настоящий предмет. Кукла не должна быть слишком похожа на человека, потому что в этом случае ограничивается творчество играющего ребёнка.

Это относится к любым игрушкам, не только к куклам. И дело не в том, сколько игрушка стоит. Если бы я был даже миллиардером, то всё равно не стал бы своей дочери покупать куклу «Барби», а сыну — точную модель мерседеса. Пусть он лучше возьмёт кубик и представит его автомобилем, пусть повозит им по простому столу и представит себе пустыню Сахару или горную дорогу. Такая игра развивает интеллект. А тупо любоваться дорогой моделью дорогой машины — это развивает только тщеславие.

Так же и девочке, даже если семья может позволить себе любые траты на игрушки, полезно самой сделать себе куколку из тряпочек, представить, что это её ребёнок, пеленать, кормить, заботиться о нём. Так воспитывается истинная женщина, будущая жена и мать. А когда в руках ребёнка фигура человека, почти как настоящая, то это не детская игрушка, а манекен.

Впрочем, если на этот манекен она сама будет шить платье (шить, а не только надевать готовые!), это тоже будет очень полезно. Просто это будет уже не столько игра в куклы, сколько настоящее обучение маленькой женщины рукоделию. Это ещё лучше!

Как вы считаете: нынешнее телевидение, массовая культура способствуют духовному растлению детей?

Я не хотел бы присоединяться к хору ругателей телевидения и массовой культуры, хотя ругать есть за что. Главная беда не в них, а в том, что сами родители в огромной массе живут телевидением и массовой культурой, тогда как должны были бы жить в первую очередь своими детьми.

Когда семья живёт насыщенной духовной и душевной жизнью (это, кстати, не очень зависит от уровня образования родителей), когда дети чувствуют их любовь и внимание, когда с детьми дома занимаются, когда есть общая семейная жизнь, а не только совместное сидение у «ящика» и выпитывание уже помянутой массовой культуры, тогда она не так уж страшна, она не сможет до самой глубины пропитать своим ядом душу ребёнка.

Если родители мало зарабатывают, не травмирует ли детей бедность? Вот у Вас было четверо детей, Вы были алтарником, значит жили, мягко говоря, скромно. Как это переживали дети? Никогда не роптали они, что у кого-то из ровесников есть то, чего у них нет?

Не припомню, чтобы они когда-то огорчались именно по этому поводу. Мне кажется, здесь очень многое зависит от отношения самих родителей к своему материальному положению. Мы действительно жили скромно (а когда я был алтарником, просто на подаяние — и батюшки помогали, и прихожане), но никогда не считали и не ощущали себя обделёнными.

Как известно, в своей самооценке мальчики ориентируются на мать, девочки — на отца. Если мама огорчена тем, как выглядит её сын, он будет смущаться и видеть себя ущербным, а если мальчик маме нравится, он чувствует себя уверенно. Нам с супругой было важно, чтобы дети были одеты по сезону, а модно или немодно, лучше или хуже соседских детей, одноклассников, мы никогда даже не задумывались. Соответственно и их это не волновало.

Почему наркомания стала в последние годы массовым явлением среди детей?

Во-вторых, потому, что с наркоманией у нас долгое время почти совсем не боролись. А во-первых, потому что главная жизненная установка современного человека: получить как можно больше удовольствия и как можно меньше страдать. Иными словами: «Даёшь кайф без похмелья!»

А на самом деле жить надо ради вечности. Нужно знать и исполнять заповеди Божьи. Должен быть страх Божий: и страх наказания за грех, и страх оскорбить своим грехом Бога и лишиться общения с Ним.

Должно быть сознание того, что труд и трудности — Божье установление для падшего человека. Как сказано в Библии: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 19). У человека должна быть решимость терпеть посылаемые Богом страдания, в том числе душевные. Именно бегство от душевных трудностей и страданий, в первую очередь, толкает человека к спиртному, наркотикам, вообще в виртуальную реальность.

Бывает, что родители сгоряча бросают такие фразы своим детям: «Какой неумеха!» Или — «бестолковый», «лентяй», «хитрюга» и тому подобное. И впоследствии действительно ребёнок приобретает одно из этих дурных качеств. Говорит ли это о том, что родители своими необдуманными словами сами делают детей плохими?

Я думаю, что всё не так просто. Конечно, грубых выражений в общении с детьми да и со взрослыми людьми надо, по возможности, избегать. Конечно, слово имеет силу и, бывает, так «припечатывает» человека, что он потом на всю жизнь оказывается этим связан. Но далеко не у каждого человека и не всегда слово имеет такую силу.

А вот что точно влияет на детей, это то, как родители их оценивают (не на словах, а в глубине души), чего от них ожидают. Если папа не просто в раздражении назвал сына бестолковым, а действительно таким его считает и уже и не ждёт от него толковости, то это очень вредно для ребёнка, это программирует его на умственную лень и безответственность. «Всё равно я бестолковый, зачем же и утруждать себя напрасным рассуждением? Да и что с меня взять, бестолкового?» — это может стать как бы девизом человека и испортить всю его жизнь.

Ребёнок должен чувствовать, что родители не только хотят, что бы он был хорошим, но и верят, что он может таким быть.

Это, кстати, вполне соответствует православному пониманию человека как образа Божьего. Как бы ни был плох человек, всё же он остаётся, хотя и искажённым, но образом Божиим, а значит, исправление, очищение, покаяние возможно.

Мой сын, достигнув 15 лет, из ангела превратился в почти неуправляемого хама. Я просто не узнаю своего ребёнка. Чувствую, что его самого это мучает, но сделать он с собой ничего не может. Все говорят: потерпи, это переходный возраст. Возможно, это и так, но зачем нужен этот переходный возраст? Зачем Господь устроил так, что взросление причиняет такие ужасные страдания и самому человеку, и его близким?

Переходный возраст нужен для того, чтобы человек перешёл из детского состояния во взрослое. Никто ведь из родителей сознательно не хочет, чтобы их сын или дочь навсегда остались маленькими. Впрочем, к сожалению, неосознанно многие как раз этого и хотят, и такое желание бывает очень вредно для ребёнка.

Но почему естественный период взросления иногда проходит так трудно, почему дети начинают дерзить родителям, не хотят слушать даже очевидно разумных советов, если они исходят от папы и мамы, хотя к чужим людям часто оказываются, наоборот, чрезмерно доверчивы? Вы спрашиваете: зачем так устроил Господь? Но Господь вовсе не устраивал, чтобы «взросление причиняло ужасные страдания и самому человеку, и его близким». Так устраиваем мы сами. Каким образом? — В полноте не берусь описать, но укажу на некоторые моменты.

В одной статье о воспитании детей в семьях русских крестьян XIX века я прочитал, что крестьянские дети очень рано становились взрослыми, то есть способными к самостоятельной жизни. Подросток в 15 лет уже мог в случае необходимости быть хозяином в доме, а девочка и ещё раньше — в 12 лет хозяйкой. А надо ведь учесть, что крестьянское

хозяйство было не только очень трудоёмким, но и сложным: требовало многих знаний и навыков.

Я не идеализирую простонародье: в те времена, как и теперь, грехи у людей во всех слоях общества бывали всякие. Но вспомните: нигде в русской классической литературе мы не находим даже упоминания о конфликтах переходного возраста в семьях крестьян. Подростки выросли душевно раньше, чем созревали физически, сейчас так бывает очень редко.

Я думаю, одной из главных причин столь успешного воспитания было то, что в тех семьях взрослые, дети, старики — все жили единой жизнью, и каждый делал, что мог. 5 лет — возьми прутик и паси гусей. Стал постарше — тоже трудись по силам. Вырос — берись за тяжёлую мужскую работу. Дети видели, что родители сильнее их, лучше разбираются во всех общих для них делах. Отсюда возникало естественное уважение к родителям и вообще старшим. И работали, и отдыхали, и ели, и молились — жили вместе.

И сейчас, если дети могут жить общей жизнью с родителями, это идёт им на пользу. Я, например, благодарю Бога за то, что мои старшие сыновья помогли мне в алтаре, когда я служил в Хабаровске. Илюше было 10, а Ване — 8 лет. Меня назначили настоятелем храма. Старичок-пономарь там оказался очень слабеньким. И младший сын по-настоящему занимался алтарным хозяйством, а старший читал на службах. Оба ходили со свечами. Я с них спрашивал как с настоящих алтарников, а не как с маленьких детей.

Думаю, что в значительной мере благодаря тому, что меня с детьми всегда связывало общее серьёзное дело, у нас не было описанных конфликтов переходного возраста. Трудности и неприятности в переходном возрасте, конечно, были, потому что наши страсти

росли вместе с нами, однако личные отношения детей и родителей всегда оставались хорошими.

Но в огромном большинстве даже благополучных семей дети почти всё своё время проводят отдельно от родителей. Детский сад, школа, кружки... Телевизор, компьютер... Родители на работе, вечером на домашней работе или тоже телевизор, компьютер... Детей и родителей не связывают общие дела. В лучшем случае бывают общие развлечения, а нужны как раз общие дела.

Повторюсь: если мальчик работает вместе с отцом, он видит реальное превосходство отца и естественно исполняется к нему уважением. Если девочка вместе с матерью занимается домашним хозяйством — то же самое — она видит силу и умение матери, подражает ей и естественно уважает и слушается её. Реально вровень с родителями эти мальчик и девочка станут, только когда станут совсем взрослыми, а не в переходном возрасте.

Современный же ребёнок до какого-то времени воспринимает родителей почти без критики, а потом по мере развития ума (годам к 10–12, иногда раньше) замечает, что в самом, как ему кажется, главном родителей догнал, а то и перегнал. Ведь типичный современный человек это человек-потребитель, а потреблять дети способны ничуть не хуже, чем взрослые. А поскольку принятый подавляющим большинством людей жизненный идеал — это иметь побольше житейских благ при наименьших усилиях, то как раз способность родителей прикладывать усилия (то есть способность к трудовой и творческой деятельности) перестала считаться достоинством, а воспринимается многими детьми почти как недоразвитость родителей.

С другой стороны, в переходном возрасте человека начинают особенно волновать важнейшие жизнен-

ные вопросы: о смысле жизни, о любви, о выборе жизненного пути, а родители зачастую не могут помочь ребёнку их разрешить. И не по простоте своей — это бы не беда — а потому что родители эти вопросы не разрешили для самих себя (а то и не считают их важными).

При этом зачастую родители требуют от подростка выполнения каких-то моральных норм, а обосновать их не могут. Требуют выполнения правил, а сами их сплошь и рядом нарушают. Внушают сыну или дочери принципы, по которым сами не живут. Когда дети видят наше лицемерие, когда мы поучаем их тому, что сами не делаем, это больше всего другого подрывает наш родительский авторитет.

Если ребёнок упорно стремится к дурному, какой смысл в том, что родители насильно не пускают его на гулянки или, скажем, не дают смотреть порнографию?

Конечно, родительские запреты сами по себе не защищают детей от нравственных падений, могут разве что замедлить процесс, превратить его в сползание. Но и в этом бывает свой смысл. Однако главное, на мой взгляд, то, что ведь эти судорожные попытки верующих родителей и педагогов удержать и оградить подростков от зла — проявление не только немощи, но и любви, сердечного болезнования о детях. Это, если хотите, молитва в такой форме.

Ребята, которые осознали себя христианами до наступления переходного возраста, могут и удержаться — с Божией помощью — от соблазнов (гарантии, конечно, нет). Для большинства же характерны конфликты с родителями, готовность к блуду (далеко не все доходят до дела, но не из страха Божьего и не из любви к чистоте, а потому что не удаётся), отступление от веры. Захватывают страсти.

То, к чему тянет молодых, представляется им очень сладким, да ещё и оправдывается миром. Поэтому большинство даже верующих подростков в той или иной мере соблазняются. Но многие возвращаются, нахлебавшись греховной мути и познав на собственном опыте правоту родительских увещаний.

Это как в анекдоте: «Девочка в 5 лет: мама всё знает. В 10 лет: мама не всё знает. В 15: мама меня не понимает. В 20 лет: мама ничего не понимает. В 30 лет: надо было слушаться маму».

Что же остаётся делать родителям и воспитателям, когда дети, несмотря на все усилия и уговоры, уклоняются от истинного пути? Не устраниться и не передавить. Тут невозможно давать рецепты. Надо стараться, чтобы с детьми всегда оставался человеческий контакт. Не любой, но едва ли не любой ценой. Во многом можно отступить, чтобы только этот контакт сохранился. И когда ребёнок захочет вернуться, ему будет, куда прийти.

Помню, мне приходилось говорить своим маленьким детям: «Я тебя не буду наказывать, потому что наказывают хороших мальчиков. Если они что-то плохо сделают, то их мама с папой накажут. А ты так себя ведёшь, как будто не сын». И они, кстати, прекрасно понимали, что вышли за пределы отношений. Вот и родителям надо всячески стараться не выходить за пределы отношений.

Современная молодёжь, на ваш взгляд, — потерянное поколение, или нет?

Бог видит каждого человека лично, а не смотрит на массу людей. Я не считаю нашу молодёжь потерянной. Бывает, человек сам теряет-ся на своих путях, но если он ищет Бога, ищет истину, то в дальнейшем выправляется.

Знаю многих взрослых людей, которым выпало пройти очень неровным путём, но затем они обрели себя в Боге и вполне выправились. Вот один из примеров. Несколько лет назад мне прислал письмо одноклассник, который в школе был одним из самых талантливых учеников, но и одним из самых больших безобразников. В письме он сообщил, что живёт в Америке, верующий христианин, у него восемь детей. Из Интернета я узнал, что он, кроме того — крупный учёный, топ-менеджер известной компьютерной корпорации.

Я не разделяю энтузиазма юношей и девушек, которые раскрашивают себя в синий и зелёный цвет. Мне кажутся наивными все эти хлопоты о том, чтобы выглядеть оригинально, «круто», «прикольно». Я думаю, что для всякого человека самое оригинальное — это быть самим собой. Но многие из этих ребят, которые так порой шокируют людей моего поколения, когда подрастут, станут хорошими взрослыми людьми.

Конечно, проблем в современном обществе немало, как было и во все времена, но если будет внутреннее воскресение людей, если они обратятся к Богу и захотят жить духовной жизнью, жить по-божески, то всё во всех сферах нашей жизни наладится. Богу легко исправить всё — и общественную, и экономическую, и нравственную, и культурную жизнь. Единственное, чего не может сделать всемогущий Бог, — это заставить Его любить, в этом нам дана полная свобода.

Известно, что мальчики из весьма благополучных интеллигентных семей иногда попадают в преступные компании. Почему так случается, почему интеллигентность семьи не дала им «прививки» против зла?

В контексте заданного вопроса под интеллигентностью, видимо, понимается высшее образование

старших членов семьи, а благополучие имеется в виду чисто внешнее (родители открыто друг другу не изменяют, не пьянствуют, не дерутся и т. п.). Но разве это само по себе может быть «прививкой против зла»?

Чтобы внутренне противиться злу, человеку нужно, во-первых, иметь опыт добра и, во-вторых, стать в своём сердце на сторону добра. Это «стать в сердце на сторону добра», конечно, самое главное, но определяется в первую очередь свободным личным выбором. А вот опыт добра человек может получить извне: от учителей, знакомых, через произведения литературы, искусства. И, конечно, на первом месте здесь должна быть семья.

Когда ребёнок видит взаимную любовь родителей и их нелицемерное благочестие, когда сам ощущает родительскую любовь, когда видит искреннее и серьёзное внимание родителей к своим (ребёнка) делам и к своей душевной и духовной жизни, когда сам принимает посильное участие в семейных делах — это имеет огромное значение в будущем столкновении его со злом во внешнем мире.

Хотя, конечно, и при самом лучшем воспитании от заблуждений застраховаться невозможно, но стараться, насколько это от нас зависит, дать своим детям опыт добра — наш родительский долг. Остальное уже определится Промыслом Божиим и свободной волей самих детей.

Отец Константин, Вы как-то говорили, что с десяти лет росли без отца. Чувствовали, что не хватает мужского воспитания?

Я это понял уже задним числом. Мама и бабушка воспитывали меня с любовью, но, конечно, то, что в доме не было мужчины, кроме меня, мальчишка, сказывалось на моём воспитании отрицательно.

Важно, чтобы ребёнок видел добрые упорядоченные взаимоотношения родителей, мальчик — пример отцовского поведения, девочка — материнского, а когда семья неполная (неважно, по каким причинам), такого примера нет. Это может быть каким-то образом компенсировано — Богу всё возможно.

Думаю, в моей жизни это исправил Сам Бог, когда я крестился. У меня резко изменились представления о том, как должна строиться семья. Её нерушимость, послушание детей родителям, разделение ролей так глубоко вошли мне в душу, как будто я вырос в такой семье, хотя я никогда ничего похожего не видел, да и не читал нигде об этом. Но мне стало ясно, что муж — глава семьи, все его должны слушаться, он должен обеспечивать семью, а жена должна заниматься детьми и домашним хозяйством.

Конечно, это может показаться слишком суровым, но ведь церковная иерархия — и в масштабах прихода или епархии, и в домашней церкви — должна быть основана не на холодном принципе, а на любви к Богу и ближним. Однако иерархия должна быть, это как бы скелет в Церкви, Теле Христовом.

Хочу уточнить, что я никому ничего не навязываю. Тем более не хочу, чтобы кто-то из моих слов сделал вывод, что его жена должна уйти с работы. Моя жена не любительница общественной деятельности, для неё было органично не работать, а заниматься детьми, и мы оба сходились во мнении, что для детей предпочтительнее домашнее воспитание.

Я считаю, что так лучше: муж — лидер, на нём лежит ответственность за семью (во всех смыслах: материальном, душевном, духовном), а жена — надёжный тыл, мужа поддерживает и детьми занимается.

Но всё должно быть в мирном духе, по любви. Если же муж насильно посадит жену дома, ничего хорошего это не даст.

А когда оба супруга работают, вечером приходят домой, жена готовит ужин и убирается в квартире, а муж смотрит телевизор или играет в компьютерные игры, это нелепо. Ещё большая нелепость, а такое тоже бывает, когда муж не работает и не ищет работу, и по хозяйству ничего не делает, а жена и деньги зарабатывает, и его «обязана» обслуживать. Такого быть не должно.

Я просто говорю, как, на мой взгляд, должно быть в идеале. Как я это осуществлял, другой вопрос — хвалиться нечем, но дело не во мне. Очень важно понимать, что мужчины и женщины — разные. Равны мы перед Богом в том, что созданы по Его образу и подобию, но психология разная и у взрослых мужчин и женщин, и у мальчиков и девочек. Поэтому и в жизни у нас разные роли, и в семье.

Вы говорили, что родительское давление на детей для них полезно. Но разве это допустимо в наше время?

Конечно, говорить о родительском давлении на детей сейчас труднее, чем даже в 90-е годы. Атмосфера в обществе изменилась, эти изменения затрагивают и церковную среду. Раньше люди легче воспринимали мысли о послушании, об отцовской власти, о допустимости строгих наказаний. Многие не понимают разницу между «чтобы ребёнку было хорошо» и «чтобы ребёнок был хорошим». А это разные цели и они предполагают разные средства.

Чтобы ребёнку было комфортно, нужно обходиться без требований, обязанностей, наказаний — только договариваться. И такой подход может дать

видимый успех, но поверхностный. А философ Константин Леонтьев писал, что для духовной жизни народа полезно внешнее давление. Кому ж оно, внешнее давление, приятно? Никому, но оно полезно для воспитания воли, терпения, смирения. И ребёнку полезно, когда от него что-то требуют.

Бывают, хотя и не так часто, дети мягкие, уступчивые — от них, казалось бы, уж точно можно ничего не требовать, не нужно ни к чему их понуждать. Но как тогда будет формироваться воля ребёнка? Всегда есть опасность перегнуть палку. Это как в тяжёлой атлетике — если человека перегрузить, он получит травму, даже может стать инвалидом, но, если его недогружать, он останется слабым. Воспитание воли, мужества без требовательности, без какого-то давления невозможно.

Рады ли Вы, что Ваши дети стали священниками? Вы их настраивали на это?

Я очень рад, как, я думаю, радуется любой отец, если он занимается любимым делом, а потом его сыновья тоже это дело избирают. Как только я начал воцерковляться, сразу полюбил священство, захотелось самому служить, причём было неважно, в кафедральном соборе или в сельском храме. Когда я был рукоположен, сыновьям было от пяти до десяти лет, они много времени проводили в храме, полюбили богослужение. Но установки вырастить их священниками у нас с матушкой не было. Всё-таки священство — личное призвание, вот троих Господь призвал; если призовет четвёртого, и он будет служить.

О ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ ПРИ УСПЕНСКОМ ХРАМЕ Г. КРАСНОГОРСКА

Успенский храм г. Красногорска был возвращён Церкви в 1990 году, а в 1991 году мы с тремя молодыми певчими, имеющими музыкально-педагогическое образование, собрали около 20 человек детей и стали с ними заниматься Законом Божиим и церковным пением, благо — при храме нашлось для этого помещение.

Год от года школа росла, на сегодняшний день (1 января 2016 года) в ней занимается около 350 детей и подростков от 4 до 16 лет, работает больше 20 преподавателей (среди них есть священнослужители); существует несколько детских хоров, которые регулярно выступают в концертах, иногда весьма высокого уровня. Сводный хор не раз пел на архиерейских, в том числе патриарших, службах.

Главной задачей школы является воцерковление и церковное воспитание детей и подростков; при этом большое внимание уделяется хоровому пению и активному участию ребят в богослужениях. Поэтому она называется: Детская церковная

музыкальная школа. Хотя школа имеет официальный статус воскресной, те воспитанники, у которых есть дома фортепиано, есть способности и есть желание серьёзно заниматься музыкой, получают у нас подготовку на уровне хорового отделения муниципальной музыкальной школы.

Поэтому наших выпускников — не всех, конечно, — принимают в лучшие музыкальные учебные заведения: училище при Московской государственной консерватории, Академию хорового искусства, Музыкальный колледж при Московском государственном институте музыки имени А. Г. Шнитке и другие. Первый регент хора духовенства Московской епархии (ныне епископ Зарайский Константин) окончил нашу Детскую церковную музыкальную школу.

Многие выпускники поддерживают связь со школой и участвуют в занятиях, праздниках и, конечно, в богослужениях. Шестеро приняли священный сан (один из них стал епископом), трое — монашество, некоторые стали певчими и алтарниками, получили или получают высшее богословское образование.

Но многие, оставаясь глубоко верующими церковными людьми, избирают и мирские профессии. Несколько ребят учатся или уже отучились в разных вузах (МГТУ им. Баумана, МФТИ, МАИ и других). Есть среди наших выпускников работники правоохранительных органов, врач, дипломат, архитектор, учителя и предприниматели. Некоторые ребята служат или уже отслужили в армии.

Бывает, что выпускники приводят в родную воскресную школу своих детей, мы этому, конечно, рады.

ЦЕРКОВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «УРОК-МОЛЕБЕН»*

(концепция воскресной школы)

ВВЕДЕНИЕ

Церковно-педагогический проект (концепция воскресной школы), получивший название «Урок-молебен», возник как обобщение многолетнего опыта работы коллектива церковных педагогов по воцерковлению и церковному воспитанию детей в приходской воскресной школе Успенского храма г. Красногорска Московской епархии.

Обобщение и осмысление этого опыта принадлежит директору воскресной школы (он же настоятель храма), но, конечно, сам проект есть плод ревностных трудов, молитв и раздумий многих людей. Среди них, в первую очередь, необходимо назвать Надежду Валентиновну Зинину (ей принадлежит разработка уроков по «Обиходу»), Елену Михайловну Кузнецову и Светлану Юрьевну Безрукову.

* Эти заметки частично опубликованы в сборнике «Записки о Второй школе, или Групповой портрет во второшкoльном интерьере», вып. 2, М., 2006 г.

Впервые доклад о проекте «Урок-молебен» был сделан автором на Пастырском семинаре, проходившем в Высоко-Петровском монастыре в Москве 17 ноября 2003 года. Затем этот проект не раз представлялся на Международных Рождественских образовательных чтениях. В резолюции I направления XV Международных Рождественских образовательных чтений «Православное воспитание и образование» (2007 год) о нём сказано:

«В работе по церковному воспитанию детей следует максимальное внимание уделять привлечению их к сознательному участию в богослужении. В этом отношении особенно успешным представляется опыт воскресной школы Успенского храма г. Красногорска Московской области, в которой уже 4-й год осуществляется церковно-педагогический проект "Урок-молебен"».

Постановка задачи

От воскресной школы обычно ожидают, что она научит детей православной вере, даст им знания по Священной Истории и литургике. Если какой-нибудь ребёнок прозанимался в воскресной школе несколько лет и не может ответить, кто такой Авраам, или объяснить, в чём смысл Божественной литургии, у многих может возникнуть вопрос, зачем он вообще посещал воскресную школу. С другой стороны, есть немало людей, освоивших не то что учебник Закона Божьего, но даже семинарский курс, которые, при этом, живут и мыслят совсем не по-христиански.

Чем, как и зачем нужно заниматься с детьми в приходской воскресной школе? Размышляя об этом, нам не следует забывать, что в воскресную школу приходят не духовно зрелые люди, которым только недостаёт богословских знаний, а обыкновенные современные дети с почти отсутствующим у большин-

ства из них положительным духовным опытом, зато переполненные вредными впечатлениями, навязанными им окружающим их расцерковлённым миром.

Наши дети не просто не имеют или имеют мало знаний о вере и Церкви, они, как правило, духовно совершенно не готовы к усвоению тех сведений о Боге, о Христе, о богослужении, которые в них обычно стараются вложить на уроках Закона Божьего. Умственно они способны воспринять очень много информации, в том числе и о духовных предметах, но духовно не готовы. Это относится в полной мере и к детям из благочестивых церковных семей.

Мало того, если ко многому плохому наши дети успели привязаться, то многое хорошее уже набило им оскомину. С Библией они знакомы с малолетства через мультфильмы и комиксы, и её святое содержание представляется большинству из них сказкой, причём не самой интересной.

Всё это нам следует учитывать и давать своим воспитанникам духовную пищу так, чтобы они могли её усвоить во спасение души, а не только запомнить некий набор сведений из Священной Истории и катехизиса.

Духовная жизнь таинственна. Глубоко в сердце каждого человека происходит — обычно неосознаваемый, но от того не менее ответственный — диалог с Богом. Кто-то говорит Ему: «Господь мой и Бог мой!», а кто-то: «Ты мне не нужен». Большинство из нас — и детей, и взрослых — всё время говорит Богу: «Подожди, мне сейчас не до Тебя».

Именно этот диалог определяет и вечную участь человека, и — в главном — его временную судьбу. Если перед воскресной школой ставится задача воцерковления и церковного воспитания детей, то предполагается, что церковный педагог

должен стараться как-то подключиться к упомянутому сердечному диалогу своих подопечных, чтобы побудить их отворить Богу сердечную дверь. Но сами-то мы, педагоги, что отвечаем Богу на Его призыв?

Конечно, можно сказать, что учителю в воскресной школе не надо и ставить перед собой столь великих задач. Нужно просто преподавать детям основы православия, рассказать о сотворении мира, научить заповедям Божиим. Но это «просто» совсем не просто.

Ведь мало возвестить детям великие истины — надо, чтобы они эти истины усвоили, и не столько поняли умом, сколько услышали сердцем, а услышав, могли уверовать («Вера от слышания» (Рим. 10, 17)). Уверовать не так, как верят прогнозу погоды на чужом континенте, а так, чтобы истины православной веры стали основой их мировоззрения и — главное — основой для принятия ими жизненно важных для них решений.

Впрочем, уверовать — это дело свободной воли человека. А вот донести истину до ученика, чтобы он её услышал сердцем и таким образом получил возможность сделать свободный выбор, — это дело церковного педагога. Но, чтобы на уроках Закона Божьего доносить истины веры не только до ушей и умов, а и до детских сердец, нужно иметь особый дар апостольства или дар духовного учительства, в наше время — очень редкие дары.

В связи с этим мне вспоминается одно небольшое стихотворение Александра Аронова «Учитель словесности»:

Преподавать литературу —
Анализировать поток.
Перешибать струю литую
И собирать её потом.

Примеривая голос строгий,
На мух раскраивать слона
И притворяться, будто строки
Раскладываются на слова.

(А двоечник стоит сутуло,
Молчит про что-то про своё...)
Преподавать литературу —
Немного предавать её.

Хотелось бы преподавать детям православие, не предавая.

Что же делать? На семью в деле церковного воспитания надежда плохая, потому что современная семья сама находится, как правило, в духовном расстройстве (подробно об этом сейчас говорить не будем).

Однако и в идеальной семье не разговаривают всё время о Боге, в ней просто живут, а о Боге помнят, Богу молятся. В настоящей православной семье сама повседневность бывает пропитана верой и молитвой, о духовных же вещах люди говорят, когда Бог благословляет, а не по расписанию. Так же, очевидно, должно быть и в приходской семье.

Вот почему мы в нашей воскресной школе всерьёз занимаемся с детьми сольфеджио и рисованием, морским делом и строевой подготовкой — разными, непосредственно не относящимися к духовной жизни предметами. Мы тратим на это много времени, сил и церковных средств почти только ради того, чтобы быть вместе с детьми, чтобы было пространство для общения.

Урок-молебен

Но вот пространство для общения создано, в него, как в почву, вложены зёрна — детские души. Помочь им вырасти настоящими церковными людьми, постараться донести до детских сердец Закон Божий — задача приходской воскресной школы. И подходы к её решению есть.

Ведь всякий священник, даже если он не имеет особого дара духовного учительства, имеет иное, не менее великое, зато несомненно присущее ему духовное дарование — священный сан. Особенностью этого дарования является, кстати сказать, то, что оно может и даже, как правило, должно употребляться нами, священниками, не по особому каждый раз Божьему благословию (оно уже дано при рукоположении), а по расписанию или даже по нашему усмотрению.

В словах «давайте, дети, поговорим с вами о Боге» обычно есть какая-то фальшь, потому что Богу-то всегда ли угодно, чтобы мы о Нём говорили? А сказать ребятам, что сейчас мы с вами отслужим молебен, — в этом ничего натянутого нет. На то и священник, чтобы совершать богослужения, в том числе молебны.

С весны 2003 года мы стали регулярно проводить с детьми так называемые уроки-молебны. Это настоящие богослужения, их чин составлен настоятелем, а изменяемые части определяет, в согласии с настоятелем, преподаватель «обихода». Есть у нас такой предмет «обиход», на котором дети разучивают гласы, учатся читать по-церковнославянски, под руководством педагога разбирают тексты стихир и тропарей, которые потом будут петь на уроке-молебне, знакомятся с отрывком из Евангелия, который им на уроке-молебне будет читать и истолковывать священник.

Духовная беседа на этом уроке может возникнуть, а может не возникнуть — она не планируется, хотя действительно нередко возникает сама собой. А иногда и не возникает. Ну что ж, урок обихода идёт своим чередом.

Урок-молебен проходит совсем по-другому. Это богослужение, на которое и дети, и учитель, и священник настраиваются именно как на богослужение. Ребята заранее пишут записочки с именами тех, кого они хотят помянуть; войдя в храм, прикладываются к иконам, кто хочет — ставит свечи. Детей обыкновенно немного, человек 5–10, поэтому легко соблюсти благоговейную тишину во время службы, до и после неё.

На уроке-молебне дети сами поют уже знакомые им из урока по обиходу тексты. Священник читает Евангелие по-церковнославянски, потом пересказывает его по-русски и произносит проповедь. Мне самому приходилось не раз у одних и тех же детей проводить обычные уроки, а потом с ними же служить уроки-молебны. Так вот, те самые дети, которые на обычном уроке слушали Священное Писание вертясь или зевая, на уроке-молебне слушали и его, и последующую проповедь серьёзно и внимательно.

Почему молебен, а не литургия

Может возникнуть вопрос: «Почему молебен, а не литургия?» Разумеется, литургия это главное в церковной жизни. В литургии наши дети обязательно участвуют не реже одного раза в месяц, поют за богослужением, и большинство причащается. Исповедуются они обычно накануне, в особо назначенное время.

Немногие сами, не в обязательном порядке, ходят на службу почти каждое воскресенье. Если их набирается человек двадцать, ребята составляют отдельный хор во главе с педагогом. Если нет, то им

разрешают петь вместе со взрослыми профессионалами. Хотя ребята немного мешают профессионалам, их всё же по понятным причинам не отстраняют.

Большинство воспитанников нашей воскресной школы ходит на литургию и причащается, как было уже сказано, раз в месяц и в обязательном порядке. Тут вопрос ставится следующим образом. Школа церковная, и человек, который не хочет воцерковляться, не может в ней и оставаться.

Какое-то время, если он колеблется, мы терпим и ждём, иногда ждём долго, но, в конце концов, человек должен выбрать: или он православный христианин и причащается Святых Христовых Таин, или он уходит. Бывает по-всякому. Одного мальчика терпели год, и он воцерковился. А другого тоже ждали-ждали, но он так и не решился принять Крещение, хотя и говорил, что верует во Христа.

Но Божественная литургия, являясь сердцем всей церковной жизни, для преподавания детям духовных истин в воскресной школе подходит не в такой степени, как молебен.

Во-первых, молебен можно служить в любое удобное время и подготовка к его проведению гораздо проще, чем к служению литургии.

Во-вторых, в чин Божественной литургии недопустимо без особого благословения священноначалия или крайней необходимости вносить какие бы то ни было изменения, а молебен — это обычно некая модификация чина утрени или вечерни, то есть в него вполне естественно вводить изменяемые песнопения: стихиры, тропари и другие.

В-третьих, при общепринятых приходских сокращениях молебен служитя гораздо быстрее, чем литургия (обычно от 20 до 50 минут)*.

* В настоящее время уроки-молебны как собственно молебны сохранились только у третьеклассников. Постепенно развились

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Мне думается, что мы приблизились здесь к чему-то очень важному. Урок-молебен это способ преподавания православного вероучения, вполне традиционный для Церкви и одновременно соответствующий возможностям современных детей и педагогов.

Ведь православное богослужение является не только собственно молитвой, оно одновременно с молитвой преподаёт своим участникам ещё и множество богословских истин, причём преподаёт их органично. Истины воспринимаются умом и сердцем и ровно в той мере, в какой человек готов и способен их воспринять в данный момент.

Воспринятые в ходе богослужения истины веры глубоко усваиваются человеком и в дальнейшем переживаются им как нечто само собой разумеющееся. Конечно, будет очень хорошо, если христианин свою веру ещё и осмыслит. Но осмысление истины должно следовать за её сердечным восприятием, а не быть только рассудочным.

ПОЧЕМУ МОЛЕБЕН, А НЕ ВЕЧЕРНЯ И УТРЕНЯ

Следует, я думаю, оговориться, что, быть может, многие люди пришли к сознательной глубокой вере не через богослужение, а как-то по-другому, и уже потом стали ходить в храм Божий. Но сейчас речь идёт не о том, какими путями Бог, бывает, приводит людей в Церковь, а том, как организовать преподавание Закона Божьего детям в приходской воскресной школе, чтобы Божий Закон запечатлевался в их сердцах (в той мере, конечно, в какой эти сердца захотят ему открыться).

«изобразительные» уроки-молебны, «вечерние» уроки-молебны, «утренние» уроки-молебны и даже «панихидные» уроки-молебны. В качестве зачёта ребята всем классом выходят петь на вечерню с акафистом или полиелейную утреню по приходскому расписанию.

Казалось бы, чего же проще? Пусть дети ходят на всенощные, вечерни и утрени и приобщаются к нашему богослужебному богатству. Но реально организовать такое участие учеников воскресной школы в богослужении невозможно. Регулярно ходить в храм на вечерни и утрени будут единицы, а в нашей воскресной школе детей — многие десятки.

Ещё труднее было бы устроить активное участие этих десятков в обычном приходском богослужении. Ведь очень важно, чтобы дети сами пели и читали на службе, да ещё и понимали, что они поют, читают и слышат. Поэтому мы стали устраивать для детей уроки-молебны — настоящие, но приспособленные для воскресной школы богослужения.

ОБЫЧНЫЕ УРОКИ ТОЖЕ НУЖНЫ

КАК ЖЕ БЫТЬ С ОБЫЧНЫМИ УРОКАМИ ЗАКОНА БОЖЬЕГО? Неужели им совсем не место в воскресной школе? Думаю, что эти уроки нужны, но не для всех детей. Во-первых, они вполне уместны для малышей 4–6 лет, с которыми педагоги работают в доступной для маленьких детей, часто игровой форме.

И очень желательно, чтобы регулярные занятия церковными предметами, такими как Священная История, литургика и прочее, были организованы для подростков и молодых людей, но, как сказано, не для всех, а только для воцерковившихся и при этом желающих иметь систематические богословские знания*.

* В настоящее время в Московской (областной) епархии эта проблема в значительной мере решается с помощью Епархиальных библиейско-богословских курсов им. прп. Сергия Радонежского, действующих при Коломенской духовной семинарии и имеющих отделения во многих приходах.

КОНЦЕПЦИЯ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СЛОЖИЛАСЬ ОПРЕДЕЛЁННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСКОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Первое. Воскресная школа должна приобщать детей к церковным таинствам и, главное, к Божественной литургии.

Второе. Закон Божий должен преподаваться детям преимущественно через богослужение, например, урок-молебен и связанный с ним урок обихода.

Третье. Для воцерковлённых подростков, желающих иметь систематические знания по Священной Истории, литургике и прочему, желательно организовать обычные занятия по этим предметам.

Четвёртое. В воскресной школе дети должны иметь какое-то интересное для них занятие, непосредственно, может быть, и не имеющее отношения к задаче воцерковления, но привлекающее детей в воскресную школу и помогающее им в ней удержаться.

В воскресную школу приходят дети — живые и свободные семена, которые призваны Богом к тому, чтобы духовно возрасти, созреть и принести плод.

Для этих семян мы на приходе стараемся создать почву, то есть занимаемся с детьми тем, что свойственно их душевному устройству, но не греховно само по себе. Это хоровое пение, сольфеджио, морское дело и строевая подготовка (у мальчиков), паломничества, экскурсии, весёлые праздники и тому подобное.

А поливаем мы наши духовные растения живой водой богослужений, участвуя в которых и готовясь к которым, дети попутно воспринимают и православное вероучение, в той мере, в какой это для них доступно.

Так мы насаждаем и поливаем, а взращивает всех Бог. Как сказано у апостола Павла: «Я насадил,

Аполлос поливал, но возрастил Бог; посемя и насаждающий и поливающий есть ничто, а всё Бог возвращающий» (1 Кор. 3, 6–7). Впрочем, и мы, к сожалению, не апостолы, и дети наши не всегда выбирают добро. Бог возвращает всех, а возрастает — кто хочет.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ДЕТСКОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ

(тезисы выступления на XVIII Международных Рождественских образовательных чтениях, секция «Церковно-приходская воскресная школа», 2010 г.)*

Дорогие отцы, братья и сёстры! За время, прошедшее с начала 90-х годов прошлого века, когда начали активно действовать воскресные школы, у церковной педагогической общественности накопился огромный опыт. Как положительный, так и отрицательный. И все, кто серьёзно занимается с детьми на приходе, кажется, поняли, что простое вкладывание знаний в умы детей (как это бывает, скажем, на уроках химии) в отношении Бога и Церкви неуместно. Потому что, если подросток не полюбит химию, не будет знать школьную программу по ней, это вполне приемлемо. А если он не полюбит Бога и Церковь, но будет назубок знать предмет «Закон Божий», это с церковной точки зрения совсем неприемлемо.

Скромность относительно Бога

Ведь даже человеку неприятно, когда равнодушно или с недоброй иронией говорят о нём или о том,

---

* Опубликовано в журнале «Приход», № 2 за 2010 г.

что для него дорого. Человек может охотно открыться перед тем, кто относится к нему с любовью, как, например, мать или жена; или с состраданием, как, например, врач. Но никто не любит, когда кто-то нескромно, а тем более с неприязнью интересуется его личной жизнью.

Тем более мы должны проявлять скромность относительно Бога и с большой осторожностью предлагать (во всяком случае, не навязывать!) рассудочные знания о Нем людям, в том числе подросткам, которые к Нему пока (или даже вообще) сердечно холодны.

Однако, несмотря на весь накопленный за последние годы церковным педагогическим сообществом опыт, и по сей день в статьях и устных выступлениях на тему воскресных школ почти всегда предполагается очевидным, что вкладывать в детские души сведения о Боге, безусловно, нужно, и обсуждается только вопрос «как?».

Наши дети

Поэтому я решусь процитировать несколько абзацев из не раз уже опубликованной статьи «Урок-молебен», чтобы вновь обратить внимание церковных педагогов на вопрос: многие ли из наших учеников способны воспринимать информацию о Боге и Церкви на школьных уроках с пользой для себя, а не с вредом?

Ведь мы имеем дело не с абстрактными детьми с обложки старинного букваря! Разве для кого-то из нас секрет, что «в воскресную школу приходят не духовно зрелые мужи и жены, которым только недостаёт богословских знаний, а обыкновенные современные мальчики и девочки с почти отсутствующим у большинства из них положительным духовным опытом, зато переполненные вредными

впечатлениями, навязанными им окружающим их расцерковлённым миром.

Наши дети не просто не имеют или имеют мало знаний о вере и Церкви, они, как правило, — и это главное — духовно совершенно не готовы к усвоению тех сведений о Боге, о Христе, о богослужении, которые в них обычно стараются вложить на уроках Закона Божьего. Умственно они способны воспринять очень много информации, в том числе и о духовных предметах, но духовно не готовы. Это относится в полной мере и к детям из благочестивых церковных семей.

Мало того, если ко многому плохому наши дети успели привязаться, то многое хорошее уже набил о им оскомину. С Библией они знакомы с малолетства через мультфильмы и комиксы, и её святое содержание представляется большинству из них сказкой, причём не самой интересной».

Ведь, это все знают, и как же можно это не учить?

«Мало возвестить детям великие истины — надо, чтобы они эти истины усвоили, и не столько поняли умом, сколько услышали сердцем, а услышав, могли уверовать. Уверовать не так, как верят прогнозу погоды на чужом континенте, а так, чтобы истины православной веры стали основой их мировоззрения и — главное — основой для принятия ими жизненно важных для них решений».

«Но, чтобы на школьных уроках доносить истины веры не только до ушей и умов, а и до детских сердец, нужно иметь особый дар апостольства или дар духовного учительства, в наше время — очень редкие дары».

Не имея этих даров, не рискуем ли мы принести не пользу, а вред нашим ученикам, когда наполняем их память сведениями о Боге?

Закон Божий в школе

Сказанное относится, конечно, и к православным гимназиям. Ещё в 2007 году, в декабрьском номере журнала «Фома» был опубликован честный и трезвый рассказ директора Традиционной гимназии священника Андрея Постернака о том, как в этой гимназии обстоят дела с вероучительными предметами и вообще с воцерковлением детей:

«По нему (по предмету «Закон Божий» — прим. автора сборника) не ставят оценок, занятия стремятся проводить в свободной форме... К сожалению, не все наши выпускники остаются в Церкви, но, надеюсь, — большинство... В нынешнем году на день встречи выпускников пришло около ста тридцати человек из двухсот шестидесяти». И это притом, что, по словам самого отца Андрея, в Традиционной гимназии учатся, в основном, ребята из верующих семей.

То есть от преподавания православного вероучения в урочной форме пришлось фактически отказать, приблизительно половина выпускников не остаются в Церкви. И это не вина Традиционной гимназии, а проявление общей закономерности. И, я считаю, мудро поступили в Традиционной гимназии, что, признавая на словах «Закон Божий» своим главным предметом, на самом деле в форме уроков его не преподавали (впрочем, как сейчас, не знаю), очевидно, опасаясь, что иначе и вторая половина учеников уйдёт из Церкви.

И чай тоже не воцерковляет

Отшатнувшись от урочных форм обучения православию, многие церковные педагоги возложили всю надежду на непринуждённое общение детей с верующими людьми: общие дела, поездки по святым местам, чаепития после Литургии и тому подобное. Была надежда, что, общаясь с нами, православными

людьми, дети переймут у нас веру. Но чая и поездок оказалось тоже недостаточно, вера не только через уроки «Закона Божьего», но и через постоянное общение с духовенством и верующими педагогами сама собой не передаётся.

Во всяком случае, КПД, образно говоря, и уроков, и чаепитий с точки зрения воцерковления оказался не то чтобы маленьким, но каким-то неопределённым. То ли дети воцерковляются, то ли нет. Одни успешно проучились в воскресной школе семь лет, а потом отошли от Церкви. Другие всего полгода прозанимались в воскресной школе и бросили, а через несколько лет стали постоянными прихожанами. Но, бывает, и воцерковляются через воскресную школу; бывает, бросят и потом искренне об этом жалеют. Бывает всякое, и далеко не всегда понятны причины перемен в душах наших воспитанников.

Замечу, кстати, что вопросы эти особенно близки и понятны тем церковным педагогам, которые работают с большим количеством детей. Потому что если детям в воскресной школе стало скучно и они почти все разбежались, но кто-то остался, то оставшиеся несколько человек, конечно, создадут впечатление благополучия. Но ведь среди разбежавшихся далеко не все и, скорее всего, даже не большинство на самом деле не хотят воцерковляться. Это мы не смогли найти правильного подхода к ним.

Место Божественной благодати в деле воспитания христианина

Но правильный подход есть, и он прост, но многими из нас остаётся незамеченным, я думаю, потому, что мы забываем о том, какое место занимает Божественная благодать в деле воспитания христианина. На самом деле, она занимает почти всё место. Подается она людям или по особому Господню

смотрению (Дух дышит, где хочет), или через Церковь: Божественная литургия, другие таинства и обряды, богослужение, личное молитвословие, иерейское благословение, иконы, святые мощи, освящённые предметы и вещества и т. п.

Когда апостолы спросили Спасителя: «Кто же может спастись?» — Господь им ответил без обиняков: «Человекам это невозможно, Богу же всё возможно» (Мф. 19, 25–26). Призывать человека к спасению, вести его спасительным путём, укреплять на этом пути, спасать, судить, в конце концов, на Страшном Суде — всё это дела исключительно Божьи.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Что же можем и должны делать мы, церковные педагоги, для воцерковления детей? На самом деле мы можем только — но это совсем не мало! — по Божьему благословию подвести их к живительному потоку Божьей благодати. Вот, что может воскресная школа. Это с Божьей помощью нам посильно, и это — наш долг.

Я не буду сейчас подробно говорить о церковно-педагогическом проекте «Урок-молебен», который успешно осуществляется в нашей воскресной школе с 2003 года, потому что уже не раз о нём докладывал в разных собраниях и писал в разных изданиях. Напомню только основные выводы.

1) Воскресная школа должна приобщать детей к церковным таинствам и, главное, к Божественной литургии. Это, в общем-то, всем понятно, и все воскресные школы предполагают регулярное причащение своих воспитанников.

2) Закон Божий должен преподаваться детям преимущественно через богослужение, например, урок-молебен и связанный с ним урок обихода. Урок-молебен это настоящее богослужение, которое

совершается священником в храме, но структура его согласована с задачей воцерковления и одновременно обучения детей православной вере. Дети в уроке-молебне активно участвуют и очень серьёзно к нему готовятся на уроках обихода, где они подробно разбирают все богослужебные тексты, которые им предстоит читать, петь и слышать на уроке-молебне.

Когда мы в начале 2003 года начинали этот эксперимент, главным был вопрос, как воспримут урок-молебен дети (от 7 до 14 лет). Были опасения, что им станет скучно, что они будут тяготиться уроками-молебнами. К нашей большой радости, эти опасения не сбылись. Детям понравились и уроки-молебны, и уроки обихода. Они хорошо себя ведут во время уроков-молебнов, не тяготеют ими, хотя эти занятия-богослужения бывают иногда довольно продолжительными, до 50 минут.

3) Для воцерковлённых подростков, желающих иметь систематические знания по Священной Истории, литургике и прочему, желательно организовать такие занятия.

4) В воскресной школе дети должны иметь какое-то интересное для них дело, непосредственно, может быть, и не имеющее отношения к задаче воцерковления, но привлекающее их в воскресную школу, помогающее в ней удержаться и делающее детей своими в приходской общине. Для этого, кстати сказать, важно, чтобы приходская община была. Но это уже другая тема.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ

Для воцерковления человека — взрослого или подростка — сначала необходимо действие призывающей благодати Божьей. Это бывает всегда неведомым образом, но нередко через церковные таинства, посещение богослужений, личную молитву (не всегда

осознанную). Именно поэтому не так уж бессмысленно бывает крещение людей, по-видимому, не подготовленных, и не так уж бессмысленно бывает простое захаживание человека в храм, чтобы всего лишь поставить свечу и уйти. Сказанное относится одинаково как к подросткам, так и вообще к людям.

Человека, призванного Богом и откликнувшегося на этот призыв, духовенство и духовно опытные миряне должны поддержать в духовной жизни, насколько они сами к этому способны, в том числе братскими и отеческими наставлениями, в том числе и в воскресной школе или на огласительных курсах. Когда сердце человека обратилось к Богу, то есть он обрёл веру, ему может быть полезно и осмысление его веры, и получение религиозных знаний.

А что будет, если эти этапы перепутать? То есть человека, которого Бог не призвал, или который не принял Божьего призыва, обременять братскими или отеческими наставлениями или заманивать на богословские курсы? Ничего путного от этого ожидать не приходится.

Святитель Филарет Московский писал, что в закрытую дверь человеческого сердца нельзя пытаться войти с советом, а можно только тихо и терпеливо стучать молитвой. Как, добавим, и Сам Господь действует: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Впрочем, Бог и через наши нелепые поступки может совершать чудеса.

ОБ ОТСЕВЕ УЧЕНИКОВ ИЗ ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ И НЕЦЕРКОВНОМ ПОВЕДЕНИИ ЦЕРКОВНЫХ ДЕТЕЙ

(тезисы выступления на VII Международных Рождественских образовательных чтениях, секция «Церковно-приходская воскресная школа», 1999 г. и на Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института в том же году)

НАВЕРНОЕ, КАЖДОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ ПРИХОДСКОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ДЕТЕЙ В ЕГО ШКОЛЕ БЫЛО МНОГО, ЧТОБЫ ОНИ БЫЛИ ГЛУБОКО ЦЕРКОВНЫМИ, ВЕЛИ СЕБЯ ХОРОШО И НЕ ОТСЕИВАЛИСЬ, ТО ЕСТЬ НЕ ОСТАВЛЯЛИ ВОСКРЕСНУЮ ШКОЛУ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО. Конечно, наше неумение и лень мешают достижению такого идеала. Но только ли они?

Думается, что в действительности причина отсева учеников из воскресных школ и нецерковного поведения многих из тех, кто в них остается, не обязательно в плохой работе педагогов и плохом домашнем воспитании. Хотя, разумеется, недостатки у нас есть, но, даже если бы мы были святы и гениальны, трудности с нравственностью подростков в церковной школе не исчезли бы. Почему?

Во-первых, современные дети большую часть времени проводят в нецерковной среде. Надо учитывать, что воздействие окружающего развращённого мира глубоко и оно в значительной мере обуславливает и мировоззрение, и вкусы не только недавно пришедших в школу детей, но и тех, кто провёл с нами несколько лет, и даже детей из церковных семей.

Во-вторых (и это главное), кроме соблазняющего мира и действующих в нём злых духов, есть ещё таинственный Промысл Божий о человеке (в том числе и о каждом из наших учеников), не всегда совпадающий с нашими добрыми на первый взгляд планами.

И в-третьих, есть свобода человека. Он или свободно принимает благу волю Божию о себе, или свольно отвергает её и живет так, как ему попущено.

Поэтому, не снимая с себя ответственности за духовные судьбы детей в наших церковных школах, мы всё же должны смириться с тем, что большинство подростков в переходном возрасте будет огорчать церковных воспитателей своим поведением. И должен ставиться вопрос не как совершенно избежать этого, а как нам себя вести с нашими воспитанниками, такими, какие они есть.

Терпеть плохое поведение подростков — это наш родительский крест. И родителей по плоти, и родителей по школе. Можно было бы просто отчислить всех, кто поступает недостойно высокого звания ученика церковной школы. Но это значило бы лишить детей духовной поддержки как раз в тот самый период, когда они в этом больше всего нуждаются.

Кроме того, подростки не так плохи, как может показаться, когда сталкиваешься с их иногда весьма неприглядными поступками. Не всё, но многое в их поведении определяется не произволением,

а возрастом, который, как известно, проходит, и мирскими соблазнами.

Если мы хотим помочь детям перерасти их вредные в духовном отношении увлечения, мы должны стараться, оставаясь самими собою, войти с ними в такой контакт, чтобы они не скрывали от нас своих взглядов, своих переживаний. Если мы будем держать в общении с детьми только высокий аскетический тон, то большинство даже верующих детей окажется вне нашего влияния.

Но стоит ли священнику идти на дискотеку, чтобы там быть с детьми (такие опыты известны)? Думаю, что нет, иначе снисхождение к их немощи дети будут воспринимать как благословение, а это очень разные вещи. Можно знать о непохвальном поведении кого-нибудь из ребят и до времени не заострять на этом внимания, но, когда будет удобно и полезно, выказать своё действительное отношение. Если же священник сам будет участвовать в обычном времяпровождении современных детей (пусть даже с благой целью), то как он сможет направить их к высшему?

Как себя вести в конкретных ситуациях? Когда нужно «закручивать гайки», а когда сделать послабление? Когда жёстко поставить перед мальчиком или девочкой, а может быть, и перед целой группой вопрос: «Или ты меняешь своё поведение, или уходишь», а когда сделать вид, что не заметил даже очень серьёзного проступка? Да поможет нам Бог в решении этих проблем.

Педагог может быть в лучшем случае живым и согласным с волей Господа Его орудием, даже соратником, но методики спасения нет и быть не может. Есть методы обучения, методы нравственного воспитания, но нет методов спасения. Поэтому, прилагая все свои силы к церковному воспитанию

детей, полагаться нам нужно только на Бога, нужно молиться за детей Богу. Сама работа с детьми в воскресной школе должна быть внешним проявлением сердечной молитвы за них. Должно быть сердечное, обращённое к Богу желание, чтобы подросток стал на истинный путь Христов, ведущий в жизнь вечную. Насколько сильно в нас это желание и обращено ли оно к Богу? Этот вопрос стоит перед каждым приходским священником и перед каждым церковным педагогом. Наши дети в трудном и опасном положении. При этом они душевно слабы, а духовно не вполне определились. Их нужно буквально вымаливать.

СЛОВО ДЕТЯМ О БОГЕ В ВОСКРЕСНОЙ И В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

(тезисы выступления на конференции «Православная педагогика и педагогика Православия» в рамках направления «Религиозное образование и катехизация в Русской Православной Церкви» XXIV Международных Рождественских образовательных чтений, 26.01.2016, публикуются в сокращении)

Дорогие отцы, братья и сёстры! Православный верующий человек, общаясь с детьми, будь то дома, в гимназии или на приходе, всегда стремится донести им слово о Боге. Это естественно и даже является нашим долгом. Но каким образом донести это слово — большой вопрос. Решая его, ни в коем случае нельзя забывать, что если воскресная школа имеет своей задачей воцерковление и церковное воспитание детей, то задачи общеобразовательной школы — в том числе и православной — иные, хотя они совсем не обязательно и далеко не всегда противоречат церковным задачам.

В любом случае, всякому добросовестному человеку ясно, что нельзя полноценно преподавать детям литературу или историю, если они не знают, во что верили герои книг Достоевского, куда и зачем

совершались Крестовые походы и за что умирали российские мученики XX века. Поэтому именно для решения задач самой общеобразовательной школы в ней нужно преподавать детям знания о религии. И именно общеобразовательная школа является, так сказать, законной матерью предмета «Основы православной культуры».

Но в какой-то момент — я считаю, к сожалению — ОПК был «усыновлён» ревнителями православного образования, этот предмет стали продвигать уже не только верующие светские педагоги, что было бы правильно и естественно, а и официальные представители церковных структур, причём очень энергично. Тогда общественности стало ясно, что под видом культурологического предмета внедряется обучение религии. А раз так, было сказано, тогда пусть будет не ваш ОПК, а общий ОРКСЭ («Основы религиозных культур и светской этики») о шести модулях по выбору родителей.

И это вполне логично, потому что если бы мне пришлось жить в традиционно мусульманской стране, то мне и самому нужно было бы познакомиться с основами исламской культуры (а это и есть ислам), и моим детям это было бы необходимо. Но познакомиться с некоей религией и обучаться этой религии — большая разница. И я бы не хотел и даже протестовал против того, чтобы моих внуков учили исламу, как и никакой верующий мусульманин не захочет, чтобы его сына обучали православию.

Вводя и преподавая ОПК, нужно было не на словах, а на деле сохранить содержание этого предмета как культурологическое знакомство с православием, а не обучение православной вере. А поскольку все понимали, что на самом деле культурологией не ограничится, а будет обучение вере, то и воспротивились, и не допустили.

Но, на самом деле, ведь и детям из православных семей сплошь и рядом бывает не полезно обучение православной вере на уроках*, тем более что зачастую уроки ОПК ведут люди, нетвёрдые в вере или плохо знающие предмет. Если подросткам нудным тоном рассказывают, что православные почитают святых и обращаются к Богу в молитвах, то это плохо; если же их нудно учить почитанию святых и молитве, то это прямо вредно. И здесь учащиеся православных гимназий находятся в более опасном положении, чем ученики государственных и муниципальных школ.

Слово детям о Боге в воскресной школе лучше всего доносится через участие их в Божественной литургии, церковных таинствах, а также через активное участие в богослужениях (осмысленное исполнение церковных обрядов, самостоятельное чтение и пение на клиросе).

Внесение же в воскресную школу свойственных общеобразовательной школе поурочных планов и тому подобного должно делаться, но очень условно. Разумная организация учебного процесса, конечно, нужна; педагогическое мастерство (по крайней мере, умение общаться с детьми на уроке и вне его) и подготовка к занятиям, конечно, необходимы. Иначе воскресная школа может «расклеиться», превратиться в некую «православно-ориентированную тусовку», из которой в конце концов дети просто разбредутся. Всё это так.

Но, безусловно, на первом месте на уроках в воскресной школе должно стоять живое общение с учениками. Педагогу должно быть принципиально важно выявить те вопросы, которые действительно

* Подробно на эту тему говорится в помещённых в данный сборник статьях «Церковно-педагогический проект «Урок-молебен» и «Особенности учебного процесса в детской воскресной школе».

есть у учеников, и помочь детям получить на них православные ответы. И этому должны приноситься в жертву любые планы и программы.

Никогда не должно забываться, что целью воскресной школы является вхождение учеников — вместе с педагогами, духовенством и всем народом Божиим — в Царство Небесное, а решаемой ради достижения этой цели задачей является воцерковление и церковное воспитание детей. Цель и задача — более чем реальные, цель же — сама Реальность. Но эти цель и задача не укладываются в прокрустово ложе нашей отчётности.

В средней же общеобразовательной школе предмет «Основы православной культуры» сам по себе имеет огромное значение для глубокого усвоения детьми школьной программы по гуманитарным предметам. Но для проповеди Христа он напрямую не предназначен, и здесь нужно стремиться к разумному компромиссу, чтобы культурологический предмет не превращался в обучение религии, которое на деле зачастую приводит к потере уже имевшихся у подростков зачатков веры.

И во всех случаях огромное значение имеет *личность работающего с детьми педагога*, какой бы он предмет ни вёл. Если дети уважают и любят учителя математики и вдруг они узнают, что он верует во Христа и посещает храм Божий, то многие из них задумаются, что наверное в Церкви что-то есть, раз такой замечательный человек в неё верит. Тем более, глубоко верующий учитель литературы или истории, или географии (да и ОПК, конечно), если он хороший педагог и любит детей, сможет им и в рамках своих уроков ненавязчиво сказать о Боге самое главное.

СЛУЖЕНИЕ БОГУ ИЛИ ПОТРЕБЛЕНИЕ ДУХОВНЫХ БЛАГ?*

(тезисы выступления на XVII Международных Рождественских образовательных чтениях, секция «Церковно-приходская воскресная школа как ведущая форма катехизации на приходе», 2009 г.)

Нам предложен для обсуждения вопрос: «Какое из церковных служений может и должна взять на себя Церковно-приходская (воскресная) школа, чтобы формировать в детях нравственную установку на служение Богу и ближнему, в противовес потребительскому отношению к Церкви?»

Вопрос не праздный, потому что светское общество повсеместно пользуется терминами: «образовательные услуги», «удовлетворение религиозных потребностей» и прочее. Родители, приводя детей в воскресную школу, зачастую ожидают, что их чада получат в ней некий духовный продукт, который обогатит их души и сделает более успешными в жизни.

Можем ли мы — духовенство и педагоги — согласиться на такую установку? Разве что как на побочный эффект, потому что знания и добрые навыки,

* Опубликовано в журнале «Приход», № 3 за 2009 г.

полученные детьми в воскресной школе, действительно могут оказаться полезными им в будущей жизни. Но главная задача воскресной школы лежит, вообще, в другом измерении. Мы хотим, чтобы наши дети — независимо от избранных профессий и жизненных путей — становились здесь на земле сознательными и искренними служителями Божиими, а богатыми и успешными явились в вечности, в Царстве Небесном.

Воскресная школа, как целое, сама есть важнейшее церковное служение, целью которого является воцерковление и церковное воспитание детей. Но это служение — служение духовенства и педагогов, в котором дети зачастую играют пассивную роль: их учат, их возят в паломничества, для них устраивают праздники и т. п. Чтобы воспитанники воскресной школы активно участвовали в церковном служении, нужно чтобы педагоги и священнослужители сами несли, кроме преподавания, некое особое служение.

Приобщаясь к нему, добровольно беря на себя долю труда и ответственности, делая одно дело вместе с авторитетными взрослыми церковными людьми, дети будут получать опыт служения, и есть надежда, что в их душах будет развиваться желаемая установка на служение Богу и ближнему.

Перечислим наиболее распространённые церковные служения:

- участие в богослужении
  - алтарное служение
  - клиросное служение
  - уход за свечами во время службы
- участие в работах по храму
  - служение церковниц (уборка и поддержание порядка в храме, уход за утварью и т. п.)

- квалифицированные строительные, отделочные и специальные работы
- реставрация
- уборка территории
- дежурство, охрана
- внебогослужебная деятельность внутри прихода
  - средства массовой информации: печать, радио, телевидение, Интернет
  - религиозное образование
  - социальное служение
- внешняя деятельность
  - взаимодействие с силовыми структурами
  - работа с заключёнными
  - молодёжная работа
  - катехизация
  - миссионерство.

УЧАСТИЕ В БОГОСЛУЖЕНИИ

Участие мальчика в богослужении в качестве алтарника — это очень хорошо. Мы знаем, что многие достойные священнослужители в детстве были алтарниками. Но участие мальчика в алтарном служении хорошо лишь при соблюдении следующих условий:

- в алтаре должна быть благоговейная обстановка, иначе вместо приобщения к высокому церковному служению получится великий соблазн;
- сам мальчик должен благоговейно относиться к алтарному служению;
- оно должно ему нравиться, быть по душе;
- оно должно быть именно служением, а не почётным пребыванием.

Нужно ещё учесть, что большое число детей не может одновременно находиться в алтаре, выходом из положения является установка очерёдности. Но, по моему опыту, эта проблема возникает редко или

ненадолго, потому что не так уж много мальчиков, даже верующих, стремятся постоянно прислуживать за богослужением. И это, на мой взгляд, естественно, потому что сам Бог не всех призывает к священному служению.

Пение на клиросе — самое подходящее дело для воскресной школы. С этим, кажется, все согласны. Но, если мы хотим, чтобы оно было для детей служением, они должны быть к нему способны, и оно должно быть для них посильным. То есть уровень пения детского хора или ансамбля должен быть сравним с уровнем пения, вообще принятым в данном приходе. И дети вряд ли смогут петь на клиросе очень часто. Но, если уж пение детского хора за богослужением возможно, дети должны знать, что они по-настоящему участвуют в Божественной службе, что её благолепие и даже, в высоком смысле, осуществление зависит от них.

Участие детей во время службы в уходе за свечами довольно распространённое занятие, оно нравится детям. Плюсом является то, что это дело, в отличие от пения, не требует особого умения. Минус — то, что много детей этим делом не займёшь и что большие мальчики могут его стесняться. Впрочем, в те дни, когда в храме народ идёт со свечами целый день (например, в Великую субботу или на Крещение), помощь воспитанников воскресной школы в уходе за свечами может быть очень существенной.

УЧАСТИЕ В РАБОТАХ ПО ХРАМУ

УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ В РАБОТАХ ПО ХРАМУ само по себе очень неплохо. Но реставрационные работы требуют особой квалификации, и к ним не всегда можно привлечь даже опытных рабочих, если они не являются реставраторами. Некоторые общестроительные и специальные работы связаны с опасностью (работа

на высоте, электромонтажные работы и прочее), поэтому даже больших детей без особой подготовки и соблюдения требований техники безопасности допускать к ним нельзя.

Если подросткам поручается следить за порядком, важно, чтобы это было безопасно для них и чтобы дети не превозносились (особенно над взрослыми).

ВНЕБОГОСЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВНУТРИ ПРИХОДА

Выпуск стенных и не стенных газет, радио- и видео-программ, создание и поддержание сайта воскресной школы — вполне естественные и, думаю, распространённые занятия.

В ряде случаев старшие ученики воскресной школы могут участвовать в преподавании младшим, более сильные ученики могут помогать слабым. В нашей воскресной школе такое практикуется постоянно, и дети в этом отношении оказывают весьма ощутимую помощь педагогам.

Что касается социального служения, то оно во многих смыслах весьма желательно и полезно. Но, для того чтобы воспитанники воскресной школы полноценно в нём участвовали, необходимо, чтобы социальное служение было одним из основных направлений деятельности воскресной школы, чтобы педагоги сами несли это служение и увлекали за собой детей.

ВНЕШНЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПАСТЫРСКАЯ РАБОТА С МОЛОДЁЖЬЮ, понятно, не детское занятие. Взаимодействие с силовыми структурами возможно для воскресной школы как форма социальной или миссионерской работы.

Привлекать детей для работы с заключёнными не следует, потому что это может быть очень опасно; разве что дать для заключённых концерт

или подготовить подарки к Рождеству или Пасхе. Но нельзя допускать личного контакта детей с заключёнными — ни устного, ни письменного. Пусть этим занимаются взрослые воцерковлённые люди.

Катехизаторская и миссионерская деятельность воспитанников воскресных школ возможна, но только поверхностная: выступить с концертом, сделать выставку, подготовить и раздать подарки к празднику. Всё это и многое подобное может располагать людей к Церкви и поэтому имеет миссионерское значение. Но в собственном смысле готовить людей к крещению и первой исповеди или распространять православную веру среди неверующих дети, как правило, не способны.

Иногда — очень редко — это бывает само собой, когда, например, православному подростку удаётся одновременно: не скрывать своей веры от одноклассников, поддерживать с ними добрые отношения и не позорить Церковь своими поступками. Такое достойное душевное устройство может быть плодом благого воздействия воскресной школы, но это не может быть организовано воскресной школой и, вообще, не может быть организовано.

Мы рассмотрели некоторые внешние моменты приходской жизни, которые необходимо учитывать, если мы хотим, чтобы воскресная школа давала своим воспитанникам установку на служение Богу и ближнему. Но реально такая установка будет даваться лишь в той мере, в какой сами мы, педагоги, общаясь с детьми, служим Богу, а не просто выполняем какие-то действия по каким-то частным мотивам.

Потому что своим отношением мы можем и уход за больными, и пение на клиросе, и даже — страшно сказать — предстояние алтарю превратить в «какое-то действие». А можем и уборку снега сделать служением, если будем убирать его, желая,

чтобы наши ближние не скользили и не падали, и молясь о них в сердце. Заботясь о церковном воспитании детей, нам — духовенству и педагогам — следует всегда помнить, что больше всего воздействует на детей наше внутреннее устройство.

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ — ВМЕСТЕ!

Из опыта устройства православного семейного отдыха воскресной школой Успенского храма г. Красногорска

(тезисы выступления на научно-практическом семинаре «Воспитательная миссия в православном отдыхе. Обеспечение приходской работы с детьми, молодёжью и православными семьями», организованном Епархиальной комиссией по организации летнего семейного отдыха и досуга при Епархиальном отделе по делам молодёжи, 13.09.2013)

Дорогие отцы, братья и сёстры! Воскресная школа Успенского храма г. Красногорска с 2001 года почти каждое лето устраивала лагерь для своих воспитанников. Теперь, по всем известным причинам, мы называем их не лагерями, а православным семейным отдыхом. Но никакого обмана тут нет: официально ни приход, ни священноначалие в организации этого отдыха не участвуют; дети едут или вместе со своими родителями, или с другими взрослыми, которым родители дали на это доверенность; взрослых участвует в отдыхе приблизительно четвертая часть от общего числа участников; на священника официальная ответственность за детей не возлагается, он просто едет, как бы отдохнуть. Но в этом докладе я буду для краткости употреблять привычное для нас слово «лагерь».

То, что лагерь палаточный, очень важно. Хотя это создаёт большие трудности в случае затяжных сильных дождей, но на такой случай мы всегда предусматриваем временный выход из положения (сейчас об этом говорить не будем). Главное преимущество палатки перед палатой (комнатой) то, что в ней удобно только спать, и поэтому в палатке гораздо меньше возможностей для формирования закрытого детского сообщества, которое обычно возникает в палате благоустроенного детского отдыхающе-учреждения.

Мне самому в детстве приходилось неоднократно ездить в пионерские и спортивные лагеря. В них было много хорошего: пребывание на свежем воздухе, прогулки по лесу, спортивные и детские игры, купание в речке. Но плохо всегда было то, что взрослые (вожатые, воспитатели, тренеры) жили своей отдельной жизнью, приходя к детям только выполнять должностные обязанности. Среди них было, я думаю, немало хороших людей, но суть дела от этого не менялась. Проводились официальные мероприятия, иногда интересные, иногда скучные, а всё остальное время взрослые жили своей жизнью, дети же были предоставлены сами себе.

А когда детский коллектив предоставлен сам себе, то наиболее влиятельными в нём с необходимостью становятся не самые благочестивые, а самые «крутые». Представьте себе, что один мальчик наполнен впечатлениями от паломничества в Дивеево, а другой — от просмотра эротического боевика. Кто из них скорее овладеет вниманием пионер-лагерной палаты? Почти всегда, второй. То же, кстати, бывает и во взрослых инфантильных коллективах — армейском (в мирное время) или тюремном. Но тюрьма и армия — печальная необходимость. А специально собирать детей, чтобы они развращались, нелепо.

Альтернатива этому, разумеется, не тотальный контроль с подслушиванием и подглядыванием, а жизнь взрослых вместе с детьми в посильных, но трудных условиях, когда надо самим запастись топливом, развести костёр, приготовить еду, обеспечить безопасность и прочее. При этом очень важно, чтобы у ребят была возможность и свободно пообщаться друг с другом, и побыть в одиночестве, когда никто над ними не «висит». Так это бывает и в хорошей большой семье.

Очень желательно, чтобы лагерь не был посвящён исключительно отдыху, а имел какую-то задачу. В этом смысле нам всегда было сравнительно просто, потому что наша воскресная школа имеет хоровую направленность. Соответственно, стержнем всех лагерей было участие в богослужении (6–8 за смену в 10–12 дней), а значит, пение на службах и репетиции 2 раза в день по 1,5 часа.

В те дни, когда мы бывали на службе в храме утром или вечером, то утреннее или, соответственно, вечернее молитвенное правило опускалось, а в другие дни мы всегда вместе читали утренние и вечерние молитвы полностью. Читали сами ребята по одной молитве по очереди, но только те, кто умели хорошо читать. Всё, что можно петь, всегда пелось. Был у нас удачный опыт пения молитвенного правила на 6-ой глас, но в таком варианте мы пропускали некоторые длинные молитвы, потому что пение гораздо медленнее чтения.

Когда по каким-либо причинам выдавались трудные дни или ребята поздно возвращались из какой-нибудь поездки (концерт, паломничество), вечернее правило заменялось кратким молебном.

Каждый день после вечерних молитв духовник обращался ко всем насельникам лагеря с проповедью, разбирая чем-то примечательные моменты прошедшего дня.

Подростки, как правило, негативно относятся к беседам типа «Давайте поговорим о вере...», поэтому специальных религиозно-нравственных бесед мы не проводили. Но нередко разговоры на духовные темы возникали сами собой в процессе совместной жизни. По вечерам у костра читались и обсуждались книги.

Поскольку хоры в нашей школе однородные, то и отдыхали девочки и мальчики в разные смены. Хор мальчиков ездил на отдых вместе с хором юношей, а хор девочек — вместе с хором девушек. Вероятно, самим юношам и девушкам было бы приятнее отдыхать вместе, но это был бы уже лагерь совсем другой направленности.

Для мальчиков обязательно устраивались спортивные эстафеты, игры (футбол, волейбол, пионербол), военно-спортивная игра «Зарница», а также викторины на различные темы. В спортивных играх обычно принимали участие и взрослые, не только как руководители, но и как участники команд вместе с детьми.

Для девочек тоже, конечно, устраивались подвижные игры, но им, больше, чем мальчикам, нравились мероприятия на тему, например, «День сказок», «Русская деревня» и т. п., где они могли поупражняться в рукоделии, рисовании, сочинении и исполнении стихов. Мы, конечно, шли навстречу таким желаниям.

К прощальному концерту все, включая родителей, педагогов и молодёжь, готовили концертные номера (сценку, песню, стихотворение и т. д.).

Все без исключения ребята, независимо от возраста, принимали участие в дневных дежурствах: помощь на кухне, доставка воды, сбор дров, обеспечение чистоты туалета и мест умывания, уборка территории.

В ночных дежурствах у костра независимо от погоды участвовали ребята 11 лет и старше. (Над костром, кстати, сооружался постоянный навес, что давало возможность во время дождя не скрываться в палатках, а пообщаться, попеть, почитать, поиграть всем вместе.) Ночные смены состояли каждая из одного взрослого и двух детей и продолжались: первая — с 23.00 до 3.00, а вторая — с 3.00 до 7.00. Обязанности дежурных — охрана лагеря, поддержание костра, соблюдение тишины в лагере. Ночные дежурные получали паёк на смену: банку сгущёнки, печенье и чайник с кипятком. Возможность посидеть ночью у костра, попить чайку, поболтать о том о сём со взрослыми делала ночные дежурства очень популярными среди детей, и нередко из палаток вылезали добровольцы, хотя бдение у костра не давало никаких льгот не только добровольцам, но и дежурным: на следующий день они участвовали в жизни лагеря наравне со всеми.

Участие взрослых в играх вместе с детьми тоже может иметь большое воспитательное значение. Я сам не любитель спортивных игр, но в лагерях играл вместе со всеми. И вот, стоя на футбольных воротах, я заметил, что во время игры ребята много «грызутся» между собой, обманывают, подражая в этом профессионалам. Я не болельщик, но иногда видел по телевизору спортивные соревнования. Очень часто спортсмены ведут себя неблагородно. А мальчишки этому подражают, потому что внутреннее благородство в них не воспитано.

Не только мальчишки, я заметил, что и некоторые наши взрослые мужчины входили в азарт и вели себя так же. Пришлось напомнить взрослым, что задача христианина при игре в футбол — не мячи забивать, а детей воспитывать. Взрослые это поняли и стали вести себя по-другому, а вслед за ними подтянулись и ребята.

Кстати, участие в играх отнюдь не роняет авторитет священника. В храме я служу, руковожу воскресной школой — все трепещут. Но когда выезжаем в лагерь, почему бы не поиграть с детьми?

Наш авторитет больше всего подрывается не простотой, а лицемерием, когда мы поучаем тому, что сами не делаем. Если мать кокетничает с чужими мужчинами, разве дочь будет слушать её назидания «не болтаться с мальчишками». Если родители в разводе, потому что «не сошлись характерами» или потому что «пришла новая большая любовь», разве дети будут слушать их советы о серьёзном отношении к браку? Если папа-христианин даёт взятку сотруднику ГИБДД, он должен уметь объяснить сыну, почему это лучше, чем честно заплатить штраф. Если педагоги в православном лагере назидают детей быть благочестивыми, а сами втихаря пьянствуют, это подрывает в детях уже не только авторитет священников и педагогов, а авторитет Церкви.

Если же руководители детского православного лагеря искренне стараются жить по заповедям Божиим, любят детей и умеют с ними общаться, то такой лагерь может принести детям, да и самим воспитателям большую пользу.

ИНТЕРВЬЮ МУХЕ

Одно время ученики нашей воскресной школы выпускали стенгазету «МУХа» («Молодёжь Успенского храма»). Помещаю здесь несколько моих интервью «МУХе».

01.01.2003

Батюшка, расскажите нам о создании нашей школы. Как это произошло? Кто, вообще, был автором этой грандиозной и, как сейчас видно, удачной идеи?

Воскресная школа создалась сама собой, потому что всем церковным людям в начале девяностых годов прошлого века уже было ясно, что с детьми работать нужно. Поэтому повесили на остановках объявления, собрали человек 20 ребят и стали с ними заниматься. Это было весной 1991 года.

Мне, как человеку мало музыкальному, но церковному, показалось приятным увидеть учеников воскресной школы на клиросе, а поскольку с настоятелем не поспоришь, их и вывели почти сразу на службу. Мне очень понравилось, потому что я всё равно не слышал детских голосов (пели тихо,

не умели, стеснялись), а выглядели дети приятно (в те времена ещё не принято было пихаться, щипаться и строить глазки во время богослужения).

Но Елена Михайловна, Надежда Валентиновна и Светлана Юрьевна видели всё по-другому. Они стали объяснять мне, что нужно заняться с детьми сольфеджио, а то они будут петь как старушки. Я, откровенно говоря, и тогда, да и сейчас ничего не имел против старушек (лишь бы вели себя хорошо) и поэтому махнул на педагогов рукой и сказал: «Да, делайте вы, что хотите! Хоть музыкальную школу открывайте!»

Разве мог я тогда подумать, чем обернётся это необдуманное восклицание! (Вот, дети, учитесь на моём горьком опыте, к чему может приводить гневливость и поспешность в словах.) Чем человек круче, тем меньше у него чувства юмора, а крутость своих учительниц вы знаете. Они всё поняли буквально, и уже через две недели своими руками закатали на третий этаж небольшое фортепиано, предложив мне его купить для нашей музыкальной школы.

Так что автором этой удачной, как вы жестоко шутите, идеи был я, а воплощали её от начала до конца известные вам Елена Михайловна, Надежда Валентиновна и Светлана Юрьевна.

Хорошо хоть мы музыкальное училище не создали. А ведь собирались! Честно-честно. Если бы мы не успели набраться опыта, то, вполне возможно, успели бы открыть музыкальное училище.

Что не удалось воплотить в жизнь из начальных задумок о нашей школе?

Первоначально школа задумывалась как детская церковная музыкальная. Детской она, в общем, как была, так и осталась, музыкальной

является в меру вашего усердия к занятиям, а вот церковной... Когда смотрю на наши добродетели, то удивляюсь милосердию Божьему.

Что Вы думаете о сегодняшних учениках нашей школы? Сравните их с первыми выпускниками.

Один из крупнейших советских психологов Выготский любил напоминать своим ученикам, что все люди разные. И это правда. Поэтому говорить о вас, как о массе, мне не хочется. Все вы личности, всех вас лично знает Бог, и у каждого из вас есть своя дорога к Богу, которую каждый сам (с Божьей помощью, но сам) должен нащупать, избрать и пройти.

Что бы Вы сказали в напутствие нашим ребятам в Новом году?

Я долго думал, что бы вам такое пожелать, чтобы было и оригинально, и остроумно, и назидательно. И ничего не нашёл лучшего, как вспомнить самому и напомнить вам слова Спасителя: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37).

Так что, поздравляю вас всех с Новым годом и с Рождеством Господа нашего Иисуса Христа, который, кстати сказать, и этот Новый, и все другие годы сотворил и по милости Своей нам даровал.

26.04.2003

Воспоминания о мухе

В эти радостные Пасхальные дни, поздравляя читателей «Мухи» с Праздником праздников, я перебираю в памяти: какое наиболее значительное событие связано в моей памяти с мухой? Наверное, вот это.

В начале 80-х годов прошлого века, когда я был алтарником в храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне в Москве, в наш храм на престольный праздник приехал Святейший Патриарх Пимен. Литургия шла своим чередом, чинно и торжественно. Как вдруг... Муха! Она стала кружиться над престолом и отвлекать на себя внимание духовенства. Пытались с ней по-хорошему: махали руками, говорили «кыш!» — ничего не помогало. «Неужели никто не может выставить муху из алтаря?» — воскликнул Святейший Патриарх Пимен (слов я точно не помню, но смысл в основном передаю). И тут настоятель нашего Предтеченского храма отец Николай Ситников ловко схватил муху рукой и отправил, куда следует! Конечно, мухе было неприятно, но что поделаешь.

Я желаю нашей «Мухе» столь же значительной судьбы, как и той, но не столь печальной. А если серьёзно, то поздравляю всех учеников нашей воскресной школы с великим праздником и желаю вам, дорогие мухи и мушаны, доброго здоровья и вечного спасения. Христос воскрес!

26.08.2003

Какая из летних поездок понравилась Вам больше всего?

Это — смотря кому отвечаешь. Если девочкам, то больше всего понравилась поездка с девочками, а если мальчикам, то — с мальчиками.

После какой поездки Вы чувствовали себя более отдохнувшим?

Более всего отдохнувшим я чувствую себя недели через две после любой поездки с детьми.

Хотели бы Вы, чтобы такие поездки повторялись ещё?

Конечно!

Для чего нужны такие поездки с детьми, ведь можно провести свой отпуск без забот?

Как обычная семья без детей — неполная, так и приходская семья без детей — какая-то не приходская. А если есть дети, приходится их любить, а если кого любишь, то о нём заботишься. Вот когда все дети вырастут, тогда кончатся и заботы. Как говорит народная мудрость: «Упокоимся во гробе».

Ваши пожелания учителям и ученикам в новом учебном году?

Ученикам — взростеть, учителям — молодеть, и всем возрастам — духовно возрастать.

26.09.2004

Батюшка, можно ли говорить слово «блин»?

Конечно можно. Люди очень часто употребляют это слово. Например: «Какие вкусные блины!» Услышишь такое восклицание, и сразу хочется самому этих блинов попробовать. Или ещё: «Первый блин — комом». Тоже понятно.

Так говорят, когда кто-то взялся за незнакомое дело, и оно у него не очень-то получилось. Чтобы человек не расстраивался, его утешают, мол, естественно, с первого раза и блины хорошо не испечёшь.

Но иногда бывает трудно понять, что человек имеет в виду, и это может приводить к печальным последствиям. Один мальчик стоял как-то раз на автобусной остановке, а мимо него девочка проходит. Он на неё посмотрел и говорит: «Ну, я блин отпал!» А рядом старичок стоял, услышал такие слова и очень удивился. Ведь мальчик никак не походил на блин, обычный мальчик, и не было заметно, чтобы он от чего-нибудь отвалился или отпал.

Старичок решил, что мальчик заболел, и бросился к нему: «Что с тобой, деточка!? Как ты себя чувствуешь!?» А мальчик ему отвечает: «Ты, блин, что пристал?» Старичок тут понял, что у мальчика не в порядке с головой: и себя считает блином, и окружающих. Вызвал старичок скорую помощь, чтобы бедный мальчик чего-нибудь не натворил. Медики приехали, а мальчик их увидел и разволновался, стал кричать: «Да вы блин!!! Да я блин!!! Вы у меня блин!!!» Ну, медики сразу поняли, что мальчик нуждается в психиатрической помощи и отвезли его в больницу. С тех пор его на той автобусной остановке больше не видели.

Так что есть блины можно, печь блины можно, жарить — тоже можно, а ругаться блинами грешно, глупо и — как видите — опасно.

01.11.2004

Какова история создания Ушаковского хора?

До 1999 года в нашей воскресной школе мальчики и девочки пели вместе, хоры были смешанные. Но, наконец, стало заметно, что

с определённого возраста девочки в присутствии мальчиков не столько поют, сколько вздыхают, а мальчики вообще не поют, а разваливаются на ку-сочки.

Кроме того — и это уже совершенно серьёзно — педагогами (не только нашими) было замечено, что методика обучения пению мальчиков очень отличается от методики обучения девочек, и ещё в большей степени различаются методики работы с хорами мальчиков и девочек. Девочки оказались гораздо более сообразительными, а мальчики — энергичными. Поэтому с начала 1999/2000 учебного года были организованы отдельные старшие хоры мальчиков и девочек.

Однако, когда Надежда Валентиновна и Светлана Юрьевна начали работать с мальчиками, они увидели, что ребятам чего-то не хватает, какие-то у мальчишек лица были пресные. Тогда решили их «подсолить»: надели на парней матросскую форму, назвали их ушаковцами в честь преподобного Феодора Санаксарского (Ушакова) и праведного воина Федора (Ушакова), и... Дальше всё пошло само собой.

Чего Вы ждёте от Ушаковского хора?

Жду, что он вот-вот развалится, потому что многие мальчики несерьёзно относятся к своим обязанностям, но надеюсь, что этого не произойдёт. Хотелось бы, чтобы ребята росли мужественными, добрыми и при этом глубоко верующими людьми, чтобы в Ушаковском хоре сложился православный коллектив, который благочестивых, ответственных, сильных духом поддерживал бы в добре, а малодушным помогал бы исправиться.

07.11.2004

Что подтолкнуло Вас стать священником?

Меня совсем не нужно было подталкивать. Я, как только воцерковился (мне тогда было 27 лет), сразу захотел стать священником. Не могу объяснить почему. Мне, ну, очень понравилось священство! Я был готов уехать в любую глухую деревню, только бы рукоположиться в священный сан. Ждать, однако, пришлось почти 9 лет. Когда предложили стать священником на Дальнем Востоке, я полетел, как на крыльях. Впрочем, и буквально это было так — полетел на самолёте.

Как Вы оказались в нашем храме?

Прослужив два года на Дальнем Востоке (пришлось побывать и в Иркутске, и в Хабаровске, и в Комсомольске-на-Амуре, и на Сахалине), я возвратился в Москву и обратился к нашему митрополиту Ювеналию с прошением принять меня в клир Московской епархии. Какое-то время подождал, а потом получил назначение в Успенский храм г. Красногорска.

Он тогда ещё был занят воинской частью, но служить уже было можно, правда, под куполом. Тогдашний пол находился всего на полметра ниже уровня больших окон в четверике. Впрочем, это уже совсем другая тема.

Трудно ли быть директором нашей школы? И не хотите ли Вы оставить свой пост и быть свободным от ответственности, возложенной на Вас?

Директором нашей школы мне быть не трудно, потому что в ней работают очень хорошие

педагоги: высокопрофессиональные, любящие детей, ответственно и даже самоотверженно относящиеся к своему делу.

А на второй вопрос я отвечу просто: «Не дож­детесь!»

06.12.2004

Можно ли праздновать Новый год?

Конечно, можно. Ведь Господь Бог даровал нам время для спасения, сам устроил движение небесных светил и счёт периодов времени. Об этом, кстати, сказано в Священном Писании: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для освещения земли и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов» (Быт. 1, 14).

Поэтому, празднуя Новый год, мы благодарим Бога за время, которое Он для нас сотворил, за те благодеяния, которыми Он наполнил год минувший (хотя мы обычно не думаем о них, что они — благодеяния), и спрашиваем благословения Божьего на Новый год.

Как праздновать Новый год? Существует народная традиция «встречать» его в полночь. Страшного в этом ничего нет, важно только вести себя хорошо. Но многие православные христиане предпочитают отметить Новый год, как и всякий большой праздник, богослужением, стараются в этот замечательный день причаститься Святых Христовых Таин.

Есть традиция загадывать желания на Новый год, которые иногда сбываются. Как к этому относиться?

Желания вообще иногда сбываются, загадываем мы их или нет. Когда есть на то воля Божья.

А иногда они не сбываются, потому — очевидно — что Бог не благословляет. Так что всё зависит от Бога, поэтому гораздо надёжнее молиться Ему об исполнении наших благих желаний, чем загадывать. Надо ещё заметить, что, загадывая желания даже в шутку, мы всё же рискуем войти в контакт с тёмными силами, а это уже смертельно опасно. Поэтому я бы не советовал баловаться гаданиями.

Ваши пожелания к Новому году и к Рождеству?

Желаю всем читателям стенгазеты в Новом году счастья, радости, исполнения благих желаний и неисполнения не благих. Желаю всем в Новом году жить достойно своего звания христианина, потому что не для того родился, жил, умер и воскрес Христос, чтобы мы жили как мухи или — ещё хуже — как злобные бесы, а для того, чтобы мы от временной человеческой радости возрастали к вечной радости о Боге и обретали вечное блаженство в единении с Христом.

11.01.2005

Нужны ли детям мобильные телефоны?

Если семейный бюджет позволяет, чтобы ребёнок им пользовался и это действительно зачем-то нужно, почему бы и не купить его?

Но плохо, если телефон становится предметом тщеславия и зависти. С этими страстями, и вообще, нужно бороться всеми силами. Ещё хуже, когда семья испытывает материальные трудности, а сынок или дочка, завидуя своим одноклассникам или однодворникам, имеющим дорогую игрушку, ка­нютат: «Мама, купи то... Мама, купи это...» По-моему, так поступать неблагородно.

Как Вы относитесь к компьютерным играм? К компьютерным клубам?

Сам я никогда не играл в компьютерные игры, но видел, как играют другие, и кое-что об этом приходилось читать. Есть игры плохие по содержанию, то есть откровенно разжигающие какие-нибудь грубые страсти. Играть в них так же плохо, как и предаваться греховным помыслам. Это всякому церковному человеку, в том числе и подростку, должно быть понятно.

Но есть игры по содержанию нейтральные. Если такой игре человек посвятит полчаса в неделю, в этом, пожалуй, ничего страшного нет. Но плохо, когда компьютерные игры становятся существенной частью жизни человека. Жизнь коротка — жалко тратить её на пустое времяпровождение. Впрочем, это относится не только к компьютерным играм.

В компьютерных клубах никогда не был. Насколько приходилось слышать, люди приходят туда, чтобы за деньги поиграть в компьютерные игры.

Чем всё это можно заменить православному мальчику или девочке? — Чем, чем... Жизнью! Одного человека спросили: «А голова-то тебе на что?» И он ответил: «Головой я ем». Но на самом деле ум нам дан для того, чтобы мыслить и молиться. А сердце — чтобы чувствовать, любить и тоже молиться, а не только гонять кровь по сосудам. Руки даны нам для добрых дел. Ноги — чтобы ходить путями правды. Детство и отрочество дано человеку, чтобы он вырос, чтобы душа и тело его набрались сил, чтобы он научился по-настоящему любить, по-настоящему работать, по-настоящему жить.

Для этого, кстати сказать, детям совершенно необходимы сказки и необходимы игры: и подвижные, и настольные. Но такие ли, как компьютерные

стрелялки и страшилки? Пусть каждый сам подумает и даст себе честный ответ.

11.02.2005

Можно ли православному христианину праздновать 8 марта?

Праздновать Международный женский день 8 марта придумали революционеры в ходе борьбы за равноправие женщин. На самом деле им до женщин было так же мало дела, как и до мужчин. Этих страшных людей интересовала только их гордость и материальная выгода. Поэтому Церковь Международный женский день не празднует.

С другой стороны, если кто-то подарит своей маме цветы или испечёт для неё пирожок, хотя бы даже 8 марта, что в этом плохого?

Сейчас многие стали праздновать «День влюблённых» или «День святого Валентина». Допустимо ли это для православных христиан?

Одним и тем же словом «влюблённость» называют разные до противоположности чувства. Так называют и легкомысленное душевно-плотское влечение (иногда очень интенсивное, как у Анатоля Курагина к Наташе Ростовской в «Войне и мире»). Но так же называется и глубокое чистое чувство, которое многие из нас испытывали в подростковом возрасте. Когда девочка, в которую влюблён, рядом, на душе хорошо и радостно, а нет её, кажется, что всё серо. Возлюбленная воспринимается как источник блага, мальчик любит её всей душой, всем сердцем, всем помышлением.

Но так мы должны любить Бога, а не соседку по парте. Ни один человек не достоин такого к себе

отношения. Поэтому влюблённость не бывает устойчивой: курагинская — само собой, но и чистая тоже. В законном браке она рано или поздно угасает, но одновременно может вырасти и укрепиться другая любовь к тому же человеку — по второй заповеди «возлюби ближнего, как самого себя».

Что касается «дня святого Валентина», то он не имеет никакого отношения ни к одному из прославленных Церковью святых Валентинов. Поэтому, раз праздновать нечего, Церковь этот праздник не празднует.

Чистая влюблённость вряд ли будет соотносить себя с каким-то «днём влюблённых». Да и звучит это как «день железнодорожника», но ведь любовь — не профессия. А влюблённость легкомысленная не имеет никакого отношения к святости, зато празднует по любому поводу.

Отмечать «день святого Валентина»? Я бы сравнил это с днём 8 марта. В обоих случаях праздновать нечего, но если муж жене (ребёнок — маме, одноклассник — однокласснице) подарит в этот день букет цветов, то не погрешит. А блудить всегда грешно, тут ни истинные, ни ложные праздники не служат оправданием.

20.03.2005

Вопросы о посте

Поститься можно с любого возраста, если здоровье позволяет. Но меру поста определяют не сами дети, а их родители или — в отсутствие родителей — другие старшие. (Я не имею в виду сейчас какие-нибудь ужасные случаи, когда родители находятся в такой глубине нравственного падения, что их вообще не надо слушаться.) Даже если мама и папа совсем не воцерковлённые люди, всё равно благочестивый православный мальчик или девочка не будет гордо

указывать им: «Готовьте мне то-то, а того-то мне не давайте». Если родители сами согласны давать детям постную пищу — будем им благодарны. Нет — не станем роптать.

И ещё отвечу на вопрос, можно ли во время поста приглашать к себе друзей на день рождения и ходить ли самому на такие праздники, когда приглашают. Всё зависит от того, насколько молитвенно, собранно, церковно мы вообще живём.

Если какая-нибудь девочка-христианка старается всегда помнить о Боге, молится Ему (насколько хватает сил и внимания), старается избегать суетных житейских впечатлений, а пост она хочет провести ещё строже, то, конечно, ей не следует ни самой устраивать вечеринок, ни к другим на вечеринки ходить. Если же мы живём, образно говоря, между телевизором и дискотекой, то отказываться в пост от домашнего чаепития с одноклассниками нет никакого смысла. Поэтому я считаю, что вопрос о проведении домашних праздников во время поста должен каждый решать сам (вместе с родителями, конечно). Неплохо и с батюшкой побеседовать, но разным людям могут быть даны разные советы.

Я желаю всем нам проводить Великий пост в сознании, что это не наш дар Богу, а дар Божий нам. Мы должны радоваться, когда Бог даёт нам силы и терпение соблюсти пост, и благодарить за это Бога. А если согрешаем нарушением поста, то должны видеть в этом наказание Божие, которое постигает нас за гордость.

Без телесного и душевного воздержания невозможна внимательная молитва, человек становится подобен животному. Но человек, который пребывает во всяческом воздержании и при этом осуждает невоздержных и, вообще, ближних, становится похож на беса. Плохо и то и другое.

Так что будем поститься в смирении, тогда труд поста будет нам приятен и утешителен. Как сказал наш Спаситель Господь Иисус Христос: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко» (Мф. 11, 29–30).

ТЕКСТЫ ПЕСЕН ДЛЯ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ

Родник

Вновь «Христос воскрес» зазвучало,
Снова праздник Пасхи наступил,
Чёрный цвет опять сменился алым,
Смерть мертва, Родник любви забил.

Тот Родник в пещере на Голгофе
Вдруг прорвался через толщу тьмы,
И, омывшись Родниковой Кровью,
Родничками стать должны все мы.

Недостойны, слабы и беспечны,
Но сильны могуществом Христа.
Он — источник жизни бесконечной.
Ради нас Он умер и восстал.

Святитель Николай

Мы тебя славим, святитель Николай,
Для демонов страшная гроза,
Великою любовью обретший рай,
Нам правило веры показал.

Состраданием ты Богу угодил,
За обиженных стоял всегда,
От гибели невинных оградил,
В небе Правды яркая звезда.

Твои неисчислимы чудеса,
Ими Бог прославил тебя.
Ими ты возвеселил небеса,
И мы тебя воспеваем, любя.

ВЕРНЫЙ ПИЛИГРИМ

Небесный Иерусалим!
Ужели Ты недостижим?
Как мы ни тщимся, ни спешим,
как будто мы во сне бежим.
И, чем упорнее труды,
тем дальше Ты, тем дальше Ты.
Ужели Ты недостижим,
Небесный Иерусалим?
Но без тебя нам не мила
ни дня игра, ни ночи мгла.
И если нам не суждено
Тебя достичь, то, всё равно,
в пустыне этой мы умрём,
но мы назад не повернём.
Пускай впустую все труды,
но верим мы, что верен Ты,
что каждый верный пилигрим
Тобою знаем и любим
и что в последний страшный час
Твои врата примут нас.

ПОСЛЕ САЛЮТА

Ну вот и смолк салют победный,
Растаял орудийный дым,
В короткую минуту эту
Давайте молча постоим.

Из памяти всплывают лица
Друзей, погибших на войне.
О них мы можем помолиться
В благоговейной тишине.

Им больше ничего не нужно,
Их дух отвык от суеты.
На их могилы ветер вьюжный
Приносит снежные цветы.
Им вечной памяти желая,
Споёмте, братья, литию.
Друзья услышат нас из рая
И нас помянут там, в раю.

КАК НА СВЕТЛОЙ НА НЕДЕЛЕ

Как на Светлой на неделе
под зелёной елью сели
комарики, бабочки
букашки, козявочки.

Приходил паук Фомич,
приносил большой кулич.
По кусочку разделили,
ели все, и все хвалили.

Прилетал жучок-дружок,
давал сладкий творожок:
мажьте на куличики,
только не на личики.

Посмотри: сороконожка.
У неё сломалась ножка!?
Не сломалась у ней ножка,
это в ней у ней лукошко!

Всем букашкам — каждой лично —
в том лукошке по яичку
во благословение
в праздник Воскресения.

Бога славит Божья тварь
так и ныне, как и встарь.
Всем — благословение
в праздник Воскресения!

**Песня больных зверят
из детского Рождественского представления
«Дорога к Рождеству»**

Болеет слон, болеет лев,
болеет бегемотик
Болит у них, болит у них,
болит у них животик.

Ах, Айболит! Ах, Айболит!
Зверята заболели.
У них колит, у них отит,
и дышат еле-еле.

Скорее градусники им —
растёт температура.
Готовьте мёд и шоколад,
и прочие микстуры!

Ах, Африка! Ах, Африка!
Невозмогу от жара,
и от жары растаяла
гора Килиманджаро!

Ах, добрый Доктор Айболит!
Скорей начни лечение!
От всех болезней нас спасут
варенье и печенье.

Кузнечик и бабочка

Кузнечик жил в траве зелёной,
С красивой бабочкой дружил.
Он каждый вечер неуклонно
Цветочек ей преподносил.
Он ей дарил всегда цветочек,
Кузнечик с бабочкой дружил.

Уже собрались пожениться
Кузнечик с бабочкой своей,
Когда внезапно появился
Большой и страшный воробей.
Гроза кузнечиков окрестных,
Он многих бабочек сгубил.

Прижав кузнечика к забору,
Ему с угрозой воробей
Сказал: «А ну, открой мне скоро:
Где домик бабочки твоей?
Где домик бабочки открой мне —
Недолго жить осталось ей!»

Дрожат кузнечиковы ножки,
И побледнел он добела,
И указал врагу дорожку,
Что к дому бабочки вела.
Да-да, ту самую дорожку,
Где он цветы ей собирал.

Кузнечик видит: устремился
 За бабочкою воробей.
 Кричит кузнечик: «Я явился
 Причиной гибели твоей!»
 Кричит: «О, бабочка, прости мне!»
 И он спешит на помощь к ней.

Стремглав обрушился кузнечик
 На спину злого воробья.
 Ему он перья рвёт и мечет,
 Кричит: «О, бабочка моя!»
     Спасает бабочку кузнечик
     И прогоняет воробья.

Выходит бабочка из дома,
 Приятно ручку жмёт ему.
 Такой кузнечик незнакомый:
 Весь запыхался, весь в пыли.
 Она кузнечнику цветочек
 С благодарением даёт.
 Кузнечик радуется очень
 И под венец её ведёт.

ХОР КАЮЩИХСЯ ПИРАТОВ

Когда-то рабочим я парнем был:
 Слесарем...
 Столяром...
 Плотником был...
 Но скоро пропал к работе пыл,
 И очень я виски любил.
 Но скоро пропал к работе пыл,
 И я свою жизнь сгубил.

Когда-то была у меня семья:
 Мать...
 И отец...
 И жена моя...
 Но скоро семью оставил я,
 Уж очень любил виски я.
 Но скоро семью оставил я,
 И пропали и я, и семья.

Когда-то я в детстве в церковь ходил:
 Молился...
 И верил...
 И Бога чтил...
 Но виски я больше Бога любил
 И Закон Его позабыл.
 Но виски я больше Бога любил
 И душу свою сгубил.

Эх! Остался навык в моих руках,
 И душа моя помнит Божий страх!
 И зачем только стал пиратом я?!
 Окаянная жизнь моя!
 Не хочу уже быть пиратом я,
 Но отчаянье губит меня!

Красногорский патриот (шутка)

До Москвы не доезжая,
 Остановимся, друзья,
 Перед нами ведь святая
 Красногорская земля.

Здесь не только есть заводы
И известный стадион,
Оглашает огороды
Трёх* церковей отрядный звон.

Над рекой могучей Банькой
Купол храма — как свеча.
Если выйдешь утром ранним
Ты над ней рассвет встречать,

То услышишь, как в малине
Соловей свистит-поёт,
Воспевает край родимый
Красногорский патриот.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*

(печатается в сокращении)

Данная статья написана с целью поделиться с собратьями священнослужителями и церковными сотрудниками опытом подготовки и организации театрализованных представлений.

Речь пойдёт в основном не о приходских Рождественских ёлках и Пасхальных чаепитиях, проведение которых, конечно, требует от организаторов выдумки и усердия, но ответственность невелика, а опасностей, можно сказать, совсем нет. Выбрать подходящий сценарий из множества опубликованных или сочинить его самим, смастерить костюмы, разучить с детьми несколько стихотворений, подготовить для них подарки, купить сладости к чаю и накрыть стол после праздничного представления — в любом приходе найдутся люди, способные это устроить.

---

* В настоящее время уже не трёх храмов, а шести.

---

* Эта статья была опубликована под заголовком «Подготовка детских праздников» в «Московских епархиальных ведомостях», № 1-2 за 2005 г.

В проведении мероприятий приходского уровня не столько важна организация, сколько тёплая душевная атмосфера. Не очень важен литературный уровень сценария и качество костюмов и декораций, потому что какой же в этом спрос с батюшки, его сотрудников и родителей учеников воскресной школы? Не очень важно, чтобы юные артисты хорошо играли и пели, потому что родители всегда рады видеть своих детей на сцене и легко простят им любые запинки. А совсем не получится спектакль — можно ограничиться чаепитием и подарками.

Однако, если уровень мероприятия чуть выше приходского, такой подход уже недопустим. Поэтому первое, что необходимо сделать, начиная подготовку к театрализованному представлению, это осмыслить его уровень. Что нам предстоит организовать? Приходскую Рождественскую ёлку в церковном доме для двух десятков детей и их родителей? Или почти такое же представление, но в сельском клубе, причём мы приглашаем на него местных жителей и работников администрации? Или это уровень Дворца культуры в районном центре? Или епархиальное мероприятие с участием высшего духовенства и руководителей Московской области, которое финансируется светскими организациями? Или, наконец, это общецерковный уровень?

Если уровень высокий, есть смысл обо всём советоваться с Епархиальным управлением и регулярно информировать Епархиальное управление о ходе дел. Лучше лишний раз спросить, чем, надеясь на свою опытность, потом отвечать за погрешности.

При подготовке Губернаторских Рождественских ёлок в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя устроителям приходилось учитывать, что

представление будет смотреть полуторатысячная аудитория, значительную часть которой составят люди нецерковные, в том числе подростки в переходном возрасте.

Это в большой мере определило подход к сценарию. Мы должны были учитывать, что современные люди — и дети, и взрослые — очень избалованы разными зрелищами, что простое повествование со сцены о великих священных событиях Евангельской истории большинству из них покажется неинтересным, тем более что о Рождестве Христовом очень многие люди уже знают из мультфильмов, комиксов, газетных заметок и тому подобного.

Думается, что, устраивая праздничные представления для светских людей, положительного миссионерского эффекта можно ожидать не столько от прямого назидания, сколько от того, что зрители убедятся — православные христиане могут подготовить и провести праздник не хуже, чем нецерковные люди.

Если же зрителю будет скучно или представление будет сделано не на должном профессиональном уровне, то не только не будет достигнута просветительская цель, но будет достигнуто противоположное: у многих недовольство спектаклем перейдёт в недовольство Церковью.

При подготовке праздничного представления епархиального уровня требуется уже профессиональный уровень реквизита и оформления сцены. Костюмы, скорее всего, придётся по большей части заказывать в театральных мастерских или брать напрокат в каком-нибудь театре. Эскизы декораций должен делать театральный художник. Очень важно знать, что то, что может прекрасно смотреться на маленькой (по размерам) сцене, на большой сцене

может совершенно «потеряться». Это относится и к декорациям, и к костюмам, и к составу артистов.

Необходимо обращать внимание на акустику зала, в котором предполагается выступать. Возможна ли там работа артистов без микрофонов? Возможно ли пение без микрофонов? Есть ли звуковая аппаратура в зале или её нужно где-то искать и устанавливать? Кто будет работать на аппаратуре? Возможна ли аренда аппаратуры? Если есть микрофоны, то какие? Для актёров обычно нужны микрофоны-петлички. Есть ли они и сколько?

Если в зале хорошая акустика, то можно пытаться обойтись совсем без фонограммы, но нельзя не учитывать избалованность современного зрителя. Если совсем не пользоваться фонограммой, то необходим достаточно высокий уровень пения и аккомпанемента. А это возможно далеко не всегда.

Поэтому хотя бы аккомпанемент придётся записывать (так называемая «фонограмма-минус»), а если акустика зала плохая, то нужно записывать и голоса («фонограмма-плюс»). Надо сказать, что запись фонограммы, особенно фонограммы-плюс дело очень хлопотное и дорогостоящее.

Есть ли возможность работать в зале со светом? Если необходимо работать со светом, то нужно решать все те же вопросы, что и по работе со звуком: аппаратура и кто на ней работает?

Теперь перейдём к собственно организации. Устраивая представление на высоком уровне, возможно, придётся работать в контакте со светскими учреждениями. Духовенство привыкло к, так сказать, вертикальным взаимоотношениям: мы оказываем послушание старшим и ожидаем послушания от младших, а если между собой сотрудничают равные по положению, то у них всё же есть общий начальник.

Но, организовав какое-то мероприятие в контакте со светскими учреждениями, нам приходится работать, так сказать, в горизонтали, то есть наши сотрудники не будут у нас в подчинении, не будут над нами начальствовать и у них с нами не будет общего начальника.

В таком случае, даже если обязанности чётко распределены, нам следует быть в курсе дел наших партнёров и отчасти дублировать их действия. Причина не в недоверии — как правило, с нами сотрудничают квалифицированные и ответственные люди — а в том, что наше начальство будет запрашивать информацию именно у нас и спрашивать за организацию мероприятия будет именно с нас, а не с тех, кто с нами работает.

Особое внимание следует обратить на контакт с руководителями охраны здания, где будет проводиться мероприятие, и с руководителями охраны чиновников высокого ранга. Надо постараться заранее познакомиться с ними и представить им своего помощника, который должен отвечать за порядок. Такой помощник очень желателен, потому что во время самого мероприятия организующий его священник, как правило, исполняет некоторые представительские функции и не имеет возможности сам заниматься организационными вопросами.

Нужно обговорить со службами охраны допуск наших сотрудников во все места, где им необходимо быть в ходе представления. При этом удобно сделать для сотрудников нагрудные карточки (бэйджики), по которым их смогут узнавать.

Вероятно, потребуется список всех взрослых участников представления (включая организаторов и рабочих) с паспортными данными и список детей-артистов, эти списки лучше подготовить заранее.

Если на территории, где будет проходить мероприятие, есть ограничения на движение транспорта, то нужно заранее договориться о пропуске наших автомобилей на территорию и о месте их стоянки.

Если в зале должны во время представления сидеть руководители детских коллективов (не как зрители, а как незаметные дирижёры), то места для них необходимо обговорить и занять до того, как в зал начнут впускать зрителей. Для этого следует приготовить таблички с надписью, например, «служебное место», положить эти таблички на соответствующие кресла и поставить рядом человека, чтобы он эти места решительно защищал даже и от «важных» зрителей, потому что иначе всё представление может оказаться под угрозой срыва.

Если во время представления предполагается перемещение артистов по зрительному залу, необходимо следить чтобы соответствующие проходы не были заняты (видео-операторами, например).

Желательно заранее войти в контакт с руководителями службы протокола первого из светских лиц и подробно обговорить с ними всё мероприятие. Это нужно сделать задолго до самого представления, потому что требования службы протокола могут влиять на его сценарий.

Служба протокола будет продумывать (и для нас это тоже важно): в какое время и куда подъезжают первые лица, кто их встречает, где будет находиться во время мероприятия транспорт первых лиц, в какое помещение их проводят до начала мероприятия (или они проходят в зал сразу), в каком порядке и когда будут произноситься приветственные речи, в каком порядке будут вручаться подарки детям и взрослым (если это вообще предполагается).

Необходимо встретиться с администрацией зала или здания, где будет проходить мероприятие, узнать, какие у них есть вопросы, и ответить на них. Нужно выяснить, на каких местах предполагается разместить первых лиц, и позаботиться, чтобы эти места к их приходу были свободны.

Возможно, потребуется предоставить список фотографов и видео-операторов для допуска в зал на время представления. Этот список нужно продумать и подготовить заблаговременно и включить в него фотографов и видео-операторов не только от прихода, но и от Епархиального управления, предварительно, конечно, согласовав.

Служба пожарной безопасности может потребовать противопожарной пропитки всех декораций и костюмов. Нельзя не заметить, что такая пропитка стоит дорого и часто приводит костюмы и декорации в негодность, но документ о пропитке могут потребовать.

Если после представления предполагается трапеза, то нужно уточнить время её начала, на какое приблизительно время трапеза рассчитана, где будет проходить и как до этого места будут добираться участники. Желательно в помещении, где будет проходить трапеза, поместить икону, перед которой можно было бы помолиться.

Если в представлении участвуют дети, иногда удобно покормить их после мероприятия не в трапезной, а прямо в автобусе во время обратной дороги. В таком случае можно попросить у организаторов трапезы, чтобы они заменили её сухим пайком. Для них это тоже может оказаться удобным.

Если предполагается вручение детям подарков, то их, во избежание искушений, нужно принять до начала представления по списку и уже самим выдавать их для торжественного вручения.

Количество подарков должно быть оговорено заранее. Ведь кто-то из детей, принимавших активное участие в репетициях, может в последний момент, например, заболеть — конечно, он не должен быть лишён ещё и подарка.

О ЮРИДИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ

Принятое Священным Синодом 25 декабря 2012 г. «Положение о деятельности воскресных школ (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации» в пункте 4 главы 1 предлагает 3 типа воскресных школ: а) воскресная учебно-воспитательная группа, б) воскресная школа, не имеющая статуса юридического лица (являющаяся структурным подразделением религиозной организации Русской Православной Церкви) и в) центр духовно-нравственного воспитания, являющийся самостоятельным юридическим лицом.

Это различие терминов принципиально важно: воскресная школа не обязана быть образовательным учреждением и получать соответствующую лицензию. В подавляющем большинстве случаев невозможно создать при храме условия для занятий с детьми, требуемые службами санэпиднадзора и пожарной охраны. Поэтому, если дать повод соответствующим государственным органам применять к воскресным школам нормы, применяемые ими к образовательным учреждениям, практически все существующие воскресные школы должны будут закрыться, а новые не смогут быть устроены.

Даже в неофициальной обстановке и в неофициальной переписке нужно остерегаться называть воскресные школы образовательными учреждениями, чтобы какому-нибудь недоброму человеку не пришло в голову применить по отношению к воскресным школам государственное законодательство об образовании. Ради этого в упомянутом выше Положении и введён термин «центр духовно-нравственного воспитания», который и следует употреблять для юридических лиц.

Это православные гимназии, где дети получают образование, соответствующее государственным стандартам, по закону обязаны иметь государственную лицензию. Кстати, именно с получением лицензии, не говоря об аккредитации, они почти всегда испытывают главные организационные трудности. Но воздаянием за понесённые труды в этом случае является право давать выпускникам свидетельство об образовании, необходимое им для продолжения учёбы или трудоустройства.

Воскресная же школа это, по определению, систематическая деятельность прихода по воцерковлению и церковному воспитанию детей. Такой деятельностью приход должен заниматься, если есть хотя бы малая возможность, в каких бы внешних условиях он ни находился.

То есть воскресная школа не только по существу должна быть органичной, неотъемлемой частью прихода, но и официально признаваться таковой. И это должно подаваться светским властям как нечто совершенно очевидное. Ведь никому не приходит в голову ограничивать число молящихся в храме на Пасху санитарными нормами. Так же и деятельность воскресной школы должна нами и считаться, и объявляться святой обязанностью прихода, которую мы должны осуществлять в любых условиях,

допускаемых нашей совестью, а не санитарными нормами.

Ведь во время Великой Отечественной войны занятия общеобразовательных школ иногда проводились в подвалах при тусклом свете керосиновых ламп, и никто не упрекал и не упрекает тогдашних учителей за их подвиг. То же относится и к воскресным школам. Мы будем заниматься воцерковлением наших детей и в храмах, и в квартирах, и в подвалах, и на чердаках, а если придётся, то и в катакомбах.

Следует, впрочем, заметить, что преподаватели воскресной школы, не имеющей лицензии, могут оказаться лишёнными некоторых льгот, полагающихся преподавателям по закону. Но, думается, лучше потерпеть это сравнительно малое неудобство, чем поставить под угрозу само существование воскресной школы.

ОУЗРЕВЪЖЕНАРОДА, ВЪИДЕ
НАГОРУ: И СЪАШУ ЕМУ, ПРИС
ТУПИША КЪ НЕМУ ОУЧИЦЫ ЕМУ.

Раздел четвертый

ПРИХОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛА: БЛЖЕНИИЩИИ ДУХОМЪ. ГЛА
ТНОЕ.
БЛЖЕНИ ПЛАЧУЩИ: ЯКЪ ТИ ОУ
ТИИ ПСА БДМЪ. ЗЕМЛЮ. БЛЖЕ
НИИЩИИ ПРЧВ
АИ. АИ. БЛЖ
ЕНИИЩИИ ПОН

НАВЪИДЕВЪИТО. БЛЖЕНИИЩИИ
ЦЕНЪ: ЯКЪ ТИ БГА ОУЗРАТЬ. БЛ
ЖЕНИИЩИИ РОТРОЦЫ: ЯКЪ ТИ СН
ОВЕ БЖИИ НАРЕКУТСА. БЛЖЕНИ
ИЗГНАНИ ПРЧВА ДИРАДИ:
ЯКЪ ТЪХЪ ЕСТЬ ЦРТВЕ,
НЕНОЕ. БЛЖЕНИИЩЕ ЕТА
ПОНОСАТЬ ВАИЪ ИИЖАЕ
НУТЬ И РЕКУТЬ ЕСА КЪ СОЛ
ГЛАГОЛЬ И ЧВЫЛЖУЩЕ, НЕ
ИЕРЧДИ: РЧАУИТЕСА И
ВЕСЕЛИТЕСА, ЯКЪ ИИЗ
ДА ВАША ИНОТЧНЧ ИБ,
СТЪХЪ: ТАКЪ БО ИЗГНА
ША ПРРОКИ, ИЖЕ ПР
ЖА БЪША ВРСЪ. ВЪ
ЕСТЪ СОЛ
ЗЕМ
ЛИ:

ТРУДНОСТИ НАЧИНАЮЩЕГО СВЯЩЕННИКА*

(тезисы выступления на научно-практической конференции «Пастырское служение в современном мире» в Коломенской духовной семинарии 11.02.2013)

Дорогие отцы и братья! Преподобный авва Дорофей писал: «Всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение, да и то, что делается ради Бога, не может быть твёрдым, если не будет испытано искушением» (Поучение 19). А поскольку приходское служение — дело, несомненно, доброе и даже святое, то без искушений и трудностей священник, не только начинающий, но и опытный, обойтись не может.

Это нужно принять как должное, как беременная женщина ожидает болезней при родах. Зато когда придём в Царство Небесное с плодом своего священного служения, то, как сказал Господь, уже не будем помнить скорби от радости (сравни Ин. 16, 21). Так что не нужно ни излишне бояться искушений, ни надеяться прожить без них.

Разумеется, в кратком докладе невозможно подробно рассказать обо всех трудностях, ожидающих

---

* Данный материал был опубликован в журнале «Приход», № 2 за 2013 г.

священника в приходской жизни. Об этом написано много статей и даже книг, но скажу хотя бы вкратце о том, что мне представляется наиболее важным.

ПРИЗВАНИЕ

Главный вопрос, который каждому необходимо решить ещё до рукоположения, это призвание — есть ли оно? Формальных признаков призвания к священническому служению, конечно, нет, но главным знаком такого призвания я бы назвал любовь к священнодействию, желание совершать церковные таинства.

Можно быть прекрасным человеком, даже святым, и не иметь призвания к священству. Отсутствие такого призвания само по себе отнюдь не грех и не недостаток, в Церкви много служений и много благодатных путей к совершенству. Я знал одного человека, очень благочестивого, молитвенника, которого, однако, внешнее активное участие в службе тяготило, рассеивало. Он пользовался большим уважением среди церковных людей, даже привлёк к себе внимание епархиального архиерея, всё шло к рукоположению, но у него нашлись канонические препятствия. И, думаю, Бог его таким образом уберёг от священного сана, к которому этот духовный муж не имел внутреннего расположения.

Но, бывает, человека прямо-таки «заносит» в священники. Начинает он ходить в храм, погружается в церковную среду, выглядит благообразно — чем не батюшка? Его спрашивают знакомые: «А что ты не пойдёшь учиться в семинарию?» «А и правда, — думает он, — не стать ли мне священником?» Тем более что в наше время священником быть престижно. Если один храм в городе, то совсем юный настоятель может сразу оказаться заметной фигурой; чиновник

до такого положения в обществе, бывает, тянется много лет.

Кроме того, в церковной среде священник пользуется уважением и почтением. Конечно, все мы знаем, что почтение оказывается не нашей немощи, а нашему сану, то есть самому Христу, но физически-то руку кому целуют? И человеку хочется, как он думает, «расти». На заводе мастер хочет стать начальником цеха, а на приходе пономарь хочет стать батюшкой. Слова же Христа, что «кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Мк. 10, 44), — при этом забываются.

А дальше всё идёт по накатанному: поступление в семинарию, учёба, хиротония, приход... И благо, если призвание всё-таки было, тогда человек, несмотря на легкомысленное начало пути к священству, потом нередко выправляется. Но если призвания вовсе не было, то взятый ради посторонних причин непосильный крест может буквально раздавить человека.

Как это раздавить? Внешне бывает по-всякому, а по существу: душа охладевает к молитве, к причащению — ко всему духовному; появляется пренебрежение святыней, человек впадает в тяжкие грехи делом. И хорошо, если он придёт в глубокое покаяние, которым всё врачуется. Если же нет, то благообразная видимость иногда долго сохраняется, а в сердце может даже простая вера в Бога иссякнуть.

ДЕРЖИСЬ ЗА ПРЕСТОЛ

Но бывают и противоположные искушения, причём нередко как раз у благочестивых священников. Вдруг начинает заедать совесть, что я, мол, немощен, грешен, всё у меня не так, что я только гублю свою душу недостойным служением. Нужно знать, что колебания уместны и законны до рукоположения, но,

по слову самого Христа, «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 62). Для священнослужителя знаком того, что его стояние у престола неудобно Богу, является или тяжкое грехопадение, несовместимое со священнослужением, или запрещение со стороны епархиального архиерея. В остальных же случаях станем, падая, подниматься, от немощей своих смиряться, но отказываться от служения не будем.

Помню, мне пришлось быть при беседе одного опытного духовника с молодым священником, у которого были большие трудности и неприятности в храме, где он служил не настоятелем. Опытный батюшка сказал ему: «Держись за престол, а остальное наладится». И действительно, именно в молитве, в богослужении, в совершении Евхаристии и причащении Святых Христовых Таин нужно искать опору, когда, кажется, «почва уходит из-под ног». Если священник так поступает, то он — на своём месте, и все трудности, с Божией помощью, будут преодолены.

Трезвость

Близко к вопросу призвания стоит и вопрос трезвости. Пьянство является нашей бедой (и народной, и церковной) и не столько само пьянство, сколько его лукавое оправдание. Никто, конечно, ни с амвона, ни с преподавательской кафедры не скажет, что, мол, выпить — это замечательно, лишь бы начальство не заметило и прихожане не возмутились. Но в душе многие именно так и думают.

А ведь тут проблема далеко не только здоровья и семейного благополучия. Тут вопрос верности своему призванию даже не священника, а вообще христианина. Всякий христианин должен стремиться к духовному трезвению, к памяти о Боге, к непре-

станной молитве. У нас это плохо получается, но духовная немощь — основание для покаяния, а не для опускания рук. Пьянство же совершенно противоположно духовному трезвению, его можно в этом отношении сравнить с бегством с поля сражения.

Церковь не запрещает употребление спиртных напитков, мы и служим на вине, и благословляем вино для трапезы. Но за трапезой вино должно быть символом духовной радости, а не её подменой, не веществом для возбуждения наркотического веселья.

Плодом лицемерного самооправдания нередко оказываются разбитые семьи самих священников, запрещение в служении, иногда лишение сана, а также смущение прихожан и клевета на Церковь. Я не льщу себя надеждой, что все любители выпить, услышав мой доклад, изменят своё отношение к пьянству, но не упомянуть об этой проблеме, говоря о трудностях молодых священников, невозможно.

Самоотдача

Близким по смыслу и довольно распространённым искушением является установка: я честно выполняю свои обязанности: безотказно совершаю богослужения и требы, вычитываю положенные правила, а остальное — уж, извините, моё дело. В действительности же такая установка не только ложна, но и очень опасна. То, что вполне приемлемо для человека светской профессии, оказывается неприемлемым для человека, посвятившего себя Богу. Даже от врача, учителя, военного, государственного деятеля — людей, несущих, хоть и земное, но именно служение, требуется больше, чем просто отработывание положенных функций. Тем более Бог ожидает полной самоотдачи от тех, кого призвал к БОГОСЛУЖЕНИЮ.

Если священник пытается сохранить лишь благочестивый вид, а от внутреннего всецелого

посвящения себя Богу сознательно отказывается, то наказанием за это нередко служат тяжкие грехопадения и житейские несчастья. В этом одна из главных духовных причин разрушения священнических семей, впадение священнослужителей в пьянство и прочее.

Честность

Не перед всеми, но перед многими священниками встаёт вопрос, как распорядиться церковными деньгами. Я говорю не о нечестности, которая просто является грехом, требующим покаяния. Нередко бывает, что священник оказывается на приходе, доходы которого настолько малы, что их не хватает буквально ни на что. Священник со своей семьёй при этом существует за счёт помощи родственников или друзей и из тех же источников содержит и благоустраивает доставшиеся ему руины (так сказать, объект культурного наследия) или (если храм будет строиться) домишко для временного совершения богослужений. Естественно и оправдано в такой ситуации любую «перепавшую копейку» считать своей.

Но проходит время — налаживается служба, появляются прихожане, доходы храма растут. И очень важно настоятелю такого прихода уловить момент, когда уже нельзя все деньги считать своими. Нужно чётко разделять: это Бог послал на храм, а это — мне лично. Конкретно такой вопрос решается в разных ситуациях по-разному, но в любом случае он должен решаться по совести.

Послушание начальству

Важно наладить правильные отношения с церковным начальством. Не всё в действиях настоятеля, благочинного, епархиального архиерея и так далее может понравиться начинающему батюшке. У этого

могут быть разные причины. Но даже если молодой священник прав по существу вопроса, даже если он действительно лучше разбирается в чём-то, чем умудрённый опытом правящий архиерей, всё-таки всем нам нужно помнить, что через старшего младшим возвещается воля Божия. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» — сказано апостолом Павлом (Рим. 13, 1).

Пределы послушания начальству — и церковному, и светскому — конечно, есть. Это заповеди Божии. Ни по чьей указке мы не должны ни блудить, ни пьянствовать, ни впасть в иные грехи. Но по службе нужно стараться оказывать старшим искреннее послушание.

Иногда может казаться, что настоятель или архиерей руководствуется в своих решениях не желанием исполнить благую волю Божию о Церкви Божией, а своими страстями. Если даже так — он сам ответит Богу за свои намерения. Но священник, оказывая ему послушание по службе, поступает правильно. Бог, когда хочет, возвещает свою волю через святого, а когда хочет — через немощного человека. Но воля возвещается Божия.

Малая церковь с большой буквы

Начинающему ревностному к своему призванию пастырю бывает иногда трудно правильно распределить время и силы между приходом и семьёй. Когда по не зависящим от самого священника причинам (обсуждать их сейчас не будем) приходское служение не может поглотить всего его времени и сил, тогда и проблемы нет. Но бывает, что приход представляет огромное поле для пастырской деятельности священника. Тогда есть опасность, что ревностный батюшка весь уйдёт в жизнь своей общины, а его

семья окажется заброшенной. Так ни в коем случае не должно быть!

Семья — малая церковь, но Церковь с большой буквы! И отец — глава этой церкви. Причём, это так даже в тех случаях, когда он — единственный в семье церковный человек. Женатый священник обязан уделять своей семье внимание так же, как и приходу.

Сёстры, а не жёны

Священникам, особенно молодым, нужно быть очень осторожными в общении с женщинами. У многих из них трудные или даже плохие отношения с мужьями или нет мужей, они ищут душевного возмещения, этот поиск может обратиться и на духовника. Но духовник должен, сохраняя доброжелательность, вполне определённо устранить от такого рода общения. Мы не только не обязаны, но и не имеем морального права возмещать ущербность личной жизни прихожанок.

Здесь речь идёт не о намеренных попытках соблазнить священника — такое случается редко, и опасность сравнительно невелика, потому что у порядочного священника очевидное заигрывание сразу вызовет отрицательную реакцию. Гораздо опаснее соблазн под видом искренних исповедей, которые могут вызывать естественное сочувствие духовника к исповедующейся женщине. Захочется утешить страдальцу тёплым словом, а то и взглядом... Это может очень понравиться обоим. С таких, на неопытный взгляд, мелочей зачастую начинаются большие искушения, а иногда и падения.

Братья, а не дети

Весьма распространённым соблазном для начинающих священников, особенно ревностных к своему служению и духовно настроенных, является мла-

достарчество, когда священник, не обладая даром прозорливости, ведёт себя так, как будто обладает им. Не зная воли Божией о судьбах конкретных людей, мечтает о себе, что знает, на этом основании вмешивается в их личную жизнь, даёт непрошенные советы, советует на каждый шаг брать у него «благословение» и настаивает на исполнении своих «благословений», а то и угрожает Божиими карами за «непослушание».

Многих людей такое поведение священника отталкивает (и слава Богу!), но многим оно нравится по разным причинам. И вот создаётся как бы духовная семья: во главе — обаятельный «духовный отец» и при нём «верные духовные чада». Считается, что каждое слово батюшки должно ловиться и исполняться — в этом мыслится подвиг послушания.

Но истинное послушание — это отвержение своеволия ради воли Божией. А всегда ли, часто ли воля священника совпадает с Божией волей? Когда пастырь учит не воровать, не блудить, не осуждать — конечно, совпадает. Учит народ заповедям Божиим — даже долг приходского священника. Но давать конкретные жизненные советы — пусть каждый сам себя спросит, откуда он знает, что советовать.

Конечно, к нам, приходским священникам, часто обращаются люди и с духовными, и с житейскими вопросами. Всем отказывать в совете нельзя, наш долг помогать прихожанам в решении их проблем в соответствии с заповедями Божиими. Но это не должны быть непрошенные советы, и мы не должны настаивать на своих мнениях. Если кто-то испытывает ко мне доверие и хочет о чём-то спросить, пусть спрашивает, я отвечу, как смогу, а он пусть поступает по совести. Замечательно об этом сказал преподобный Марк Подвижник: «Человек советует ближнему, как знает; Бог же действует в слышащем».

по мере веры (к советуемому)» (Слово о законе духовном, 78).

А как же послушание духовного чада духовному отцу? А пусть прежде духовный отец спросит себя: «Правда ли, я — отец, и правда ли, я — духовный?» Болит ли моё сердце о духовных чадах, как болит сердце у родных отца и матери? И если болит, то как: в непрестанной о них сердечной молитве или от душевной привязанности и эмоционального возбуждения? А честно ответив себе на эти вопросы, будем лучше считать людей, которые прониклись к нам доверием и симпатией, не своими духовными детьми, а братьями и сёстрами во Христе. И послужим им не старческим окормлением, к которому пока мы, да и они не способны, а благоговейным совершением Божественной литургии и других священнодействий; послужим им своим добрым отношением, разумным устройством приходской жизни, добрым нравственным примером; послужим людям и духовным советом, когда они к нам сами обращаются, но не будем настаивать на своих мнениях и этим связывать богоданную свободу чад Божиих.

БОЖЕСТВЕННАЯ СЕТЬ

И ещё необходимо сказать о пастырском выгорании, когда ревностный батюшка, ведущий большую общественную работу, собравший многочисленную общину, вдруг через несколько лет начинает чувствовать, что ему ничто не мило и не интересно, общение с духовными чадами тяготит, от дел милосердия с души воротит и тому подобное. Выгорание, кстати, грозит не только священникам, но и активным прихожанам.

Причины этого явления можно пояснить на примере ноутбука, который питается от сети через аккумулятор. Если ноутбук вообще не включать,

то и аккумулятор долго не разрядится, а если потом и разрядится, то никто этого не заметит — ноутбук-то не работает. Но если аккумулятор отключить от сети и включить ноутбук, то сначала ноутбук будет работать нормально, потом — хуже, а потом совсем отключится. А вот если аккумулятор подключён к сети, то ноутбук может работать от него сколь угодно долго, пока не придёт срок этого ноутбука.

Так и христианин, если не радеет о совершении добрых дел и живёт теплохладно, то ему душевное выгорание не грозит. Правда, для него повышается опасность услышать слова Христа на Суде: «...Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его, ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мф. 25, 41–43).

А вот человеку, который ревнует о добрых делах, выгорание грозит. Потому что у каждого из нас есть определённый запас душевной энергии. Если мы эту энергию интенсивно тратим, то запас постепенно уменьшается, человек как бы выгорает. И что особенно важно, для пополнения этого запаса недостаточно простого отдыха и даже недостаточно участия в церковных богослужениях и регулярного причащения Святых Христовых Таин! Иначе откуда бы взялось выгорание у некоторых священников, хотя они и служат, и причащаются часто?

Нужно, образно говоря, чтобы аккумулятор души человека был подключён к Божественной сети. Не вера должна быть сама по себе, а добрые дела сами по себе, нет: добрые дела должны быть плодами веры. Внешнее благочестие необходимо, но необходимо, чтобы оно было укоренено во внутренней духовной жизни. Тогда выгорания не будет.

В наше время вопрос о душевном выгорании поднят очень своевременно. Ведь ныне Церковь через священноначалие призывает своих чад к активному внешнему служению: катехизации, миссии, молодёжной, социальной работе. Естественно, настоятели приходов и благочинные, исполняя своё церковное послушание, стараются инициировать такую деятельность остального духовенства и мирян.

И здесь исключительно велика наша ответственность, чтобы правильно в духовном отношении устраивать приходскую жизнь. Чтобы мы сами и наши духовные чада, через молитву и участие в таинственной жизни Церкви в терпении и смирении возрастали в вере и, как следствие (!), приносили плоды веры — добрые дела.

КАК БЫ СТАРЦЫ, КАК БЫ ЧАДА...*

Рассказ Ольги Говоровой «Я исповедуюсь своему начальнику» затрагивает огромную тему, далеко выходящую за рамки проблемы «настоятель-духовник», которая, хотя и существует, не так уж сложна сама по себе.

Работать в храме и окормляться у настоятеля можно без вреда для души, но при одном из двух условий. Или работающее в храме чадо действительно имеет от Бога великий и редкий дар духовного послушания и ревностно борется за сохранение этого дара (как — об этом сейчас говорить не будем). Или, не имея такого дара, человек и не фантазирует, будто имеет. То же относится и к настоятелю: не нужно изображать из себя кого-то великого.

Подробное и искреннее исповедание всех помыслов (в том числе и против духовного отца), о котором упоминается в рассказе Ольги Говоровой, не свойственно обычным отношениям настоятеля и сотрудницы, даже если она у него постоянно исповедуется.

---

* Напечатано в журнале «Нескучный сад», № 5–6, май-июнь 2013 г., как комментарий к статье Ольги Говоровой «Я исповедуюсь своему начальнику».

И батюшка из обсуждаемого текста не должен был бы требовать себе непомерного духовного послушания. История с протоколом и налоговой декларацией, за которой последовала трёхнедельная епитимья в форме «неразговаривания» и «несмотрения», — это какой-то кошмар*. Такое поведение наводит на мысль о не усмирённых благодатью Божией, но зажатых в душе человека «неудобносказуемых» страстях, которые, не имея прямого выхода, прорываются в такой вычурной форме.

Кстати, батюшку из рассказа Ольги Говоровой необходимо считать собирательным образом, иначе получится не только литературная исповедь автора, а ещё и публичное поношение вполне конкретного священника. Это совершенно недопустимо. Да и кто же хотел бы, чтобы о его немощах — а кто без греха? — писали в журнале.

Разумный начальник не станет добиваться от подчинённых слепого повиновения, а будет поощрять их инициативу. Я вот считаю себя разумным настоятелем, но я ведь не пророк и не специалист во всех областях приходской деятельности. Могу ошибаться, и нередко ошибаюсь. Поэтому, пока идёт обсуждение вопроса, сотрудники не только могут, а обязаны высказывать все имеющиеся у них соображения. Я об этом их прошу и поощряю откровенность. А вот, когда решение обсуждено и принято, тогда его нужно исполнять и не спорить.

Приходский священник должен чётко различать, в какой ипостаси он пребывает в каждой конкретной ситуации: духовник (для тех, кто обращается к нему как к духовнику и именно тогда, когда они обращаются именно как к духовнику), начальник

* В статье настоятель в качестве епитимьи за незначительное ослушание в техническом вопросе три недели не разговаривал с духовной дочерью и «смотрел сквозь неё».

(для сотрудников храма, если батюшка — настоятель), муж (только для своей жены), друг, отец (для своих детей) и тому подобное.

Такое различие не так уж сложно. Например, мы служим в одном храме с одним моим старым другом, и по службе он мне оказывает искреннее послушание, а я иногда делаю ему строгие замечания. Но в неслужебной ситуации, на прогулке, например, мы просто друзья, и нелепо было бы мне его поучать, а ему меня слушаться.

А сотрудник храма, если я его духовник, пусть о своих служебных погрешностях рассказывает не на исповеди. Если же он чувствует неловкость в сочетании «настоятель-духовник», то ему следует избрать другого духовника. Можно ещё перестать работать в храме, но это уже вряд ли восстановит отношения, впрочем, случается всякое.

Бывают иногда настоящие трудности — когда единственный священник на десятки или даже сотни километров вокруг. Мне пришлось быть в командировке в таком приходе, и одна девушка поделилась, что влюблена в молодого настоятеля (да ещё и целибата), просила совета. Что тут будешь делать? До ближайшего другого храма ей было ехать несколько часов на поезде. Посоветовал обращаться к этому священнику только за совершением таинств, исповедоваться без подробностей, разговаривать сухо, за советами не обращаться. Не знаю, как всё обошлось, никогда больше в том городе не был.

Впрочем, всех случаев не переберёшь и не предусмотреть.

НЕ УГАСИ КУРЯЩЕГОСЯ ЛЬНА*

(тезисы выступления на конференции «Задачи, принципы и организация катехизической деятельности Русской Православной Церкви» XV Международных Рождественских образовательных чтений, 2007 г.)

В последние годы, когда Церковь получила свободу от государственного атеистического гнёта, многие активные священнослужители и миряне стали поднимать вопрос о необходимости серьёзной подготовки людей к принятию церковных таинств, особенно — таинства Крещения.

Само по себе, это не может вызывать возражений. И, конечно, мнение, что крестить нужно всех подряд, ложное и заслуживает осуждения. Конечно, если где-то гонятся за «мёртвыми душами» и требуют от священников, чтобы они любой ценой как можно больше крестили, это тоже заслуживает осуждения. Не знаю, есть ли где такое? Я, будучи одним из благочинных Московской епархии, могу засвидетельствовать, что подмосковное священноначалие такого давления не оказывает.

Но остаётся вопрос: каким образом готовить людей к Крещению? Какие требования к ним предъявлять? Не следует ли определить некий минимум

таких требований? Наконец, не следует ли священноначалию строго (с угрозой административного наказания или даже канонического прещения) указать духовенству, чтобы оно не крестило взрослых людей, не прослушавших цикла огласительных лекций.

В применении силы всегда есть какое-то обаяние. Я сказал — и они сделали. А не сделали — накажу. Не исправятся — хуже будет. Но такие методы бывают эффективными (хотя и это не абсолютно и не всегда) в делах внешних: армия, производство, учёт и т. п. От духовенства можно, например, административно потребовать, чтобы оно наладило приходскую бухгалтерию, приходскую канцелярию. Но нельзя административно потребовать любви.

Почему-то некоторые священники считают, что писать циркуляры и воззвания о необходимости катехизации — это ревность по Боге, а не писать — это косность и равнодушие к делу Божьему. Но решаются ли духовные дела циркулярами? Пока, слава Богу, никому не пришло в голову издать циркуляр с требованием возлюбить Господа Бога всем сердцем своим и ближнего — как самого себя.

Святитель Филарет Московский писал: «Кажется, нужнее поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы»*. Увещать нас, пастырей, нужно, проповедовать нам о нашем пастырском долге нужно. Только всё должно делаться в духе любви.

Надо каждому христианину (архиерею, иерею, мирянину) на своём месте делать, что он может. Если, при этом, у кого-то появился хороший опыт в области подготовки людей к Крещению, и он хочет поделиться им с братьями и сёстрами во Христе, очень хорошо — пусть поделится, ведь для этого, в первую очередь, и устраиваются Рождественские чтения.

* Опубликовано в журнале «Приход», № 4, 2007 г., в сборнике печатаются в сокращении.

* «Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения», М., «Отчий дом», 1994, с. 353.

Некоторым людям кажется, и они подают это как очевидное, что если каждому взрослому, заявившему о желании креститься, поставить условие предварительно побеседовать со священником, посетить несколько лекций и выполнить ещё какие-то подобные требования, то обстановка в нашей Церкви значительно улучшится: будет гораздо меньше «только номинальных» христиан, а останутся почти только «настоящие» христиане.

Заметим по ходу дела, что такое отделение нехороших мытарей от хороших фарисеев может привести и к парадоксальному результату, как это видно из известной евангельской притчи*. Еженедельное причащение Святых Христовых Таин, знание «Закона Божия» по Слободскому и даже наличие духовного отца отнюдь не гарантирует нам вход в Царство Небесное. Эти условия недостаточны. И дерзну сказать: не необходимы. И существуют ли достаточные условия?

Разумеется, для всех желательно, чтобы люди основательно готовились к принятию таинства Крещения, чтобы родители приносимых к Крещению младенцев и крёстные были людьми, глубоко воцерковлёнными. Но вопрос не столько в том, что желательно, сколько в том, что реально можно или даже необходимо сделать.

Мы живём в стране, где православие — традиционная религия, где для большинства народа уже давно и вполне сложилось, что, как только человек уверовал в Бога, он сразу хочет креститься. Нравится нам это или нет, но это чувство миллионов. Переломить это чувство (пусть оно не укладывается в рамки наших мнений) можно, только переломив народную душу. Будем стараться воспитывать и учить, а ломать лучше не надо.

* Лк. 18, 9–14.

Святитель Филарет Московский мудро заметил в одном частном письме: «Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления»*.

Кроме предложений воздействовать на нерадивых циркулярно, звучат предложения вводить некоторые новые обычаи, которые будто бы помогут делу оглашения и воцерковления. Например, в одной книге предлагается вводить дифференцированный подход к исполнению треб для верных и внешних; предлагается также тех, кто ищет Крещения, но не желает пока отступать от ветхих обычаев, посвящать до времени в чин оглашенных. Что это даст?

Тут, мне кажется, неплохо вспомнить песню Булата Окуджавы «Пиджак», где портной верит, что перекройка пиджака существенно изменит к лучшему отношения заказчика с его возлюбленной. Не в пиджаке дело и не в обычаях. Конечно, совершенствование обрядов и порядков иногда оправдано. Благие внутренние перемены в душах людей, бывает, сами побуждают их к более подходящим внешним формам. Но если этого нет, то попытка введения новых форм непременно породит враждебную реакцию любителей старого, а в сторонниках нового будет разжигать самомнение.

Однако так ли уж безотраднo существующее положение? Часто приходилось слышать от некоторых ревностных батюшек, даже благочинных, что с крещением у нас в Церкви очень плохо: крестится много людей, а воцерковляется мало. Так оно и есть, на поверхностный взгляд. Но, на самом деле,

* «Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения», М., «Отчий дом», 1994, с. 348.

воцерковлять (спасать) — это дело Божье. И то, что у нас, как людей немощных и грешных, бывает плохо, то у Бога совсем не бывает плохо. Как Он приводил людей в Церковь, так и приводит. И никто этому не мог помешать даже при коммунизме; тем более, сейчас.

Я пришёл в Церковь в 1978 году, приблизительно в то же время (семидесятые — восьмидесятые годы прошедшего века) пришли к Богу очень многие образованные сравнительно молодые люди. Если взять только один московский храм Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, в котором я был алтарником почти 9 лет, пока не рукоположился, то можно назвать немало известных имён: профессор Борис Николаевич Любимов, профессор Андрей Борисович Зубов, крупный учёный-индолог покойный Всеволод Сергеевич Семенцов, протодиакон Андрей Кураев, протоиерей Валерий Мишин, священник Игорь Киреев, протоиерей Борис Михайлов, протоиерей Сергей Резников, протоиерей Борис Даниленко, протоиерей Владислав Свешников, протоиерей Александр Шаргунов, покойный протоиерей Борис Ничипоров. Перечисление можно продолжать, но нет нужды. Зададимся, однако, вопросом: кто нам читал катехизические лекции? Кто принимал экзамены? Бог нас призвал и привёл. Происходило это не без участия людей, но ни о какой систематической катехизации не могло быть и речи.

Конечно, можно возразить, что в то время катехизация была невозможна, поэтому Бог действовал таинственным образом, теперь же, пользуясь свободой, должны активно заниматься оглашением сами церковные люди. Активность в деле оглашения ищущих Крещения противопоставляется пассивности. На самом деле, стоит обратить внимание на качество нашей активности. Насколько она духовна,

благодатна? Безблагодатная активность, пожалуй, даже хуже безблагодатной пассивности. Может быть, нам следовало бы к своей активности отнестись более критично? Не берёмся ли мы, слепые, водить слепых?*

Как же воцерковлялись молодые интеллигенты в 70-х — 80-х годах? Все по-разному, конечно, но некоторые общие моменты можно выделить: неформальное общение верующих друзей с неверующими и уверовавших — между собой; чтение попадавшей в руки (посылаемой Богом) духовной литературы; размышление, личная (поначалу неосознанная) молитва. Наконец, я считаю, главное: участие в таинственной жизни Церкви: причащение Святых Христовых Таин, исповедь, сюда бы я отнёс и доверительное общение с любящим и опытным духовным отцом. Этого разве мало? Это разве не больше официальных лекций? Но это было, как правило, уже после Крещения. Не по правилам, конечно.

Что касается роли лекций в подготовке людей к Крещению, то они могут быть полезны, если проводятся талантливо, а могут быть и вредны. Люди к Крещению приходят очень разные: одним нужны одни слова, другим — другие. Кого считать готовым к Крещению? Это должна решать совесть священника. А если вводить формальные признаки, то не будет ли ещё хуже, чем Крещение всех подряд? И не прогоним ли мы многих жаждущих богообщения, но не могущих выразить это внятным для нас образом?

В конце концов, всё откроется на Страшном Суде. И там может оказаться, что многие из нас, кто знали назубок катехизис и часто причащались, осудятся, а кое-кто из тех, кого мы считали нецерковными, будут помилованы. Я бы не спешил с проведением чётких границ.

* Ср. Лк. 6, 39.

И, главное, заботясь о границах, нужно стараться не столько отсесть от Крещения тех, кто на наш взгляд не готов, сколько помочь воцерковиться тем, кого Бог привёл в Церковь. Вводя административные требования к катехизации, мы можем погрешить, потому что пути человека к Богу нередко бывают плохо видны извне.

Ещё раз хочу сказать, что и я — не за то, чтобы крестить людей только потому, что они отдали за ящик деньги. И я считаю, что мы, священники, должны всеми силами стараться, чтобы Крещение становилось для людей началом новой жизни, а не оказывалось только поводом к домашнему застолью. Но сказано в Священном Писании о Христе: «Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Мф. 12, 20). Вот и нам бы в попытках раздуть в душах ближних духовный огонь не угасить курящегося льна.

ТРУДНОСТИ ПРИХОДСКОЙ СЕМЬИ*

Некоторые концептуальные проблемы устройства приходской жизни

(тезисы выступления на XVI Международных Рождественских образовательных чтениях, 2008 г.)

Дорогие отцы, братья и сёстры! Предлагаемый вашему вниманию доклад посвящён двум темам. Сначала мы коснёмся вопросов устройства прихода, как общины. А затем будет сказано несколько слов о понятиях «захожанин» и «требоисполнитель».

Давно уже стало общепринятым мнение, что в идеале приход должен строиться как община, духовная семья, члены которой пребывают в послушании у главы этой семьи — настоятеля, а между собой имеют добрые, душевно тёплые отношения.

Не скрою, что и мне тоже очень хотелось, чтобы при храме, в котором я в 1990 году стал настоятелем, возникла упомянутая духовная семья. С тех пор прошло уже почти 20 лет, и, с одной стороны, можно сказать, что желание исполнилось — община возникла и выросла, но, с другой стороны, выявились не только достоинства, но и принципиальные недостатки концепции прихода как духовной семьи. Речь идёт не о недостатках и ошибках духовенства, сотрудников и прихожан, а именно о недостатках самой концепции.

* Эта статья с некоторыми сокращениями была опубликована в журнале «Приход», № 11 за 2008 г.

Эти недостатки не были заметны, пока община была немногочисленной, пока не развернулась масштабная приходская работа (ежедневное богослужение и соответствующее этому жизнеобеспечение храма, реставрация и строительство, большая воскресная школа и прочее) и пока молодёжь, задававшая тон в общине в начале её существования, не создала свои семьи.

Во-первых, чем больше становилось в общине людей, что само по себе, конечно, радовало, тем менее возможной становилась тёплая душевность в отношениях. Ведь не бывает дружеских компаний из ста человек. А примерно столько братьев и сестёр (это только взрослых) стало садиться за праздничный стол на Рождество или Пасху.

Во-вторых, для многих явилось большим искушением (для некоторых непреодолимым) несение церковного послушания. Ведь как обычно приходят люди в приходскую общину? Начинают посещать храм, исповедуются у настоятеля, чувствуют к нему доверие, получают душевное утешение и поддержку от духовных бесед и советов, знакомятся и входят в добрые отношения с другими членами общины. В какой-то момент у прихожанина появляется желание устроиться в храм на работу, и, если место есть, его принимают.

И тут, бывает, человека постигает разочарование, ведь как прихожанин он общался с батюшкой лишь как с духовником. Духовник совершал таинства, советовал, утешал. А теперь человек оказался к своему духовному отцу в отношении ещё и подчинённого, а начальник нередко бывает обязан настаивать, требовать, и даже наказывать. Этого некоторые не выдерживают, начинают обижаться и в конце концов ищут себе другого духовника, а заодно и перестают работать в храме.

Понятно, что те люди, которые в общении с духовником искали отсечения своей воли ради воли Божией, будут гораздо меньше искушаться, оказавшись у духовника в послушании ещё и как у начальника. А те, кто в общении с духовником искали преимущественно утешения, будут искушаться больше.

Таким образом, перед настоятелем-духовником стоит трудная задача: быть одновременно и требовательным начальником, и любвеобильным отцом. Эта задача для него разрешима лишь в той мере, в какой сам он ищет исполнения относительно своих чад благой и спасающей воли Божией, а не душевных утешений. Но надо сказать, что большинство из нас немощны.

В-третьих, когда молодёжь, из которой в основном состояла первоначальная община, стала создавать свои семьи, когда у них пошли и умножились дети, тогда занятые домашними делами люди, естественно, стали меньше времени проводить в храме, кроме богослужений. Добрые отношения в основном сохранились, но общаться вне службы между собой, да и с настоятелем стали значительно меньше: с настоятелем — по служебным делам, с ним же как духовником — в основном на исповеди.

В-четвёртых, если первые три-четыре года можно было почти каждого, кто жаждал трудиться в храме, принять на работу, то потом штат заполнился, и теперь почти всем, желающим работать в храме, даже тем, кто этого по нравственным качествам достоин, приходится отказывать, потому что нет мест.

С другой стороны, приходские нужды заставляли и заставляют принимать в штат сотрудников подходящей квалификации, но не обязательно своих по душе и по духу. А что поделаешь? Если нет, скажем, каменщика благочестивого, принимаем на работу такого, какой есть. Дело-то нужно делать.

Таким образом, состав общины стал всё меньше совпадать с составом сотрудников. Это вполне естественно, никто в этом не виноват, но стало совсем не так уютно, как раньше.

Концепция прихода как большой семьи вполне сохраняла свою жизнённость, пока община была немногочисленной и состояла из вполне церковных людей, между которыми существовали тёплые дружеские отношения. Но ведь мы хотим, чтобы воцерковлялись по возможности все люди, а православие, как известно, — традиционная религия русского народа. Поэтому, когда даже совсем маленькая часть жителей среднего подмосковного райцентра стала всерьёз воцерковляться, людей стало так много, что потребовалось на ходу переосмысливать концепцию приходской жизни.

В посланиях святого апостола Павла четырежды встречается выражение «домашняя церковь». Домашняя церковь — вот первая церковная ячейка (после сердечного храма, разумеется). И приход — в идеале — должен быть не прихрамовой семьёй, состоящей из отдельных людей (и часто из осколков распавшихся или несостоявшихся семей), а объединением малых, домашних церквей.

Поэтому, устраивая приходскую жизнь, нам нужно стремиться к тому, чтобы, оставаясь членами единого Тела Христова (не семьи даже, а Тела!), прихожане, насколько возможно, старались устраивать свои семьи как домашние церкви.

Для верующего человека влиться в приходскую общину-семью — это утешение, а если есть возможность ещё и жалованье получать за то, что в церковь ходишь, посильно там трудишься и общаешься со своими друзьями и духовником, то утешение — сугубое.

Но вот о своих семьях, как о домашних церквях, большинство наших прихожан даже не думают, проводят дома время, свободное от сна и приёма пищи, в просмотрении телевизора и прочей суеде. С детьми почти совсем не занимаются, совместной домашней молитвы почти ни у кого нет.

Хочу подчеркнуть, что речь идёт об искренне верующих, церковных людях, которые при этом по разным причинам не устраивают свою домашнюю жизнь церковно.

И поэтому, на мой взгляд, *важнейшей задачей приходской общины является сегодня не столько то, чтобы наладить приятельские взаимоотношения между её членами, сколько то, чтобы христианские семьи становились домашними церквями.* Проблема огромная, до конца, конечно, никогда не разрешимая, но это то, над чем нам всем, священникам и мирянам, нужно повседневно трудиться, начиная, естественно, с самих себя и со своих семей.

Как, вообще, создаётся приходская община? А как женщина-христианка рождает детей? Выходит замуж, любит своего мужа, молится, болеет, терпит, во всём полагается на Бога. Так у неё рождаются дети, если Бог даст и сколько Бог даст.

Так же и настоятелю прихода нужно просто служить, молиться, терпеть и любить своих ближних по заповеди Божьей. А остальное придёт само собой. Придёт не то, что мы захотим придумать, а то, что Бог пошлёт. И это совсем не мало: «Делай, что должен, и будь, что будет».

Вся приходская деятельность — и образовательная, и катехизаторская, и благотворительная — должна вырастать из этого. А та деятельность — как бы она ни была обширна и ярка, и заметна, и отмечена наградами — та деятельность, которая вырастает

не из Божественной литургии, молитвы, терпения и любви окажется, в конце концов, бесплодной.

Люди, которые будут на приходе под руководством настоятеля что-то делать во славу Божию (не обязательно без жалованья, но во славу Божию) сами собой составят приходскую общину (в узком смысле). Настоятелю нужно уметь как-то эту общину не разорить, но и не превратить вместе с собой в сплочённую секту православного обряда.

А в широком смысле, приходская община состоит из всех членов Церкви Христовой, которые обычно причащаются в данном приходском храме. Разве можно их противопоставлять группе сотрудников и активистов, которые трудятся под непосредственным руководством настоятеля? Не могут все наши прихожане работать в храме, не могут все они у меня, настоятеля, исповедоваться, не могут эти сотни людей быть моими близкими друзьями. Но все мы можем быть членами Тела Христова, и это единение больше и важнее, чем все наши приходские дружбы и привязанности.

Теперь о понятиях «захожанин» и «требоисполнитель». Дорогие отцы, братья и сёстры! Вот перед вами стоит порядочный священник. Я не пью, не курю, не играю в азартные игры, пощусь два раза в неделю, три раза в неделю причащаюсь, начитан в святых отцах и поэтому всем и каждому могу сказать, что я — человек немощный и грешный. Но в глубине души я, конечно, твёрдо знаю, что «не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи» (Лк. 18, 11) или эти..., как их называют, «захожане» и «требоисполнители».

В XX веке в язык церковной интеллигенции вошли новые слова: ироничное «захожанин» и презрительное «требоисполнитель». Слова понятные.

Конечно, нехорошо быть захожанином и грешно быть требоисполнителем.

Но, называя кого-то этими словами, мы сами оказываемся на грани фарисейской пропасти, дескать, мы, духовно озабоченные пастыри, и наши продвинутые духовные чада — это настоящая Церковь, а те — требоисполнители и их захожане — балласт на нашем спасительном лайнере.

В каком-то смысле так оно и есть: Церковь — Корабль Спасения, но не все, кто называются христианами, на нём плывут. Однако нам не следует забывать, что только Страшный Суд откроет, кто был пассажиром или даже матросом на этом Корабле, а кто только фантазировал и делал вид, что на нём плывёт. «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» — сказано апостолом Павлом (1 Кор. 10, 12).

Кто такой требоисполнитель? Нерадивый священник, которому Литургия скучна, и молиться никогда неохота, и на прихожан глаза бы не глядели, а только хочется поскорее взять деньги и убежать из храма. О ком можно вынести такой суд, чтобы не погрешить против заповеди Божьей? Да только о себе самом!

Конечно, каждый священник должен заботиться, чтобы ему не быть таким нерадивым, а находя в себе нерадение, каяться в этом. И все мы, конечно, должны стараться помогать людям, которые заходят в храм, с которыми, вообще, Бог нас приводит общаться, стать членами Церкви — Тела Христова.

И очень хорошо, что мы собираемся на такие конференции, делимся опытом друг с другом, обсуждаем возникающие в пастырской практике вопросы. Но нам не следует превозноситься над теми священниками и не священниками, которые, как нам представляется, не живут полноценной духовной

жизнью. Потому что полноценная духовная жизнь, в первую очередь, как раз предполагает неосуждение ближнего и покаянное ведение своих грехов.

В области духа всё очень подвижно. Сегодня кажется, что вот у меня при храме полнокровная приходская жизнь, а завтра вдруг подули ветры искушений, и всё развалилось, и те, кого я считал близкими духовными чадами и задушевными друзьями, вдруг отвернулись от Бога и от меня. От Бога ли или только от меня — это ещё большой вопрос! Может быть, это милость Божья к ним, да и ко мне, что они от меня отвернулись и потому не погибли.

Человек редко ходит в храм, поставит свечку, подаст записку и уйдёт, причащается раз в году, в духовные чада ни к кому не зачислен — захожанин! Надо ему сказать, чтобы он причащался дважды в месяц, имел духовного отца, записался на уроки по Закону Божьему и пил чай в приходской трапезной. И тогда он уже настоящий член Церкви? Правда ли?

Меня, кстати сказать, такой подход в своё время поставил в смешное положение. В 1988 году, когда я был настоятелем небольшого храма в Хабаровске, старостой у нас был человек, который никогда не причащался, и нечистый на руку. В тот год уже стали поговаривать, что настоятели смогут быть председателями Приходских советов, и я начал готовить к этому приход, в частности, говоря про тогдашнего старосту, что как он может быть председателем Приходского совета, раз он никогда не причащается. Его друзья провели со старостой работу, что, мол, «батюшка под тебя подкапывается». Ну, он взял да и причастился. Мои карты были биты.

Конечно, когда человек посещает храм Божий только ради удовлетворения своих религиозных

душевных потребностей — отметить рождение ребёнка, отпраздновать брак, проводить усопшего, призвать на помощь высшие силы в случае болезни, опасности и т. п. — это не христианский подход. Православные христиане собираются в церковь в первую очередь для совместной молитвы и для причащения Тела и Крови Христовых.

Все мы, церковные люди, хотим, чтобы как можно больше наших братьев и сестёр не просто получали в храмах религиозное утешение в знаменательные моменты своей земной жизни, а поистине приобщались к дарованной нам Богом вечной блаженной жизни во Христе. Это желание побуждает нас повышать требования к людям, желающим принять участие в церковных таинствах.

Но прежде повышения требований к людям не следует ли нам, священнослужителям, обратить нелицеприятное внимание каждому на самого себя. Не разработка и соблюдение формальных требований к прихожанам должны быть главным предметом нашей заботы, а то, чтобы мы внимательно, молитвенно, с любовью относились к людям, которых посылает к нам Бог. Из этого молитвенного, любовного внимания должны рождаться конкретные и в различных случаях различные решения: крестить или не крестить людей, венчать их или не венчать.

Ведь сами по себе упомянутые религиозные потребности — как ни неприятны эти слова для церковного слуха — не греховны, а естественны и присущи вообще человеку. Чтобы мы ни предпринимали, люди — и грешные, и святые — всё равно будут стремиться их удовлетворить.

И если мы решительно и энергично воспрепятствуем недостаточно воцерковлённым людям получать религиозное утешение в православных храмах, это приведёт вовсе не к массовому воцерковлению

захожан, а к массовому оттоку их из Церкви в секты, нехристианские религии, в атеистические обряды вроде советских октябрин.

Конечно, самое надёжное средство от головной боли — это гильотина. Но не наше дело им пользоваться. Мы должны помогать нецерковным людям воцерковляться, а не отгонять их.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ О ПРИХОДСКИХ ДЕЛАХ

Сейчас много говорится о развитии общинной жизни на приходах. Как у Вас решается эта проблема?

Мне запомнились слова из журнальной заметки одного диакона: «Я посетил приходские храмы в Москве: здесь воскресная школа, там клуб милосердия — везде кипит общинная жизнь». Ну, вот, в нашем приходе тоже много такого рода внебогослужебной деятельности, а каково её духовное содержание?

У праведного старца Алексия (Мечёва) была община, «покаяльная семья», как он её называл, — уникальное явление, связанное с его личными, исключительными духовными дарованиями. Он действительно был духоносным старцем, у него был особый дар видеть души людей, при этом он был удивительно тёплый человек, людям было с ним хорошо. И вот они собрались вокруг своего поистине духовного отца, создавалась община; там были и совместное времяпровождение, и взаимопомощь, и кружки, и социальная работа, но центром была личная внутренняя духовная жизнь: молитва, борьба со страстями — под руководством святого старца.

Много таких общин? Я думаю, мало, и всегда было и будет мало. Ставить перед собой задачу создать духовную общину, «покаяльную семью», как на Маросейке, — это безумная гордость или, в лучшем случае, отсутствие духовного опыта. Праведный Алексей (Мечёв), кстати, такой задачи и не ставил; он, вообще, первые восемь лет служил в пустой церкви, потом люди стали собираться.

И это для нас как раз образец: главное дело настоятеля — наладить в храме богослужение. В том числе требы. К ним иногда относятся с каким-то пренебрежением, но ведь требы состоят из молитв и священнодействий. Помню, когда я служил на Дальнем Востоке, священников было очень мало, а требования начальства большие, порой служили целыми неделями вообще без выходных. Конечно, я очень уставал, поначалу внутренне роптал, но потом как-то подумал: «Что плохого, послужу ещё один молебен или панихиду, ведь это же молитва Богу».

Но если не покаяльная семья, то что имеется в виду, когда говорят об общине? Тёплые душевные отношения и развитая внебогослужебная деятельность. Само по себе это неплохо, только обольщаться не надо. Может быть, я дую на холодное, потому что сам обжёгся. Когда я только пришёл на приход, то всё закипело, забурило, набежало очень много людей, молодёжи, началась в буквальном смысле общинная жизнь. Люди стали прямо-таки жить на территории храма, многим это нравилось, и я это поощрял, мне тоже нравилось. И большим отрезвлением стало для нас, когда один из лидеров общины вдруг вернулся к наркотикам, а другой запил — оба после долгого перерыва.

Это была грозная, но правда жизни, не мечтание, какие мы славные, как нам вместе хорошо — а правда, что все мы расслабленные, связанные страстями,

находящиеся на грани духовной смерти люди. Как в больнице важно не то, чтобы на окошках стояли цветы, врач всем улыбался и говорил: «Вы мои родные умирающие», а чтобы он их хорошо лечил. Улыбнуться тоже неплохо, но по существу любовь врача проявится в том, что он будет внимателен к больным, будет повышать свою квалификацию — короче говоря, будет делать всё возможное, чтобы больные поправлялись. Я это понял, и теперь на первое место ставлю не взаимоотношения, а служение (кстати, взаимоотношения от этого не стали хуже).

Вот меня Бог поставил служить, я служу. Бог послал кого-то вместе со мной нести приходское служение, мы вместе несём это служение. Христос, когда Мать Божия и братья хотели к нему пройти, а народ не пускал, сказал: «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать». Перефразируя эти слова, можно сказать, что, когда кто-то делает со мной единое дело, тот мне брат, и сестра, и мать. Если нужно, давайте называть это общиной.

Человеческие отношения складываются по-разному, кто-то, может быть, важнейший сотрудник, а отношений близких нет. Ну, что ж? Читали в книгах о войне — стоит одна рота, рядом другая, фронт держат. Я, может быть, с соседним капитаном не приятель, может, я любитель поболтать, а он молчун, но мы делаем общее дело; когда нужно, помогаем друг другу, жизнью жертвуем друг за друга — так не всегда бывает, но так должно быть.

Что касается внебогослужебной деятельности, то, конечно, на многолюдных приходах она, как правило, возникает, и этого следует ожидать. Но нужно ли гнаться за ней, и как её спланируешь? Вот нам послал Бог ещё в 90-х годах трёх детских музыкальных педагогов. Они создали Детскую церковную

музыкальную школу, где сейчас около 350 человек, и уже 25 лет её «тянут». Не будь этих педагогов — не было бы такой школы.

Обстоятельства у всех разные, и они, бывает, меняются. У нас одно время действовала служба милосердия. Были две девушки, профессиональные медсёстры по уходу, и они несли это служение. Потом одна из них ушла в монастырь, другая окончила институт, вышла замуж и теперь работает детским врачом-дефектологом. Не жалеть же нам теперь, что одна ушла в монастырь, а другая ещё больше стала трудиться, только не под нашим флагом, и я не могу это внести в отчётность?

Если кто-то в церкви ни за деньги, ни бесплатно не трудится, а приходит только на Литургию, разве это само по себе плохо? У работающего человека или матери семейства может и не быть времени для приходских занятий. Да и лучше, чтобы мать занималась дома своими детьми, а не сбегала от них под предлогом общественной работы. Если человек может поучаствовать в приходской жизни делами — хорошо; только молитвой — тоже хорошо. Я считаю, что каждый должен заниматься своим делом, делать то, что ему Бог поручил. Главное: всё должно быть органично — не то, что мы надумали, а то, что Бог дал.

Как устроить, чтобы на приходах велась активная миссионерская, просветительская работа?

Родился в семье ребёнок. Я хочу, чтобы он стал музыкантом. А он, такой-сякой, любит рисовать. Давай теперь я у него кисточки отберу, привяжу к роялю. Правильно ли это будет? Так и с приходской жизнью. Задача священника — не выдумывать что-то, а самому жить духовно, почаще служить,

любить, по заповеди, своих прихожан — и люди на приходе будут собираться, и какие-то взаимоотношения сложатся сами собой, и общие дела появятся.

Мне приходилось слышать от молодых батюшек: «Хочу, чтобы у меня в храме была "изюминка"». Кому нужны наши «изюминки»?! Всё — Божье. Если Бог даст, то «изюминка» будет, а не даст — и не надо. На практике, конечно, редко случается, чтобы ничего не было. Если священник благочестив — люди к нему потянутся. Всё возрастает само — главное, не мешать.

А мешают наши страсти. Если мы гневливы — распугаем людей, если равнодушны — они будут унывать, если мы корыстолюбивы и все деньги загибаем себе — потеряем доверие и уважение людей, и не на что будет строить приходскую жизнь. Каков поп, таков и приход. А всякая искусственность не принесёт добрых плодов. Очень правильно, что священноначалие призывает нас к внебогослужебной активности. Но формализм здесь ни к чему хорошему не приведёт, только разовьёт показуху.

А приходские чаепития — хороший опыт или лишний? Могут ли прихожане подойти к Вам и сказать: «Батюшка, мы хотим после службы попить чаю, устройте для нас чай»?

Я считаю, что нормально было бы подойти и сказать: «Батюшка, мы хотим для кого-то устроить чай».

В действительности, когда очень маленький приход, можно после каждой службы всем вместе и чай пить, и даже обедать. Когда приход большой, это невозможно физически. Но разве это повод для огорчения? Везде свои особенности; если со смирением и благодарностью принимаем волю Божию, то всё служит нам во спасение души.

Вот 29 апреля* мы будем отмечать 25-летие прихода. Пригласили батюшек, которые когда-то здесь служили, сотрудников. Широко не объявляем, чтобы не превращать дружескую встречу в официоз, но человек сто всё равно ожидается. Можно назвать это благотворительным мероприятием. Если нужно.

Насколько близко священник должен общаться с прихожанами? Созваниваться, встречаться или всё только в стенах храма? У священника могут быть друзья на приходе?

Я думаю, все люди разные — у кого-то это складывается естественно, и люди получают пользу. У нас есть второй священник в храме — отец Сергей, ему уже под восемьдесят, очень интеллигентный, обаятельный человек и благочестивый пастырь, прекрасно образованный — художник, архитектор. Духовные чада часто его в гости приглашают. А у кого-то общение с прихожанами может складываться по-иному, но это не значит, что хуже.

Человек должен использовать те дарования, которые ему дал Бог. Вот если Бог дал священнику дар иконописания — он и молитвенник, и служит, исполняет свои священнические обязанности, а в остальное время пишет иконы. Что же, надо обязательно загнать его в миссионеры, чтобы люди спали на его занятиях?

А бывает наоборот: например, у нас есть священник, сейчас настоятель храма, а когда-то у нас служил. Так у него просто дар такой — молодёжь к нему слеталась, он часами с ними общался, на лавочке возле храма сидел — главный был катехизатор. Теперь он стал настоятелем и со всей этой общиной,

* Службы в Успенском храме г. Красногорска возобновились в апреле 1990 г.

там несколько десятков молодых людей, перешёл в новый приход. Есть у человека такой дар общаться с молодыми людьми, и слава Богу. Но пытаться с ним соревноваться — смешно: если к отцу такому-то тянется молодёжь, а ко мне нет, надо идти в школу православных лидеров? Не думаю, хотя всякое бывает. Есть вещи, которым вообще невозможно научить, это дары, которые, если есть, человек должен их во славу Божию использовать. А если нет, то нет.

Какие обязанности у настоятеля, он же распределяет работу алтарников, клира, хора, как это происходит? И чем занимается благочинный?

Это больше относится не собственно к церковной жизни, а вообще к разумному руководству — да, должен быть хор, должны быть алтарники. Конечно, надо стараться, чтобы люди могли проявлять инициативу — ставить общие рамки, а в остальном давать свободу.

Например, у нас есть хор, я не интересуюсь, что они поют; регенты знают, что я не люблю, когда слишком витиевато, хочу, чтобы все слова были понятны. Для меня лучше всего, когда священник хор не замечает, а то, когда певчие поют слишком красиво или оригинально, это отвлекает от молитвы. Мы общаемся с нашими регентами, их несколько, и они это всё соблюдают, а в остальное я не вникаю — как им нравится, так и поют.

Или алтарники — задача алтарника, чтобы священник молился и ни о чём не думал. Протянул руку — у него уже в руке кадило. А как алтарник это устраивает — уже его дело; как ему удобно, пускай так и устраивает. И везде должен быть старший. Если алтарников два, один из них должен быть старшим.

С благочинием тоже довольно просто — я от священноначалия получаю указания и их распространяю. Если необходим контроль, контролирую, информацию собираю и опять наверх отправляю. Раз в год по приходам проводятся инспекции, этим занимаются специально назначенный священник и бухгалтер. Такие проверки не досада, а помощь настоятелям и казначеям. Кроме того, всем известно, что эти инспекции с нашего же храма и начинаются — приехали, приходские документы проверили, всё ли в порядке. Указания на недочёты принимаю с благодарностью. В мои обязанности входит бывать на каждом приходе раз в год, а реально это бывает чаще. Также общаемся по телефону, электронной почте, если какие-то вопросы возникают. Когда нужно, батюшки ко мне приезжают.

Должно ли быть у прихожан право голоса, в том числе при распределении денежных средств, вы советуетесь с прихожанами, куда отправить это, куда это?

Я постоянно советуюсь с сотрудниками, тем более что сам мало в чём разбираюсь профессионально; я не певец, не педагог, не строитель, не повар, не бухгалтер и так далее. Поэтому я советуюсь с людьми очень часто, но только с теми, кто сам трудится. Вот у нас есть регенты — с ними я советуюсь по вопросам пения. Есть воскресная школа — с педагогами советуюсь по воскресной школе. По вопросам бухгалтерии советуюсь с бухгалтером. Понятно, что, если кто-то жертвует приходу большие деньги, есть основания советоваться с благодетелем, как эти деньги разумно употребить.

У нас в благочинии есть группа в интернете — «Добрые дела», ей руководит священник. Их там

человек сто, они совещаются, решают, что нужно, собирают деньги, приобретают, развозят вещи, отчитываются. Если кто-то хочет пожертвовать деньги или вещи, пусть они советуются с этой группой.

Демократия может быть и хороша, но не в семье. Любовь выше демократии. Когда нужно, тогда надо посоветоваться, особенно со старшими детьми, если они самостоятельные — как и что будем делать. Это, кстати, хорошо воспитывает. Но даже в очень большой семье — ну, максимум 20 детей, а приход гораздо многолюднее, и здесь всё должно быть органично — если я хочу получить совет, тогда и надо обращаться за советом к тому, кто может его дать.

Как человеку выбрать свой приход, на что он должен обращать внимание? Вообще, на какие-то внешние вещи он должен обращать внимание?

Люди по-разному попадают на свои приходы. Бывает храм рядом с домом или с работой. Кого-то знакомые привели, потому что «батюшка хороший» или «поют здорово». Кто-то пришёл свечу поставить, «зацепило», и остался на всю жизнь. Но наши соображения не имеют в выборе своего прихода реального значения, всё решается внутренним, сердечным расположением, устремлением человека. Самое главное, чтобы человек искал единения с Богом, он может этого поначалу сам не понимать, может так не формулировать, но если это есть, тогда Бог человека видит и его ведёт, и, в частности, приводит на «его» приход.

Человек только пришёл с улицы, он первый раз в храме, он видит огромный приход. К кому ему обратиться? За свечной ящик? Часто человек

за ящиком становится практически лицом прихода. Нужно, чтобы он мог ответить на огромное количество вопросов — от чисто бытовых, что купить для крещения, до сложных, догматических?

К сожалению, и это относится не только к нашему приходу, в общецерковном масштабе место за ящиком для большинства образованных людей непрестижно. Пожилые женщины стоят, и уже хорошо, что они честные, верующие, и хотя бы ересь не распространяют. Идеально, конечно, было бы, чтобы за ящиком стояли люди богословски грамотные, но при этом не навязывали ничего и не занимались учительством. И они, кстати, тоже должны быть честными, верующими и «своими». Такие у нас, слава Богу, тоже есть.

Войдя в храм, люди обращаются, естественно, к тому, кого увидят. А как иначе? Видят батюшку — к батюшке обращаются. У нас священники каждый день дежурят. За ящик тоже обращаются, их там не обижают, на какие-то вопросы сами отвечают, с какими-то — к духовенству направляют, с какими-то — к консультантам. Недавно мы завели специальное консультирование для вновь пришедших. Нашлись грамотные миряне из прихожан и сотрудников. Но «бомбардировку любовью», как у протестантов, мы не практикуем. Всё должно быть искренне и просто.

Бывали ли у вас какие-то чрезвычайные происшествия? Наверняка в каждом приходе есть люди, которые доносы строчат, или всё время создают какие-то неудобства?

Люди, которые строчат доносы, не члены прихода, очевидно. Если на нас клеветают, надо терпеть,

молиться за клеветников, разумно отвечать на запросы священноначалия, смиряться перед Богом. Важно, чтобы на приходе не было настоящих причин для жалоб, чтобы батюшки не оскорбляли людей, не пьянствовали, таких безобразий не должно быть. И это забота настоятеля, отслеживать, если какие-то такие вещи возникают.

Если кто-то увидел что-то плохое и сам не может исправить, он должен об этом настоятелю сказать. У нас был об этом интересный спор с одним молодым батюшкой. Он очень тихо и торопливо читал акафисты, хотя вообще был певчим, голос у него был хороший. Ему сотрудницы говорили, он внимания не обращал, тогда мне сказали, я с ним поговорил. Он страшно обиделся на них: вот, такие стукачи. Я ему объяснял: «Почему стукачи? Надо быть с людьми в таких отношениях, чтобы они не боялись тебе самому сказать, чтобы им легче было тебе сказать, чем настоятелю. Они тебе хотят хорошего. Я же тебя не обижаю, не наказываю». Он понял.

Само по себе понятие стукачества относится к тем случаям, когда человек причиняет другому зло. При коммунизме, особенно в сталинские времена, бывало, что человек, желая занять чью-то квартиру, клеветал на соседа. Или помните фильм «17 мгновений весны», там Штирлиц пастору, когда ещё пастор не знал, что Штирлиц советский разведчик, говорит: «Неужели, если бы вы видели, что многодетного эсэсовца собираются убить, вы нам не сообщили бы?» Ему пастор говорит: «Вам я ничего не сообщил бы». Это было СС. Конечно, эсэсовцам ничего нельзя было говорить. Но здесь у нас не СС и не КГБ, здесь Церковь, и каждый даже обязан сказать ради общей пользы. Другое дело, что у настоятеля должна быть реакция хорошая — отеческая, а не злобная.

КАТЕХИЗАЦИЯ И МИССИЯ — НАПРАВЛЕНИЕ УСИЛИЙ

(тезисы выступления на XVII Международных Рождественских образовательных чтениях, семинар «Организация катехизации и духовно-нравственного воспитания в благочинии и на приходе», 2009 г.)

Наш семинар посвящён «организации катехизации и духовно-нравственного воспитания на приходе». То, что духовное просвещение народа: распространение православной веры, подготовка людей к Крещению, воцерковление уже крещёных — есть важнейшая задача Церкви, несомненно. Мало того, эта задача стала таковой не сегодня, а была важнейшей всегда, в том числе и во времена гонений, когда открытая миссионерская и образовательная деятельность была почти невозможной.

В наше время, когда Русская Православная Церковь пользуется полной внешней свободой, от нас — духовенства и образованных воцерковлённых мирян — тем более требуется активность и усилия в деле духовного просвещения наших братьев и сестёр. Важно при этом, чтобы наши усилия и активность были не просто проявлениями нашей природной энергии и добрых пожеланий, а были направлены по воле Божьей и движимы силой Божьей.

Большинство из нас, здесь собравшихся, являются не только священнослужителями, но и по роду деятельности руководителями разного уровня: настоятели приходов, благочинные, сотрудники церковных учреждений. Волне естественно поэтому, что мы склонны к организации, структурированию, анализу всего, что делаем и о чём размышляем. И само по себе это хорошо, это наше ценное профессиональное качество.

Но во всяком ли деле уместна организация? А когда уместна, то в какой степени? Это отнюдь не праздные вопросы. Например, если график уборки помещений вешается в коммунальной квартире, это вполне естественно. Когда такой график — даже в шутку — вывешивает для невестки свекровь, это настораживает. А когда отец семейства всерьёз составляет график утреннего целования детей и жены, это уже пугает. Если к внесению организации в семейную жизнь следует относиться с рассуждением, то не требует ли сугубой рассудительности и внимания вопрос об уместности и степени организации в различных областях церковной жизни.

Берясь за какое бы то ни было дело, всегда нужно оценивать свои силы. Бывает, армия готова к наступлению, бывает — к активной обороне, а бывает — только к партизанской войне. И всё это может быть по-разному в одно и то же время на разных участках фронта. Как нехорошо упускать момент для наступления, когда оно уместно, так плохо и наступать, когда даже обороняться нет сил.

Например, слова Спасителя: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19) — принято считать основанием и руководством для миссии и катехизации. Но, на самом деле, они относятся не к множеству приходских батюшек

и преподавателей воскресных школ, а к святым апостолам.

За всю историю Церкви очень мало, кто был призван Богом к апостольству, и мало, кто получил от Бога дар апостольства. Когда христианин имеет этот дар, он идёт к людям, которые его не зовут и не ждут, даже, может быть, заранее враждебно настроены, но силой Святого Духа он пробивается к сердцам этих людей, так что «агнцы» принимают его проповедь, и только «козлища» не принимают! Дар этот особый, великий и очень редкий, и ему никак нельзя научиться. Тем более, нельзя организовать апостольство.

Но можно организовать миссию. Слов нет, нужно стараться усиливать миссионерскую и катехизаторскую работу; но значит ли это, что чем она будет интенсивнее и шире, тем больше людей придёт ко Христу? Здесь нет простой прямой зависимости: «интенсивнее» не всегда — «эффективнее», а «шире» и подавно не всегда — «глубже». Правда, эффективность и глубину воздействия наших миссионерских усилий невозможно измерить, учёту поддаются только внешние факторы: чтение лекций и проведение бесед, публикации в средствах массовой информации, обучение на миссионерских курсах и т. п. Их мы и учитываем, и по ним оценивается наша миссионерская и катехизаторская деятельность. Но есть факторы — как положительные, так и отрицательные — которые трудно, а то и невозможно измерить, а они-то всё и определяют.

Например, если священник неинтересно или неубедительно выступает перед нецерковной аудиторией, то этим он отвращает людей от Церкви. Получается антимиссия. Этого мы должны всячески избегать. Уж лучше вообще не проповедовать внешним, чем проповедовать плохо.

Пусть каждый вспомнит: как много за свою жизнь он слышал разных речей и как редко они затрагивали его сердце. И это, вообще, свойство человеческой души: она воспринимает слово тогда, когда готова, когда открыта для него. И это так, даже когда слово — Божье. А наше слово о Боге всегда ли, часто ли бывает словом Божиим?

С другой стороны, иногда одно от сердца сказанное слово оказывает благое воздействие на людей больше, чем целый цикл лекций и индивидуальных бесед. И бывает, к сожалению, наоборот, когда один бесчинный поступок человека, о котором известно, что он постоянно посещает храм, тем более — проступок священника, сводит на нет миссионерские труды многих благочестивых православных христиан.

Считается, что если кто-то регулярно читает лекции в разных клубах, то он — активный миссионер, а если батюшка просто исповедует людей, беседует с ними, когда они к нему обращаются, и благоговейно совершает богослужения, то это малоактивный батюшка, требоисполнитель. Но тихая деятельность такого батюшки, даже если он не святой старец, а просто духовно опытный благочестивый священник, порой привлекает людей в Церковь гораздо в большей степени, чем лекции и прочие официальные мероприятия, потому что общение в богослужении, в проповеди, в личной беседе гораздо органичнее для Церкви.

С другой стороны, неорганичный для духовной, внутренней жизни язык мероприятий и отчётности свойственен и понятен миру. Поэтому, собирая и публикуя сведения о нашей внешней активности и внешних успехах, мы получаем возможность зримо доказывать тем, кто утверждает или кому кажется,

что Церковь не действует в мире, что Церковь действует.

Но сами-то мы должны понимать, что реально деятельность Церкви глубже того, что мы можем зарегистрировать, и не поддаётся статистическому учёту. Вспомним, как много храмов было построено в России в начале XX века, и как эти внешние успехи мало соответствовали реальному положению дел. И наоборот, 40–50 лет назад казалось, что церковная жизнь в России вот-вот замрёт, а на самом деле в глубинах народной души зрел колоссальный духовный подъём. Православие распространяется от человека к человеку, от сердца к сердцу, а зачастую Бог призывает нас в Церковь Сам, без прямого воздействия других людей.

Поскольку при обсуждении вопросов катехизации и миссии обычно даётся завышенная оценка организации лекций, бесед, собраний и т. п., значение других видов церковной деятельности — богослужения, проповеди, пастырства — занижается. Считается, что эти виды деятельности разумеются сами собой. Но ведь они и есть важнейшая и наиболее эффективная с точки зрения обращения людей ко Христу и их воцерковления деятельность.

А иногда под видом миссионерской новации нам предлагается использовать такие, обычно применяемые сектантами, технологии, как приставание на улицах, интенсивное обласкивание незнакомых прихожан (так называемая «бомбардировка любовью») и т. п. Но ведь нужно понимать, что это для сектантов характерно стараться овладеть волей человека и заманить его в своё, как им кажется, святое сообщество. А Бог хочет, чтобы человек свободно к Нему обратился; значит, и мы должны с благоговением относиться к человеческой свободе.

Кстати, говорят, что в наших приходах и монастырях мало любви в сравнении с некоторыми сектантскими общинами. Что у нас мало любви, это плохо; мы должны в этом каяться и стараться исправляться, стараться исполнять заповедь о любви к ближнему. Но если у нас любви не хватает, то лучше пусть её пока не хватает, только «бомбардировки любовью» — этого лицемерия пусть не будет совсем.

Может показаться, что сказанное выше поощряет духовенство к бездействию. На самом деле, наоборот, все священнослужители должны быть деятельными, должны постоянно пребывать в духовном делании. Если не всегда и не всякий священник должен идти в мир проповедовать нецерковным или едва церковным людям, то всякий приходский священник всегда должен быть на своём месте и должен быть готов принять любого человека, с любовью вникнуть в его духовную нужду, ответить на вопросы, дать наставление ищущему наставления.

Конечно, и священник, как и всякий православный христианин, должен, когда Богу угодно, свидетельствовать о Христе кому бы то ни было и где бы то ни было. Но основным призванием приходского духовенства является духовное воспитание мирян, членов приходских общин. Приходские священники должны, в первую очередь, растить воинов Христовых из тех, кто уже пришёл в Церковь, а выходить на проповедь ко внешним, разумеется, должны, когда это уместно, но не это их главное дело. Ведь и офицер на войне, когда есть необходимость, сам стреляет из автомата, но основным делом офицера является обучение солдат и руководство ими в бою.

Мы, приходские священники, должны заботиться о том, чтобы наши прихожане перестали стесняться своей веры и были каждый на своём месте

миссионерами, насколько Бог даст им разума и духовных сил. Православный студент в своём институте, православный рабочий на своём заводе, православный чиновник в своём учреждении, православный семьянин в домашнем кругу — православный человек там, где он оказался по воле Божьей, должен свидетельствовать о своей вере и стараться её распространять. Не нужно быть навязчивыми, как сектанты, но нужно любить своих ближних и, когда и как возможно, стараться помочь им обрести спасение во Христе.

Иногда это может быть только молитва, иногда — только добрый пример, иногда доброе слово, а иногда целый курс лекций. Но всё должно быть органично, всё должно идти из глубины верующего сердца, а не надумываться и не навязываться.

И нельзя ведь забывать о том, что благоговеющее совершение богослужений само по себе имеет глубокое миссионерское значение, потому что призываемая в церковной молитве благодать Божья привлекает людей к Богу и в Церковь. Но, кроме того, и внешняя миссионерская, катехизаторская, образовательная активность христиан должна быть укоренена в молитве и в Литургии. А если нет, то какова же цена такой активности?

И в заключение. Конечно, желательно, чтобы духовенство и глубоко воцерковлённые прихожане проявляли благодатную активность в церковной миссии, катехизации и религиозном воспитании нашего народа. Но эта активность должна быть свободной. К ней можно призывать, ей можно учить, можно и нужно показывать пример. Но не нужно административно понуждать. Как невольник не богомольник, так невольник и не миссионер. Свободная деятельность по движению благочестивой души даже

немногих людей даст лучший плод, чем массовые, но вымученные давлением начальства мероприятия. Пусть плод этот будет не таким ярким на вид, как выращенный на административных удобрениях, но зато он будет настоящим.

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ*

заметки настоятеля

Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков:
итак, будьте мудры, как змии, и просты,
как голуби (Мф. 10, 16).

Кому адресованы заметки

Заметки озаглавлены «Для служебного пользования» не потому, что в них содержатся какие-то секретные сведения о жизни духовенства или тайные инструкции по ведению приходских дел, а потому что для православных людей мы, священнослужители, являемся, кроме всего прочего, ещё и своего рода иконами.

Мы совершаем святые таинства, возглавляем молитвенные собрания, проповедуем Слово Божие, напутствуем умирающих, освящаем жилища, благословляем людей, и поэтому они с благоговением целуют иерейскую руку. Само облачение, которое мы носим, внушает церковному народу почтение к нам. Поэтому, когда простой прихожанин узнаёт, что в отношениях между священнослужителями бывают трудности, это его огорчает и смущает.

* Эта статья с некоторыми сокращениями была опубликована под заголовком «Заметки настоятеля» в «Московских епархиальных ведомостях», №4–5 за 2004 г., и в журнале «Приход», №№ 10–11 за 2004 г.

На самом деле, смущаться не следует, ведь бывает, и в чудотворной иконе заведётся жучок. Секретного тут ничего нет, жучка выводить необходимо, но нет и нужды нашёптывать каждому молящемуся перед святыней об этом вредном жучке.

По немощи человеческой, искушения возникали и между великими святыми. Святитель Епифаний Кипрский и святитель Иоанн Златоустый, преподобные Иосиф и Варсонофий Оптинские — можно привести, я думаю, десятки примеров. Но ведь не конфликты между святыми — главное в их житиях, и, вообще, не слабости людские — главное в жизни Церкви. Их не следует лицемерно таить от людей, но и выпячивать неблагоприятно.

Поэтому заметки «Для служебного пользования», хотя и не секретны, но и не адресованы широко читателю. Они предназначены, в основном, для молодых священнослужителей и для тех, кто готовится к принятию сана.

Конечно, мой стаж церковного служения (в качестве алтарника, а потом священника), исчисляемый всего лишь четвертью века*, сравнительно невелик, меньше, чем у многих известных мне достойных протоиереев, тем более, архипастырей, но хочется поделиться с собратьями хотя бы тем, что есть. Мне самому приходилось допускать в своей жизни много ошибок, приходилось наблюдать и ошибки других людей. Из осмысления наших общих немощей и родились эти заметки.

Различия в любви

Разумеется, в основе взаимоотношений служителей Церкви должна лежать любовь. И, казалось бы, достаточно стремиться исполнять заповеди Божии,

* Данные на 2004 г.

а рассуждать о взаимоотношениях излишне. Но в конкретных ситуациях далеко не всегда очевидно, как должна проявляться любовь. Когда, например, нужно отстаивать свою точку зрения, а когда — без возражений исполнять распоряжение старшего, даже если оно кажется ошибочным?

Заповедь о любви дана всем, но есть любовь отеческая, есть материнская, есть братская, есть сыновняя, и нам бывает очень важно осознавать, в каких отношениях мы находимся с окружающими нас ближними и как конкретно должна проявляться любовь к ним по заповеди Божией.

Тут различие бывает до противоположности. Например, в Священном Писании сказано: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Притч. 13, 25). И там же мы читаем: «Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21, 15). Так что знать своё место очень не бесполезно.

Истинная любовь всегда предполагает отвержение своей воли ради воли Божией. К этому должны стремиться и начальник, и подчинённый. Но подчинённому следует обращать особенное внимание на то, что через начальствующего, когда он действует в пределах своих полномочий, возвещается и совершается Божья воля. А начальствующему нужно особенно заботиться о том, чтобы не проявлять своеволия, а требовать от подчинённых исполнения должного, то есть воли Божьей.

Например, когда священник, придя после службы домой, только что прилёг отдохнуть, а настоятель его прихода звонит ему и просит срочно возвратиться в храм, чтобы отпеть неожиданно привезённого покойника, этот священник хорошо поступит, если выполнит распоряжение настоятеля без ропота,

даже внутреннего, а со смиренным сознанием своего иерейского долга служить ближним.

И ещё он может благочестиво напомнить себе, что не настоятель, а сам Господь через настоятеля вызывает его на потребу, и что гораздо полезнее для души совершить отпевание с радостным сознанием исполнения благой воли Божией, чем делать то же самое, ворча и обижаясь на бессердечие начальства.

Настоятелю же в таком случае полезно помнить, что подчинённые ему священники не рабы его, а собратья и сослужители. Хорошо, если настоятель постарается найти способ уладить дело, не вызывая уставшего священника из дома. Может быть, через пять минут должен прийти в храм другой священник, которому отпеть привезённого покойника удобнее, чем тому, кто уже ушёл домой; может быть, у самого настоятеля есть время и силы совершить неожиданную потребу.

Если же всё-таки вызывать священника из дому необходимо, то хорошо не делать этого в приказной форме, а обратиться к нему как собрату в священнослужении, напомнив ему (но только в случае нужды!) о пастырском долге.

Нарушение иерархии и неумение правильно вести себя в конфликтных ситуациях, иногда возникающих на приходе, ведёт к ухудшению взаимоотношений; порой эти конфликты становятся как бы хроническими болезнями с обострениями в виде скандалов. Опыт таких неприятностей и слухи о них приводят к тому, что, бывает, священники боятся попасть на многоштатный приход. Как говорил один ныне покойный протоиерей и благочинный: «Я лучше буду на приходе один, чем даже с родным братом».

Недостаток любви, конечно, ничем не возместить, но те неприятности, которые происходят не

собственно от недостатка любви, а от непонимания происходящего или от неопытности, можно стараться устранить. Ведь, наивность это не добродетель, а немощь.

Священный сан и власть

Священство это дар, а настоятельство — крест. Нет ничего лучше, чем оставаться простым приходским священником, не настоятелем. Только смирайся, терпи, молись, служи у престола Божия, люби своих прихожан и не заботься о том, что тебе не вверено Господом.

Рядовому священнику лучше не вникать в дела настоятеля, если только, конечно, он сам об этом не просит, и, тем более, не стоит давать ему непрошенных советов.

Помню, когда я после рукоположения стал четвёртым священником в соборе, мне очень не понравилось, как там составлялось расписание для духовенства, и я принялся уговаривать настоятеля изменить существующий порядок. Он был этим недоволен и совершенно справедливо, потому что независимо от того, чей метод составления расписания был лучше, я вмешивался не в своё дело.

Из писем святителя Филарета Московского:

Мудрый говорит нечто подобное следующему: по уважению и любви к высшим не очень удаляйся от них, но и не очень приближайся к ним, чтобы не случилось быть им в тягость. (363)*

Никогда нельзя требовать любви и уважения к себе лично, но иногда можно и даже необходимо

* Приводятся выдержки из книги «Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения», М., «Отчий дом», 1994. В скобках указаны номера страниц.

требовать уважения к сану и должности. Если кто-то из подчинённых злословит меня в кругу своих знакомых, я должен это благодушно терпеть и не менять своего к нему доброго расположения. Но начальник, тем более, настоятель храма, не должен позволять подчинённым пренебрежительно обращаться с собой при решении служебных вопросов.

Благоразумному поведению в таких случаях мешает то, что любовь к истине сочетается в нас с гордостью, так что, горячо настаивая на отдании заслуженной чести своему священному сану или начальнической должности, мы нередко под маской духовной ревности прячем уязвлённое самолюбие.

Все церковнослужители и прихожане обязаны послушанием по службе любому священнику в пределах данных ему священноначалием полномочий, — и только. Нас, священников, не должно обманывать то почтение, которое верующий народ оказывает нашему сану. Сан действительно заслуживает чести, но сам по себе он не даёт административной власти; власть даётся не саном, а должностью.

На деле же нередко бывает так, что клирики многоштатных приходов, не будучи настоятелями, берутся отдавать распоряжения сотрудникам храма и этим смущают их, настраивают против себя настоятеля, создают беспорядок в делах.

Так получается даже в тех случаях, когда распоряжения их по содержанию хороши, не говоря уже о плохих распоряжениях. Если, например, настоятель указал в расписании вседневную утреню, а служащий священник предлагает хору пропеть полиелей, то он грешит своеволием, даже если его мнение согласно с Типиконом.

Никогда не следует делать замечаний и указаний вне своей компетенции.

Из писем святителя Филарета Московского:

Всякий человек по мере силы и принятой обязанности должен назначить себе пределы действий и не переходить их без нужды. Так сохраняются силы в действовании и дело идёт лучше, нежели когда хотят гнаться за двумя зайцами вдруг. (348)

Доброе дело — назидать души, но при том те, к назиданию которых человек призван. (365)

Если действующий в пределах своих обязанностей увидит неудовлетворительность своего дела, он может успокаивать свою совесть тем, что действовал по обязанности, как умел. Но если последствием действия вне круга обязанностей окажется вред, то действующий понесёт в совести двойкий упрёк, что сделался причиной вреда и что действовал, когда не обязан был действовать. (353)

Младшим не следует увлекаться осуждением поступков старших. По-разному выглядит одно и то же поле, если лечь на траву или влезть на дерево.

Если у настоятеля заметны какие-то недостатки в богослужении или в поведении, то лучше их потерпеть, как терпят добрые дети недостатки родителей. Если эти недостатки нетерпимые, можно попробовать по-братски объяснить с настоятелем. Если вопрос остаётся неразрешённым, и есть уверенность, что дела оставить так, как оно есть, нельзя, следует обратиться к священноначалию.

Не стоит ругать начальника за глаза (в глаза — само собой). Возможно, нас будут слушать с удовольствием и искренне нам поддакивать, но весьма вероятно также, что потом наши опрометчивые слова будут донесены до начальника.

Однако и лицемерить грешно. Во избежание лицемерия нужно действительно с любовью относиться к ближним, в том числе — к начальникам. «От избытка сердца говорят уста» (Мф. 12, 34) — сказал Господь. Поэтому, пока наше сердце бедно любовью, лучше говорить поменьше.

Настоятель и духовник

Духовничество не даёт священнику никакой административной власти на приходе, как бы его ни почитали духовные чада. Даже если настоятель имеет к нему большое доверие, исповедуется у него и оказывает ему искреннее духовное послушание, всё-таки духовничество само по себе административной власти не даёт.

Подтверждение этому можно найти в житиях святых, и древних, и близких к нам по времени, в том числе — Оптинских старцев. Преподобный Моисей советовался с преподобными Львом и Макарием и почитал их, но принимал решения и отдавал распоряжения сам.

Мы можем советоваться со своими духовными отцами по любым вопросам, это дело нашей совести. Но по службе мы должны оказывать послушание тем лицам, которым Бог вверил власть. Если начальствующий требует от нас чего-то, что мы по совести сделать не можем, мы вольны отказаться, но ссылаться в таком случае нужно на заповеди Божии, а не на благословение духовника.

Начальник и подчинённые

Желательно, чтобы никто из сотрудников прихода не имел административной власти, которая не исходила бы от настоятеля. Речь идёт не о настоятельском властолюбии, а о Богом возложенном на настоятеля кресте, который он должен смиренно

нести и при этом пресекать попытки тех, кто — движимый как раз властолюбием или ещё какими-нибудь страстями — хочет этот крест незаконно присвоить.

Разумеется, сам настоятель всегда должен помнить, что получил власть от Бога через епархиального архиерея и что она дана ему исключительно для служения Богу и ближним.

Нельзя допускать, чтобы кто-то помимо настоятеля распорядился церковными деньгами. Настоятель же должен распорядиться ими по совести, со страхом Божиим, советуясь с теми, с кем нужно советоваться, ради пользы дела и соблюдения церковного мира (например, с членами Приходского совета или Приходского собрания).

Из писем святителя Филарета Московского:

Берегитесь самонадеяния, берегитесь поступать по первым движениям собственной воли, рассуждайте о всяком деле со вниманием; очень мало дел, которые безопасно было бы делать как случится, советуйтесь часто со старшими и благонамереннейшими из братии, любите слушать правду и умеете не гневаться за правду грубую. (358)

Благо великим, когда близ их есть одушевлённые благочестивой мыслью, и благо сим, когда они сию мысль искренне представляют великим. (352)

Вполне естественно, что настоятель во многих вопросах будет компетентен меньше других людей, в том числе своих подчинённых. Вообще, как говорит пословица, одна голова — хорошо, а две — лучше. Поэтому советоваться с другими, для того чтобы принять по возможности наилучшее решение —

проявление мудрости и опытности, а не слабости характера, как подсказывает нам гордость.

А вот принимать решения настоятель должен сам, и ни в коем случае нельзя позволять подчинённым оказывать на себя давление при принятии решений. Нужно сдерживать пыл тех, кто любит настаивать на своём мнении.

Своеволие подчинённых лучше по возможности пресекать, даже если результаты его на вид хороши. Потому что своеволие разрушает духовные отношения.

Но, давая кому-нибудь разовые или постоянные поручения, настоятель в соответствующих пределах должен давать людям свободу и поддерживать инициативность подчинённых.

Как-то раз гулял я по городу, и у меня всё время развязывались шнурки на ботинках. Я старался затянуть их потуже, но они всё равно развязывались. И вдруг я понял, что шнурки надо ослабить, а вот узел затянуть по возможности туго. Так и в отношениях с подчинёнными. Рамки должны быть жёсткими, но в этих рамках должно быть свободно.

Нужно отличать злостное своеволие от человеческой немощи. Например, в храме заболели алтарники, и настоятель на время их болезни дал указание священникам самим после службы убирать облачения в ризницу. Но вот обнаруживается, что один из священников оставил ризы брошенными в алтаре. Конечно, это проступок, однако причины у него могут быть очень разными. Возможно, батюшка просто забыл повесить облачение на вешалку и искренне об этом жалеет; возможно, он поленился, но сознаёт свою неправоту, а возможно, он по гордости пренебрегает настоятелем.

Разумеется, и реакция настоятеля должна быть разной. В первом случае можно сделать небольшое замечание, а можно и просто покрыть любовью, если человек сам огорчён своей забывчивостью. Во втором — сделать замечание обязательно нужно. А как противостоять открытому непослушанию подчинённого, это вопрос очень непростой, его решение зависит от многих обстоятельств, и мы его здесь обсуждать не будем.

Новый настоятель на старом приходе

Все мы — люди немощные, плотские, и если чего-то не ощущаем, то этого для нас как будто и нет. Ум знает, что есть, а сердце не чувствует. Поэтому настоятелю нужно стараться или поселиться на приходе, или хотя бы как можно чаще там бывать, чтобы сослужители, сотрудники и прихожане не только знали, что у них есть отец, но и видели и слышали его. Это, конечно, относится ко всем настоятелям, но особенно — к недавно назначенным.

Став настоятелем уже действующего прихода, нужно осторожно, до времени не раскрывая людям своих мыслей и впечатлений и, тем более, не торопясь с выводами, понять и изучить обстановку.

Особенно важно выяснить, какие сложились среди сотрудников и влиятельных прихожан неформальные (или даже формальные) сообщества. Эти сообщества — например, воскресные школы, благотворительные братства и тому подобное, да и просто дружеские компании глубоко верующих православных людей — могут оказаться вполне церковными по духу и заслуживающими всяческой поддержки.

Но те из них, которые претендуют на независимую от настоятеля власть в приходе, надо постараться, если Бог даст, освободить от таких претензий

или хотя бы ограничить влияние этих сообществ на остальных прихожан.

Соборность — это не цивилизованное отстаивание своих интересов или интересов своей группы, а единство в Духе Святом, согласие в истине и жертвенное служение ближним.

Бывает, что предыдущий настоятель был удалён, потому что не справился с обстановкой на приходе, а нового настоятеля люди знали и просили поставить именно его. Такая ситуация при всей своей видимой благоприятности — очень небезопасна, потому что ожидания этих людей обязательно будут завышенными, и за первоначальной эйфорией у них вскоре последует разочарование.

Даже если они являются многолетними духовными чадами нового настоятеля, всё же для разочарования будет множество поводов хотя бы потому, что любимый батюшка как духовник только совершал таинства, советовал и утешал, а как настоятель нередко будет обязан настаивать, требовать, а то и наказывать.

Нужно ещё учесть, что люди миролюбивые, послушные и почитающие духовенство, как правило, неохотно вступают в борьбу с настоятелем, даже если эта борьба справедлива и необходима. А люди своевольные и не имеющие глубокого благоговения перед священным саном легко и даже с удовольствием включаются в борьбу хотя бы и с благочестивым настоятелем, потому что в глубине души им нравится сама борьба.

Поэтому новому настоятелю следует ожидать, что многие из тех, кто встретят его с энтузиазмом, будут радоваться только лишь потому, что увидят в его назначении знак своей победы, а потом они же, разочаровавшись, начнут с ним бороться, потому

что, как сказано, им вообще по душе борьба с духовенством.

И наоборот, многие из тех, кто были на стороне смещённого настоятеля, со временем, весьма вероятно, будут поддерживать и нового.

Из писем святителя Филарета Московского:

Боюсь человека, который замечен немирным к начальнику. Хотя причина сего иногда может быть и в начальнике, но сыны мира и с немирным начальником умеют охранять свой мир в терпении. (350)

НЕ СПЕШИТЕ МЕНЯТЬ ПОРЯДКИ

Когда настоятель видит какие-то недостатки на своём приходе, ему естественно хочется их устранить. Но нельзя забывать, что, в первую очередь, наш долг заботиться о духовном благе ближних (в данном случае — прихожан и сотрудников), поэтому нужно быть готовым ради сохранения мира иногда потерпеть какие-то внешние недостатки, чтобы устранить их, если Бог даст, в подходящее время.

Менять старые порядки на новые, даже явно лучшие, трудно и опасно. Всего одна неблагоприятно начатая и потому смутившая людей реформа может так повредить авторитету настоятеля в глазах прихожан, что рана на теле прихода вообще никогда не заживёт.

Всем не угодишь, всегда кто-то будет недоволен настоятелем. Но массового недовольства прихожан нужно избегать всеми силами.

При этом нужно учитывать, что нарастание недовольства среди прихожан бывает трудно заметить своевременно. Во-первых, большинство людей, вообще, стесняются или боятся говорить правду

в глаза, а тем более — священнику, да ещё — настоятелю. А во-вторых, близкие к настоятелю люди часто вольно или невольно льстят ему и этим вводят в заблуждение.

Из писем святителя Филарета Московского:

Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления. Посему необходимо восставать не вдруг против всех недостатков, но в особенности против более вредных, и предлагать средства к исправлению не вдруг все потребные, но сперва преимущественно потребные и возможные. (348)

Как вы пришли в страну, где есть беспорядки привычные, то надобно как можно тихо приводить людей к порядку, чтобы порядок не показался стеснением. (349)

Апостол вечно не хочет делать невинного дела, если оно может послужить поводом к соблазну, хотя неосновательному. Не имам мяса ясти и проч. Не так ли должно и поступать? (364)

Учите и пусть учат прочих утверждать церковный порядок на благоговении и страхе Божиим. Тогда будет он хорош без умножения и разнообразия полицейских распоряжений. (362)

Кажется, нужнее поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы. (353)

Вспомнить и в дело употребить воспоминание, что апостолы и древние отцы Церкви устроили и

распространяли Церковь и разрушали взгроможденные ересей не силой внешних законов языческого мира, но силой крепкой веры, любви и самопожертвования. (363).

Взаимные обиды особенно живучи, когда обе враждующие стороны мнят, что защищают благочестие.

Нельзя забывать и того, что при перемене порядков могут оказаться задетыми чьи-то интересы.

А бывает, что, внося новшество, само по себе благое, мы, не зная того, огорчаем добрых людей. Когда я в конце 80-х годов стал настоятелем одного небольшого храма, мне очень не понравились иконы, которыми он был увешан. Иконы были современного, слабого и непрофессионального письма.

Я вознамерился постепенно заменить все эти иконы на хорошие и стал об этом открыто говорить. А не сразу обратил внимание на то, что храм за несколько лет до моего назначения сгорел, его восстановили на народные «копейки» (дело было, кстати сказать, при коммунизме, о спонсорах никто и не слышал), и, заказывая иконы, местные бабушки отдавали на это свои последние сбережения. Иконы были плохи, но добрых бабушек нужно было понять и пожалеть.

Поэтому, даже если наметившаяся реформа сама по себе вполне законна и в чём-то полезна, всё же, не нужно спешить с переменой порядков (особенно, став настоятелем в уже действующей общине). Настоятелю лучше потерпеть и подождать, пока его авторитет среди сотрудников и прихожан укрепится настолько, что люди будут искренне и

даже с радостью его слушаться. Тогда любые реформы, которые он сочтёт полезными, пройдут совершенно безболезненно.

Разумеется, совсем уж нетерпимые традиции нужно искоренять незамедлительно, даже если это грозит вызвать недовольство массы прихожан. Но в таком случае полезно бывает заручиться благословением священноначалия, чтобы люди знали, что настоятель действует не по прихоти, а по послушанию.

Огорчения и утешения

Если начальник требовательный, немощные подчинённые ропщут на него за требовательность. Если он нетребовательный, то немощные подчинённые ропщут за нетребовательность. Но поскольку требовать от подчинённых исполнения ими своих обязанностей — это долг начальника, то лучше пусть на нас ропщут за исполнение долга, чем за неисполнение.

Для полноценной жизни прихода очень важно, чтобы не только настоятель был благочестивым — но чтобы в его благочестии не сомневался народ; чтобы не только настоятель любил братию и прихожан и заботился о них — но чтобы они его любовь и заботу видели.

Конечно, если Бог попустит случиться такому искушению, что люди усомнятся в добром настоятеле или даже восстанут против него, то он должен будет потерпеть это смиренно и без ропота, даже с благодарностью к Богу.

Но сам настоятель не должен вводить ближних в искушение, он должен всячески стараться хранить мир на приходе и ради этого, а не из человекоугодия, поддерживать в прихожанах и сотрудниках веру в то,

что он печётся об их благе, в первую очередь — духовном, а по возможности — и житейском.

Именно поэтому причиной принятия решений, утешительных для сотрудников, должна не только быть, но и объявляться настоятельная забота о них, а причиной принятия огорчительных решений — неблагоприятные внешние обстоятельства.

Иногда бывает необходимо причинить огорчение сотрудникам храма (например, снизить зарплату, если на неё хронически не хватает денег). Для того чтобы люди меньше смущались, лучше проводить такие меры одним разом и быстро.

Чтобы предупредить или хотя бы смягчить вероятное возмущение сотрудников, следует объяснить им вынужденность неприятной перемены; хорошо не скрывать от них своего огорчения, что приходится доставить им неприятность.

Хорошо, по необходимости опечалив людей в чём-то одном, в то же время доставить им утешение в чём-то другом.

Если я по своему долгу вынужден кого-то огорчить, пусть он знает, что я действую именно по долгу, а не по нелюбви к нему.

Наказывать провинившегося сотрудника деньгами допустимо только тогда, когда это совершается согласно общепринятому порядку. Иначе, если даже начальник вполне и очевидно прав, наказанный будет обижаться.

Если я не намерен уволить нерадивого сотрудника, лучше буду поддерживать с ним добрые отношения.

Если опора гнётся и ломается под ста килограммами, есть ли смысл нагружать на неё двести? И если

человек обижается на спокойное замечание, сделанное наедине, есть ли смысл ругать его при людях? Так поступая, только грешим и наживаем себе врагов.

Вообще, нужно стараться, по возможности, действовать мягко. Малые, но своевременные действия часто приводят к благим результатам, а о применении силы нередко приходится жалеть.

Из писем святителя Филарета Московского:

Только спокойные и кроткие обличения вразумляют людей, жестокие более раздражают, нежели пользуют. (349)

Надобно обуздывать невежество безумных человек, только с правдой и с умеренностью, а не с гневом, ибо гнев мужа правды Божией не соделывает. (350)

Сделав строгое замечание, хорошо после этого сказать что-нибудь приветливым тоном, чтобы человек почувствовал, что на него уже не сердятся.

Конечно, мужественно терпеть суровость начальника очень полезно для души. Но, во-первых, много ли людей готово к мужественному терпению? А во-вторых, не надо забывать и о своем малодушии, нетерпеливости и гордости. Мне самому полезно ли быть суровым с подчинёнными? Ведь Спаситель сказал: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6, 31). А сам я пока далёк от такой духовной меры, чтобы искренне желать огорчений от начальства.

С другой стороны, тем людям, которые склонны излишне соблазняться немощами настоятеля и сотрудников прихода, может быть бесполезно работать в храме. Поводы для искушений найдутся всегда и везде, но то, что для одного окажется пособием

к духовному возрастанию, другого может вообще оттолкнуть от Церкви.

ДОВЕРИЕ И ПРОВЕРКИ

Из писем святителя Филарета Московского:

Если человек обманул меня однажды под предлогом «не беспокоить», не должно ли мне каждую минуту опасаться, что он и теперь меня в чем-нибудь обманывает? Так, для того чтобы не беспокоить однажды, лишают спокойствия навсегда и разрушают доверенность. (350)

Если скрыть от начальства один случай беспорядка, как оно может быть спокойно и не опасаться, не скрыто ли десяти? (353)

Слово «не смел» никогда не казалось мне ни приятным, ни полезным, а неприятным и бесполезным нередко. (350)

Лучше избыток доверия, нежели избыток подозрения. Ибо лишнее доверие — моя ошибка, а лишнее подозрение — обида ближнему. (349)

Поставлять людей на опыт хорошо, но не в искушение. (352)

Когда возникает помысел недоверия, непременно даётся неприятное значение иному, что делается просто и случайно. (349)

По доносу, который никого не щадит, но никого не именует, нельзя делать исследования. (349)

На ключевых должностях, особенно связанных с материальными ценностями, должны быть только

проверенные, честные люди. При этом важно, чтобы не только я доверял сотруднику, но чтобы и он мне доверял.

Мало моей уверенности в том, что казначей не положит себе в карман ни копейки церковных денег. Важно, чтобы и казначей верил, что мои распоряжения как настоятеля определяются желанием принести пользу Церкви, а не тщеславием или корыстью, хотя невольных ошибок, конечно, невозможно избежать.

Лучше всего, когда есть полное взаимное доверие. Но если проверки необходимы, то они должны быть тактичными или являться частью заведённого порядка, а не знаком личного недоверия. Одним неразумным словом можно испортить добрые отношения непоправимо и навсегда.

Мелочный контроль может честного сотрудника оскорбить, так что у него опустятся руки, а нечестного — озлобить, причём, без пользы для дела.

Если приходится бороться

Вступать в борьбу нужно только в крайнем случае и ради церковной пользы, а не ради удовлетворения своего сребролюбия или амбиций.

Из писем святителя Филарета Московского:

Начальник должен быть выше оскорблений подчиненных и вступаться за правду, порядок, за спокойствие других, а не за себя. (351)

Если от нас потребуют ответ за строгие решения, то едва ли не более — за слабые, вследствие чего человек, осужденный, наказанный, и вновь виновный в оскорблении священнослужения, продолжать будет порочную жизнь и умножать соблазны. (349)

Надобно доходить до правды, чтобы отдать справедливость правому. Прикрыванием неправого часто оказывается несправедливость правому и страждет взаимная доверенность, без которой, право, тяжело. (349)

Миловать и тайно врачевать — бесспорно хорошо, когда так приемлется врачевание. Но когда явен проступок, и явно неповиновение исправлению, и когда человек стремится далее на стропотный путь, не знаю, довольно ли сказать: пойдя с миром. Надобна некоторая осторожность, чтобы своеволие и худой пример не являлись побеждающими и торжествующими. (350)

Подумайте и то, не надобно ли иметь дар прощать, иначе будешь поблажать. Илий думал, что кротко поступал с детьми своими, но не было то в милость никому, а в погибель всем. Аммон покрывал брата духом любви и духом благодати, сказав ему: внимай себе, потому следствие было в сем покаяние, в других назидание. Дар прощать выше дара исправлять наказанием. Успевают тот, кто берется за дело своей меры. (351)

Снисхождение к преткнувшемуся и падшему надобно иметь, но снисхождение к небрежному и закосневающему в падении имеет в обществе неблагоприятное действие, охлаждая ревность и распространяя небрежение. Надобно беречь каждого, но ещё больше беречь дух всего общества. (351)

Немощь брата надо покрывать и тихо исправлять, доколе нет соблазна многим, а когда соблазн является, то надобно присоветовать брату инуды, чтобы и он меньше смущался, и меньше смущал других. (358)

Скорое правосудие уменьшает силу сделанного соблазна. (352)

И в строгости стеречься надобно, да не преломится сокрушенная трость. (351)

Истинная обязанность начальствующего и помощника ему не в том состоит, чтобы с завязанными глазами ходить между подчиненными, а в том, чтобы, узнав претыкание брата, не думать, что мы лучше его, и чтобы действовать в отношении к нему так же безгневно, как и прежде сего сведения. (351)

Не излишне обратить внимание на то, правы ли мы, чтобы удобнее действовать на неправых с любовью и смирением. (351)

Если ясно, что придётся уступить, то лучше уступить, не ссорясь.

Уповать на свой опыт и мудрость — это следствие гордости и неопытности, духовной и житейской. Уповать нужно на Бога.

Узнавая отчасти из книг, а отчасти на своём опыте «волчьи» законы лежащего во зле мира (см. 1 Ин. 5, 19), мы не должны, однако, забывать, что Господь послал нас «как агнцев среди волков» (см. Лк. 10, 3), а не «с волками по-волчьи выть». Сами мы не должны ни с кем враждовать. Нужно молиться за тех, кто с нами враждует, желать им вразумления, исправления, спасения.

Кроме того, духовенство должно особенно заботиться о том, чтобы не подавать своей пастве дурной пример. Что хорошего, если сотрудники храма или даже прихожане видят, как их батюшка с кем-то

ссорится, ругается, сплетает интриги? Мы, приходские священники, сугубо ответственны, если наше поведение соблазнительно для церковных людей, а для нецерковных служит поводом к поношению на Церковь.

Очень рискованно овце наряжаться волком. Просто овцу могут пожалеть, а ряженую, быстро распознав, станут ненавидеть. Не следует грозить своим противникам тем, чего не сможешь или по совести не захочешь сделать.

Нельзя и очень опасно обращаться за помощью к уголовникам, чтобы они своими преступлениями помогли даже в добром, по-видимому, деле. Нельзя и соглашаться, если они сами такую помощь предлагают. Мало того, что это грешно, но уголовники могут счесть священника, который «благословил» их на преступление, за своего и начать обращаться к нему, как к своему, и так мало-помалу он может оказаться втянутым в преступный мир.

Один мой знакомый настоятель сельского храма терпел много неприятностей от директора находившегося неподалёку небольшого завода. Об этом, естественно, знали окрестные жители, многие сочувствовали, и как-то раз к нему пришли двое местных бандитов и предложили «разобраться» с этим директором. Священник твёрдо отказался от такой помощи, хотя соблазн, как он мне рассказывал, был. В дальнейшем, надо сказать, отношение директора к Церкви совершенно изменилось, и он даже много помог храму материально.

Если кто-то как бы по должности обязан быть моим противником, то, если возможно, лучше избежать хотя бы личного конфликта, потому что по должности враждуют далеко не так сильно, как из личной ненависти.

Нужно стараться быть в мире со всеми, не только с «великими», но и с «малыми». Так учит заповедь Божия о любви к ближнему — это главное — но и простое благоразумие подсказывает, что далёкое, бывает, вдруг становится близким, а невероятное — обыденным, что тот, кто сегодня считает за честь нам поклониться, завтра может стать нашим начальником, и что очень часто камень, который мы бросаем в ближнего (даже, как нам кажется, справедливо), ударяет в нас самих.

Никогда нельзя пренебрегать даже самым ничтожным противником. Когда человек чувствует себя в безвыходной ситуации, когда ему нечего терять, в нём могут неожиданно проявиться ранее совершенно незаметные качества: робкий иногда вдруг становится дерзким, малодушный — мужественным. Известно, что и маленький зверёк, загнанный в угол, может напасть на человека.

Если сотрудника уволили из храма даже совершенно справедливо, хорошо, если он будет иметь возможность рассказывать своим знакомым, что уволился сам. Хотя иногда во избежание клеветы и поношения на Церковь приходится предавать огласке истинные причины увольнения человека.

Нужно, сколько возможно, стараться, чтобы уволенный был заинтересован в том, чтобы не клеветать на Церковь.

При увольнении сотрудника, особенно, против его желания, необходимо скрупулёзно соблюдать букву закона, чтобы не пришлось потом по решению суда восстанавливать изгнанного на работе да ещё оплачивать ему вынужденный прогул.

Сообщая о каком-то происшествии (особенно в официальном письме, рапорте и т. п.) не следует резко выражаться о людях, даже если очень этого хочется и они вполне этого заслуживают. Лучше держаться вежливости и доброжелательства. Тот, кто резко выражается, всегда производит неблагоприятное впечатление.

Но и наоборот! Если приходится разбирать какое-то дело, не нужно слишком поддаваться поверхностным впечатлениям. Часто правый бывает неприятным, а виноватый — приятным. Нужно стараться разбираться по существу.

ИДЕАЛА НЕ БЫВАЕТ

Из писем святителя Филарета Московского:

Хлопотать много по страсти, без нужды не надобно, а пещись о порядке с рассуждением и миром надобно. Вспомните писанное: «Буди бдя и утверждая прочая имже умрети». Мы бы сказали, для чего же заботиться, бдеть, утверждать то, что уже обречено умереть? Оставим, пусть кое-как остаётся до смерти. Но не то повелевает истинное слово: буди бдя и утверждая. Не будь нерадив. Не допусти до разрушения прежде времени. Если скажем: не станем починивать ветхого дома — будущей весной перейдём в новый, а ветхий будет сломан, то придёт прежде весны зима и заставит нас раскаяться, что решились доживать кое-как без починки. (349)

Нехорошо требовать от других (в том числе подчинённых) нравственных качеств, которых не имеешь сам. Я знал одного настоятеля многоштатного прихода, в общем доброго и благочестивого человека, который имел немощь — очень много разговаривал в алтаре во время богослужения. Естественно, остальные клирики тоже разговаривали, когда хотели.

Иногда настоятель обращал на это внимание и делал им замечания, и, хотя эти замечания были вполне справедливыми, клирики на него обижались.

Не следует ни от себя, ни от других ожидать безошибочности. Нужно заранее смириться с тем, что и ошибки будут, и неприятности будут следовать одна за другой и что выбирать, как правило, придётся не из различных благ большее, а из многих зол — меньшее.

Ожидать от всех людей, с которыми приходится входить в деловое общение, всегдашней доброжелательности и честности нет оснований, но мы должны прощать и покрывать любовью немощи ближних.

Нужно видеть в сотрудниках храма не только более или менее подходящих специалистов, но живые души, нуждающиеся в спасении. Иногда бывает необходимо потерпеть какие-то важные профессиональные недостатки человека, ради того чтобы не смутить, не оттолкнуть его от Церкви и тем не погубить его в вечности.

Мы не должны быть подозрительными, но и не должны быть наивными. На приходе можно и нужно стараться создавать и поддерживать добрые, искренние и доверительные отношения. Но приходится смиряться с тем, что это не всегда удаётся.

ПРИХОД И СПОНСОР*

(заметки об отношениях настоятелей приходов с благотворителями)

За последние годы Церкви было передано множество разрушенных храмов, являющихся объектами культурного наследия. Значительная часть из них теперь полностью восстановлена. Были построены и строятся сотни новых церквей. Этот огромный опыт, кроме всего прочего, без сомнения показал, что ни восстановить храм-памятник, ни построить новый невозможно (за весьма редкими исключениями) на обычные пожертвования прихожан, которые они делают, заказывая требы и приобретая свечи. Мало того, даже на содержание храма и церковных домов (где они есть) у прихода может не хватать средств, особенно если он ведёт большую образовательную, социальную и другую внешнюю деятельность.

Государство выделяет немалые деньги на реставрацию объектов культурного наследия, но хватает их лишь на небольшую часть таких объектов. Строительство же новых церковных зданий и, тем более, жизнеобеспечение приходов — государством не финансируется.

Поэтому вопрос об отношениях настоятелей с крупными благотворителями отнюдь не праздный. И в первую очередь мы должны определить, какая основная задача стоит перед священником при общении с богатым бизнесменом или крупным руководителем. Со всей определённостью нужно сказать, что эта задача в первую очередь — пастырская. С кем бы священник ни общался — от президента до солдата и от генерального директора до уборщицы — он должен всегда оставаться любящим духовным отцом, которого больше всего заботит спасение души человека независимо от его материального и социального положения.

Мы, священники, должны и сами помнить, и так учить благотворителей, что пожертвование приносит пользу, прежде всего, душе самого благотворителя, если оно делается с добрым намерением. Желая этой душевной пользы, мы и советуем людям делать пожертвования. Конечно, пользу получает и приход, и поэтому мы с особенным усердием молимся за благотворителей. Но польза эта не должна достигаться любой ценой.

Начнём с того, что, общаясь с людьми, мы, священники, должны бережно относиться к свободе человека. Сказано апостолом Павлом: «Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9, 7). Бог располагает сердце человека, и мы не должны быть противниками Божьей воли, приятна нам она или нет.

В храме, где я служу, был один прихожанин, который несколько лет оказывал приходу большую помощь. Но прошло какое-то время, и душа его расположилась восстановить храм на родине его предков в Черногории, где у него нашлись дальние родствен-

* Статья была опубликована в «Московских епархиальных ведомостях», № 11–12, 2010 г., и в журнале «Приход», № 1 за 2011 г.

ники, в том числе тамошний митрополит. А нашему храму ему уже не захотелось материально помогать, хотя он остался в нём прихожанином и внештатным алтарником и продолжал у меня исповедоваться. Храм в Черногории он действительно восстановил. Так ему благословил Бог.

Приведу ещё пример. Одна прихожанка нашего храма, руководитель крупного предприятия, рассказывала, что к ней приехал некий священник просить денег на нужды своего прихода. Помощь приходу действительно была необходима, руководительница была не прочь оказать эту помощь, но батюшка был так напорист, так «давил на душу», что ввёл эту женщину-руководителя в смущение. Слава Богу, она была вполне церковным человеком, и огорчение священником не распространилось у неё на всю Церковь. Но нам приходится общаться отнюдь не только с церковными людьми.

Причём, в описанной ситуации батюшка допустил всего лишь нетактичность. О случаях же, когда ради получения каких-то внешних выгод пренебрегают голосом совести, не хочется даже упоминать. Иногда недостойное поведение пытаются оправдывать тем, что это будто бы делается ради церковного блага. Действительно, бывает, что совместное греховное времяпрепровождение помогает в решении каких-то частных хозяйственных или организационных проблем. Но если говорить не вообще, а о Церкви, то ожидаемая материальная выгода исчезающе мала в сравнении с тем злом, которое может быть порождено явно греховным поведением духовного лица.

Во-первых, получает вред душа самого священнослужителя. Во-вторых, он показывает людям дурной пример; они могут думать, что, раз батюшке

это можно, значит, это и вообще хорошо. В-третьих, по одной «паршивой овце» могут судить обо всём «стаде». Видя, как один священник перед прихожанами делает благочестивый вид, а удалившись от церковной ограды, ведёт себя постыдно, люди могут думать, что и всё духовенство таково, и будут ко всем священникам относиться с недоверием или даже презрением.

В долгосрочной же перспективе греховное поведение священнослужителей не только губительно для души, но и в деловом отношении неэффективно. Потому что здание взаимоотношений, построенное на греховном песке, а не на камне благочестия, не может быть прочным. Лучше истинный успех — пусть небольшой и нескорый, чем скорый и большой, но фальшивый.

Иногда приход оказывается в материальной зависимости от спонсорской помощи. Это само по себе не обязательно плохо. Скажем, храм — в деревне и не может оплачивать профессиональный хор, а состоятельный прихожанин пригласил и сам содержит хороший мужской квартет. Прекрасно! Но разумный настоятель постарается, чтобы при этом всегда была возможность провести хотя бы основные богослужения силами прихожан и сотрудников и обойтись без квартета.

Потому что, полностью положившись на помощь богатого благотворителя, приход рискует в какой-то момент оказаться совершенно недееспособным. Ведь всё в нашем мире переменчиво: человек может внезапно разориться, может измениться его настроение, все мы смертны, наконец.

Общаясь с благотворителями, мы должны ещё учитывать то, что у них могут быть сомнения —

обоснованные или необоснованные — во-первых, в порядочности сотрудников прихода, а во-вторых, в их способности рационально употребить полученные деньги.

Конечно, приятно, когда есть полное доверие. Один из наших прихожан много лет оказывает помощь храму, он профинансировал значительную часть строительства большого здания для занятий воскресной школы и теперь помогает содержать это здание. Причём, он никогда не спрашивал у меня, как настоятеля, никакого отчёта. С этим прихожанином мы давно и хорошо знакомы, иногда он исповедуется у меня. Но ведь такие доверительные отношения между настоятелем и благотворителем складываются далеко не всегда.

И нам не следует обижаться, если бизнесмен, прежде чем перечислить на счёт храма деньги, просит представить ему подробную смету, на что приход предполагает их потратить. Мы должны составить смету грамотно или попросить об этом специалиста. И мы должны быть готовы представить благотворителю полный отчёт о том, как употреблены пожертвованные им деньги. Это, кстати, требуется и законодательством.

Иное дело, что не всё в нашей приходской жизни может быть уложено в рамки финансовых смет и отчётов. Хотя приходы периодически сообщают священноначалию, сколько ими совершается богослужений и треб, но это справочная информация, которая не может и не должна быть предметом бизнес-планирования. Приход в некотором отношении — хозяйствующий субъект, но в некотором, а далеко не во всех отношениях.

Во многом приход подобен семье, и не всё в нём должно совершаться рационально и по плану. Не всё

может быть оценено числом. Сам стиль взаимоотношений в приходе и на предприятии очень разный, даже если все до одного сотрудники предприятия — православные христиане.

По этому поводу мне вспоминается старый советский фильм «Битва в пути», главный герой которого всей душой был погружён в рационализацию производства. А жена его была домохозяйкой. И вот сидит главный герой и думает о своём производстве, а жена в это время пять минут протирает одно зеркало. Главный герой вскакивает и ругает её, что она так медленно работает, а жена ему отвечает: «Я не просто протираю зеркало, но ещё и на тебя смотрю».

Как в семье неуместна излишняя организация, так и в приходе. Поэтому и помощь приход может принять не всякую и не на любых условиях. То, что не нарушает традиционного церковного уклада духовной семьи, может быть с благодарностью принято, а то, что нарушает — нет. И лучше остаться без каких-то материальных благ, чем обрести эти блага ценой разрушения самой основы приходской жизни.

В конце концов, не в резьбе и позолоте суть. Нам приходилось служить и в брезентовых палатках, и в вагончиках, и в обшарпанных стенах полуразрушенных церквей. «Бог не в брёвнах, а в рёбрах» — говорит народная мудрость. Лучше, конечно, когда церковь Божия благоукрашена и являет на земле образ Небесного Царства. Но, когда разрушается внутренняя жизнь прихода, это много хуже обшарпанных стен.

Вот, живут по соседству два человека: богатый и бедный. Богатый может помогать бедному. Может, скажем, просто давать ему ежемесячно какую-то сумму денег, если уверен, что деньги пойдут на дело. А может, например, оплатить курс дорогого, но необходимого лечения и попросит при этом показать ему

составленный лечебным учреждением счёт. И за то, и за другое бедный сосед будет благодарен богатому.

Но если богатый сосед скажет: «Я буду содержать твою семью, но ты должен мне ежемесячно представлять план чтения домашнего молитвенного правила и программу благословения детей перед сном, а в конце месяца — сдавать отчёт о взаимоотношениях в семье», то разумный бедный сосед ответит: «Нет. Я сам — глава своей домашней церкви, и отчёт об этом дам только Богу».

Также и настоятель православного прихода, принимая благотворительную помощь, должен помнить, что Бог именно на него через епархиального архиерея возложил управление приходом. Так об этом вполне определённо сказано в Уставе:

«1.3. Приход находится под начальственным наблюдением и высшим руководством епархиального архиерея... и под руководством назначенного епархиальным архиереем настоятеля данного прихода...»

«6.2. Настоятель является руководителем прихода, возглавляет приход и управляет им».

Поэтому передавать кому бы то ни было управление приходом — это со стороны настоятеля было бы не только нелепостью, но и каноническим нарушением.

Мы должны сами нести возложенные на нас кресты. Если кто-то хочет, если кого-то Бог располагает помочь нам в этом (в том числе и материально), мы ему бываем от души благодарны. Если нет, то мы всё равно молимся за всех наших духовных чад, богатых и бедных, любящих нас и не любящих.

Теперь скажем несколько слов о духовном понимании собственности. Собственность — это далеко

не в первую очередь возможность удовлетворять всё более растущие свои хотения и членов своей семьи. Собственность — это, в первую очередь, поле ответственности, это некая часть мира Божьего, которая вручена Богом человеку-собственнику, чтобы он заботился о ней и за неё отвечал.

Вот почему так опасно несправедливое приобретение: человек захватывает то, что Бог ему не давал, и таким образом противится Божьей воле. Праведное же приобретение — это исполнение воли Божьей. И в оборот материальные средства должны пускаться тоже тогда и так, как это угодно Богу. Если обладатель богатства будет правильно понимать смысл своего обладания, он будет в молитве, в сердечном единении с Церковью искать ответ на вопрос, как употребить свою собственность, чтобы это было угодно Богу.

Что-то Бог благословит пустить в дальнейший оборот, что-то — направить на свои нужды и нужды своей семьи, что-то благословит отдать бедным, что-то — на храм, что-то — употребить ещё иным образом. Во всех случаях такой человек будет «богатеть в Бога» (см. Лк. 12, 16–21), и совесть его будет в мире.

И последнее, о чём хотелось бы напомнить и себе, и каждому из нас. Все мы — православные христиане, члены Церкви, Тела Христова — получили от Бога различные дары, и дары эти даны нам не просто так, но ради совершения некоего служения Богу (каждому своего служения и в своей мере). Духовенство призвано руководить церковными общинами, возглавлять и совершать литургию и всякое иное общественное богослужение; чтецы — читать за богослужением; певцы — петь. Кто-то имеет материальные средства для поддержания жизнедеятельности церкви, кто-то может послужить

ближним своими знаниями, кто-то — своими руками. Лишь бы всё совершалось в молитве, благоговении и послушании Богу и священноначалию.

Тогда сбудется на нас сказанное апостолом Петром: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 2, 9).

О РЕОРГАНИЗАЦИИ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ*

(заметки о личном членстве в приходе, выборности духовенства и церковной десятинае)

Последнее время некоторые известные и заслуженно уважаемые священнослужители стали поднимать в церковных и светских средствах массовой информации вопросы о личном членстве в приходской общине, о выборности духовенства прихожанами, о возрождении церковной десятины и о контроле мирян над приходскими бюджетами, которые даже предлагается публиковать. Перечисленные меры вроде бы должны сделать Церковь независимой от спонсоров и от государства, и священникам не нужно будет вместо службы и пастырства «заниматься попрошайничеством» (встречалось и такое выражение).

Что касается последнего, то любителей «попрошайничать» не отвадит от этого никакой материальный достаток. А с другой стороны, мы, священнослужители, даже и в самых трудных обстоятельствах должны вести себя достойно. Бывает, что настоятелю необходимо обратиться за материальной помощью к прихожанам, но это вовсе не значит

---

* Эта статья была опубликована в журнале «Нескучный сад», № 9 за 2012 г., под названием «Комплекс приходской неполноценности», а также в журнале «Приход», № 4 за 2012 г.

«попрошайничать». Во времена гонений на Церковь батюшкам приходилось собирать по дворам деньги на уплату непосильных для прихода налогов, это было частью их подвига и страдания и отнюдь не заслуживает порицающих эпитетов.

Кроме того, в руках епархиального архиерея достаточно административных средств, чтобы и при существующем устройстве приходской жизни не допускать чрезмерной относительной бедности приходов и духовенства*.

Теперь о личном членстве в приходской общине. Предполагается, что оно сделает прихожан более ответственными за её духовное и материальное состояние. А те, кто не записаны в члены никакого прихода, будут знать, что в их церковной жизни что-то не так, и это побудит их более глубоко подойти к своему членству вообще в Церкви, побудит увидеть в приходе духовную семью, а не просто собрание людей, ходящих в один храм. В этих рассуждениях, конечно, есть некоторая правда.

Но ведь личное членство в приходской общине никогда и не запрещалось. И сейчас, я слышал, это бывает по местам, даже в Москве. В тех же странах или регионах, где православные (хотя бы номинально) христиане составляют незначительное меньшинство населения, только так, наверное, и возможно. А ещё, мне рассказывали, что при коммунизме в городе Седове на Азовском море всего пять семей содержали храм и так и не дали его закрыть. Понятно, что у них было «личное членство в общине».

И сейчас, если в каком-то приходе устроилось личное членство и всё при этом мирно, благочестиво, церковно, то против этого никто не возражает. Но когда о личном членстве говорится как о чём-то

* Об опыте Московской епархии в этом отношении см. в «Московских епархиальных ведомостях», № 9–10, 2011, стр. 148.

несомненно желательном, к чему следует стремиться в общецерковном масштабе, это вызывает серьёзные вопросы.

Например, прихожанка храма, где я служу настоятелем, по будням нередко молится в нашем храме и преподаёт в нашей воскресной школе, а по воскресеньям и праздникам регентует в другом храме и руководит там воскресной школой. К какому приходу её отнести? Другая наша прихожанка много лет несёт послушание казначея в большом московском приходе, и такого рода примеры далеко не единичны. Немало прихожан нашего храма живёт в одном городе, а работает в другом, иногда они идут на службу в храм по месту жительства, а иногда — по месту работы. Духовника, при этом, могут иметь совсем в другом храме. При обязательном личном членстве придётся или допустить членство одновременно в нескольких приходах, или в одном приходе человек будет полноценным членом, а в другом каким-то неполноценным. Причём, может оказаться, что этот «неполноценный» принимает участие в приходской жизни больше, чем многие «полноценные» (примеры смотри выше).

Конечно, «полноценные и неполноценные члены» звучит как-то некрасиво. Будем называть тех, кто записан в члены прихода, действительными членами.

Предполагается, что действительные члены прихода станут отдавать на его содержание некоторую обязательную часть своих доходов. Кто будет за этим следить? Представители прихода? А если человек ездит на личном «Мерседесе» и при этом вносит на приходские нужды сто рублей в месяц, тогда что? Требовать с него доплаты? Донести на него в налоговые органы? Грозить ему исключением из прихода? Отказывать в причастии?

Или мы хотим, чтобы сбором средств занималось государство: собирало деньги с православных людей, а потом отдавало их церковным структурам (так устроено в некоторых странах)? Не остаться бы нам при таком подходе вообще без всего.

Кстати, о предлагаемой одним известным священнослужителем публикации церковных бюджетов. Это отнюдь не приведёт к тому, что благочестивые верующие прихожане станут анализировать газетные бухгалтерские отчёты, а приведёт к тотальному контролю государства над церковным хозяйством. Это само по себе зло, но главное не в деньгах.

Не то должно заботить нас, церковных людей, как ограничить аппетиты корыстных батюшек, а то, чтобы наши батюшки не были корыстными, были благочестивыми и не нуждались в надзоре. А для этого всем нам нужно молиться за наших пастырей, архипастырей и, вообще, друг за друга и за самих себя.

И это мы пока обратили внимание лишь на формальности: сбор денег, членство в нескольких приходах и прочее. Но есть другие, не менее важные вопросы. Например: каковы критерии официального членства в приходе: уплата членских взносов? определённая частота причащения Святых Христовых Таин? Но ведь какие критерии ни придумай, люди при любых критериях переменчивы: сегодня человек соответствует им, завтра перестал соответствовать, а послезавтра опять засоответствовал. Кто-то должен будет отслеживать соответствие членов прихода избранным критериям. Или люди сами должны сознаваться: «Я опять изменил жене — исключите меня из членов»? Или наоборот: «Я уже третий раз за месяц причастился — запишите меня в члены»? Не будет ли это попыткой прихода заместить Господа Бога в суде над ближними?

Ещё куда ни шло, если весь приход состоит из нескольких десятков человек, как это зачастую бывает в западных странах, там всё может сложиться само собой. Но на городском приходе в России, где в большой праздник причащается несколько сот человек, личное членство прихожан само собой не может устроиться и поддерживаться.

Можно, конечно, выделить из тысяч православных людей несколько десятков особенных, которых и назвать «действительными членами прихода». Это будут «свои», а остальные будут, чтобы не сказать «чужие», «не вполне свои»? Православный пастырь не может так смотреть на церковную жизнь. Для него должны быть своими все. То, что это зачастую не так или не совсем так, предмет для покаяния, а не для фиксации в церковных правилах.

Кроме того, действительный член прихода, очевидно, будет иметь не только обязанности, но и права. Тогда появится дополнительная опасность проникновения в приходское управление влиятельных по мирским понятиям людей, которые по своим личным качествам совершенно не желательны в этом деле, однако формально соответствуют критериям членства в приходе.

Что касается мечты о том, чтобы приходское духовенство выбиралось самими прихожанами, то не дай Бог этой мечте сделаться явью. Авторам идеи представляется, очевидно, следующая приятная картина. На приходе появилась необходимость в новом священнослужителе, тогда прихожане каким-то образом находят кандидата на это место и предлагают его правящему архиерею. Архиерей, ознакомившись с кандидатом и не найдя в нём препятствий к рукоположению, поставляет его на соответствующее место.

Но, на самом деле, именно так сейчас обычно и бывает. Только последовательность несколько иная.

Человек, желающий стать священнослужителем, готовится к этому, в частности, получает духовное образование. Это уже само делает его известным священноначалию. Когда на приходе по какой-то причине возникает нужда в новом священнослужителе, приход в лице настоятеля сообщает об этом непосредственно или через благочинного правящему архиерею и предлагает, если есть, своего кандидата. И если против такого предложения у священноначалия не находится возражений, то этого кандидата и ставят на освободившееся место.

Конечно, могут сказать, что ни настоятель, ни благочинный, ни правящий архиерей, как правило, не советуются с прихожанами о выборе кандидата в священники. Но это смотря что понимать под советом. При добром устройении церковной жизни правящий архиерей знает своих благочинных и доверяет им, благочинные знают настоятелей и других священнослужителей, приходское духовенство пребывает в единстве с прихожанами, и все вместе составляют народ Божий. Недостатки этого единства определяются недостатком любви у всех нас друг к другу. И этот недостаток может быть восполнен только покаянием и молитвой друг за друга.

Если же мы попытаемся восполнить недостаток любви демократическими процедурами, вводя формальное членство в приходе и устраивая формальные выборы кандидатов в священство на собраниях прихожан, то мы получим в результате внутрприходские партии, борющиеся между собой на потеху врагам Церкви Божией. Одного кандидата будет поддерживать глава местной администрации, а другого — хозяин градообразующего предприятия. Если же найдётся благочестивый третий, то он, скорее всего, сам откажется от такой нездоровой борьбы за место священнослужителя. Всё это уже было в церковной

истории, почему Церковь уже давно и отказалась от формальных выборов духовенства приходскими общинами. Неформально же, всякий разумный настоятель, и благочинный, и правящий архиерей сами всегда стараются, чтобы на приходы назначались люди, которых уважают и любят прихожане.

Вопросов в связи с введением обязательного личного членства в российских приходах возникает уже сейчас так много и они настолько важны, что прежде чем на них будут даны удовлетворительные ответы, личное членство в приходской общине не только нельзя вводить как общеобязательное, но нельзя даже признать его для всех желательным, а разве только допустимым для отдельных приходов, где это каким-то образом уже сложилось или складывается.

У нас в церковной жизни много недостатков, но порождаются они, как правило, не недостатками в организации, а нашими страстями. Когда в известной басне Крылова мартышка, осёл, козёл и медведь попытались исправить свою плохую игру, пересаживаясь с места на место, им было справедливо сказано: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь». Хорошие же музыканты, как их ни посади, всё-таки играть смогут. Ну, мы, хоть и не «музыканты» в церковной жизни, но и не «мартышки», а какие ни на есть православные люди. Несовершенные, поэтому и живём несовершенно. Будем сами исправляться — будет и жизнь наша исправляться.

Будем молиться в наших храмах, будем заботиться о них, посильно и добровольно жертвовать на их содержание; будем едины в причащении Святых Христовых Таин, будем бороться со своими страстями, будем благодушно терпеть немощи ближних и все другие огорчения. Это и сделает нас без всяких формальностей живыми членами наших приходов и — главное — живыми членами Христовой Церкви.

РАЗНЫЕ ИСТОРИИ И ПРИТЧИ

Как я не проигрался

Есть одна замечательная притча о том, как хорошо бывает проявить неуступчивость.

Лев составил список зверей, которых решил съесть за ужином, и пошёл их оповестить. Встречает волка. «Волк, ты у меня в списке. Придёшь вечером, я тебя съем. Смотри, не опаздывай». И волк, поджав хвост, побежал прощаться с волчицей. Потом лев встретил лису. «Слышишь, Рыжая? Ты у меня записана вторым блюдом на ужин. Придёшь, не забудешь?» — «Что же делать? Приду, раз записана». И лиса, заскулив, поползла в свою нору, готовиться на ужин волку. Далее в списке у льва стоял заяц. «Так, заяц, — сказал лев, встретив его. — Вечером приходи, я тебя съем». — «Не приду», — сказал заяц. «Ладно, — сказал лев, — тогда я тебя вычёркиваю».

Действительно, твёрдо сказанное «нет» нередко обезоруживает наших противников, которые иногда и сильны только нашим малодушием. В борьбе же с духовными врагами так бывает не иногда, а всегда. Если мы, уповая на Бога, решительно противимся греху, то ни бесы, ни собственные страсти не могут одолеть нас.

Со мной был один случай, когда верность хорошему правилу сохранила меня от греха и от большой неприятности. Осенью 1989 года я прилетел из Хабаровска в московский аэропорт «Домодедово» вечерним рейсом и стал искать такси. Ко мне подошёл приятного вида мужчина и предложил довезти до дома за 5 руб., только нужно было найти ещё троих пассажиров. Это показалось большой удачей, потому что «бригады» тогда, насколько я помню, меньше 60 руб. не брали.

Попутчики быстро нашлись, мы сели в «Жигули» и поехали. Рядом с симпатичным водителем расположился гражданин интеллигентного вида, он был немногословен, назовём его Молчун. На заднем сиденье рядом со мной сели ещё два пассажира: пожилой гражданин с портфелем, который вскоре рассказал о себе, что часто бывает в командировках (назовём его Командированный), и молодой парень, который производил впечатление весёлого простака, так и назовём его Простак.

Простак стал сразу рассказывать, как он летел в самолёте со смешливыми девушками, как они его облили шампанским, а потом играли с ним «в дурака». Тут у Простака с Командированным зашёл спор о карточных правилах. Я в доцерковной юности играл в карты и поэтому как-то само собой втянулся в разговор о карточных играх, какие они бывают. Командированный рассказал, как однажды он в командировке познакомился с болгаринном, который научил его «оригинальной игре "кокош"», и рассказал правила.

Тут я сразу понял, что это некая вариация известной азартной игры «в три листика». Но почему-то мне в тот момент и в голову не пришло, что со мной едут карточные шулера. А ведь я до этого слышал и читал в газетах, как обыгрывают людей

по дороге из аэропорта, но мои попутчики так ловко всё разыгрывали, что знание мне не помогло.

Наконец, когда правила «оригинальной игры "кокош"» были объяснены, Командированный предложил попрактиковаться в новой игре. Простак и Молчун охотно согласились. Стали предлагать мне. Очень естественно было согласиться, тем более что о деньгах речи не было. Я отказывался, все трое стали обижаться и огорчаться. Было неловко опечаливать таких добрых симпатичных людей...

Спасло меня то, что я, как человек верующий, тем более священник, считал для себя вообще недопустимым играть в карты. Я твёрдо отказался, хотя по-прежнему не понимал, что окружён жуликами.

Через несколько секунд молчания Командированный воскликнул, обращаясь к водителю: «Послушайте! А мой паспорт у Вас?» «Нет», — отвечает водитель. — «Значит, я забыл его в аэропорту! Нужно возвращаться!» За разговором мы подъехали к стоянке такси возле какой-то станции метро.

Я наивно говорю Командированному: «Давайте, мы Вас тут высадим, и Вы вернётесь в аэропорт». «Да нет, — отвечает мне вся компания, — лучше уж Вы выйдите». И высадили меня, денег не просили, а я не предложил, ведь до дому-то не довезли. А водитель, доставая мои чемоданы из багажника, сказал: «Молодец!»

И, только когда они развернулись на своих «Жигулях» и уехали в сторону аэропорта, я понял, что это была одна компания карточных шулеров, а не случайные попутчики. Бог миловал.

ЛАГЕРНИЦА

В конце 70-х годов, когда я только недавно крестился и был алтарником на Пресне, произошёл со мной такой случай. Как-то еду в метро домой после

вечерней службы в храме. В вагоне ко мне подходит женщина — слегка пьяная, в телогрейке, ватных штанах. Заговаривает со мной, и выясняется, что она из заключения. Ночевать ей негде.

А я после всего, что раньше прочитал о страданиях заключённых в сталинских лагерях, вообще всем заключённым стал сочувствовать, тем более что общаться с ними почти совсем не приходилось. Поэтому оригинальная попутчица вызвала во мне гражданскую симпатию, и я захотел ей помочь.

У меня было в кармане 10 рублей — большая сумма по тем временам, но я, хотя и был небогатым человеком, решил: «Вот я ей сейчас эти деньги дам, когда буду выходить из вагона».

Но женщина стала проситься переночевать. Я представил, как жена к этому отнесётся. Одно дело, когда речь идёт о заключённом, как некоем явлении «периода культа личности», а иное дело — пьяноватая тётка. Я ей отказал. И деньги дать не успел, потому что она меня обругала и вышла из вагона, в котором мы ехали, раньше меня.

Впрочем, сейчас я понимаю, что жена тоже человек и не зря я о ней вспомнил. И теперь я совсем не уверен, что эту женщину надо было вести к себе домой, хотя по моим тогдашним мечтаниям это казалось правильным. Во всяком случае, та встреча в метро послужила мне уроком, что я вовсе не такой добродетельный, как мне до этого казалось.

МИССИОНЕР НА ДИСКОТЕКЕ

Пришёл миссионер на дискотеку, чтобы обращать молодёжь ко Христу. Вот танцует он с девушкой и спрашивает её: «Вы веруете в Бога?» — «Нет. А Вы?» — «Я верую». — «А что же Вы здесь делаете?» — спрашивает его девушка.

На самом деле для спасения людей Христос

сошёл даже в ад, не то что на дискотеку. Преподобный Виталий много раз приходил в публичный дом, оставался на ночь с какой-нибудь развратной женщиной, но не грешил с ней, а молитвой и духовным наставлением обращал к покаянию.

Однако каждому из нас нужно знать свою меру, чтобы, погружаясь в молодёжную «тусовку», просвещать людей и приводить их в Церковь, а не самому растворяться в суетном времяпровождении.

НА СЕБЯ ПОСМОТРИ

Вошёл в автобус человек в грязной одежде и испачкал одного из пассажиров. Пострадавший возмутился: «Как Вы можете в таком виде появляться в общественном месте!» А тот, кто его испачкал, ему же и отвечает: «На себя посмотри».

И правый, и виноватый уже выглядели одинаково и своей видимой нечистотой могли вызывать у окружающих, которые не знали сути происходящего, равное недовольство. Но мы и никогда до конца не знаем, что в поведении и облике человека определяется его сердечным произволением (и будет судимо на Страшном Суде), а что — независимыми от его воли обстоятельствами. Вот нам и дана Богом заповедь: «Не судите».

ИСКУШЕНИЕ

Однажды маленький Комарик укусил злого разбойника Бармалея, тот грубо смахнул его рукой и вывихнул Комарику крылышко. Знакомые мушки и жучки отнесли беднягу к Доброму доктору Айболиту, и тот вправил крылышко Комарику.

«Лети, малыш! — воскликнул Айболит. — Как приятно сделать доброе дело! Вот, злой Бармалей чуть не погубил Комарика; теперь его, наверное, совесть мучает». В это время Комарик садится на щёку

доктору. «А у меня легко на душе, я всё готов потерпеть ради этих мошек. Да, радуется всякая тварь!» Комарик кусает Доброго доктора Айболита... Хлоп! Айболит, глядя на ладонь: «Тварь неблагодарная!»

ЧЕМ ЖИВЁШЬ, С ТЕМ И УЙДЁШЬ

Не радея о спасении своей души, мы склонны думать, что если изменятся обстоятельства, то мы тоже обязательно изменимся к лучшему, начнём, наконец, молиться Богу и каяться в своих грехах. Но привязанность к суетному не исчезает сама собой, и, если мы с Божьей помощью не восстанем против неё, она не оставит нас до смерти. На эту тему есть такая притча.

Умирает старый купец. Все родные собрались в его комнате, он хочет дать им последние наставления и спрашивает слабеющим голосом: «Ваня, сынок, ты здесь?» — «Здесь, батя». — «А Марья, дочка, здесь?» — «Здесь». — «А внуки все собрались?» — «Все. Все, отец, здесь». — «А кто же в лавке остался?»

УБЕЖАЛ ОТ СМЕРТИ

В одном селе жил старый человек, и пришла ему пора умирать. В доме у него был работник, ночевавший за перегородкой. И вот слышит работник, как умирающий вдруг встрепенулся и страшно захрипел: «Кто ты?» Низкий глухой голос отвечает ему: «Я — Смерть, скоро за тобой приду». Человек тот говорит смерти: «Может быть, ещё рано?» А она — ему: «Нынче рано, а скоро приду». «Что же, ты, — говорит ей человек, — только за мной? Может быть, ещё кого возьмёшь?» «Ещё, — говорит смерть, — скоро возьму твоего работника».

Как услышал работник эти страшные слова, говорит сам себе: «Убегу-ка я подальше от смерти!» И, выскочив из дому, в чём был, помчался из села

в город. А тем временем смерть спрашивает умирающего: «Где он, твой работник?» — «Да спит вон, за перегородкой». — «За перегородкой, говоришь? Странно, — удивилась тут смерть, — а я завтра должна взять его в городе».

МОЛИТВА И ЗАКЛИНАНИЕ

«Господь отвечает на каждое желание сердца, выраженное в словах или не выраженное», — пишет праведный Иоанн Кронштадтский в своей книге «Моя жизнь во Христе» (ПСС, 2-е изд., С.-П., 1893 г., т. 4. стр. 126). Поэтому, хотя и не всякое наше прошение бывает исполнено, но всякое бывает Богом услышано и верно понято.

Иное дело — магия. Бесы, чтобы посмеяться над тем, кто пытается их использовать с помощью заклинаний, действительно, бывает, губят человека, как раз буквально исполняя произносимые им слова. На эту тему есть такая притча.

У одного человека была волшебная палочка. Стоило эту палочку потерять и произнести любое желание, как оно в точности исполнялось. Однажды на этого человека напал лев, и бедняга подумал, что если бы лев стал добрым, то пожалел бы его. Он потёр волшебную палочку и сказал: «Пусть лев станет добрым!» И тогда подобревший лев взял человека осторожно, чтобы не причинить ему лишней боли, отнёс его в свою стаю и разделил трапезу с другими львами.

ПРИТЧА О ДУХОВНОЙ НИЩЕТЕ

Есть древняя восточная притча о том, как некий царь полюбил очень бедную девушку. У неё не было ничего, только рваный плащ и худые башмаки. Девушка тоже полюбила царя, они поженились и жили счастливо.

Но придворные заметили, что в покоях молодой царицы есть одна маленькая комната, в которую она каждый день хотя бы на минуту заходит и никого ни под каким видом туда не впускает. Придворные донесли об этом царю.

Царь сначала не придавал значения их словам, но потом стал расспрашивать царицу, а она старалась уклониться от ответа. Тогда царь настоял, чтобы царица открыла ему таинственную дверь.

Комната оказалась совершенно пустой, лишь на вбитом в стену гвозде висел рваный плащ, а под ним стояли худые башмаки. «Моя жизнь, — сказала царица царю, — и моя любовь, и всё, что я имею, принадлежит тебе. А мои только этот плащ и башмаки. Каждый день я прихожу смотреть на них, чтобы не превозноситься сердцем».

ДОПУСТИМ ЛИ ЮМОР ДЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН?

Есть одна детская математическая задачка: как из шести спичек сложить четыре равносторонних треугольника? Это невозможно сделать на плоскости, а в пространстве можно. Получается четырёхгранная пирамидка.

Христианство слишком объёмно для житейской плоскости и не может в ней уместиться, поэтому для плотского человека оно парадоксально. Но, по мере того как душа обретает духовный объём, некоторые парадоксы постепенно разрешаются.

А смех часто является естественной душевной реакцией на выявление парадокса. Поэтому, когда шутка даёт человеку познать какую-то глубину, узнать некую правду о своей душе, прежде сокрытую от него, такая шутка полезна. А бывает шутка пустая. Злая же или блудная шутка греховна. Шутка шутке рознь.

Мы знаем, что и великие святые, например, Лев Оптинский и Амвросий Оптинский были не чужды юмора, зачастую говорили с людьми в форме шутки, этим раскрепощали душу человека, располагали её к тому, чтобы принять глубокое слово истины.

Известен рассказ о преподобном Антонии Великом. Охотник хотел посмотреть на знаменитого

монаха и увидел, что тот сидит и шутит с братьями. Человек смутился. А преподобный притчей объяснил ему, что он неправ: попросил, чтобы охотник натянул лук, потом сильнее, ещё сильнее. Охотник сказал: «Нельзя, лук сломается!» Святой согласился и добавил: «Вот и человек так же: если пережать, душа может сломаться».

В одних случаях уместна сдержанность, а в других лучше бы посмеяться. Если, например, подвижник, живущий в пустыне, встретится с таким же подвижником, они, наверное, не будут хлопать друг друга по плечу и хохотать. Их глубокая светлая серьёзность вполне уместна. Думаю, в Царстве Небесном будет радость без смеха. Радостная серьёзность.

Когда молимся, или Бог даёт нам какое-то благое духовное состояние, шутить не надо. Правда, почти вся наша жизнь проходит не в таких состояниях: нам приходится не столько хранить благодатные дарования, сколько очищаться от злобы, которая нас захватывает.

А если двое, допустим, поссорились, но кто-то пошутил, и они рассмеялись — и помирились, так это хорошо! Для большинства людей, я думаю, юмор — не то, с чем надо бороться в первую очередь.

Или вот отрицательный пример: отец всю ночь играл в компьютерные игры, под утро уснул, а малолетний сынишка мешает ему спать — кричит, смеётся. И вот отец спросонья выговаривает сыну: «Ты что тут расшумелся?! Смеяться грешно!» Уж, кто бы поучал...

Нам нужно в первую очередь бороться не с юмором, а со страстями: осуждением, злобой, пустословием, немилосердием. Добрые дела надо начинать делать, за бабушкой больной ухаживать, не ругаться на неё, Богу молиться. Думаю, человек, который преуспеет в молитве, не часто будет впадать в бессмысленный смех. А весёлость сама по себе не является страстью.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

(тезисы выступления на II Московских областных Рождественских образовательных чтениях в Красногорске 23.11.2004)

Дорогие отцы, братья и сёстры!

Прежде чем предоставить слово руководителям нашего района в социальной области, в области образования и культуры, а потом и всем участникам, я хотел бы сказать несколько слов о педагогическом пространстве, в котором все мы, священнослужители и педагоги, находимся и которое мы в какой-то мере образуем.

Под педагогическим пространством естественно понимать людей и организации, которые, так или иначе, заняты в сфере образования и воспитания, и взаимоотношения между ними.

При таком определении понятно, почему в этом зале собрались не только руководители системы образования и школьные учителя, но также и священники, и церковные педагоги. Это далеко не случайно, как не случайно и то, что Московские областные Рождественские образовательные чтения организованы совместно Министерством образования Московской области и Московской епархией Русской Православной Церкви.

Ведь педагогическое пространство имеет, можно сказать, свою геометрию: оно определяется житейской плоскостью и духовной вертикалью. Житейская плоскость — это обучение детей наукам и искусствам (я говорю «детей», потому что нынешние чтения в нашем Красногорском районе собрали в основном педагогов, работающих со школьниками). Сюда же нужно отнести и нравственное воспитание.

А духовная вертикаль выстраивается для того, чтобы обученный и воспитанный человек знал — не только умом, но всем сердцем, — для чего он живёт и ради чего он должен быть знающим, культурным и нравственным.

Ни в коем случае не следует понимать сказанное выше в том смысле, что, мол, светские педагоги пусть занимаются житейской плоскостью, а священнослужители и учителя воскресных школ — духовной вертикалью. Все мы находимся в едином многомерном педагогическом пространстве.

И ни священнослужители и церковные педагоги, занимаясь с детьми, не могут только молиться, а должны с ними проживать значительную часть их жизни, вникать в их проблемы, в том числе и житейские. Поэтому, кстати сказать, мы в воскресных школах и занимаемся с детьми и музыкой, и росписью по дереву, и в походы ходим.

Ни руководители и учителя общеобразовательных школ не могут отрешиться от духовности. Ведь очевидно, что недостаточно просто обучать детей, необходимо и нравственное воспитание. И оно должно быть не просто одним из предметов, а должно пронизывать весь образовательный процесс. Если этого нет, то учитель превращается в ремесленника, перестаёт быть педагогом в полном смысле этого слова.

Но нравственность, вообще говоря, указывает человеку, как он должен поступать. На вопрос же, почему человек ради соблюдения этических норм должен чем-то жертвовать, отвечает религия. Разные религии дают разные ответы, поэтому от того, какую религию избирает народ, зависит в самых главных аспектах жизнь этого народа.

Но, хотя Закон и даёт нам свободу совести, у нас, как у педагогического сообщества, педагогического пространства, нет выбора в том, основы какой культуры следует изучать самим и преподавать детям, какую религию полагать в основу их нравственности. Мы живём в России, мы в огромном большинстве — русский народ, а у русского народа — тысячелетняя православная история.

Поэтому преподавание детям основ православной культуры это не конфессиональная, а государственная задача. Как бы кто ни относился к русскому народу, именно без него нет России. И как бы кто ни относился к православию, именно православие лежит в основе русской культуры. Значит, не зная основ православной культуры, русский человек (да и любой россиянин) не может быть культурным в полном смысле этого слова.

ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ибо невидимое Его, вечная сила
Его и Божество, от создания
мира через рассматривание
творений видимы (Рим. 1, 20)

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ (числа, множества, пространства и другие) сами по себе принадлежат дольному миру, но, как и прочие явления дольного мира, они бывают символами и образами горних явлений. Рассмотрение этих образов и их соотношений порой бывает полезно немощному человеку для усвоения духовных истин, почему и Господь Иисус Христос, снисходя к немощи народа, часто говорил притчами.

УМНОЖЕНИЕ НА БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Какое бы малое положительное число (наша добрая воля) ни умножить на бесконечность (милосердие Божие) получится бесконечность (будем в Царстве Небесном). А если злую, отрицательную волю умножить на ту же благую Божию бесконечность, получим бесконечность отрицательную (вечную муку). А если на бесконечность умножить наше бесконечно-малое ни то, ни сё, то получится неопределённость. Но лучше определиться в любви к Богу, пока не поздно.

Много площади — несколько объёма

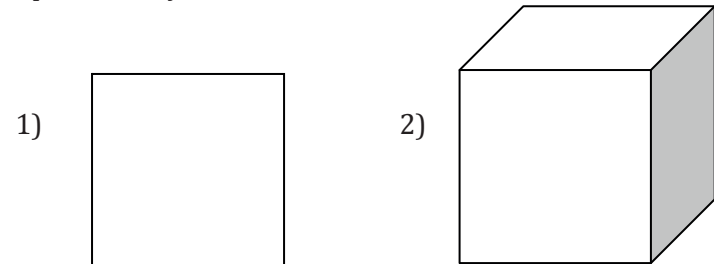
Жили-были квадратный километр и кубический миллиметр. Километр все ценили за большие размеры, и сам он себя за это ценил, а маленьким миллиметром все пренебрегали. И сам он считал себя почти ничем, особенно в сравнении с километром.

На самом деле эти километр и миллиметр были не разных размеров, а разных размерностей, но на это никто не обращал внимания — привыкли, что километр больше миллиметра. Однако, как ни ширился квадратный километр, всё равно, он оставался плоским, и не было в нём ни миллиметра объёмного.

Так одно маленькое дело, совершённое с чистым сердцем, для Бога дороже множества добрых дел и великих подвигов, осквернённых (как бы расплющенных) гордостью.

ВЕРНЫЙ РАКУРС

Художник, создавая портрет, всегда — осознанно или неосознанно — решает задачу изображения на 2-мерной плоскости многомерного объекта. При этом, кроме всего прочего, огромное значение имеет выбранный ракурс. Для примера рассмотрим две проекции куба на плоскость.

На первом рисунке одна из его граней полностью заслонила собой все остальные, и мы видим только 2-мерный квадрат, который скрывает от нас 3-мерность изображаемого объекта. Второй рисунок

сообщает нам о кубе гораздо больше, чем первый. Причём если нам важно показать именно 3-мерность предмета, то первый рисунок будет в этом отношении принципиально хуже второго, даже если он сделан очень тщательно и красиво, а второй — совсем небрежно.

Человек, образ Божий, принадлежит не только временному миру сему, но и миру иному, который имеет и своё, иное, измерение, отличное от всех земных, дольных измерений и от времени. Ведь мы называем мир сей миром дольным, а ещё есть горный мир и есть преисподняя. Категории «горный», «дольный», «преисподний» служат для описания пространственных отношений, и они задают некое измерение: горный мир выше дольного (нижнего, исподнего), а преисподний мир ниже и горного, и дольного.

Церковная иконописная традиция — это Богом дарованный Церкви способ изображать на плоскости не 2-мерные и даже не 3-мерные явления мира сего, а явления иного мира. Благодаря этому мы, духовно немощные, по своей сердечной нечистоте недостойные созерцать их, как они есть, и потому неспособные к такому созерцанию, имеем возможность созерцать лики иного мира хотя бы в виде плоских подобий. Иконоборчество, и древнее, и современное (у протестантов, например), имело и имеет своей целью лишить людей этой возможности.

Образ святого (живописный или — особенно — скульптурный), исполненный в натуралистической манере, сугубо привлекает внимание зрителя к телесности изображённого, в какой-то мере — к душевности, эти грани его личности показывая выпукло, а её духовную глубину раскрывая слабо (в лучшем случае — аллегорически).

Поэтому такое изображение можно сравнить с рисунком куба, на котором из-за неудачно вы-

бранного ракурса одна грань заслонила собой весь предмет, так что ширину и высоту его мы видим, а глубина оказалась от нас совершенно скрытой. Православный иконописный канон даёт нам возможность как бы выбрать ракурс, наилучший для выявления на иконе святости Христа, Богоматери, ангелов и других святых.

ПЛОСКАТИКИ И ТРЁХМЕРИКИ

В некотором 3-мерном пространстве жили человечки-трёхмерики, а на некоторой плоскости в этом же пространстве, жили человечки-плоскатики. Плоскатики думали, что их плоскость и есть всё пространство, весь мир, хотя была она в нём лишь бесконечно тонким слоем, вроде масляного пятнышка на поверхности океана.

Трёхмерики, конечно, в плоскости не умещались, но, бывало, с ней пересекались, и тогда плоскатики их видели. Но только отчасти.

Встанет трёхмерик на плоскость, и плоскатики видят его стопы. А если он опустится пониже, то плоскатики видят его ножки, как два кружка. Подождёт трёхмерик ножку — они видят один кружок.

Если вдруг он ляжет на плоскость и начнёт по ней ползать, то плоскатикам кажется, что он — плоскатики, а не трёхмерик.

А если он поднимется над плоскостью, то плоскатики совсем его не видят, хотя исчезает трёхмерик только из плоскости, а не вообще.

Бывает, плоскатики построят на плоскости стену, и она для них непреодолима, а трёхмерик переступил её — и всё. Плоскатикам это очень удивительно, а трёхмернику — нет.

Плоскатики не только не может перейти через свою стену, но он и не видит сквозь неё. А трёхмерник, если распластается по плоскости и станет, как

плоскатику, тоже через стену не видит, но если он поднимется над плоскостью, то свободно видит всё, что расположено на ней, причём как бы плоскатики ни старались, они ничего не могут скрыть от «прозорливого» трёхмерика.

Модель иного мира?

Пытливый ум может использовать эти аналогии как повод и отправную точку для построения математической модели всего сотворённого Богом мира — горного, дольного и преисподнего. Задача, конечно, соблазнительная.

Но как ум плоскатики не может правильно постигать трёхмерную реальность, так и плоскому плотскому уму недоступно истинное созерцание реальности иного мира, который не только не трёхмерен, но и не многомерен, и даже не бесконечномерен (есть и такое понятие в математике), а в высшей степени безмерен*.

И дело даже не в том, что любая математическая модель любого жизненного явления — тем более, иного мира — ограничена и несовершенна. В повседневности мы с успехом пользуемся многими несовершенными моделями. Например, 3-мерное евклидово пространство, изучаемое в школьном курсе математики, — это, конечно, несовершенная модель дольного мира, в котором мы живём, но в некоторых пределах она применяется, и Церковь не осуждает этого.

Казалось бы, ничто не мешает присоединить к трём евклидовым координатам четвёртую — «иное измерение», о котором уже говорилось, и получится,

* Некоторые современные физические теории описывают наш мир как пространство не 3, а много большего числа измерений. Но к «иному измерению» это не имеет никакого отношения, потому что оно, образно говоря, перпендикулярно любому земному измерению и космосу в целом, каким бы многомерным мы его ни представляли.

хоть и несовершенная, конечно, но модель всего мироздания.

И тем соблазнительнее попытка придумать такую модель, что из Священного Писания и творений святых отцов об ином мире известно не так уж мало. Апостол Павел, например, пишет о себе, что был вознесён до третьего неба (см. 2 Кор. 12, 2); злочестивый Корей со своим семейством живым сошёл в преисподнюю (см. Чис. 16, 30–33). В Библии и житиях некоторых святых повествуется о том, что, по Божьему благословию, люди иногда даже телом входили в горний мир. Пророк Илия, блаженный Андрей Христа ради юродивый, преподобный Евфросин Палестинский, — этот список можно было бы продолжить. Сам Господь в теле взошёл на небо при Своем вознесении.

Но вот что пишет на эту тему святитель Филарет Московский: «Всякому подвизающемуся о своём спасении можно и должно сказать: *Несть ти потреба тайных* (Сир. 3, 22 — прим. автора статьи) — «Не ищи знать сокровенное или будущее». Для спасения нужно веровать, исполнять заповеди, очищать сердце, а не любопытствовать. Желать знать сокровенное опасно, а желать открывать оное ещё опаснее. Но всё сие не препятствует тому, чтобы Провидение Божие открывало тайное и обращало сие для своих благих целей даже и при несовершенстве орудия, как можно примечать на опыте» (святитель Филарет (Дроздов), Избранные труды, письма, воспоминания. М., Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2003, стр. 713).

Иное дело, когда Бог через святых богословов и пророков открывает своей Церкви то, что ей полезно знать об устройстве мира. (В этом смысле можно сказать, что и Священное Писание даёт нам богодухновенную модель вселенной.) И совсем иное

дело, когда люди, движимые не Духом Святым, а научным интересом, праздным любопытством или ещё чем-нибудь таким, принимаются строить модели, охватывающие не только мир дольний, но и мир иной.

Ведь построение гипотез и моделей — это рассудочная деятельность падшего ума, свойственная именно дольному миру. Не следует путать наши построения с Божиим откровением. «Но якоже отстоит небо от земли, тако отстоит путь Мой от путей ваших, и помышления ваша от мысли Моея» (Ис. 55, 9) — возвещает через пророка Исаию сам Господь.

Тот, кто решается любопытствовать о преисподней, рискует оказаться в плену у её обитателей. А горний мир — это мир Божественной любви и свободы, и он недоступен для чуждого любви и свободе рассудочного исследования. И мало того, что недоступен. Как человек, в небрачной одежде пришедший на брачный пир, был изгнан во тьму кромешную, так наказывается и тот, кто пытается проникнуть в горний мир мыслью, не облечённой в брачную одежду смирения и благодати (см. Мф. 22, 2–14).

Сказано святым апостолом Павлом: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всём, а о нём судить никто не может» (1 Кор. 2, 14–15).

Поэтому всякая попытка постичь горний мир холодным рассудком, а тем более проникнуть туда своим осквернённым страстями телом, в лучшем случае оказывается бесплодной (по снисхождению Божьему к человеческому неразумию). А в худшем случае (в наказание за гордость) дерзнувший на это безумец вместо неба попадает во власть духов злобы поднебесных, которые низводят его в преисподнюю.

Если мы хотим этого избежать, нам лучше целомудренно уклоняться от предлагаемого гордым духом запретного плода самочинного познания. Лучше смиренно довольствоваться тем душеполезным ведением, которое Бог сам нам дарует, и идти тем путём, который нам указан Церковью.

Какой же путь нам указывает Церковь? Подобный Исаак Сирийский пишет: «Потщись войти во внутреннюю клеть, и узришь клеть небесную, потому что та и другая — одно и то же, и, входя в одну, видишь обе. Лестница онаго Царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей» (Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу, стр. 301).

Покаянная молитва, усердное старание исполнять все заповеди Божии и благодушное принятие всего, что посылает Господь, — вот благословенная Богом деятельность, которая готовит человека не к невозможному (и в самой попытке смертельно опасному) рассудочному познанию тайн горнего мира или преисподней, а к реальному и спасительному вхождению в горний мир, Небесное Царство.

КОСМИЧЕСКАЯ ТЕСНОТА И СЕРДЕЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Современная астрономия даёт повод думать, что вселенная очень обширна и что наше Солнце — это только одна из множества звёзд, причём не самая большая. Такое представление наводит на мысль о существовании на других планетах (возможно, в других звёздных системах) подобных нам разумных существ, что, надо сказать, плохо совместимо с православным вероучением, если, конечно, не предполагать, что гипотетические инопланетяне — тоже потомки Адама и Евы.

Но если во вселенной мы — одни, то для чего же Бог создал такой большой и почти пустой мир?

Почему все главнейшие события вселенской истории произошли именно на нашей планете, ничтожной в колоссальных масштабах известного современной науке космоса?

Таковыми вопросами задаётся пытливый ум. Не следует, однако, забывать, что ум человека стал пытливым только вследствие грехопадения прародителей (до грехопадения Адам и Ева в Раю созерцали Бога и Его творение, а не испытывали). После грехопадения с человеком произошла ужасная катастрофа, которая, в частности, состояла в том, что человеческий ум извратился.

Потеряв первоначальное единение с Богом, человек стал принимать истинно важное (вечную жизнь) за как бы несуществующее, а совсем не важное (временную суету) — за нечто чрезвычайно ценное. Исполненное смысла (молитвенное общение с Богом) стало скучно человеку, а удручающе бессмысленное (кружение помыслов) стало увлекать его. Истинно великое стало казаться ему незначительным, а совершенно ничтожное — великим. И вот этому извращённому уму межзвёздное пространство представляется очень большим, а сердце — маленьким.

Такому уму тесно в сердце, а в мире сем ему просторно, и он любит носиться по вселенной от одного предмета к другому — свободно, как ему кажется. Но когда время, данное нам Богом для покаяния, закончится и мы перейдём в мир иной, то всё встанет на свои места. И то, что нам казалось простором и свободой, вдруг обернётся вечным одиночным заключением в бесконечно тесном аду.

Но у того, кто ради Бога постарается молитвенно заключить свой ум в сердце, он постепенно исправится и начнёт видеть вещи не извращённо, а такими, каковы они поистине. Это видение побудит человека к спасительному покаянному плачу

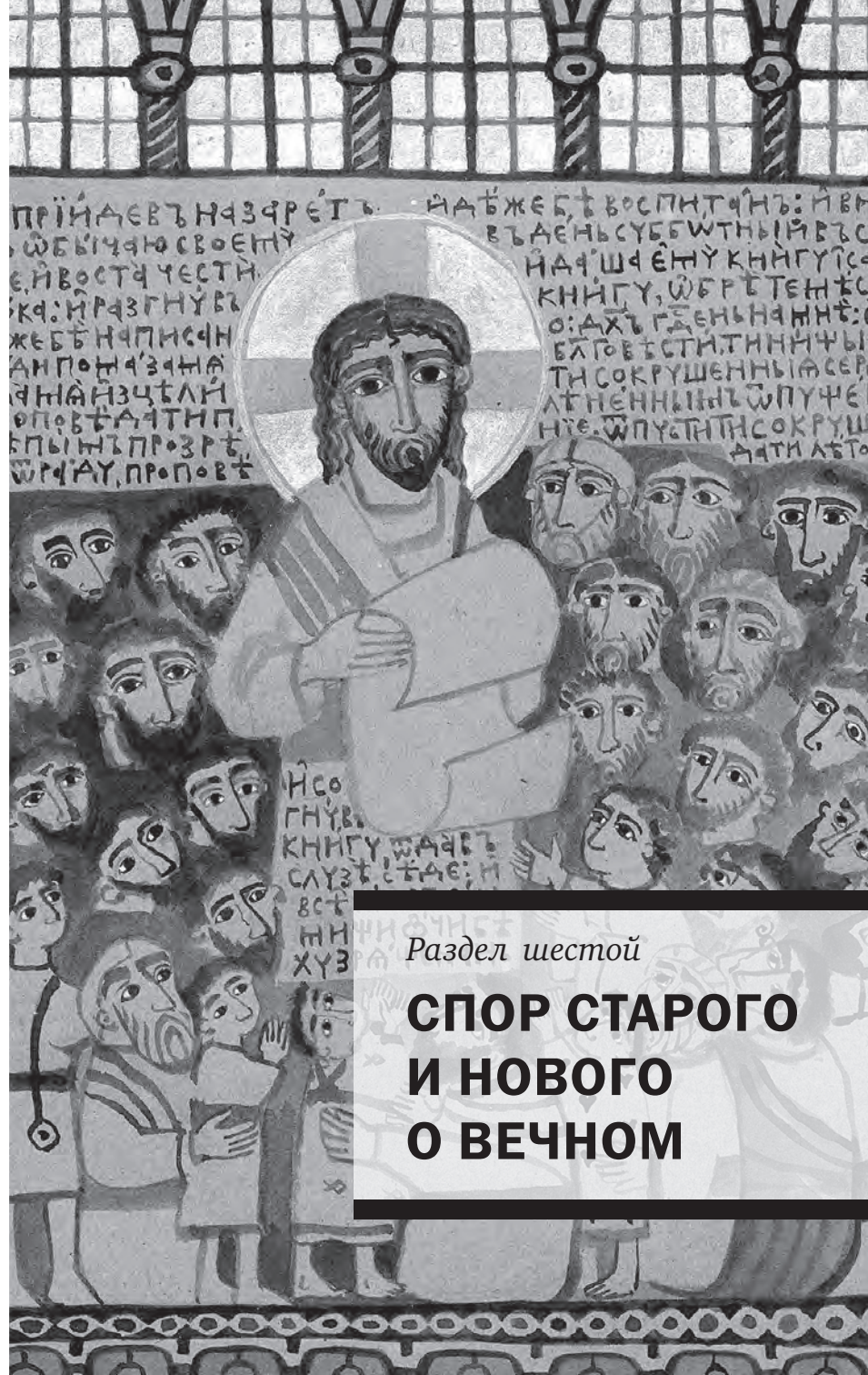
и через временную сердечную тесноту и скорбь приведёт, по милости Божией, к вечному блаженству в Царстве Небесном.

Итак, видимая вселенная кажется нам огромной, потому что наш извращённый ум путает не только добро со злом, но и великое с малым. А как же нам с таким умом вообще удаётся ориентироваться в мире?

Дело в том, что извращённый грехопадением ум воспринимает очень искажённо только великое и ничтожное, а среднее он видит, в общем, правильно.

Потому мы и не замечаем извращения своего ума, что почти постоянно заняты средними, то есть земными делами. А вот когда мы пытаемся молиться Богу, ум наш, вместо того чтобы углубляться в сердце, где и обретается Бог, направляется в противоположную сторону, рассеивается в мирской суете.

Святые имеют естественный, а не извращённый ум; соответственно, у них он при молитве не рассеян, но весь обращён к Богу. А вот выглядят они так же, как мы, и болеют они теми же болезнями, и порой имеют человеческие немощи, такие же, как наши. Из-за этого нам может казаться, что между ними и нами нет особенной разницы, но в действительности на Страшном Суде различие окажется даже не большим, а бесконечным. Кто смиренно видел себя ничем перед Богом — бесконечно возвысится, а кто гордо мнил себя чем-то значительным — окажется совершенно ничтожным.

ПРІИДЕ ВЪ НАЗАРЕТЪ. И АБЪ ЖЕ БѢ ВОСПИТАНЪ: И ВЪ
ШЫЧАЮ СВОЕМУ ВЪ АЕНЬ СУБЕВЪТНЫ И ВЪ
Е. И ВОСТА ЧЕСТИ. И АЧШЕ НУ КНИГУ С
КА: И РАЗГНУ ВЪ КНИГУ, ШЕРТЕ И С
ЖЕ БѢ НА ПИСАН АН ПО НАЗАН
И НА ИЗЧЕЛ И О ПОВѢ А ЧТН П
Е ПЫ И ПР ОЗРѢ Ш Р А У, П Р О П О ВѢ

И СО ГНУ ВЪ КНИГУ, Ш А БѢ СЛУЗѢ С Т А Б: И
В СѢ Н Н ХУЗ

Раздел шестой

СПОР СТАРОГО И НОВОГО О ВЕЧНОМ

СПОР СТАРОГО И НОВОГО О ВЕЧНОМ*

(заметки о модернизме в церковной архитектуре)

При Отделе по реставрации и строительству Московской областной епархии, который я возглавляю, с 2007 года действует Консультативно-экспертный совет, одной из основных задач которого является экспертиза представляемых на благословение правящему архиерею эскизных проектов строительства православных храмов и храмовых комплексов.

Авторы проектов иногда берут за основу известные классические образцы, иногда (не всегда) творчески и грамотно их перерабатывают, применяясь к конкретным условиям, а иногда предлагают нечто совершенно новое. Как относиться к новизне в храмовой архитектуре? Дискуссия на эту тему среди церковных архитекторов ведётся давно, иной раз очень горячо. Поскольку храмы на всём пространстве Русской Православной Церкви продолжают строиться, дискуссия не теряет своей актуальности. Кроме специалистов в неё, естественно, втянуто духовенство и многие другие люди.

---

* Тезисы выступления на XXI Международных образовательных Рождественских чтениях, круглый стол «Современное храмостроительство — вопросы взаимодействия Церкви, общества, государства». Данный материал был опубликован в журнале «Приход», № 3 за 2013 г., здесь даётся в сокращении.

Кто-то может сказать, что, на самом деле, спор идёт не о вечном, а «о месте под солнцем», если не сказать «о месте на рынке архитектурных услуг». Не спорю, вероятно, такие мотивы имеют место по немощи человеческой, но реально, всё равно, речь идёт о проблемах церковного свидетельства в архитектуре и вообще в искусстве. Причём, косвенным образом под сомнение ставится сама возможность такого свидетельства.

В споре поборников старого и нового одна из сторон справедливо утверждает приоритет традиции, говорит об устоявшихся и принятых Церковью архитектурных канонах. (Эти каноны не утверждались Вселенскими Соборами, но они сложились и присутствуют в живой традиции церковного зодчества.)

Другая сторона особенно подчёркивает, что многое из на сегодняшний день устоявшегося и принятого Церковью, некогда было новаторским или даже революционным. Появлялись новые стили, новые материалы и технологии, сами люди изменялись и так далее. Это тоже, в общем, справедливо. Возможен ли продуктивный выход из спора?

Продуктивный выход возможен, но нужно правильно поставить вопрос. На самом деле, в церковном искусстве вообще и в храмовой архитектуре в частности для православного человека должно быть принципиальным не старое или новое перед ним, а истинное или ложное свидетельство о горнем мире. В иконе, в богослужебном облачении, в храмовой архитектуре нам важно видеть образ горнего мира. На иконе — просветлённый, очищенный от всего суетного лик, в облике храма — образ Горнего Иерусалима.

Всякое изображение человека, образа Божьего, есть, в свою очередь, образ Божий. Этот образ может быть более или менее совершенным, он может быть искажённым или даже ложным и ужасным, но он

остаётся образом Божиим. В этом смысле икона — поистине окно в иной мир.

Разумеется, Богочеловека на иконе мы видим очами веры; плотские глаза видят лишь более-менее удачное изображение просто человека. Аналогично, тот, кто уверен, что за пределами комнаты ничего нет и быть не может, глядя на окно, будет считать, что это просто своеобразная часть стены. Для него оно и будет лишь частью стены. Но если окон в доме вовсе нет, то и никто не увидит ничего запредельного (относительно этой комнаты). Если окно есть, оно может быть более или менее чистым, лучше или хуже являть нам внешний мир. То же можно сказать и об иконе: она может яснее или туманнее являть нам горний мир, являть богочеловечество Христа.

Аналогично, всякий храм есть образ Небесного Храма, Горнего Иерусалима. Для неверующего любая церковь — всего лишь здание. Но для верующего вид храма может являть ему Небесный Храм. Степень такого восприятия образа храма в значительной мере зависит от архитектурного стиля, в котором создана та или иная церковь.

Приходилось слышать мнение, что все стили, уже так или иначе привившиеся в церковной архитектуре, следует признавать равноценными. Обосновывают это тем, что и в древности, и в недавнее время многие языческие храмы превращались в храмы христианские; гражданские базилики — в храмы-базилики, костёлы и кирхи — в православные церкви. К этому тогда уж можно добавить, что в наше время православные приходы при необходимости, бывает, совершают Литургию не то что в бывших кирхах и костёлах, а даже в барачного вида молитвенных домах, и это ведь тоже можно назвать своеобразным стилем. Но мы же не хотим, чтобы такой стиль становился церковной нормой.

Если бы неравноценности стилей не было, не было бы оснований возражать и против постмодернистских проектов строительства церквей (некоторые примеры ещё будут приведены), потому что чисто эстетически эти проекты могут быть симпатичными, а в функциональном отношении — удовлетворительными. Неприемлемыми эти проекты делает не их экстравагантность как таковая, а ложность.

Впрочем, обсуждая отношение к новаторству в церковной архитектуре, нам не следует, я думаю, излишне увлекаться сравнением церковной ценности уже признанных архитектурных стилей, чтобы разумное обсуждение важного церковного вопроса не сорвалось в споры о личных вкусах. Мне, например, не нравятся портики на фасадах храмов и завершения в виде остроконечных шпилей, даже когда храм в целом — шедевр архитектуры. Но я — это ещё не вся Церковь. И если Церковь усвоила себе такой стиль, и в нём построены десятки православных храмов, то и я его принимаю, и возглавляемый мною — но не мой, а церковный — Консультативно-экспертный совет выдаёт положительное экспертное заключение, если проект был грамотно составлен и избранный авторами стиль был выдержан.

Поэтому, когда в наш Консультативно-экспертный совет бывает представлен проект храма в каком-то новом для нас стиле, мы не критикуем его за новизну. Но нам приходится решать вопрос, приемлем ли предлагаемый автором стиль для строительства православной церкви.

То, как будут выглядеть наши храмы, это отнюдь не узкопрофессиональная проблема, которую должны решать сами архитекторы. Этот вопрос принципиально важен для всех православных христиан и, в особенности, для пастырей и архипастырей,

которым Бог вверил заботу о народе Божиим, о богослужении и, в частности, об облике православных церквей. Храмы должны быть узнаваемыми, родными, а главное, как было уже сказано, — должны являть нам образ Царства Небесного.

То же, что сегодня всё настойчивее предлагают архитекторы-модернисты — молодые и увлечённые седины — являет всего лишь их фантазии и старание сделать что-то обязательно новое. Новым при этом оказывается, например, храм в клетке или храм с прозрачными стеклянными стенами (архитекторы Д. Е. Макаров и И. С. Земляков), храм в форме игрушечного кораблика (архитектор В. В. Захаров) и другие.

В такие «прикольные» храмы, я думаю, придёт немало любителей эпатажа, и им там будет очень интересно, но куда же пойти молиться и причащаться Святых Христовых Таин верующему народу? Конечно, в конце концов, можно совершать богослужения и в катакомбах, и на лесных полянах, но зачем же нам самовольно гнать себя в модернистские тупщобы, когда Бог даёт возможность строить прекрасные храмы в любом из десятков уже признанных Церковью стилей?

Новое церковное свидетельство в храмовом зодчестве, разумеется, возможно, ведь, как уже было сказано, всё принятое Церковью когда-то было новым. (Речь идёт о различных способах передачи Священного Предания, а не о его вечном содержании.) Но для того, чтобы с особой осторожностью подходить к новизне в храмовой архитектуре, есть несколько специфических причин.

Во-первых, грубую принципиальную ошибку в церковном строительстве бывает почти невозможно исправить, ведь для этого пришлось бы сносить храм Божий.

Во-вторых, нет и необходимости спешить строить по сомнительным проектам. Если не получается создать несомненно достойный проект в оригинальном стиле, можно воспользоваться накопленным в Церкви опытом и сделать проект в каком-либо из уже признанных Церковью стилей.

В-третьих, при сопоставлении старого и нового в церковной архитектуре нужно обязательно иметь в виду ещё следующее. Старое, в общем, уже осмыслено Церковью: ложное — обличено, прекрасное или хотя бы терпимое — усвоено. Поэтому профессиональный архитектор, работающий в уже принятом Церковью стиле, может быть, и не создаст что-то поразительное, но построить прекрасный храм может.

Тот же, кто предлагает новый стиль в церковной храмовой архитектуре, должен не бороться за права нового, а доказывать церковность предлагаемого стиля. Несколько лет назад наш Консультативно-экспертный совет решительно высказался против того, чтобы на въезде в Звенигород построили церковь, по виду напоминающую производственное строение. Может быть, мы не поняли духовной глубины автора проекта; может быть, ему во сне явился преподобный Савва Звенигородский и повелел нарисовать то, что он нарисовал. Ну, что ж, значит, в этом деле проявилась наша немощь и ограниченность.

Но лучше пусть пока восторжествует человеческая ограниченность, чем мы застроим Россию вместо храмов современными конструкциями в виде корабликов или элеваторов только потому, что кому-то хочется самораскрыться именно в церковной архитектуре.

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ

(мысли после конкурса*)

На прошедшем в конце 2013 года, организованном Союзом архитекторов России конкурсе «Современное архитектурное решение образа православного храма» было рассмотрено более ста эскизных проектов строительства церквей, и конкурс выявил очень широкий спектр подходов к церковной архитектуре. На одном краю этого спектра можно было видеть, например, проект часовни в виде нескольких сгруппированных на плоскости стаканов, на другом — проекты более привычные для взгляда церковного человека.

Не скрою, что самому мне по душе традиционный облик православного храма, а старание многих архитекторов обязательно придумать что-то новенькое представляется неуместным при проектировании церкви Божией. Не потому, что новое плохо само по себе, а потому что искать нужно не новое, а истинное. Но об этом уже было много говорено.

С другой стороны, творческие поиски как таковые это — неплохо. И если они бывают не вполне

* Речь идёт об открытом профессиональном конкурсе «Современное архитектурное решение образа православного храма». Протоиерей Константин Островский входил в Экспертный совет этого конкурса. Данный материал был опубликован в журнале «Приход», № 1 за 2014 г., здесь даётся в сокращении.

удачными, что ж... поисков без ошибок не бывает. На мой взгляд, если кто-то из архитекторов сочинил какой-то причудливый проект, это само по себе не беда. В художественном творчестве предполагается свобода. Кстати, следует отличать божественную свободу в заповедях Христовых от греховного своеволия, но это дело совести самого человека, в данном случае архитектора.

Однако, поскольку речь идёт о создании не самостоятельных художественных произведений, которыми являются, скажем, живописные картины, а о строительстве действующих церквей, то, говоря и размышляя об эскизных проектах храмов, следует различать, по крайней мере, две больших темы. Первая — это эскизный проект как некое произведение искусства. Вторая — приемлемость конкретного эскизного проекта для возведения по нему храма Божьего.

Работа архитектора может быть очень талантливой, яркой, захватывающе интересной; может содержать в себе очень перспективные идеи. Но при этом проект может оказаться неприемлемым с церковной точки зрения.

И наоборот, автор может предложить добротную копию не раз использованного проекта, умело вписав её в конкретную архитектурную ситуацию. Для профессионала такой проект может быть малоценным и неинтересным из-за своей вторичности, но для строительства конкретного храма в конкретных условиях он будет вполне подходящим.

В этом смысле, прошедший конкурс «Современное архитектурное решение образа православного храма», на мой взгляд, удался и имеет большое значение с архитектурно-художественной точки зрения в качестве примера, так сказать, молодых (и не только) талантов.

Но с точки зрения церковных задач, значение прошедшего конкурса невелико. Для тех, кто будет служить и молиться в храме, почти не важно, есть ли в его архитектуре какая-то новинка, или нет, хотя бы по той причине, что храм строится не для выставки или конкурса, а для постоянного богослужения и, как всем верующим хотелось бы, на многие годы. А за многие годы любая новость перестаёт быть новостью, и любая пикантность приедается. Не перестаёт и не приедается только истинное и вечное.

Поэтому заботой Церкви в отношении облика проектируемых храмов является то, чтобы они являли собой образ Царства Небесного, насколько это, вообще, возможно на грешной земле во временном мире. Достижение абсолютной гармонии здесь недостижимо, но кое-что Бог нам открыл, и какие-то стили храмовой архитектуры Церковь уже усвоила. Открыта Церковь и к новому, но принимать это новое она должна сама и не может передоверить принятие решений в области облика православных храмов просто специалистам, хотя бы и верующим.

На эту тему мне пришлось в интернете прочесть беседу двух известных журналистов. Не буду их называть, потому что дело здесь не в личностях, а в идеях, и у меня нет задачи вступать в полемику с конкретными людьми.

Один из собеседников высказал своё недоумение относительно церковной архитектуры: «Вот, например, строятся современные церкви в спальных районах Москвы. И в других городах, наверное. Они никогда не строятся так, как например, создаётся архитектура в 21 веке. Они обязательно воспроизводят какие-то представления о наших предвещениях, о том, какие были представления наших предков в конце 19 века. Может быть раньше. Мне это кажется странным».

На это последовал такой ответ: «Понятно, что православные активисты-прихожане всегда будут голосовать за реплику старины. Но если бы архитекторы всегда прислушивались лишь к голосу приходского актива, у церковной архитектуры попросту не было бы никакой истории. Все было бы «подобным». Церковная архитектура развивалась в православном мире за счёт диктата спонсоров. Людей достаточно богатых и влиятельных, чтобы не прислушиваться к мнению епископа и прихода. Вот, скажем, я князь или граф 19 века. Граф Шереметев или Воронцов. У меня есть мои доходы, положение в обществе. Я съездил куда-то в Италию, увидел интереснейший храм, новый архитектурный стиль. Я хочу у меня в моём селе, в моём поместье иметь храм в этом же стиле. Выписываю архитектора из Италии. И поскольку я высокопоставленный человек, я вне зоны критики местного батюшки или даже местного епископа. И поэтому я сказал делать так — и так оно и будет. А дальше, владыка, хочешь, служи, хочешь не служи. Не будешь служить — так я сам буду тут просто ходить размышлять. Библиотеку сделаю, в конце концов. Или музей... И церковь соглашалась. А сейчас никто не решается сделать церкви такой навязчивый, но перспективный подарок».

То есть пока архитектура строящихся храмов определяется «православными активистами-прихожанами» и епископами, то есть пока Церковь свободна в решении своих внутренних вопросов, революционных прорывов в церковной архитектуре ожидать не приходится. Поэтому надежда у тех, кто хочет, чтобы храмы создавались так, как «создаётся архитектура в 21 веке» должна быть на то, чтобы облик намеченного к строительству православного храма определяли люди «достаточно богатые и влиятельные, чтобы не прислушиваться к мнению епископа и прихода», то есть православного народа.

ГИЛЬДИЯ ХРАМОЗДАТЕЛЕЙ И ЭКСПЕРТИЗА ЭСКИЗНЫХ ПРОЕКТОВ*

(тезисы выступления на выставке-форуме
«Церковное искусство. Традиции и современность»,
посвящённой учреждению Гильдии храмоздателей,
30.01.2014)

Дорогие отцы, братья и сёстры!

Создание Гильдии храмоздателей — событие очень важное не только для её участников, но и для Церкви, потому что, по-видимому, впервые в истории возникает такое объединение профессионалов в области проектирования, строительства и благоустройства храмов, которое, в соответствии с пунктом 2.1 проекта Устава Гильдии, имеет основной целью «помощь Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Православным Церквам, находящимся в каноническом общении с ней в духовном и миротворческом служении». То есть Некоммерческое партнёрство «Гильдия храмоздателей» протягивает Церкви свою партнёрскую руку.

Но эта протянутая рука невольно оказывается и вызовом. Как сказано в одной из книг Библии: «Я дам тебе две тысячи коней, можешь ли достать себе

* Эта статья была опубликована в журнале «Приход», № 2 за 2014 г., здесь даётся в сокращении.

всадников на них?» (4 Цар. 18, 23). Есть ли сегодня у Церкви, чем пожать такую могучую руку? Ведь создаваемая Гильдия храмоздателей задумывается как структура от Церкви независимая, и организационно, и по существу. Это не вызывает возражений, потому что люди должны заниматься творчеством свободно. Было бы грустно и нелепо, если бы какой-нибудь церковный чиновник вроде меня или даже саном повыше стал указывать архитекторам и художникам, как им работать (я не имею в виду общехристианские наставления в заповедях Божиих).

То, что проект Устава Гильдии обещает «обеспечение гарантий высокого качества результатов работ мастеров в области церковного искусства» (пункт 2.1.1.) и предполагает возможность создания при своём Художественном совете Консультативного экспертного совета (пункты 5.6.1. и 5.6.2.), само по себе заслуживает одобрения и может оказать помощь Церкви в грамотном решении архитектурных и художественных задач. Но для принятия этой помощи нужно, чтобы у самой Церкви на всех уровнях управления от прихода до епархии и Патриархии была возможность проводить свою, независимую ни от каких светских структур, экспертную оценку предлагаемых проектов в области храмоздательства. И если на приходе нет таких специалистов, ему должна помочь епархия, а если их нет в епархии, должна быть предусмотрена экспертиза проектов на общецерковном уровне.

Возможен вопрос «Почему бы Церкви не наделять саму Гильдию храмоздателей полномочиями проводить церковную экспертизу проектов?» На это нужно ответить, что в таком случае или Гильдия должна сама стать церковной структурой, чего, я думаю, не хочет никто, или независимая от Церкви светская организация, каковой предполагается

Гильдия храмоздателей, получит в церковных делах не только значительное влияние, но даже власть, что совершенно неуместно. Поэтому принципиально важно, чтобы церковные эксперты не просто были православными людьми, но и назначались священноначалием соответствующего уровня.

Тогда храмоздатели, свободно объединяясь в гильдии, помогали бы друг другу в своём творчестве, чтобы оно было и на высоком профессиональном уровне, и соответствовало православной традиции. Церковные экспертные органы высказывали бы свою оценку конкретных проектов священноначалию, а решение принималось бы — в зависимости от масштаба задачи — настоятелями или правящими архиереями, или на патриархийном уровне.

ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ КОНСУЛЬТАТИВНО-ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ПРИ ЕПАРХИАЛЬНОМ ОТДЕЛЕ ПО РЕСТАВРАЦИИ И СТРОИТЕЛЬСТВУ

(тезисы выступления на XXIII Московских областных Рождественских образовательных чтениях, конференция «Проектирование и строительство храмов и храмовых комплексов», 24.11.2015)

Дорогие отцы, братья и сёстры!

Внешний вид и внутреннее убранство православных храмов должны в зримых символах являть людям Царство Небесное и поэтому имеют далеко не только эстетическое значение. Конечно, человек, навывший внутренней духовной жизни, не так уж зависит от внешней обстановки; он может сердечно молиться, не взирая на то, как расписан храм и какова его архитектура. Но огромное большинство даже глубоко верующих церковных людей нуждается — часто этого не сознавая — в том, чтобы и архитектура, и убранство храма помогли им в духовной жизни.

С другой стороны, в этом не меньше нуждаются — правда, ещё меньше сознавая — люди нецерковные. Миссионерское значение архитектуры храма, храмовой росписи, церковного убранства очень велико. Это, кстати, понимали или чувствовали и враги Церкви во времена гонений в XX веке, когда они не только переоборудовали храмы под склады,

но зачастую именно разрушали церковные здания без всякой внешней целесообразности.

Именно поэтому так остро стоит вопрос сохранения традиции церковного зодчества как части вообще Священного Предания, и поэтому с великой осторожностью следует подходить к новшествам в этой области. Не отвергать новое, но подходить к нему с осторожностью.

Осознание важности обозначенной проблемы и явилось побудительной причиной создания в 2007 году при Епархиальном отделе по реставрации и строительству, который я с 2005 года возглавляю, Консультативно-экспертного совета. Целью его, в соответствии с распоряжением митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, является оказание помощи благочиниям, приходам, монастырям и другим церковным организациям Московской епархии в решении архитектурных и художественных задач.

Важно, что Консультативно-экспертный совет не подменяет и не дублирует действий государственных органов, осуществляющих контроль в области охраны культурного наследия, и вообще не пытается подменять никакие государственные органы. Его экспертные заключения носят для священноначалия консультативный характер, а для всех остальных — рекомендательный.

Члены Консультативно-экспертного совета назначаются правящим архиереем из числа клириков и мирян Русской Православной Церкви, имеющих образование и опыт работы, соответствующие задачам Консультативно-экспертного совета, по представлению председателя. Для решения отдельных вопросов, поставленных перед Консультативно-экспертным советом, к его работе могут разово или постоянно привлекаться, кроме членов Консультативно-экспертного совета, другие специалисты.

Хотя круг решаемых Советом задач довольно широк, самой главной задачей является проведение экспертизы эскизных проектов строительства православных храмов и храмовых комплексов. Экспертизы проводятся или по поручению Епархиального управления (иногда — лично правящего архиерея), или по просьбам благочинных и настоятелей.

В настоящее время в Московской епархии все эскизные проекты строительства храмов и храмовых комплексов предварительно направляются благочинными или настоятелями в Консультативно-экспертный совет. Положительное экспертное заключение Совета входит в число документов, обязательно прилагаемых вместе с эскизным проектом к рапорту благочинного на имя правящего архиерея о благословении на строительство храма.

Остановимся подробнее на главных принципах работы Консультативно-экспертного совета:

1. Консультативно-экспертный совет при Епархиальном отделе по реставрации и строительству не ставит перед собой нереальную задачу покрыть Московскую епархию исключительно храмами-шедеврами. Реальная задача — это поставить заслон перед безграмотными в архитектурном отношении проектами и перед проектами, неприемлемыми в церковном отношении. Эта задача не без труда, конечно, но успешно решается.

2. Второй принцип — профессионализм. В Консультативно-экспертный совет входят известные церковные архитекторы (священнослужители и миряне), имеющие большой опыт успешной практической работы в области храмового зодчества, пользующиеся авторитетом в архитектурном сообществе. Все они являются приверженцами православной традиции в храмовом зодчестве и одновременно

не врагами нового, особенно в части использования современных технических достижений. Не профессионал среди членов Консультативно-экспертного совета — только его председатель, который выполняет административные функции.

3. Следующий принцип — послушание священноначалию. Консультативно-экспертный совет действует исключительно по благословению правящего архиерея, который в своих решениях никак не связан мнением, хотя бы и единогласным, членов Консультативно-экспертного совета. Если владыка сочтёт уместным принять решение, не согласовывая его с Консультативно-экспертным советом, это воспримется его членами как должное.

Кроме того, Консультативно-экспертный совет не является труднопроходимой инстанцией между священниками и правящим архиереем. Если, по мнению настоятеля или благочинного, экспертиза неоправданно затягивается или несправедлива, он всегда может обратиться напрямую в Епархиальное управление, или рапортом — непосредственно к митрополиту Ювеналию. Но конфликтов, слава Богу, до сих пор не было; молю Бога, чтобы не было и в дальнейшем.

4. Далее — доброжелательность. Члены Консультативно-экспертного совета всегда помнят, что его задачей является помощь священноначалию, благочинным и настоятелям в выборе достойного облика предполагаемого к строительству храма. Поэтому члены Консультативно-экспертного совета охотно и бесплатно дают консультации настоятелям и благочинным или — по просьбе настоятелей и благочинных — специалистам-проектировщикам. Доброжелательностью определяются и следующие принципы.

5. Избегание необоснованных задержек. Для этой работа Консультативно-экспертного совета ведётся, как правило, по электронной почте. Для рассмотрения

проектов в бумажной форме было бы необходимо собирать членов Консультативно-экспертного совета в одном месте в одно время. Поскольку все они люди занятые и живут и работают, служат в разных местах Москвы и Московской области, заседания Консультативно-экспертного совета приходилось бы проводить не чаще раза в месяц. Получилось бы, что, с учётом необходимости исправлять недочёты, на согласование эскизного проекта уходило бы по несколько месяцев. А в Консультативно-экспертном совете вопрос, как правило, решается в течение десяти дней и даже быстрее. Если при первом просмотре находятся недочёты, то после их исправления положительное экспертное заключение может быть выдано в один день.

6. Консультативно-экспертный совет в своих решениях не ориентируется на вкусы своих членов. Кому-то нравится классицизм, кому-то барокко, кто-то любит древнерусскую храмовую архитектуру. Члены Консультативно-экспертного совета, включая председателя, не ориентируются в своих решениях на свои предпочтения. Если проект сделан профессионально и избранный авторами стиль (конечно, традиционный для Церкви) выдержан, то этот проект обязательно получит одобрение Консультативно-экспертного совета.

7. Поскольку некоторые члены Консультативно-экспертного совета сами занимаются проектированием храмов, то важным является ещё и следующий принцип. Любые договорённости с членами Консультативно-экспертного совета о выполнении ими работ производятся вне рамок деятельности Епархиального отдела по реставрации и строительству вообще и Консультативно-экспертного совета в частности. Епархиальный отдел по реставрации и строительству не контролирует такие договорённости и не несёт за них ответственности.

8. Консультативно-экспертный совет при Епархиальном отделе по реставрации и строительству содержится исключительно за счёт средств прихода, настоятелем которого является его председатель. Председатель в соответствии с церковным уставом получает от прихода содержание как настоятель, рядовые сотрудники получают заработную плату. Члены Консультативно-экспертного совета несут своё ответственное церковное послушание благотворительно. Это тоже очень важно, потому что благодаря такой организации у Консультативно-экспертного совета нет других стимулов расширять и углублять свою деятельность, кроме желания помочь приходам и монастырям грамотно с церковной и архитектурной точки зрения готовить эскизные проекты храмов и храмовых комплексов. Мы не отыскиваем себе работу и не имеем нужды доказывать, что наш Совет необходим. Если он станет ненужным (например, все настоятели приходов, благочинные и архипастыри сами начнут хорошо разбираться в храмовом зодчестве), то отпадёт нужда в наших экспертизах, и мы просто будем продолжать нести свои основные послушания.

Прямо скажу: этим принципам удаётся следовать потому, что, по милости Божией, в Консультативно-экспертный совет вошли исключительно порядочные, глубоко верующие люди. Хотя Консультативно-экспертным советом было рассмотрено уже более 220 проектов, при этом не было ни одного конфликта, хотя присылаемые проекты иногда приходилось отправлять на доработку, а иногда — редко — вообще отвергать. Авторы проектов и духовенство видели, что им искренне стараются помочь, что их проекты после исправления по рекомендациям опытных специалистов становятся лучше.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ БОГОСЛУЖЕНИЙ В ОТДАЛЁННЫХ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ*

В ОПРЕДЕЛЕНИИ Освящённого Архиерейского Собора (2–4.02.2011 г.) «О внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», п. 19 сказано: «Необходимо стремиться к тому, чтобы в каждом населённом пункте стран, входящих в каноническую территорию Русской Православной Церкви, при наличии православных жителей, было открыто не менее одного храма, часовни или молитвенного помещения». С какими мы сталкиваемся проблемами при исполнении этого соборного решения?

Сразу нужно оговориться, что есть незначительное число районов, как правило, примыкающих к Москве и другим мегаполисам, в которых задача практически решена, благодаря наличию хороших дорог и высокому уровню обеспечения людей личным и общественным транспортом, так что любому жителю района ехать до ближайшего храма не больше получаса. Тут может и не быть необходимости в срочном возведении новых церквей. Но это скорее исключение, чем правило.

Однако в любом случае, рассматривая вопрос о строительстве храма в населённом пункте, где

церкви пока нет, приходится учитывать, есть ли среди местных жителей люди, которые намереваются ходить в храм и содержать его? В деревне, может быть, живёт всего две-три православных старушки. Навещать их батюшка обязательно должен. Но как строить церковь в такой деревне? А если кто-то её построит, то кто будет содержать?

Ведь строительство даже небольшого храма или часовни требует выделения приходу земельного участка и немалых финансовых средств. (А там, где земля и строительство дешёвы, там и денег бывает мало.) Кроме того, стационарный храм или часовня требуют отопления, освещения, технического обслуживания и охраны. Поэтому быстро выполнить указание Собора удастся не везде.

Вообще, мнение, что чем больше будет введено в действие церквей, тем лучше, справедливо, но до известного предела. Мне передавали предложение открыть в Красногорске вдобавок к пяти существующим ещё 60–70 храмов (один — на пару тысяч человек). Но даже если бы город выделил столько участков земли и нашлись бы благодетели на строительство стольких церковных зданий, к чему бы это привело?

В новых храмах некому было бы служить, и их не на что было бы содержать. Конечно, духовенство не должно «гнаться за длинным рублём», но и искусственно создавать ситуацию, когда священник вынужден работать на стороне, чтобы прокормить семью, а приход не может оплатить счета за свет и тепло, тоже не следует. Тут уж будет не до катехизаторской и благотворительной деятельности, а «не до жиру — быть бы живу».

Что делать, если нет возможности сразу построить подходящий по своим размерам и характеристикам храм? Давно уже существуют подвижные

* Данный материал был опубликован в журнале «Приход», № 5 за 2012 г.

церкви: храмы-вагоны, храмы-корабли, храмы в тяжёлых автомобильных прицепах. Но всё это дорогостоящие проекты, а можно было бы рассмотреть вопрос о создании сборных часовен, размещаемых в легковых автомобильных прицепах. Такие прицепы стоят сравнительно недорого, проект сборной часовни можно было бы продумать.

Конструкция должна быть простой и лёгкой, так чтобы священник вдвоём с псаломщиком-водителем мог собрать её за полчаса прямо в кузове прицепа. Священник мог бы приехать, например, в деревню, развернуть на видном месте свою походную часовню и совершить богослужение, заранее оповестив об этом жителей. Такими часовнями в легковых прицепах можно было бы снабдить все приходы, включающие несколько населённых пунктов, откуда верующим трудно добираться до стационарного храма.

Хорошо зарекомендовал себя опыт развития приходской жизни, когда в населённом пункте администрация выделяла участок под строительство храма, на этом участке размещали поначалу строительный вагончик (или даже большую брезентовую палатку!), начинали в нём с благословения правящего архиерея регулярно служить литургию. А потом уже находились благодетели для строительства временного деревянного храма. Продолжая служить и вести полноценную приходскую жизнь во временном храме, община постепенно накапливала силы для строительства большой каменной церкви.

При таком подходе, кстати, удаётся избежать возведения неблагообразных храмов из бетонных панелей, которые ведь потом не снесёшь и не переделаешь. Быстро возводится сравнительно недорогое временное сооружение церковного вида, в котором можно пока служить, а постоянный храм возводится

не спеша, но по хорошему проекту и, как говорится, на века. А временный храм затем может быть преобразован в приходский дом. В каждой конкретной ситуации может быть принято своё решение.

В ряде случаев, по благословию правящего архиерея, возможно приобретение приходом в собственность или в аренду гражданских помещений для церковных нужд, в том числе и для совершения богослужений. С этой целью можно использовать и находящиеся в собственности у некоторых приходов частные квартиры.

И, наконец, нужно сказать о главном факторе успеха всякого церковного дела. Это ревность духовенства к делу Божьему. Если настоятель действительно переживает о том, что в каком-то населённом пункте его прихода верующие люди остаются без богослужения в воскресные и праздничные дни, то он найдёт возможность помочь им. А если настоятелю это безразлично, то всегда найдётся множество причин не ехать в отдалённую от храма деревню.

Но тут мало чего можно добиться властными мерами, потому что извне трудно бывает отличить лень и небрежение от невольной неудачи. Ведь действительно, ситуации везде разные, строительство даже маленького деревянного храма дело дорогостоящее, а подходящего помещения для молитвы может не быть. И местные жители могут не откликнуться даже на искреннее желание ревностного батюшки устроить богослужение в их деревне.

«Жатвы много, а делателей мало» — сказал Христос. По слову Господа будем молить Его, чтобы выслал делателей на жатву Свою (см. Мф. 9, 37–38).

ХРАМ ЗА МИЛЛИОН, ЗА МЕСЯЦ

(размышления перед конкурсом проектов малобюджетных, быстровозводимых храмов*)

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ идёт подготовка к проведению открытого конкурса «Проект быстровозводимого малобюджетного православного храма вместимостью 50–200 человек». И, естественно, возникает вопрос, какой храм можно назвать малобюджетным и быстровозводимым?

Судя по тем проектам, которые в этой номинации были представлены на завершившемся в январе 2015 года смотре-конкурсе «Проекты и постройки современных православных храмов», малобюджетными считаются церкви, строительство которых требует 10, 30 и более миллионов рублей. Не спору, мне приходилось видеть проекты и на миллиард рублей, проекты на сотни миллионов, по-видимому, не редкость. На этом фоне десятки миллионов рублей — совсем недорого. И слава Богу, что находят-ся богатые бизнесмены и топ-менеджеры, которые финансируют такие проекты, и я не против считать их малобюджетными.

* Конкурс «Проект быстровозводимого малобюджетного православного храма вместимостью 50–200 человек» был организован и проведён Финансово-хозяйственным Управлением Московской Патриархии, Союзом архитекторов России и Гильдией храмоздателей в 2015–2016 гг.

Но из своего опыта настоятеля городского храма и благочинного одного из подмосковных церковных округов могу сказать, что поступления от обычных прихожан даже в самых многолюдных городских приходах не исчисляются десятками миллионов. Такие деньги могут дать только единичные крупные благотворители, которых Бог иногда посылает (на их деньги и восстановлены порушенные в годы гонений храмы, и построено большинство новых), но это всегда особая милость Божия. О милости Божией мы просим, благодарим за неё Господа, но рассчитывать на милость не следует.

Что же можно сделать для начала церковной жизни, если негде собраться для совместной молитвы и богатых благотворителей нет? То, что во множестве случаев и делается: ставят палатку или покупают строительный вагончик, или сооружают ещё что-то, в чём можно было бы начать богослужение. Зачастую эти сооружения не очень красивы, а то и очень неказисты, неудобны и вмещают мало людей. Зато возводятся они быстро и стоят несравненно меньше, чем любой «малобюджетный» храм.

Приведу в качестве примера один из приходов подмосковного Красногорска. В Павшинской пойме Москвы-реки, по инициативе губернатора Московской области А. Ю. Воробьёва, строится огромный Никольский храм, но, пока он будет строиться и отделяться, общине нужно где-то вместе молиться, причащаться Святых Христовых Таин и вести обычную приходскую работу: катехизация, миссия, благотворительность.

Чтобы устроить временный храм, в одной из многочисленных московских фирм (я даже не буду её называть, чтобы не заниматься рекламой, но настоятель нашёл её в интернете, просто набрав в поисковике нечто вроде «строительные вагончики») была

приобретена стандартная конструкция и заказана её установка. Выровняли площадку, засыпали гравием, положили железобетонные плиты, установили металлический каркас, обложили с двух сторон досками, между ними положили утеплитель, обшили всё сайдингом, сделали двускатную крышу, поставили на крыше куполок, приделали к строению тамбур. Настелили полы, провели отопление и освещение. Площадь временного храма — 72 м², вместимость — до 150 человек.

Всё это с материалами и работой обошлось в 1 миллион рублей (в ценах осени 2014 г.). По времени хотели уложиться в 4 недели, но с обычными проволочками, накладами и переделками получилось 2 месяца. Конечно, миллион для только что созданной общины — сумма немалая, но не запредельная. Денег собрали даже больше, так что хватило и на скромное благоустройство храма, и на утварь, и на вспомогательную бытовку.

Конечно, этот храмик не шедевр архитектуры, так он ведь и строился не по проекту церковного архитектора, а на основе стандартной бытовки. Как было бы хорошо иметь выполненную профессиональными церковными архитекторами линейку проектов совсем малобюджетных и очень быстрозводимых церквей: храм на 50 человек, на 100, на 150, на 200 человек — которыми можно было бы воспользоваться, если нет больших благотворителей, а необходимо на пустом месте начинать приходскую жизнь. Эти же проекты годились бы для возведения временных церквей, чтобы в них служить, пока постоянный храм строится, как это, собственно, и сделано в рассмотренном примере.

СЛОВО ПРИ ВРУЧЕНИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРЕМИИ «ХРАНИТЕЛИ НАСЛЕДИЯ» 20.07.2013

Дорогие БРАТЬЯ и СЁСТРЫ! Думаю, что я — единственный из всех лауреатов премии «Хранители наследия», который лично её совершенно не заслужил. Я не архитектор, не реставратор, не художник и даже не борец за сохранение памятников, а просто приходский священник, который выполняет также некоторые дополнительные поручения правящего архиерея Московской областной епархии митрополита Ювеналия.

Но тем ценнее и важнее сам факт вручения премии «Хранители наследия» священнику, что это не награда ему лично, а знак признания сообществом деятелей культуры того, что Церковь Божия входит в свои храмы не просто как приобретатель имущественных прав (это лишь необходимое приспособление к ситуации), а Церковь входит сама к себе. Ведь неслучайно Богочеловеческое единство, таинственное Тело Христова называется тем же словом, что и здание храма — церковь.

Она возвращается в свои восстановленные из руин храмы подобно тому, как душа возвращается в тело воскресающего из мёртвых человека. Когда

в храме начинают совершаться богослужения, таинства, звучит молитва — как будто кровь устремляется по жилам.

Но служат, молятся и трудятся в храмах обычные люди — священнослужители и миряне — не имеющие, как правило, специального образования. Среди подмосковных священников есть архитектор-реставратор, инженер-реставратор, художник-реставратор, но это, конечно, меньшинство. Остальные, бывает, совершают ошибки, без которых, как известно, не обходится никакое живое дело. И я от всей души благодарен работникам Министерства культуры Московской области, которые постоянно и доброжелательно оказывают нам консультативное и всякое содействие: указывают на ошибки и помогают оперативно их исправлять.

Ещё раз благодарю вас за то, что присудили премию священнику и в его лице почтили Церковь, которая и есть истинная Хранительница всего, что заслуживает быть сохранённым.

МАЛЕНЬКИЕ УРОКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

(тезисы выступления на встрече Культурно-просветительского содружества «Церковь и музей», посвящённой теме «70-летия победы в Великой Отечественной войне», 09.12.2015)

Дорогие отцы, братья и сёстры! Вспоминая о Великой Отечественной войне, в которой наш народ победил более 70 лет назад, обычно говорят о великих жертвах и потерях или о великих подвигах и свершениях. И справедливо. Ведь в свете грандиозного и ужасного пожара войны как-то блекнет и начинает казаться неважным и едва ли нужным искусство, поэзия, архитектура. Зачем эти изящные слова, эти прекрасные здания, когда страдают и гибнут люди, тем более, миллионы людей?

В романе Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого» архитектор Роберт Фемель, офицер вермахта, но в душе противник нацизма, без всякого, казалось бы, смысла буквально в последние дни войны намеренно разрушает замечательные архитектурные памятники, причём на территории родной ему Германии; сознательно разрушает даже построенный его отцом монастырь.

Архитектором Фемелем движет глубокое и горькое чувство, что, когда погибло и продолжает

гибнуть столько людей, неуместна забота о зданиях, хотя бы даже и прекрасных на вид и созданных для добрых дел, как, например, упомянутое взорванное им аббатство Святого Антония. И сын Роберта Фемеля, Генрих, талантливый архитектор, сам не участник тех событий, соглашается с отцом: «Я отдал бы двести аббатств за то, чтобы вернуть Эдит, Отто или незнакомого мальчика...»

И в этой странной решимости на разрушение прекрасного есть своя правда. Действительно, разве хорошо стараться уберечь камни, когда вокруг гибнут люди?

Интересно, что идейно на сторону Фемеля в какой-то момент, кажется, встаёт Марина Цветаева (задолго, разумеется, до Генриха Бёлля и до начала Второй Мировой войны). В статье «Искусство при свете совести» она пишет: «Врач и священник нужнее поэта, потому что они у смертного одра, а не мы... За исключением дармоедов во всех их разновидностях — все важнее нас (то есть поэтов — прим. автора)».

Она пишет, конечно, искренне, не иронизируя, но уже в следующей строчке той же статьи Цветаева-поэт решительно восстаёт и побеждает Цветаеву-моралиста: «И зная это, в полном разуме и твёрдой памяти расписавшись в этом, в не менее полном и не менее твёрдой утверждаю, что ни на какое другое дело своего не променяла бы». И в этом развороте на 180 градусов, мне думается, проявились не только кипучая страстность и духовная немощь Марины Цветаевой («Зная большее, творю меньшее. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится» — следующие слова из той же статьи), но и не вполне самой ею осознанное глубокое прозрение духовной глубины прекрасного и превосходства прекрасного над морализмом.

Это не редкость у великих художников (хотя сами они редки), когда творческий гений неизмеримо превышает их человеческую ограниченность. Пастернак не был в жизни образцовым христианином, но ему принадлежат, дерзну сказать, пророческие строки:

«Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты».

Цветаева-моралист сказала правду. Действительно, священник, а не стихотворец у постели умирающего, и только духовное напутствие нужно в этот момент человеку, а не изящная словесность. Но обратим внимание: в нашем Символе веры Бог именуется Творцом, по-гречески это звучит: *παιτις* (Ποιητής), то есть поэт. Бог — Поэт мироздания. Священник напутствует умирающего... куда? В Царство Небесное, к Небесному Поэту, в Царство поистине Небесной поэзии. Иное дело, что наша поэзия нередко не небесная (горняя), а земная (то есть исподняя) или даже ниже (преисподняя). Но это предмет для покаяния, а не для утверждения как нормы.

Красота — одно из имён Божиих. Едва ли не самый знаменитый сборник наставлений святых отцов о внутреннем духовном делании называется «Добротолюбие». Добротолюбие это не любовь к добротé, а любовь к доброте, по-русски — к красоте, к прекрасному.

Истинная Красота есть также истинное Благо, есть Бог. Поэтому так велика ответственность служителей прекрасного: не исказить, не посрамить образа Божьего, потому что красота есть образ Божества.

Возвращаясь к трагическому герою романа Генриха Бёлля, можно сказать, что его страдание вызывает сострадание и уважение. Но, скорбя об утраченных родных и друзьях, скорбя о поругании образа Божьего в людях, не нужно было дополнять это поругание уничтожением прекрасных архитектурных памятников. Потому что эти памятники как прекрасные — тоже образ Божества.

Как раз одной из главных задач нашего культурно-просветительского содружества является объединение усилий духовенства и музейных работников в сохранении тех прекрасных образов, которые достались нам от прошлого и которые порой дарит нам настоящее, осмысление этих образов и — обязательно — их нравственная оценка.

Такая оценка не значит, что если какое-то произведение искусства несёт на себе печать зла, его нужно обязательно уничтожить. Например, у нас в Красногорске есть Мемориальный музей немецких антифашистов, в котором собрано и экспонируется немало атрибутов нацистской Германии. И пусть экспонируются (кстати, зачастую они эстетически очень красивы). Гениальные «демоны» Врубеля — пусть висят в выставочных залах. Но для нас важно помнить, к чему привело увлечение демоническими идеями тех, кто ими увлеклись, и наш долг напоминать об этом посетителям наших музеев.

«Красота спасёт мир», — писал Достоевский. Да, истинная Красота не только спасёт, но уже спасла мир! Этой Красоте все мы вместе и по отдельности можем и должны служить и должны стараться приобщить к Божественной Красоте и тех, кто приходит в наши храмы, и тех, кто посещает наши музеи.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

(история и символика)

Назначением церковного звона является, в первую очередь, призывание людей на общую молитву. Поэтому его история и начинается тогда, когда верующие стали открыто собираться вместе, чтобы возносить Богу свои жертвы, моления и славословия.

В ветхозаветные времена священники созывали евреев на богослужение звуком трубным. Это не было простым человеческим установлением, но Божиим, как написано: «Сказал Господь Моисею, говоря: сделай себе две серебряные трубы, ... чтобы они служили тебе для созывания общества, ... и в праздники ваши, и в новомесячия ваши трубите трубами при всесожжениях ваших и при мирных жертвах ваших, — и это будет напоминанием о вас пред Богом вашим. Я Господь, Бог ваш» (Чис. 10, 1–10).

Здесь мы можем видеть двоякое значение звука трубного и его будущего преемника, колокольного звона. Во-первых, это призывание верующих на молитву, а во-вторых — напоминание о них Богу, то есть своего рода молитва. То, что колокольный звон действительно является преемником ветхозаветного трубного звука, видно из совпадения их предназначений, но к этому вопросу мы вернёмся несколько позже.

В первые века христианства и, вообще, во времена гонений колокола, била и тому подобные устройства были, по понятным причинам, малоупотребительны. Епископы и пресвитеры созывали христиан на общую молитву через посланников, или же в конце богослужения объявляли о времени и месте следующего богослужения. После прекращения гонений традиция призывать верующих на молитву громкими звуками сразу же возродилась (впрочем, можно думать, что до конца она и никогда не затухала).

В некоторых местах даже стали пользоваться трубами, по примеру Ветхозаветной Церкви, но будущее всё же было за более простыми «билами» или «клепалами», которые не только распространились повсеместно, но во многих местах сохранились и до нашего времени. Во всяком случае, в конце XIX столетия они употреблялись в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры, в Рыхловской пустыни Черниговской епархии, в Брянской Белобережской пустыни. Здесь необходимо отметить, что в этих же обителях в одно время с билами употреблялись и колокола.

Делались била обычно из дерева или из металла, реже — из камня. В каменное било ударяли в Соловецком монастыре во времена преподобного Зосимы. На Синае в XIX веке — а может быть, традиция сохранилась и поныне — собирали иноков к утрени, ударяя палкой по длинному куску гранита, висящему на верёвках.

Материалы, из которых делались била, и их размеры выбирались отнюдь не случайно, а в соответствии с характером богослужения. В малое, обычно деревянное, било ударяли к вечерне, повечерию, полунощнице и часам. Получаемые глухие звуки должны были ассоциироваться с голосом древних

пророчеств, тени и прообраза евангельских событий. К утрени и всенощному бдению «клепали», по возможности, в каменные или металлические била, звук которых, более звонкий и праздничный, далеко разносился по окрестностям.

Собственно колокола или кампаны появились в церковном употреблении не позднее VIII века, сначала — в Западной Европе, а с IX века — в Византии. Но еще долго на Востоке многие считали их употребление нежелательным новшеством, чуждым православия. И даже в XIII веке Вальсамон писал, что «у латинян существует другой обычай созывать народ в храмы, ибо они употребляют один знак, а именно кампан».

О происхождении самого названия «кампан» существует несколько мнений. Некоторые производят его от *campus* (поле), имея в виду, что «как поле для желающего путешествовать не представляет препятствий, так и высокий звук медноустьного звонца разносится повсюду» (Вальсамон), или то, что большие колокола отливаются в поле (*in campo*). Наиболее же распространено мнение, что кампаны получили свое название от римской провинции Кампания, в которой, по-видимому, впервые появились. Да и после этого ещё долго лучшие колокола отливались из меди, добываемой в Кампании, к которой иногда для лучшего звучания добавляли серебро.

Появление колоколов с их красивым, музыкальным звучанием повлекло за собой и музыкальное развитие церковного звона, появление звонарского искусства и искусства отливать колокола.

Но возвратимся теперь к затронутому ранее вопросу о назначении церковного звона. Звон, во-первых, созывает нас в церковь на молитву. Во-вторых, с прекращением гонений он стал выражать торжество Церкви и её богослужения.

В-третьих, звон возвещает тем, кто не присутствует в храме, об известных моментах богослужения и призывает их соединить их молитвы с молитвами находящихся в церкви.

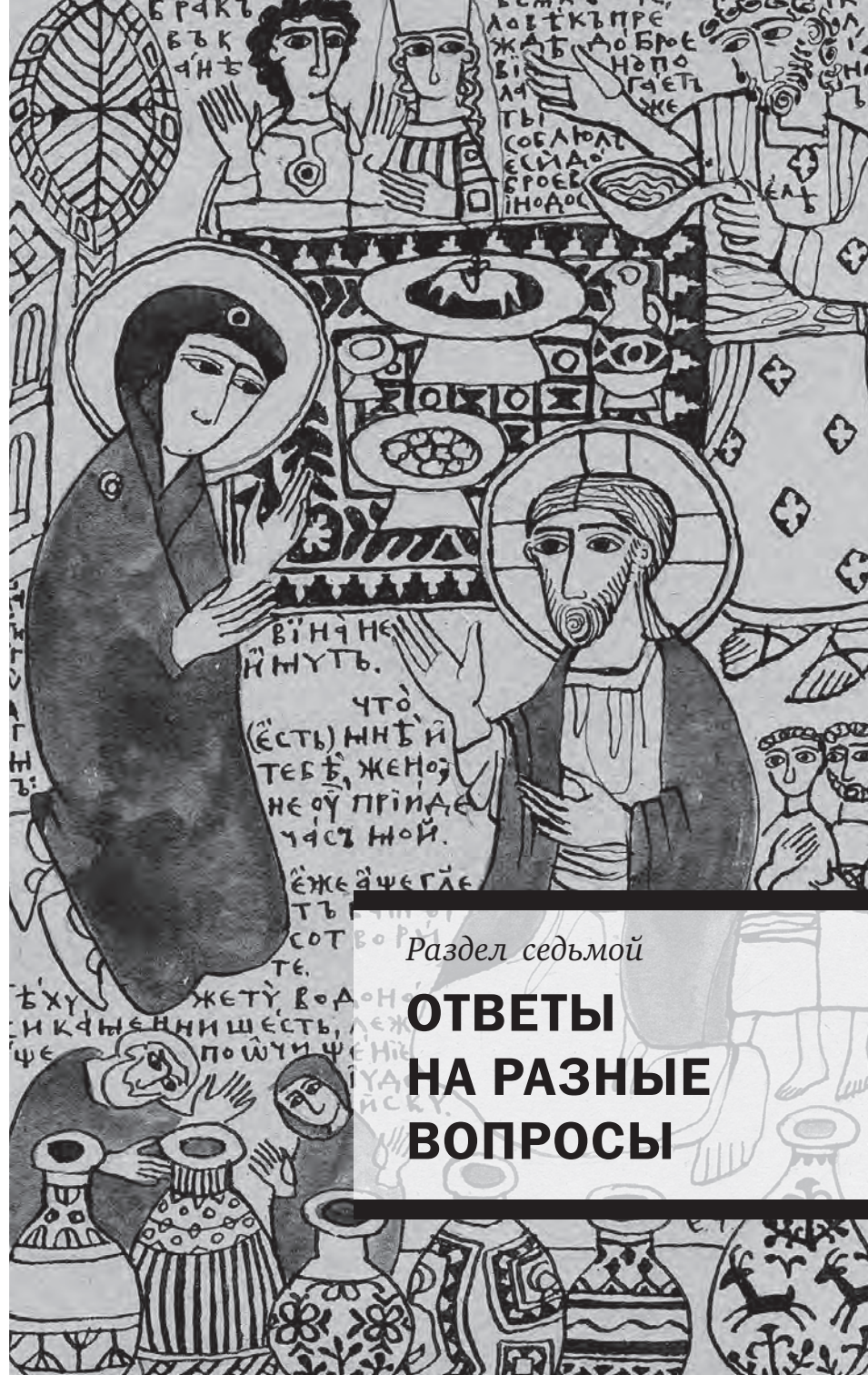
По древней традиции, христианин, услышав звон, должен перекреститься и помолиться. Вот в этом предназначении, а значит, и способности призывать христианина к молитве, и заключается, на наш взгляд, символика колокольного звона. Бог призывает человека к молитве, а церковный звон есть символ этого призывания. Как иконы, по определению святого Дионисия Ареопагита, это «видимые изображения тайных и сверхъестественных зрелищ», так и колокольный звон это слышимый образ таинственного гласа Божия, призывающего нас на молитву и одновременно устрашающего и прогоняющего демонов.

Сама традиция освящать колокола означает, что колокол должен быть для верующих источником благодати и оружием на сопротивные силы. Это ясно видно и из содержания молитвословий чина благословения колокола. В мирной ектенье мы просим: «О еже подати ему (колоколу — *Авт.*) благодать, яко да вси слышавши звенение его или во дни или в нощи, возбудятся к славословию имене святого Твоего, ... о еже отгнати всю силу, коварства же и наветы невидимых врагов, от всех верных Своих, глас звука его слышавших, и к деланию заповедей Своих возбудити я».

«Влей вонь (в колокол — *Авт.*) силу благодати Твоя, яко да услышавши вернии раби Твои глас звука его, в благочестии и вере укрепятся и мужественно всем диавольским наветом сопротивостанут, и молитвами и всегдашним славословием Тебе Истиннаго Бога сия победят, к церкви же на молитву и славословие святого имене Твоего во дни и в нощи

спешно, яко ведоми, да ведутся... Ты и ныне кампан сей небесным благословением исполни, яко да глас звенения его услышавше противныя воздушныя силы далече от оград верных Твоих отступят, и вся раздуженныя их огненныя, яже на нас, стрелы угаснут», — вот о чём просим в молитвах на благословение колокола. Таково же содержание и стихир, которые поются в конце этого чина.

Даже сама форма колокола неслучайна, она напоминает собой и купол православного храма, и пламя свечи, и кисточку для помазания елеем. И если вспомнить, что помазание елеем символизирует помазание Духом Святым, а пламя свечи есть символ сердечного молитвенного горения, то можно без преувеличения сказать, что через звон церковного колокола нам преподается благодать Святого Духа, а сам этот звон есть, как и было уже сказано, символ таинственного гласа Божия, призывающего нас на молитву и сокрушающего всю силу вражью.

Раздел седьмой

ОТВЕТЫ НА РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ

О КРЕЩЕНИИ И ОБРЕТЕНИИ ВЕРЫ

Ответы на вопросы о воспитании детей в семье помещены в разделе «С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ».

Ответы на вопросы о приходских делах помещены в разделе «ПРИХОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ».

Подскажите, пожалуйста, как и где лучше всего крестить младенца, я, как будущий крёстный отец, хочу крестить в церкви, как это полагается. А его родители хотят перенести эту службу домой, пригласив батюшку. Дайте правильный совет, пожалуйста.

Ситуации бывают разные. Важно было бы выяснить, что побуждает родителей крестить младенца на дому. Суеверный страх сглаза? Гигиенические опасения? Нежелание идти в церковь, а желание поскорее исполнить «народный обряд крещения», который рассматривается лишь как повод для застолья? А может быть, у ребёнка ослаблен иммунитет в связи с какой-то болезнью, и его действительно опасно выносить из дома?

Если родители подвержены суевию, нужно аргументировано обличить перед ними ложность суеверия. Если они безосновательно опасаются какой-то инфекции, следует объяснить им, что в церкви соблюдают правила гигиены не меньше, чем где бы то ни было, и что их опасения безосновательны.

Если родители ребёнка настолько чужды церковности, что для них святое таинство рождения

нового члена Тела Христова только народный обычай, то зачем Вы вообще соглашаетесь быть крестным у их ребёнка? Или нужно, чтобы они изменили своё отношение к таинству, или нужно Вам самому отказаться от участия в сомнительном мероприятии. Или ситуация такова, что лучше согласиться быть крестным во избежание худшего зла?

Наконец, если для крещения на дому есть действительные причины, то, конечно, ребёнка можно крестить и на дому.

В любом случае, заботиться надо не о том, чтобы всё устроить, по Вашему выражению, «как полагается», а о пользе дела, то есть о спасении душ людей, с которыми мы общаемся. Хорошо бы Вам с родителями младенца обсудить поднятый вопрос по существу и прийти к согласию.

Если будет ясно, что можно крестить ребёнка в храме — это лучше всего. Если нет, пусть родители обратятся со своей просьбой к священнику, который тогда и примет решение, руководствуясь своей пастырской совестью.

Крестили ребёнка в храме, а недавно узнали, что это не храм, а частный дом, в котором служит запрещённый много лет назад священник. Что нам теперь делать, надо ли крестить сына опять?

Православная Церковь признаёт действительным Крещение, совершённое мирянином или миряночкой, если крестить человека нужно срочно, из опасения, чтобы он не умер некрещёным, а священника поблизости нет. К запрещённому в служении священнику можно было бы применить это правило, если бы он действовал из указанных благих побуждений.

Но из содержания вопроса видно, что этот человек нарочно устроил некое подобие православного храма и, вводя людей в заблуждение, совершал там свои незаконные службы или из корысти, или из пренебрежения к установленной Богом священной иерархии.

О такого рода случаях есть разъяснение в «Настольной книге для священно-церковнослужителей» протоиерея Сергия Булгакова (М., 1993, репринтное издание, стр. 976): «Признавая действительность и неповторимость Крещения совершённого мирянином в действительной нужде, Церковь иначе смотрит на те случаи, когда несвященные лица берут на себя совершение этого таинства или по легкомыслию, или из пренебрежения к установленным священнослужителям... или по другим нечистым побуждениям... Тут непризванный совершитель Крещения является уже самозванцем, так сказать, узурпатором Божественной благодати, присутствие которой поэтому не может быть признано и на самом крещёном».

В конкретном случае, если остаётся сомнение в таком жизненно важном вопросе, как признание действительности таинства Крещения, нужно обратиться к правящему архиерею своей епархии, прося его принять окончательное решение.

При рождении мне было дано имя Инна, так я и записана в паспорте, а теперь я уверовала во Христа и готовлюсь принять таинство Крещения. Просматривая православный календарь, я в нём имени Инна не обнаружила. С каким же именем мне креститься?

Уважаемая Инна! С этим вопросом Вам было бы естественнее обратиться к священнику или приход-

скому катехизатору, который готовит Вас к вступлению в Церковь, принятию святого таинства Крещения. Но, поскольку уже вопрос задан, ответим на него.

Имя Инна в календаре есть, а не нашли Вы его, потому что искали среди женских имён, тогда как оно мужское. Просто не все знают, что Инна, Римма и Пинна — святые мученики, а не мученицы, и нередко дают их имена девочкам.

Ничего страшного в этом нет. Но в Русской Православной Церкви существует вполне устоявшееся правило мужчинам носить имена в честь святых мужского пола, а женщинам — в честь святых женского пола. (Впрочем, это не относится к монахиням.) Поэтому при Крещении Вам должны будут дать другое имя. Какое имя выбрать и в честь какой святой — Вы можете об этом посоветоваться со священником, но принять решение нужно самой. Во-первых, имя должно Вам быть по душе. Во-вторых, очень хорошо, если Вы будете знать житие той святой, в честь которой Вас назовут в Крещении, и при этом Вам будет хотеться быть названной в честь именно этой святой. Оба эти условия не принципиальны, но, конечно, желательны.

Кстати, когда уже крещёный человек или родители крещёного ребёнка узнают, что имя при Крещении дано не в соответствии с правилами, можно оставить, как есть, это само по себе не грешно, но можно имя и переменить. Для этого нужно взрослому человеку во время исповеди назваться новым именем и причаститься с этим именем. А младенца нужно просто причастить с новым именем. В дальнейшем при всех церковных священнодействиях нужно, естественно, пользоваться только этим именем.

Но так поступать нужно не по прихоти, а лишь когда для этого есть серьёзные основания. Фактически таких оснований может быть только три: дано

имя, которое не носит ни один из прославленных Православной Церковью святых, или дано мужчине имя святой женщины (соответственно, женщине имя святого мужчины), или дано имя явно неблагозвучное. Об этом есть указания святителя Филарета, митрополита Московского (см. *С. В. Булгаков*, «Настольная книга священнослужителя», М., 1993 г., стр. 961).

Под переменной неблагозвучного имени имеется в виду, конечно, не то, что кому-то разонравилось имя Вася и теперь он решил стать Колей. Речь идёт о действительно имеющихся в месяцесловах именах святых, которые на русский слух звучат слишком необычно или вызывают неприятные ассоциации. Каково, например, было бы общаться со сверстниками девушке с именем Препедигна (память мц. Препедигны 11/24 августа) или юноше Павсикакию (память свт. Павсикакия 13/26 мая).

Если церковное имя не совпадает с записью в паспорте или в свидетельстве о рождении, то документы можно сменить, если есть необходимость, а можно и не менять. Обычно это не имеет ни церковного, ни житейского значения.

Скажите, пожалуйста, могу ли я стать крёстной матерью девочки при том, что до этого я никогда не была крёстной? В обществе существует мнение о том, что первым крестником у крёстной матери должен быть мальчик. Это так или это лишь суеверие?

Это заблуждение. Если же говорить о церковных правилах и обычаях, то у мальчика должен быть крёстный отец, а у девочки крёстная мать.

Ещё есть правило, что супруги не могут быть крёстными у одного человека. Бывает, люди по

неведению это правило нарушают. Доходило даже до трагедий — некоторые священнослужители требовали, чтобы супруги разводились в таких ситуациях. Но это совершенно неправильно: указанное нарушение отнюдь не является основанием для развода.

Довольно часто бывает и такое: в крёстные приглашают некрещёных людей. Но это, конечно, совершенная нелепость.

Случается, что люди, ни во что не верующие, зачем-то крестят ребёнка: например, по уговорам родственников или после визита к бабушке-«целиительнице», которая велит сначала крестить, а потом приносить на «лечение от сглаза». В таких случаях не должно крестить.

А бывают и сложные ситуации, когда мать и отец неверующие, а бабушка верующая, и потихоньку от родителей приносит ребёнка крестить. Здесь, я думаю, лучше проявить снисхождение и не отказывать в крещении. Ведь бабушка — христианка, ребёнка любит, будет его причащать, молиться о нём, а может быть, и научит его вере, несмотря на нецерковность родителей. А когда просто семья неверующая, ребёнка крестят непонятно ради чего, крестить не нужно.

Моя бабушка всю жизнь отрицала Бога. В старости она стала очень послушной, на всё соглашается и почти ничего не помнит. Недавно она сильно заболела, и мама, испугавшись, что она умрёт, уговорила её креститься. Теперь, очевидно, следует её катехизировать. Но я опасюсь, что как только я начну ей рассказывать об азах веры, она вспомнит о своих атеистических убеждениях. А если не катехизировать, то в чём смысл такого формального крещения?

Не будет ли это жульничеством, злоупотреблением человеческой немощью. Ведь очевидно, что бабушка не сопротивляется исключительно по слабости.

«Теперь, очевидно, следует её катехизировать». Как будто спасение человека это технологический процесс. Спасение человека — действие любви Божией, призвание Божие и свободный отклик человека на призвание Божественной любви. Отчасти Бог действует и через нас: нашу молитву о ближнем, наше слово к нему, наше душевное усилие. Бабушка ведь, судя по письму, близкий Вам человек, не какой-нибудь незнакомый гастарбайтер из нехристианской страны, к которому не так легко подступить. С родной-то бабушкой проще.

Если она не веровала во Христа, то, конечно, не следовало её уговаривать креститься. Но теперь уже дело сделано, однако можно и нужно о бабушке молиться, чтобы она уверовала, чтобы её сердце открылось ко Христу. Если же на самом деле бабушка верует — слава Богу!

Но, в любом случае, что может быть естественнее разговора внучки с бабушкой? Ну и поговорите с ней, сами что-нибудь расскажите о своей жизни в Церкви. Как она откликнется? Может быть, не откажется, чтобы Вы ей Библию вслух почитали или что-то другое полезное для души. Ну и — как Бог даст. Пробудится в бабушке её атеизм — не Ваша вина, только Вы старайтесь не провоцировать её на это. Бабушка, может быть, тоскует по советским временам (то есть по временам своей молодости), и тогдашние социальные гарантии у неё могут прочно ассоциироваться с атеизмом. Будьте снисходительны к старческой немощи — не касайтесь соблазнительных для бабушки тем.

А ещё не следует, на мой взгляд, так уж пренебрегать бабушкиным согласием на Крещение, относя его исключительно к её податливости на старости лет. Человек бывает иногда неожиданно и неслучайно твёрд или податлив. Я близко знаю одну православную семью, в которой все были глубоко верующими, воцерковлёнными людьми, было даже несколько священников, но одна бабушка была баптисткой.

Эта бабушка-баптистка не имела, можно сказать, никакого образования, по болезни уже давно не ходила в собрание баптистов, с другими баптистами последние несколько лет совсем не общалась, своих православных родственников очень любила и уважала, у зятя-священника брала благословение! Всё ей было объяснено, на все заданные ей баптистские вопросы было отвечено. Она со всем согласилась, она говорила: «Да, ваша вера более правильная».

Но, когда ей предлагали присоединиться к Православию (для этого ей не нужно было бы даже выходить из своей комнаты), она твёрдо отвечала отказом. Причём во всех других отношениях эта бабушка была человеком скромным, никогда ни с кем не спорила, всем была готова уступить. Так она и умерла вне Церкви.

А Ваша бабушка, может быть, как раз не так уж случайно и не только вследствие давления решилась креститься. Будем делать для приобщения наших ближних к Церкви, что можем, а остальное предадим в руки Божии.

Я воцерковилась много лет назад и надеялась, что мои родственники рано или поздно тоже придут к вере. Но этого не произошло. Мои родные и слышать не хотят о Церкви. Мы живём

под одной крышей, у нас прекрасные отношения, но каждый остаётся при своих убеждениях. Почему так происходит?

Вы надеялись, что родственники рано или поздно придут к вере? Правильно надеялись! И не оставляйте надежды, молитесь о них. Пока люди живы, они ещё могут уверовать, могут покаяться и соединиться со Христом.

Всякий человек, как образ Божий, имеет дар свободы: может уверовать в Бога или оставаться в пустоте атеизма, может быть в Церкви (то есть в единении с Солнцем правды — Христом) или оставаться в сумраке разных ересей, сект и нехристианских религий.

Эта свобода дана каждому человеку и не отнимается у него до последней минуты жизни. Поэтому и относительно родственников не следует отчаиваться, и относительно себя не стоит обольщаться. Всё переменчиво. Как сказано у апостола Павла «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (1 Кор. 10, 12).

А смущаемся мы и даже впадаем в отчаяние относительно неверующих близких, оттого что мало уповаем на Бога. На самом деле только Он может призвать человека, и только сам человек может откликнуться на Божий призыв. Только Сам Бог ведёт человека спасительным путём, и сам человек должен смириться, довериться Богу и позволить донести себя до Царства Небесного.

Мы можем желать своим ближним спасения, молиться о них и можем быть живыми и благодарными орудиями спасения в руках Божиих. Но времена и сроки их обращения ко Христу нам неведомы.

Мои родители и большинство родных не ходят в храм и никогда в жизни не исповедовались, а причащались Святых Христовых Таин только при крещении в младенчестве. Молю Бога, чтобы Он их просветил, но пока всё остаётся по-прежнему. Очень боюсь за их души, так как родители уже в возрасте и могут отойти в вечность нераскаянными. Очень переживаю, так как это самые близкие и дорогие мне люди.

Чувства эти очень понятны. Положение в Вашей семье, надо сказать, довольно типично для нашего времени, когда дети обращаются к Богу раньше своих родителей. Но отчаиваться, я считаю, нет оснований. Только нужно набираться терпения, и не на 2 или 3 года, и не на 20 лет, а на всю жизнь.

«Дух дышит, где хочет», — сказано в Священном Писании. Не ложным будет добавить и «когда хочет». Приход человека в Церковь всегда таинственен. Для этого нужна призывающая благодать Божья и необходим сердечный отклик самого человека.

Что мы здесь можем? Можем молиться, можем быть рядом и быть готовыми ответить на какие-то вопросы, можем стараться не соблазнять, не отвращать своих близких от Церкви своим неразумным поведением. Не следует и пытаться «загнать» или «заманить» кого-нибудь в Церковь. Такое поведение свойственно сектантам, а к Богу так нельзя привести.

Мой муж неверующий и даже ненавидит Бога, о Церкви он и слышать не хочет. Я близка к отчаянию. Есть ли ещё надежда на его спасение?

В утешение и укрепление Вас в надежде расскажу историю из жизни. Когда я служил в Хабаровске, близко знал одну пожилую прихожанку

Ольгу, недавно, но горячо обратившуюся к Богу. Муж у неё, в детстве крещёный, был однако ужасный богохульник, матершинник и пьяница. Ольга от этого, естественно, страдала, нередко изливала мне свою скорбь.

Наконец этот мужчина тяжело заболел и стал стремительно приближаться к кончине. Ольга забеспокоилась, как бы он не умер без покаяния, и всё уговаривала меня причастить мужа насильно, поскольку он был уже в беспомощном состоянии. Я, конечно, отказывался и говорил ей, что если он сам изъявит желание, то я сразу же приду его причастить и соборовать.

И вот верная супруга дождалась этого момента — муж захотел покаяться. Я пришёл. Он уже не мог говорить, но был в сознании, исповедально кивал на все мои вопросы. Я принял его исповедь, соборовал и причастил. Потом мы с Ольгой пошли пить чай на кухню. И пока мы пили чай, возвратившийся к Отцу Небесному «блудный сын» завершил свой земной путь.

О БРАКЕ

Я боюсь за свою дальнейшую жизнь. Говорят, что дети могут страдать за своих родителей, бабушек, прабабушек и т. д. Мне хочется много здоровых детей, но вдруг за свои или чьи-то грехи так не будет? Я очень боюсь! Я хочу быть женой священника, но и священники (будущие) уже не такие, как раньше...

Конечно, в какой-то мере дети страдают за грехи своих родителей. Об этом сказано и в Ветхом Завете: «Я Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня» (Исх. 20, 5). Иногда, при тяжёлых грехах, мы видим явную взаимосвязь — ни в чём не повинному младенцу передаётся тяжёлая венерическая болезнь распутной матери. Поэтому Ваши страхи понятны. А если, не веря в Страшный Суд, всей душой отдаться земной, временной жизни, то от страхов этих и деться некуда.

Но мы, православные люди, должны помнить, что наша задача — не максимально приятно провести временную жизнь, а подготовиться к жизни вечной. Христос не обещал нам полноты блаженства

на земле, Он Сам пострадал и умер на Кресте. И наш путь — путь страданий, скорбей. Но не нужно бояться, потому что при добром произволении все наши страдания обратятся во благо, помогут нам войти в Царство Небесное.

Каждый человек должен избрать себе жизненный путь. Есть монашество — путь великий, трудный. Большинство же из нас призвано жить в миру, и тогда естественно жениться или выходить замуж. В браке рождаются дети, которых нужно любить, молиться за них и стараться воспитывать по-христиански.

Многое (в том числе и здоровье детей) зависит от родителей, но вообще всё посылается Богом. Господь ни одному человеку не даёт креста сверх его сил. Скорби обязательно будут, мы все (и наши дети, и внуки) рано или поздно умрём, но смерть для христианина — переход в вечность, к лучшей жизни.

Ваше несколько пренебрежительное отношение к современным священникам, на мой взгляд, не вполне справедливо. Во все времена во всех условиях бывали люди благочестивые и неблагочестивые. Даже из двенадцати апостолов только одиннадцать стали святыми, а один оказался «сыном погибельным». (И — обратите внимание — Христос не изгнал Иуду из апостолов, не лишил сана, хотя, конечно, знал его сердце.) Так было всегда и — наверное, не без Промысла Божьего — так остаётся и в наше время.

Теперь о Вашем желании стать женой священника, чтобы у детей была хорошая наследственность. Само по себе намерение вроде бы неплохое, но обоснование его... Простите за резкость — в этом есть что-то животноводческое. Кроме того, где гарантия, что даже у святого иерея будет обязательно здоровое и благочестивое потомство? Бывает по-всякому, можно привести немало примеров. Путь православной матушки — подвиг. Выходить замуж за будущего

священника (священнослужители в брак уже не вступают) надо ради того, чтобы и свою жизнь посвятить Богу, и мужу помочь полностью посвятить себя Церкви. Только при таком намерении желание быть женой священника благоразумно и даже похвально.

Можно ли жениться и выходить замуж в високосный год (регистрироваться и венчаться)?

Считать, что номер календарного года имеет значение для нашей жизни — это суеверие. Пусть супруги любят друг друга, хранят верность, молятся, живут по заповедям Божиим, тогда любой год будет для них годом Божиим.

Насколько я знаю, Церковь признаёт невенчаные, но зарегистрированные браки. Почему же тогда гражданский брак расценивается как блуд? Неужели так важен штамп в паспорте? Ведь брак этим всё равно не освящается.

Эти вопросы, к сожалению, приходится слышать очень часто. Люди живут вместе иногда многие годы, имеют детей, называют себя мужем и женой, а вступать в брак не хотят. В том-то и дело, что они и сами чувствуют разницу. Чувствуют, что «штамп в паспорте» это не пустая формальность, потому и не хотят его ставить. Очень часто один из партнёров (не всегда женщина) хочет вступить в брак, а другой отказывается.

Причин множество. По моему опыту, в основном, люди не оформляют свои отношения как брак, потому что не считают свой союз постоянным (даже если живут вместе многие годы), или хотят сохранить независимость, или не хотят имущественной

и юридической ответственности. А, коротко сказать, в большинстве случаев (опять-таки, по моему опыту) сожители, даже называющие себя мужем и женой, не регистрируют свои отношения именно потому, что их отношения и не являются браком, и один из сожителей или оба не хотят вступить в брак.

Так что дело тут вовсе не в прихотях духовенства. Просто Церковь брак называет браком, а не брак не называет браком. И законный брак Церковь благословляет, а незаконное сожителство не благословляет. Так что людям, пребывающим в таком сожителстве, нельзя причащаться. Чтобы причаститься не в суд и в осуждение, им необходимо покаяться и вступить в брак, или покаяться и расстаться.

И, кстати сказать, у всех почитающих Бога народов — хотя формы брака и законы о браке бывали самые разные — брак одобрялся, а незаконные сожителства осуждались. То, что современное общество всё либеральнее относится к половым отношениям людей, как раз и свидетельствует о том, что оно постепенно теряет свою укоренённую в религии культуру и погружается во мрак шаманизма.

Интересно, что людям, даже неверующим, неприятно, как правило, говорить «я живу в блуде» или «у меня есть сожитель». Это лукавое употребление термина «гражданский брак» для обозначения незаконного сожителства потому и распространилось, что совесть-то у людей есть. Но, конечно, гражданским браком правильно называть именно законный брак, заключённый по обычаям и законам народа или государства, к которому относят себя муж и жена. (Я не случайно употребляю здесь совместно сами по себе различные термины «обычай» и «закон», «народ» и «государство», потому что в разное время и в разных местах законность брака может определяться по-разному.)

А формальными актами и документами пренебрегать не стоит. «Штамп в паспорте» — это очень серьёзная вещь, это внешний знак того глубочайшего многопланового события, которое происходит с вступающими в брак людьми. Даже если брак фиктивный, то и тогда соответствующие документы тоже не пустые бумажки и штампы, только это уже внешние знаки не истинного события, а знаки лжи.

Впрочем, процедура регистрации брака не является обязательной для венчания сама по себе. Церковь, венчая законные, а не незаконные браки, следует в этом отношении за государственными установлениями. В дореволюционной России Православная Церковь вела акты гражданского состояния, поэтому регистрация тогда по времени естественно совпадала с венчанием.

После Октябрьской революции государство в течение нескольких десятилетий во многих случаях признавало законными незарегистрированные браки, поэтому и Церковь в то время разрешала венчание браков без государственной регистрации. В Журнале Московской Патриархии, № 3 за 1931 год, напечатано Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Священного Синода от 16 августа 1928 года № 148, в котором среди прочего говорится:

«Для брачного сожителства гражданская регистрация по советским законам не обязательна; однако обязательно достижение брачного возраста (18 лет). Могут быть и другие какие-нибудь частичные ограничения, нарушение которых повлечёт судебное дело, и священник, венчавший этот брак, окажется прикосновенным. В ограждение духовенства от всяких таких нежелательных последствий предложить епархиальным Преосвященным сделать со своей стороны распоряжение по епархиям,

чтобы подведомственное им духовенство... при венчании не достигших установленного возраста (а равно и при всяком сомнении недопустимости данного брака с точки зрения советского закона)... требовало документа о регистрации данного... брака подлежащими органами правительственной власти».

То есть и в тот период священноначалие указывало духовенству во всех сомнительных случаях отказываться от венчания брака без документа о его регистрации, но в принципе венчание без регистрации не было предосудительным.

Однако законодательство с тех пор давно изменилось, теперь государство юридически признаёт только зарегистрированные браки, и, значит, венчание не зарегистрированных (то есть незаконных) браков стало совершенно недопустимым.

Нередко людям представляется удобным совершить венчание до регистрации, и они стараются уговорить священника обвенчать молодых, скажем в пятницу вечером, когда регистрация назначена на субботу. Но в одном из таких случаев, когда батюшка поддался на уговоры, обвенчанные в пятницу молодые в ночь с пятницы на субботу поссорились и не только не стали расписываться, а и обратились в Епархиальное управление с просьбой их «развенчать».

Был случай, когда сотрудники храма уговорили настоятеля обвенчать их до регистрации, а потом поссорились и тоже написали в Епархиальное управление, что хотят теперь церковного развода.

К слову сказать, в Православной Церкви не существует чина «развенчания». Если человек был в венчанном браке, а потом брак распался, и человек намерен создать новую семью, ему следует сначала зарегистрировать новый брак, а потом обратиться за благословением на венчание к епархиальному архиерею.

Иногда венчанием пытаются пользоваться аферисты. Известен случай, когда человек был распisan с одной женщиной, а обвенчан с другой. Был случай, когда замужняя женщина просила обвенчать её с любовником, не имея, кстати, намерения разводиться с законным мужем. Конечно, такие явно фальшивые «таинства» являются недействительными, а в сомнительных случаях нужно обращаться за разрешением проблемы к правящему архиерею своей епархии.

В девяностые годы многие священники не допускали к причастию живущих в невенчанном браке. Патриарх Алексий II указал на недопустимость этого. Но как быть с живущими в так называемом «гражданском браке»? Формально блуд, но по факту его не всегда можно назвать таковым.

Действительно, покойный Патриарх Алексий II указывал, и даже, по-моему, не раз, на недопустимость отлучения людей от причастия только на том основании, что они живут в невенчанном браке. Конечно, благочестивые православные христиане не начнут супружескую жизнь без церковного благословения, которое в наше время как раз и преподаётся в таинстве Венчания. Но ведь есть множество случаев, когда люди некрещёные вступили в законный брак, имеют детей, любят друг друга, хранят верность. И вот, скажем, жена уверовала во Христа и крестилась, а муж пока нет. Что же делать? Неужели теперь их брак превратился в блуд и его необходимо разрушить?

Конечно, нет. Да об этом и апостол Павел пишет: «...если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять

её; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его» (1 Кор. 7, 12–13). Неужели же исполнение апостольского указания должно влечь за собой запрещение в церковном общении? Мало того, в первые века христианства церковного венчания вообще не существовало. Христиане вступали в брак с ведома епископа, но по законам страны, а потом вместе со всей общиной причащались Святых Христовых Таин; это и было церковным признанием их брака. Церковный чин бракосочетания складывался постепенно в течение нескольких веков и повсеместно обязательным для вступающих в брак христиан стал только в конце первого тысячелетия.

Относительно «гражданского брака» давайте уточним терминологию. Гражданский брак (без всяких кавычек) — это брак, заключённый по обычаям и законам народа или государства, к которому относят себя муж и жена. Как относиться к людям, живущим по-семейному, но никак законно не оформившим свои отношения? Можно ли их допускать до причастия Святых Христовых Таин? В подавляющем большинстве случаев такие сожителства недопустимы с церковной точки зрения, и люди должны или вступить в законный брак, или расстаться со своими сожителями, а уже потом получать разрешение грехов в таинстве Исповеди и приниматься в церковное общение.

Но бывают сложные ситуации, когда незаконную семью создали люди нецерковные и у них родились дети. Вот пример из жизни: люди живут как супруги уже много лет, считают себя мужем и женой, но брак не зарегистрировали; у них четверо детей. Года два назад жена уверовала во Христа и пришла в Церковь, ей объяснили, что брак необходимо зарегистрировать. Она согласна, пытается уговорить

мужа, а он отказывается, говорит, что у него все друзья, которые расписались, уже развелись, а он не хочет разводиться.

Я с ним, конечно, не согласен, то есть считаю, что надо расписаться, но он же ко мне не подходит за советом. А жена его переубедить не может. Она ходит в храм, причащает детей (муж даже помогает ей в этом), дети учатся у нас в воскресной школе. Неужели в этой ситуации нужно было бы запретить этой женщине причащаться или требовать от неё разрушить семью, пусть и незарегистрированную? Правило, требующее от христиан заключать браки в соответствии с государственными законами, мудрое и должно, конечно, исполняться. Но нельзя забывать, что, хотя закон выше беззакония, любовь всё же выше закона.

Хочу рассказать о своей ситуации и узнать о возможности моего венчания! К сожалению, так получилось, что я ушёл из семьи к другой женщине, но развод не оформлял, чтобы получить квартиру и оставить её жене и ребёнку, а потом оформить развод. К сожалению, это возможно только после истечения двух и более лет, когда я получу право на постоянное жильё. Конечно, нельзя ставить материальные ценности выше духовных, но без жилья я оставить их не могу. Сейчас счастливо живу с другой женщиной, у нас растёт чудесная малышка. Бог дал нам испытания, и сейчас мы боремся с её тяжёлой болезнью, и с Божьей помощью у нас всё получается. Она два раза была замужем, но ни разу не венчалась, а я венчан и юридически не разведён. Для разрешения на моё повторное венчание нужно представить свидетельство о разводе, которого у меня нет! Но мы

очень хотим повенчаться, помогите, пожалуйста, как нам быть!

В любом случае, ясно, что венчание описанного в письме сожителю невозможно, потому что Церковь венчает законный брак, а не беззаконие. С этим автору письма придётся смириться. Но автор просит совета.

Ситуация, в которую его завлекли страсти, не имеет однозначно хорошего разрешения, тем более что в обеих как бы семьях уже есть дети. Первая семья фактически разрушена, но сохраняет юридическую и даже церковную видимость (брак венчанный). А вторая семья фактически не создана, но имеет ряд атрибутов настоящей семьи: половое общение, совместное проживание, ребёнок, общее хозяйство.

Что касается чувств, то ведь они переменчивы. Были когда-то, наверное, чувства и к законной жене, потом подуляли. К чужой женщине возникли чувства и привели к прелюбодеянию. Могут и эти чувства иссякнуть. Кстати, и незаконная жена тоже, очевидно, не раз уже последовала своим чувствам, поскольку уже дважды была замужем. Может быть, она дважды вдова? Но об этом в письме ничего не сказано. Во всяком случае, чувства к нынешнему сожителю так её захлестнули, что она согласилась разрушить семью и осиротить ребёнка своего любовника. Не исключено, что в этой даме могут вновь заиграть чувства и привести её в объятия ещё нового мужчины. Не слишком ли много отдано на волю чувств? Каяться надо, что воля, которая должна быть подчинена воле Божией, была отдана в рабство преходящим земным чувствам.

Как же следует поступить автору письма? Возвращаться ли к законной жене и ребёнку, а любовницу с «чудесной малышкой» (законный ребёнок,

похоже, не был таким «чудесным») оставить, но помогать им материально? Или довершить распад законной семьи официальным разводом, когда это покажется удобным, а с «другой женщиной» (так дважды сказано в письме) зарегистрироваться в ЗАГСе и тогда уже, как бы по праву, требовать от священноначалия благословения на новый брак?

И то и другое — плохо и трагично. Нужно принести искреннее усиленное покаяние, просить у Бога прощения за созданную ситуацию (Бог не создавал её, а лишь попустил). Конкретные же житейские советы могут даваться только конкретным людям в живом общении.

Но что касается венчания с нынешней любовницей, то ведь Бога не обманешь. Существующий порядок получения благословения на второй и третий брак подразумевает, что люди, виновные в разрушении семьи, приносят искреннее покаяние в этом, а Церковь оказывает снисхождение к человеческой немощи и благословляет им вступить в новый брак.

Но если покаяния нет, а человек самодовольно хвалится: «счастливо живу с другой женщиной, у нас растёт чудесная малышка. Бог дал нам испытания, и сейчас мы боремся с её тяжёлой болезнью, и с Божьей помощью у нас всё получается» («Бог» через слово — прямо-таки образец благочестия), то никакие епархиальные разрешения не очистят душу от нераскаянного греха.

Бог милостив. Как пишет преподобный Исаак Сирин, нет греха непростительного. И он же завершает мысль: «Кроме греха нераскаянного».

Уже который год я терзаю себя сомнениями, не зная, правильно ли я поступила. Дело в том, что когда мы с мужем женились, я была беременна, но я очень хотела с ним обвенчаться. Я думала,

что это даже к лучшему, что наш ребёночек будет как бы ближе к нам духовно. Но потом мне сказали, что венчание при беременности — это большой грех. И теперь я не знаю — не навредило ли это моему ребёнку? Дело в том, что прошло уже 16 лет, а я всё время болею разными заболеваниями, перенесла несколько операций, да и ребёнок у меня болезненный. Вот я и переживаю, не является ли это наше состояние — наказанием за обряд Венчания, который был совершён?

В своём небольшом вопросе Вы затронули сразу несколько важнейших тем: о целомудрии, о церковных таинствах, о скорбях и болезнях, о рождении человека в мир.

Слава Богу, что Вы с мужем, хотя и с опозданием, но узаконили свои семейные отношения. Потом Вы, будучи уже беременной, венчались, но впали в смущение из-за чьих-то пустых слов.

Венчание — это церковное таинство, с которого православные христиане должны начинать свою супружескую жизнь. Но для нехристиан Церковь признаёт законность их невенчаных браков, и мы не считаем семьи нехристиан блудными сожителствами. Если эти люди заключили брак в соответствии с законами своей страны и живут по-семейному, Церковь признаёт законность и нерушимость такого брака.

Поэтому если нецерковные люди жили в законном, но невенчанном браке, и один из них уверовал во Христа, а другой нет, то уверовавший супруг не должен разрушать свою невенчанную семью, а должен сохранять супружескую верность и молиться за пока не уверовавшую половину.

Но если оба супруга уверовали, то, конечно, им можно и нужно венчаться, на каком бы месяце

беременности не оказалась в это время жена. Ведь Венчание — это преподание мужу и жене Божьего благословения на их супружескую жизнь. Если христиане вступили в законный брак, то Церковь его благословляет, а в Божьем благословении нет и не может быть ничего плохого.

Те, кто Вам сказал, что венчание при беременности — большой грех, просто не понимают сути дела. Это блуд — большой грех, а беременность — это Божественная тайна зарождения новой жизни, в таинстве же Венчания на семью изливается сугубое Божие благословение.

Но Вас смущают помыслы о причинах болезней Ваших и Вашего сына. Причин у болезней бывает, на самом деле, много: это и наследственность, и инфекции, и нездоровая окружающая среда, и собственные неосторожности, и нездоровый образ жизни — можно, конечно, этот ряд и продолжать, и углублять. Но все мы должны помнить, что главная причина всего, что с нами происходит, в любви Божией к нам.

И это относится не только к приятному, за которое мы и так всегда готовы всех, а заодно и Бога, благодарить. Не в меньшей, а даже в большей степени это относится к болезням и скорбям. Даже когда болезни и скорби бывают непосредственными следствиями наших дурных поступков, сами по себе они — милость Божия. Мы просто не привыкли смотреть на вещи в таком ракурсе.

Поступки наши бывают плохими, бывают хорошими, бывают никакими, но последствия их, да и всё, что постигает нас — порою вовсе неожиданно и, по-видимому, нелогично — приносит нам пользу в вечности. Если, конечно, мы принимаем то, что с нами происходит, без ропота, а ещё лучше — с благодарностью.

Все люди страдают, все болеют и в конце концов умирают. Сам Господь страдал, был распят и умер на кресте. И тот, кто решится следовать за Христом путём крестным, тот будет с Ним в Царстве Небесном. Поэтому не мучайте себя поиском причин своих болезней и страданий, а терпите их без ропота, и Бог утешит Вас так, как Вы и не ожидаете.

Мой муж устроился на работу в монастырь и последнее время домой вообще не приходит и живёт там, оставив нас с дочерью. Разве Церковь способствует разрушению семьи или как это всё понимать?

Такое поведение Вашего мужа совершенно неправильно. Христианский брак предполагает не только духовную любовь и молитву — это общие для всех заповеди Божьи — но и заботу супругов друг о друге, а также совместное воспитание детей. Мы не должны пренебрегать важнейшим указанием апостола Павла: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7, 5).

Бывает, конечно, когда люди вынуждены разлучиться не по своей воле (выполнение каких-то государственных или служебных обязанностей, длительное лечение и т. п.), но тогда есть основания надеяться и просить особенной помощи Божьей в искушениях, сами же супруги должны стремиться при первой возможности опять жить вместе.

Иногда отношения в семье складываются плохо, и один из супругов начинает очень много времени проводить в монастыре, как будто бы с целью христианского подвига, а на самом деле, просто

убегая от домашних трудностей. Но в этом отношении семейная жизнь как раз аналогична общепринятому монастырю, в котором монахи терпят скорби из-за немощей друг друга и таким образом научаются смирению.

Так же и в семье люди учатся терпению и смирению, а прячась от душевных трудностей в монастырь, человек не получает той пользы, которую мог бы получить от домашних «трений». И от пребывания в монастыре он в таком случае не получает пользы, потому что живёт там по своей воле, пока ему нравится. А завтра ему что-нибудь там не понравится, и он сбежит из монастыря так же, как сбежал из семьи.

Церковь не возбраняет принятие монашества обоими супругами одновременно или даже одним при согласии другого (такие случаи редки, но известны), однако это должно делаться именно при согласии другого супруга и обязательно по благословению правящего архиерея, а не самочинно.

Если супруг оставил семью и ссылается при этом на совет кого-то из насельников монастыря, то следует обратиться за помощью к настоятелю или наместнику монастыря, а если и таким образом разрешить вопрос не удаётся, то — в Епархиальное управление.

И последнее. Не лишним было бы оставленной супруге задаться вопросом: что так не нравится в семье её мужу? Не следует ли ей самой как-то изменить своё поведение, чтобы его не тянуло из дому? Помочь Вам разобраться в этом может совесть, советы опытного духовника и православного психолога. Причём, за советами по устройению семейной жизни разумнее обращаться к «белому» духовенству, а не к монашествующим.

Мы с мужем венчаны, но он не может иметь детей по медицинским показателям. Могу ли я расторгнуть церковный брак без его уведомления?

Неспособность иметь детей вообще не является основанием для развода, с церковной точки зрения. В принятых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» сказано буквально следующее:

«В 1918 году Поместный Собор Российской Православной Церкви в "Определении о поводах к расторжению брачного союза, освящённого Церковью" признал в качестве таковых, кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также отпадение супруга или супруги от Православия, противоестественные пороки, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, длительное безвестное отсутствие, осуждение к наказанию, соединённому с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим. В настоящее время этот перечень оснований к расторжению брака дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборта при несогласии мужа».

Так что поводом к расторжению брака может быть неспособность к брачному сожитию, и то, если она возникла до брака или вследствие намеренного

самокалечения (а не, например, несчастного случая или по старости). Причём и в этом случае разводиться не обязательно, а только допустимо из снисхождения к человеческой немощи.

Невозможность родить ребёнка отнюдь не делает брак бессмысленным. Во-первых, можно было бы взять на воспитание сироту. Если же это по каким-либо причинам невозможно, нужно молиться Богу, чтобы Он указал, куда направить свои силы, свою природную способность к материнской любви. Во всём нужно искать волю Божию.

А отказываться от мужа, потому что он не может зачать ребёнка, это какой-то бездушный, потребительский подход к человеку. Это бычка можно продать на мясо, если от него коровы не несут. А бросать мужа, потому что он не вполне здоров... Судите сами, не предательство ли это?

Вам как священнику, наверное, часто рассказывают о семейных трудностях, неурядицах? В чём вы видите основную проблему современной семьи, отцовства?

Не скажу, чтобы высвечивались какие-то специфические проблемы отцовства. Что касается общих проблем, то современное общество ориентировано на комфорт, удовольствия: чем больше их, телесных и душевных, тем лучше — почти всеобщее убеждение. А осознания семьи как единого целого нет даже у многих церковных людей.

Не то что они не любят друг друга, но осознание семьи как малой церкви, которая, как и приход, как и сама Церковь, устраивается по образу Царства Небесного, сегодня большая редкость. В христианской семье должен быть благочестивый уклад, традиционная иерархия, послушание, общая молитва,

общая трапеза. Это не должно быть формальным или надуманным, должно быть основано на взаимной любви, но это нужно. Обычно же христиане, хотя и живут под одной крышей, но каждый своей жизнью, даже молятся многие по отдельности. А общая жизнь очень важна.

Но в минувшие времена для большинства людей общая жизнь была не то что важна, а просто необходима: муж обеспечивал семью материально, жена вела домашнее хозяйство — им друг без друга было тяжело. А сейчас женщины сами зарабатывают, домашнее хозяйство ведут, образно говоря, стиральные машины и пылесосы; детей стали разводить в пробирках. Поэтому мужья и жёны становятся очень-то нужны друг другу. Семья в постхристианском обществе даже становится обузой, она отнимает драгоценное свободное время. Вспомним слова Карла Маркса (нас этому учили в школе), что благосостояние общества определяется количеством свободного времени. Я, конечно, с этим не согласен, но в секулярном обществе такие идеи доминируют.

Супружеская верность, если забыть или отвергнуть заповедь Божию, тоже воспринимается как досадное обременение. Жёны надоедают мужьям. Пусть она красивая, умная, добрая, надёжная, но к этому привыкаешь, а бесы искушают, и привлекательной становится кто угодно, лишь бы чужая. (Жёны подвержены в общем тем же искушениям, что и мужья.) Верующий человек с искушениями борется, но современный окружающий мир соблазняет, а не поддерживает нас в этой борьбе.

С детьми вообще одни проблемы. Деньги на них тратить надо, место они занимают, на курорт не поедешь. Кроме того, по сравнению с прежними временами материальные стандарты жизни необычайно завышены, и это тоже не способствует много-

детности. Даже многие православные считают, что лучше родить одного ребёнка, но обеспечить его всеми материальными благами: модной одеждой, техникой, поездками за границу и т. д. Отношение к детям как к обузе тоже, конечно, разлагает семью.

Я не согласен с категоричными утверждениями некоторых священников, что семья с одним ребёнком — неполноценная семья. Знаю прекрасные верующие семьи, в которых вообще нет детей. Но им Бог не дал. Одно дело, когда Бог не даёт детей или даёт только одного, и совсем другое — когда люди сами не хотят рожать. Всё-таки для христианина семья — путь Божий, задача, которую надо решать для пользы своей души и душ домочадцев. При таком отношении дети не мешают. Материальные и другие бытовые трудности неизбежны, но любовь помогает всё преодолеть.

Много детей могут быть крестом, а могут утешением, но верующий человек не гонится ни за крестом, ни за утешением, он просто старается жить по воле Божией. Увы, сегодня и среди церковных людей такое отношение — редкость. Чего же требовать от секулярного общества?

Сейчас государство занято пропагандой семейных ценностей. Конечно, такая пропаганда и материальная поддержка многодетных семей нужны, но ведь без духовной основы это всё преходяще. Сегодня очевидно, что детей в России мало — государство призывает рожать. А завтра покажется, как в Китае, что много — начнут пропагандировать ограничение рождаемости. Кроме того, все мы знаем, что многие очень богатые люди, которые могли бы и 20 детей прокормить и воспитать, наняв каждому по гувернантке, рожают одного-двух, а есть семьи совсем небогатые, но рожают, сколько Бог даёт, и с Божьей помощью живут и воспитывают их. Поддерживать

многодетные семьи надо, в том числе и материально, но прямой связи между благосостоянием и многодетностью нет.

В романе Толстого «Анна Каренина» есть эпизод, когда Долли узнаёт, что Анна пользуется противозачаточными средствами. Это приводит её в шок — она никогда раньше не слышала о таких средствах. То есть ещё в XIX веке и бедные, и богатые рожали столько, сколько Бог давал. За редким исключением! Сегодня это исключение стало нормой и считается большим достижением науки и цивилизации. Достижение, конечно, сомнительное. Но в Социальной концепции Церкви не случайно написано, что «...средства, которые не связаны с пресечением уже зачатой жизни, к аборту ни в какой степени приравнивать нельзя». То есть, хотя Церковь и не одобряет их использование, она не считает его основанием для недопущения человека к причастию.

Невозможно требовать от людей подвига выше сил. Ведь то, что веками было нормой, сегодня, в потребительском обществе, стало подвигом. Если среднеобеспеченная семья решает не пользоваться контрацептивами и рожать много детей, её ждут материальные испытания, непонимание со стороны окружающих, иногда даже осуждение. Я уважаю всех, кто делает такой выбор, но согласен, что нельзя запрещать причащаться и тем, кто пользуется неабортными противозачаточными средствами. Это не чей-то личный грех, а зло, распространившееся в обществе. Оно, как вы понимаете, тоже не способствует укреплению семьи.

О СМЕРТИ

Раньше тело покойника не сжигали в крематории, а теперь сжигают. Куда же войдёт душа, когда мёртвые восстанут в день Страшного Суда?

Воскресение мёртвых — это великая тайна, из которой только немного открыто нам Богом. Но кое-что открыто. В день Страшного Суда каждый человек воскреснет именно в своём теле, но тело это будет не таким, как во временной жизни. Оно будет полностью соответствовать внутренней сущности человека. Святые обретут такие тела, что они в них будут вечно блаженствовать, а грешники — такие, что они в них будут вечно мучиться.

Что касается крематориев, то для вечной участи человека совсем не имеет значения, как он был погребён. Некоторые святые были сожжены или утоплены, но это не значит, что они не войдут в Царство Небесное. Так же и многие великие нераскаленные грешники были похоронены с соблюдением всех православных обрядов, но это не избавит их от заслуженных мучений.

Но есть не только Страшный Суд, есть ещё процесс умирания, он продолжается какое-то время и после самого момента смерти. Душа отделяется от тела постепенно, и ей, видимо, не безразлично, как это происходит.

Мне бы не хотелось вдаваться в лишнюю мистику, тем более что на этот счёт нет ни заповеди Божьей, ни церковного канона, а есть древний и до недавнего времени повсеместно распространённый среди христиан, мусульман, иудеев обычай — хоронить усопших в земле. И, думаю, лучше не нарушать его. Но и слишком бояться того, что после смерти тело сожгут, тоже не нужно.

А почему, спрашивается, сжигают? Думаю, главный мотив — удобство: чисто, без хлопот, дёшево. Но всегда ли нам полезно удобство?

Чем отличается заочное отпевание от очного и какое лучше для души?

Ничем не отличается. Если можно отпеть покойника очно, то, конечно, лучше так и поступить. Обычаи на этот счёт бывают разные. В некоторых местах принято отпевать дома, но, по-моему, лучше усопшего в принести храм. Ведь сама церковная символика настраивает нас на молитву и много говорит нашим душам: открыты царские врата алтаря — как вход в Небесное Царство; покойник лежит лицом к алтарю — на Его пороге; венчик с иконами на голове новопреставленного — знак его молитвы Богу. Каждение — как символ молитвы и благодати. Духовные песнопения, обнадёживающие чтения из Нового Завета. У нас в Москве и Московской области отпевать дома не принято, делают это в крайних случаях, когда есть особые причины.

Или, бывает, невозможно человека принести в церковь — сгорел на пожаре, давно умер, погиб на войне, или, предположим, родственники неверующие, а соседи хотят отпеть... Разные бывают причины, и если человека невозможно отпеть очно, тогда родные или близкие приходят в храм и заказывают заочное отпевание — чин один и тот же.

Раньше заочные отпевания совершались очень редко и только в связи с какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Православные люди, естественно, отпевали своих усопших в церкви. Обычно отпевали в храмах при кладбищах, почти всегда покойника до самой могилы сопровождал священник и, когда уже гроб опускали в землю, именно он первым брал горсть земли и бросал её в могилу со словами: «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней». Потом другие люди бросали по горсти земли — так совершалось предание земле.

После революции начались гонения на церковь, большинство храмов было закрыто, многие люди отпали от церкви, многие стали бояться ходить в храм. Войны были. Люди в лагерях умирали... Заочные отпевания превратились в самые обычные явления церковной жизни.

Но произошло это сравнительно недавно. Ни писаных, ни общепринятых неписаных правил, как совершать заочное отпевание в отличие от очного, не существует. Священники при совершении заочного отпевания руководствуются отчасти требником, отчасти сложившимися местными обычаями, отчасти собственным церковным сознанием. Ничего плохого в этом, собственно, нет. Плохо бывает, когда человек выдаёт местный обычай или своё мнение за церковный устав или — ещё хуже — за Божью заповедь.

Мой отец был крещёным, но неверующим человеком. Религиозная тема у него вызывала раздражение. Перед смертью он попросил меня, чтобы его не отпевали. «Я помню, как все томилась на отпевании бабушки, — сказал он. — Не хочу, чтобы люди так же мучились на моих похоронах. Да и вообще ни к чему это». Я пообещала, что не буду его отпевать, и сдержала обещание. Но не перестаю сомневаться, правильно ли я поступила? Может быть, стоило нарушить данное обещание и всё-таки похоронить отца по-христиански?

Дело не в нарушении или соблюдении обещания. Царь Ирод, например, пообещал нечестивой девчонке дать ей всё, чего она ни попросит, а девчонка эта попросила дать ей отрубленную голову святого Иоанна Предтечи. Не нужно было Ироду исполнять своё неразумное обещание. Если бы Вашему отцу было лучше, чтобы его отпели, то и нужно было бы его отпеть, не обращая внимания ни на какие «заветы».

Но подумайте: если человек при жизни решительно отрицает православную веру, до последнего дня отказывается от покаяния и причащения Святых Христовых Таин и в таком состоянии умирает, то не будет ли жестоким насилием над его душой совершение церковного чина отпевания? Каждый из нас избирает себе место в вечности, избирает всей своей жизнью. Кто-то располагает быть с Богом (и у каждого такое расположение — в своей мере). А кто-то располагает не быть с Богом (и это несчастное расположение у одних людей более интенсивно, а у других менее). Когда мы о человеке, который не захотел быть со святыми, просим Бога: «Со святыми упокой» — мы скорее усугубляем, чем облегчаем его страдания.

Как это может быть? А вот представьте, что в храме идёт Пасхальная заутреня, все христиане радуются, а какого-то человека обманом затащили в храм, у него душа к богослужению не лежит, он рвётся на улицу, пусть даже там, на улице, будет ветер и снег, а в храме тепло и светло. Хорошо ли будет насильно удерживать этого человека, не давать ему выйти из храма или уговаривать архиерея, чтобы он всё-таки ввёл в храм человека, который стремится из него выйти.

Но ведь Царство Небесное — это Храм Божий, в котором вечно идёт торжественная служба Богу. Вне Царства Небесного — тьма кромешная, но тот, кто хочет во тьму, должен быть отпущен во тьму.

Знал я одну семью много лет назад, несколько братьев и сестёр, крещёных в детстве ещё до революции. Все верующие, а одна сестра — рьяная атеистка. Даже говорила, чтобы её рядом с верующими родственниками не хоронили.

Перед смертью она долго болела, дочь предлагала пригласить священника, чтобы исповедаться и причаститься хотя бы перед смертью. Она твёрдо отказалась и попросила положить ей в гроб под подушку партбилет. Так и сделали. А отпевать и помянуть в церкви не стали, хотя среди знакомых были и вполне церковные люди. Потому что духовное насилие не свойственно православному христианству.

Церковное поминовение на литургии, на молебне, на панихиде — это внутренняя жизнь Тела Христова, и участвовать в жизни этого Богочеловеческого организма могут только члены Церкви. Но это отнюдь не означает, что православному христианину нельзя лично молиться Богу о своих близких, живых и усопших, даже если они вне Церкви.

О живых молимся, чтобы Господь призвал их к покаянию, даровал им истинную веру, соединил

их Святой Своей Соборной и Апостольской Церкви. Об умерших вне Церкви молимся, чтобы Господь, сколько возможно, облегчил их вечную участь.

В Евангелии есть слова о том, что в геенне огненной червь не умирает и огонь не угасает (см. Мр. 9, 44). Как это понимать?

На мой взгляд, нам важно не столько знать в подробностях, как мучаются в вечности грешники, сколько всеми силами стараться избежать этих мук. Но кое-что мы можем себе представить, потому что адские состояния мы отчасти переживаем уже в своей временной жизни на земле.

Вот, например, человек разгневался, у него загорелся огонь в душе. Представьте, что при этом он не может свой гнев ни прекратить покаянием, ни сдержать, ни проявить вовне, то есть огонь горит, но не греет, не освещает, а сжигает душу изнутри. Причём в обычной жизни гнев можно как-то выплеснуть, если даже не на обидчика, то хотя бы мысленно в слова излиться, а в аду это совершенно безысходно. Ни покаяться, ни успокоиться человек не может, не может ни помолиться, ни подумать, ни сделать что-нибудь, только горит адским огнём злобы и мучается.

Или, например, бывает внутри у некоторых людей этакий душевный холод, когда человек ничего не хочет, у него полное охлаждение ко всему: и близкие ему безразличны, и свои дела, ни отдыхать ему не хочется, ни работать — в общем, полная душевная холодность, когда всё чуждо. Обычно, когда человек чувствует так себя во временной жизни, в этом есть и некая игра, некое извращённое утешение. А в вечности игры уже не будет — действительно полная холодность ко всему, вечный мерзвенный холод.

Или, скажем, душу грызёт червь — гложет обида, ревность, зависть. На земле нас выручает отчасти то, что мы очень не собраны, забываемся, рассеиваемся, а в вечности всё будет сконцентрировано, и уже никуда помыслом не уйти и ни забыться, ни уснуть, ни потерять сознания. Страсти грызут душу, человек это чувствует, а поделать ничего не может.

И ещё очень важно, страшно... Казалось бы, Бог милостив, и если к нему обратиться с мольбой, то Он спасёт. Некоторые даже так фантазируют, что, дескать, если человек из ада воззовет к Богу, то Бог его непременно простит. Если бы в аду можно было молиться, это уже не был бы ад. В том-то и дело, что молитва в аду невозможна. Все мы имеем печальный опыт, когда придёшь в церковь, хочется помолиться, а мысли рассеиваются, дома встал на молитву, а мысли разбежались.

А там ум не просто рассеян, он разодран. В земной жизни помыслы только слегка раздёргивают ум немощного человека, а там они буквально разрывают его. Ум разложен на помыслы и на каждом одновременно, как уже сказано, неотвязно собран, и человек не может вспомнить о Боге — томится, но не может. И если уж человек впадает в такое состояние, то это полная безнадежность.

И не Бог вводит человека в адскую муку, а человек сам в неё входит из-за своей нелюбви к Богу. Потому что Бог всякого человека принял бы, любого грешника с какими угодно грехами на совести, если бы человек захотел принять прощение и покаяться. Бог принял бы нас всех, но мы сами пренебрегаем Царством Небесным.

О МОЛИТВЕ

Как молиться в храме во время богослужения?

Самое естественное — держать внимание в богослужебных текстах, которые читают и поют. Обычно, в подавляющем большинстве случаев это удаётся очень ненадолго.

Сосредоточению внимания может способствовать быстрое церковное чтение, если оно, конечно, разборчивое. Так что не нужно, слыша иногда в монастырях очень быстрое чтение обязательно относить это к лености монахов. Оставим суд Богу. Может быть, эти монахи просто более нашего преуспели в молитве.

Некоторые отцы, например, прп. Амвросий Оптинский, советовали молиться во время службы Иисусовой молитвой. Во-первых, это само по себе хорошо; во-вторых, внимание от Иисусовой молитвы легко может перейти к богослужебным текстам; в-третьих, бывает, что молитва короткими молитвами сочетается со вниманием к богослужению.

На исповеди довольно часто слышу от прихожан жалобу, что они рассеиваются во время молитвы. Такие жалобы радуют, ведь они означают, что люди хотят сосредоточиться на службе, на молитве — хотят молиться.

Я всем советую стараться молиться, но не удивляться своей рассеянности и не отчаиваться. Ум направляется к тому, к чему привязано наше сердце. Поскольку оно у нас привязано очень ко многим вещам: хорошим, нейтральным, даже злым — постольку и ум наш убегает от Бога к предметам привязанностей. Поэтому необходима борьба со страстями. Но ругать себя, злиться на себя и, тем более, обижаться на окружающих за свою рассеянность — только мешает молитве, потому что это не борьба со страстью, а проявление страсти гордости и следствие недостатка духовного опыта.

Одна женщина жаловалась в письме преподобному Макарию Оптинскому на рассеянность во время чтения молитвенного правила. Старец ей ответил, что она весь день отдаёт свою душу суете, и хочет сосредоточиться на Боге, только став на молитвенное правило. А на самом деле нужно стараться всю свою жизнь, все свои обыденные дела посвящать Богу, тогда и на правиле ум будет обращаться к Богу же.

Вообще, хорошо, занимаясь обычными делами, осмысливать их с духовной точки зрения. Можно суп варить ради зарплаты, можно ради похвал, можно из чревоугодия, из человекоугодия. В какой-то мере что-либо из этих страстей присутствует во всех наших делах. Но, во-первых, можно и нужно укорять себя за приверженность страстям. А во-вторых, полезно бывает помолиться за людей, для которых мы готовим; попросить у Бога, чтобы Он благословил пищу, чтобы Он напитал не только наши тела земной пищей, но и наши души — пищей духовной. Так осмысливать можно любое дело, и это богомыслие может нам помочь и вообще в молитве, и в молитве за богослужением.

Когда рассеиваемся хуже своей меры — а у каждого есть его молитвенная мера — бывает

полезно обратить внимание на то, куда отвлекается ум. Если что-то нас пугает, нужно укрепиться в вере в Бога, помолиться о помощи Божьей, предать себя в руки Божьи. Если чего-то очень хочется, тоже нужно возложить всё упование на Бога и припомнить, что Бог лучше нас знает, что нам полезно, и пошлёт всё полезное. Бывает, переели, и это мешает молитве. Нужно укорить себя, смириться, а впредь быть осторожнее. Бывает, прогневали Бога самопревозношением или осуждением ближнего. Это больше всего охлаждает сердце. Заметив такое, нужно усердно покаяться, укорить себя. Проведя такой анализ (на это бывает достаточно нескольких секунд), нужно, смилив свой помысел и укоряя себя, опять обращаться к молитве.

И, кстати, о мере. Сказал Господь, что не можете прибавить себе росту ни на локоть. Это и о духовном росте сказано. Согрешить можем сами, опуститься можем самовольно. А поднимать и спасать нас — дело Божье. Так что нужно терпеть свою медлительность в духовном росте. Если пьяный выпал из окна третьего этажа и сломал себе ноги, нужно ему смиренно лежать на больничной койке, благодаря врача и слушаясь его, а не сетовать понапрасну, что, мол, хотел бы я бегать и прыгать, да бинты не дают.

Как может молиться домохозяйка, когда всё её время занято домашней рутинной?

Мне не раз приходилось слышать жалобы от домохозяек, которых угнетает однообразие: уборка, стирка, готовка, и так каждый день. Некоторые из них устраиваются на работу даже не ради денег или так называемой творческой самореализации, а только чтобы разнообразить свою жизнь.

Им кажется, что сидеть в офисе, пить кофе и болтать с сослуживцами содержательней, чем заниматься домашней рутинной.

А святитель Феофан Затворник писал домохозяйкам, что в любой домашней работе можно увидеть духовную аналогию. Например, готовит женщина обед и думает, что человеку необходима не только еда, но и духовная пища. Стирает она бельё и помышляет, что как бельё очищается от грязи, так и душу свою надо очищать от страстей. А от такого богомыслия можно переходить к молитве о своих близких, для которых хозяйка готовит, стирает, убирает. При таком отношении домашняя работа будет уже не рутинной, а духовным деланием, которое со временем может развиваться и принести плод в вечности.

В «Лестнице» преподобного Иоанна Синайского, есть такие слова: «Часто истинный послушник, став на молитву, вдруг исполняется света и радости, потому что подвижник сей был приготовлен к сему и предпочищен нелицемерным послушанием» (Слово 19, статья 5). Конечно, «истинный послушник» и «исполняется света и радости» — это не про нас сказано, потому что мы, к сожалению, не «истинные послушники». Но если вспомнить о сути истинного послушания, то мы найдём в словах святого отца наставление и для нас.

Суть истинного послушания в отвержении своей воли ради воли Божией. А это возможно для любого человека, потому что всем: совершенным и новоначальным, монахам и мирянам, имеющим духовного наставника и не имеющим — воля Божия открывается в обстоятельствах жизни. Известная подвижница благочестия рубежа XIX и XX веков игуменья Арсения (Себрякова) так писала об этом в одном из писем: «Достигать отречения своей воли может затворник, и послушник, и мирской человек.

Но достигать этой цели они все трое должны различными путями. Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во свете слова Божия; второй — в воле своего духовного руководителя; а третий — в обстоятельствах жизни. Для всех трёх доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой*, второй — трудом послушания и исповедания помыслов, третий — честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга. Все достигают одной цели, но разными путями».

Вспомним двух мирянок, о которых преподобному Макарию Египетскому было открыто, что они превзошли его в духовной мере. Они были простыми замужними домохозяйками, души их стремились к монашеству, но отказ мужей они приняли как Божью волю и продолжали, по их собственным словам, разделять ложе с мужьями своими. Смирненное, без ропота принятие своих жизненных обстоятельств дало этим простым женщинам разум и силу нести возможный для них подвиг полного воздержания от пустословия и привело к величайшему духовному преуспеянию.

Так что дело не в обстоятельствах, а в нас самих. На любом месте, в любой ситуации можно помнить о заповедях Божьих и поступать в соответствии с ними. Не только в храме, в келье или дома перед иконами можно обратиться к Богу, но в любом месте.

Что такое рассеянное внимание? Вообще, что такое помыслы? Это сон наяву, духовная дремота. Со спящего спросить, конечно, нечего, но в этом мало утешения, потому что спящий — не бесстрастный, и мы, охваченные мороком помыслов, всё же дей-

* Здесь под «постоянной молитвой» имеется в виду духовное делание, постоянное упражнение в молитве. А к обретению непрестанной сердечной молитвы должны посылно стремиться все люди.

ствуем по страстям, отчего они возрастают, и наше духовное состояние ухудшается.

Слава Богу, что мы хотя бы время от времени, пусть на несколько секунд, приходим в себя, вспоминаем о Боге; в эти секунды мы свободны и можем помолиться... а можем и не помолиться. По милости Божией, даже одна секунда, употреблённая во славу Божию, не останется без плода. Увидит Бог, что мы дорожим «секундами», и даст нам больше. Увидит, что и большее мы посвящаем Ему, и безмерно обогатит нас. Вспомним притчу о талантах (см. Мф. 25, 21–30), где Господь говорит трудолюбцу: «...хорошо, добрый и верный раб; в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего». А о том, кто полученный талант (секунды, которые имел власть посвятить Богу) «скрыл в земле», сказано: «...возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов».

Если Церковь нас поучает непрестанно молиться, зачем нужны все эти молитвенные правила: утренние, вечерние, перед и после еды и прочие?

Те, кто по благодати Божией обрели непрестанную самодвижную молитву, уже не нуждаются в молитвенных правилах. Хотя некоторые великие святые, как, например, Амвросий Оптинский, совсем от них не отказывались. И те, кто преуспели в деятельной умно-сердечной молитве, бывает, оставляют чтение обычных молитвенных правил, заботясь только о том, чтобы возвращать ум на его место, когда он по немощи невольно рассеивается.

Но ведь большинство из нас не имеют ни того, ни другого. Бывает, человек так увлечётся житейскими делами, что за целый день о Боге ни разу не вспомнит. Многие христиане часами развлекаются у компьютера или телевизора или много времени проводят, посещая или принимая светских знакомых, и так далее, и так далее. Причём речь идёт не только о тех, кто лишь именуется христианами, на деле же равнодушны (пока равнодушны?) к Богу, а о людях, которые хотели бы начать жить духовно и порой делают такие попытки, однако, связанные привычкой, не могут вырваться из круговорота суетных зрелищ и времяпровождения.

При таком устройстве (точнее, расстройстве) нашей жизни не великое ли благо молитвенные правила? Всё-таки утром помолился (пусть даже борясь с рассеянием) пятнадцать минут, вечером — пятнадцать, да хоть не по пятнадцать, а по пять минут помолился — всё-таки вспомнил о Боге. Перед едой и после еды помолился — ещё шесть раз по минуте. Такой подсчёт выглядит комично, но в эти несколько минут в сутки мы, хоть и ненадолго, можем вырваться, хотя бы в намерении, из постоянной суеты, хотя бы пару раз вздохнуть о своей духовной опустошённости.

Описанное молитвенное делание — как ничто, по сравнению с непрестанной сердечной молитвой, это можно сравнить с жидкой кашцей, которой кормят тяжелобольного на госпитальной койке. («Кашлица» — не сами молитвы из Молитвослова, переданные нам великими святыми отцами, а то, как мы рассеянно и холодно «вычитываем» молитвенные правила.) Но, если пока этот тяжелобольной не способен питаться нормально, ему обязательно нужно есть жидкую кашу. Если он самочинно попытается вести себя как здоровый, то у него не получится,

но если больной и от кашицы откажется, то может умереть. Нельзя христианину отвергать молитвенные правила, пока они по благодати Божией не уступят место более высокому деланию.

Более высокому? В какой бы молитвенной мере ни пребывал человек, он должен смиряться. Однако в зависимости от этой меры смирение будет проявляться по-разному. Смиранный подвижник, преуспевший в сердечной молитве, доподлинно знает, что без действия благодати не может вознести Богу ни единого молитвенного вздоха. Поэтому он и не пытается молиться «сам», а с благодарностью каждый раз принимает действие молитвы как дар. Если же молитва отходит от него, то такой человек кается в том, что оскорбил благодать Божию своей гордостью и нерадением, и надеется, что благодать не оставит его до конца.

Тот же, кто никогда или очень редко ощущает при молитве действие благодати, тот не может ждать так, как ждёт преуспевший. Это с его стороны будет не смирением, а нерадением. Не имеющему сердечной молитвы христианину необходимо смиренно установить себе молитвенные правила и всеми силами держаться их.

В конце концов, наша вечная участь определяется не молитвенными дарованиями, а как раз смирением. Так что ни тем, кто имеет утешение от благодатной молитвы не стоит обманываться (Бог утешает, а мы-то что?), ни тем, кто годами, по-видимому, бесплодно трудится или даже не трудится над своей иссохшей в грехе душой, не нужно отчаиваться. Бог может в одно мгновение превратить нашу пустыню в цветущий райский сад.

Можно ли при чтении молитв использовать электронный носитель информации, например,

читать акафист не по книге, а по карманному компьютеру?

Если речь идёт о личной молитве, то это вопрос удобства или обстоятельств. Богу совершенно безразлично, что мы держим перед глазами. Молится ли человек вслух или молча, глядя или не глядя в текст, стоя перед домашним аналогом или сидя в автобусе — главное, чтобы была молитва. Если кому-то трудно сосредоточиться, читая правило по карманному компьютеру, то и не нужно им пользоваться. А если кто-то приспособился и привык вместо перелистывания страниц нажимать кнопки, греха тут никакого нет.

Иное дело соборное богослужение: в храме или когда дома собирается вся семья для чтения молитв. Тут уже внешние моменты имеют гораздо большее значение, потому что не только чтец видит перед собой текст, но и другие молящиеся видят самого чтеца. Мне бы не хотелось видеть, как диакон на Литургии раскрывает для чтения Евангелия не традиционно переплетённую книгу, а компьютер-ноутбук. Но, если другого выхода нет, то, конечно, лучше пользоваться электронными книгами, чем вообще не читать книг и не молиться.

Какое значение имеют чётки в Православии, как применять их, что с ними делать? Из какого материала они должны быть? Сколько бусинок должно быть, и что означает каждая из них?

Чётки в Православии имеют несколько применений.

Во-первых, ими пользуются для подсчёта произнесённых — вслух или мысленно — молитв. Это

бывает иногда удобно во время богослужения, удобно это и для тех, кто вычитывает в день определённое число Иисусовых молитв или каких-либо других.

Кроме того, мелкие движения пальцами (в том числе и перебирание чётков) способствуют развитию речи и концентрации внимания. Это просто факт, давно замеченный логопедами. Поэтому чётки бывают полезны для сосредоточения на молитве.

Для монашествующих чётки являются элементом облачения, они напоминают монахам об их обещании посвятить свою жизнь молитве. Монахи носят чётки открыто.

Если миряне пользуются чётками, то важно не делать этого напоказ, потому что всё, что делается напоказ, разжигает тщеславие.

Важно понимать, что чётки — это только внешний и совсем не обязательный атрибут молитвы, сами по себе они — просто бусинки или узелки. С чётками или без чётков — кому как удобнее — все мы должны молиться Богу.

Как лучше молиться — по молитвослову или своими словами? Если человек работает и утром у него нет времени, чтобы исполнять утреннее правило, можно ли согласно совету преподобного Серафима Саровского прочитать про себя три раза «Отче наш», три раза «Богородице, Дево, радуйся...» и один раз «Символ веры»?

Молиться надо как по Молитвослову, так и своими словами. Можно и вслух, и про себя. Важна молитва. Что касается «своими словами», то это не значит, что нужно сочинять молитвы; молиться нужно просто, короткими молитвами. А по молитвеннику длинными или короткими — не имеет значения.

Кроме того, мы должны всегда молиться, всегда помнить о Боге. Нет такого момента в жизни человека, когда ему не нужно было бы помнить о Боге. Заповедь о непрестанной молитве относится ко всем людям, потому что молитва — это единение с Богом, общение с Богом, мы ни на мгновение не должны оставаться без Бога. Этого у большинства из нас нет, но к этому нужно стремиться.

Что касается рекомендации преподобного Серафима Саровского, то ведь это не юридические правила. Все люди разные, если у человека получается прочитать всё правило утреннее или вечернее, то очень хорошо, если не хватает душевных сил, пусть следует совету Серафима Саровского или читает какие-нибудь другие молитвы. Тут дело не в формальности. И Бог никого не накажет за то, что не прочитано то или иное правило, просто душа человека окажется пустой, если он не будет молиться.

Говорят, умные люди выписывают на бумажку имена своих врагов и недоброжелателей, а потом поминают их в церкви «О здравии». И враги добреют. Это правда?

Формально так, конечно, не получается: вот я записал врагов на бумажку, и они сразу подобрали. Но, действительно, многие люди замечают, и так оно и есть, что те, о ком они молятся, располагаются к ним, начинают лучше относиться. Однако это бывает не всегда.

Молиться за врагов нужно не ради налаживания с ними приятных отношений или выгодных деловых контактов, а ради заповеди Божией «...любите врагов ваших» (Мф. 5, 44), ради сострадания к тем, кто, враждуя с нами, возможно, согрешает, и ради покаяния в недостатке любви к врагам.

Известно, что в древности, когда бывали эпидемии, христиане устраивали крестные ходы, и эпидемии прекращались. Но не всегда. С чем это связано?

Когда полезно было, чтобы остановилась эпидемия, она останавливалась. Когда бесполезно, продолжалась. Всё в руках Божиих. Только Он знает, что нам поистине нужно.

А крестный ход как форма соборной молитвы — это хорошо. Молитва — всегда благо. Если не получилось буквально по моей молитве — слава Богу! Будем терпеть, ведь болезни и временная смерть необходимы, а поистине важно, с чем пойдём в вечность. Человеку естественно молиться о выздоровлении. Но надо просить Бога: «Если Тебе это угодно, если мне полезно, исцели меня от болезни».

Если Бог не послал выздоровления, значит, нам полезно поболеть, умереть, потерпеть смерть близких. Если человек принимает с благодарностью то, что с ним происходит, это всегда спасительно для души.

Когда я за утешение благодарю, то получаю пользу. Когда за огорчение благодарю, то получаю ещё большую пользу.

Многие святые говорили: болезнь, которая переносится безропотно, вменяется человеку в подвиг. Разница в том, что спастись болезнью легче, потому мы болезнями сейчас и спасаемся. Своими подвигами человек может гордиться — бдениями, постами, добрыми делами. Естественно, и люди его хвалят, и бесы хвалят. Тщеславие и гордость губят плод подвига.

А болезнью как гордиться? Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь гордился тем, что у него живот болит. Но нельзя роптать. Надо принимать болезнь с благодарностью.

Ведь в чём заключается подвиг? У нас есть страсти, а мы — действуем против них. При чревоугодии ограничиваем себя в пище, при тщеславии ведём себя так, чтобы оно не находило себе почвы. Наше произволение направляем против страсти.

Когда человек болеет, то тело протестует против болезни. А произволение говорит: «Нет, Господи, раз мне это полезно, я благодарю за болезнь». И в этом у больного, как и у подвижника, проявляется решимость жить по воле Божией.

В Интернете опубликована статья Владимира Берхина, в которой он говорит о вредном воздействии традиционных православных молитвословов на психику неподготовленного человека и, в первую очередь, ребёнка. По его мнению, покаянные выражения, употребляемые в молитвах, слишком сильные и угнетающе действуют на человека. «Откройте свой молитвослов в любом месте, — пишет Берхин. — Наверняка в пределах трёх-пяти строчек он сообщит вам, что вы — грешник безнадёжный, который единственное, что может, — это просить помилования (от трёх до сорока "Господи, помилуй"). Постоянно педалируется тема того, насколько терпелив Господь и насколько плох тот, кто молится, сколько им всего было совершено, как это постыдно, мерзко, отвратительно, как велик и страшен причинённый вред и как невозможно с этим самому ничего сделать. При этом такого рода пассажи — многообразны и поэтичны, а благодарности Богу почти всегда шаблонны. К тому же большая часть славословий и благодарностей строится по принципу "благодарю Тя, Свята́я Троице, яко мно́гия ра́ди Твоея́ бла́гости

и долготерпѣнія не прогнѣвался еси на мя, лѣнѣваго и грѣшнаго, ниже погубил мя еси со беззаконїи моими", то есть благодѣть Божия проявляется именно в том, что Он молящегося, грешника такого, ещё как-то терпит и на что-то там шансы даёт». Как бы Вы прокомментировали это?

Не знаю, что и сказать... Статья совершенно не соответствует ни моему личному опыту, ни моему опыту общения с детьми самых разных возрастов. Но, судя по многим положительным отзывам, есть такая категория людей с нежной впечатлительной психикой, у которых всякая информация, минуя анализирующий рассудок, воспринимается эмоционально. Но не думаю, что таких людей сравнительно много.

Если взрослый человек такой впечатлительный, пусть будет вообще поосторожнее, потому что подавляющая психику информация поступает не через одни молитвословы. И ребёнок, если особенно впечатлительный, — нужно ему для чтения выбирать жития святых очень осмотрительно, а жития мучеников вообще нужно преподносить детям и новоначальным взрослым с пояснениями, что мученики, дескать, страдали телом, но уже блаженствовали духом, о чём и свидетельствовали, почему они по-гречески и назывались свидетелями.

Я тоже, когда проповедую нашим прихожанам о трудностях спасения, нередко привожу в подтверждение разговор Спасителя с апостолами, которые спросили Его: «Так кто же может спастись?» И Христос им ответил: «Человекам это невозможно». Но потом я всегда утешительно договариваю слова Христа, что «Богу всё возможно».

Если врач находит у человека злокачественную опухоль, должен ли этот врач сказать больному

правду о его болезни? Не всегда. Бывает, человек настолько малодушен или болезненно впечатлителен, что ему лучше правды не говорить, чтобы он не покончил с собой. Или можно подготовить больного и сказать ему правду позже.

Возвращаясь к моему опыту общения с детьми: я не знаю ни одного случая, чтобы на них слова из молитвослова как-то плохо подействовали. Хотя и в семье мы всегда читали утренние и вечерние молитвы вместе с детьми (обычно они же сами и читали), и в воскресной школе у нас преподают детям неадаптированные тексты молитв. В нашей воскресной школе сейчас учится более 300 человек; за четверть века её существования перед моими глазами прошло несколько сотен детей и подростков. В летних лагерях дети всегда читали обычные молитвы из молитвослова. Не все из них стали глубоко церковными людьми, но никакой связи с покаянными текстами в этом не усматривается. Обычные человеческие страсти захватывают: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская.

На самом деле, вред, я думаю, бывает, когда человек неправильно понимает смысл покаянных молитв и наставлений святых отцов. Ещё хуже, когда мрачно настроенные родители давят на души младенцев и малых отроков своим неправильным, тяжёлым духовным состоянием.

На самом деле, причин для уныния и опускания рук вовсе нет. Задача всякого христианина выправить свою волю по воле Божией. В частности, Богу угодно, чтобы люди серьёзно и успешно работали на своих работах, чтобы мамы и папы любили своих детей и заботились о них, чтобы супруги друг друга любили и старались радовать друг друга. При этом, конечно, предполагается, что мы всё это делаем с памятью о Боге, ходя перед Богом, молясь Богу.

Не очень-то получается. И о Боге не помним, и ближних обижаем, и работаем спустя рукава или только ради денег и тщеславия. Но не отчаиваемся. Старемся исправиться. Не исправляемся. Каемся. Постепенно копится опыт познания своего бессилия, но — это главное — одновременно познаются сила и любовь Божия. Где тут место отчаянию и опусканию рук?

Для христианина, который заботится о своём спасении, постепенно открывается, что нужно корректировать свою духовную деятельность. Не прекращать, а корректировать. Есть, скажем, у человека топор, а нужно ему забить гвоздь. Он пытается ударять по гвоздю лезвием топора — получается так себе. А нужно топор перевернуть и бить обухом. Так и в христианском подвиге. Опыт неудачных собственных усилий подталкивает христианина к тому, чтобы перенаправить свои усилия с душевной борьбы на молитву. Дальше открывается ещё обширнейшее поле для духовной работы. Где тут основания для отчаяния?

Но, конечно, пастырям, родителям, церковным педагогам нужно обращать внимание на то, с кем они общаются. И стараться, насколько хватает разума и духовного опыта предлагать детям, и вообще людям, свойственную их мере духовную пищу.

Действительно, из своего опыта скажу. Когда я после пятого курса института впервые прочитал Евангелие, то оно мне было совершенно непонятно и не произвело на меня никакого впечатления. Когда мне позже, но тоже до крещения впервые попала в руки книга аввы Дорофея, я её, пролистав, даже не стал читать, настолько мне противны были сами имена Дорофей и Досифей. А Достоевского я тогда читал с удовольствием, и его вера как-то, я думаю, на мою душу воздействовала. А вскоре после крещения я прочитал авву Дорофея то ли семь, то ли девять раз подряд (не меньше семи раз точно) без перерыва.

Поэтому, резюмируя, скажу, что учитывать духовную меру людей нужно, давить ни на кого не нужно, но сами по себе наши молитвословы и святоотеческие творения не более опасны, чем огонь лампы перед иконой (может возникнуть пожар, но не лампа виновата).

Во многих молитвах написано, что «я грешнее всех людей», есть и более жёсткие оценки. Вероятно, святые, составлявшие эти молитвы, так и чувствовали, потому что оценивали себя в свете Божьей благодати. Но простой мирянин, который без году неделя в Церкви, вряд ли искренне считает себя грешнее всех.

Если рассмотреть себя по совести и по заповедям Божиим с учётом не только дел, а и мыслей, и сердечных движений, и с учётом того, что о ближних мы имеем заповедь «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены» (Лк. 6, 37), то должны будем признать себя грешнее всех. Но от «признать умом» до «искренне считать» — как от земли до неба.

И святые не сразу так себя считали. Авва Дорофей, когда ещё был учеником, признавался преподобному Иоанну Пророку: «Отец мой! Нет ещё того, чтобы я считал себя ниже всей твари, но когда испытываю свою совесть, нахожу себя заслуживающим того, чтобы считать себя ниже всей твари». И получил примечательное наставление: «Брат! Теперь только вступил ты на правую стезю. Вот самая истина. Бог да приведёт тебя в ту меру, чтобы считать себя ниже всей твари»*.

* Преподобного аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оныя Варсанофия Великого и Иоанна Пророка, вопрос 25.

Я думаю, что просто так говорить «я грешнее всех людей», если ты этого не чувствуешь, не стоит. Я сам, к сожалению, так не чувствую, хотя понимаю, что надо. Но, когда мы молимся по молитвослову, наша душа не только молится, а и учится молиться — и сознательно, и подсознательно учится. Поэтому нам полезно молиться по молитвенникам, даже когда открывающаяся в них глубина покаянного и иного духовного ведения много превосходит нашу меру.

Как быть, если не соглашаешься со словами Библии? На богослужении иногда читают псалом 108, в котором псаломпевец призывает проклятия на своих врагов. Меня очень смущает этот псалом, разделить ненависть автора я никак не могу, его проклятия меня ужасают. Что делать, если внутренне не соглашаешься с молитвой?

Я не учёный-экзегет и могу только поделиться личным опытом решения подобных вопросов для себя. Если какой-то текст Священного Писания не приемлем для меня в нравственном отношении, я читаю его просто как Слово Божие, смысл которого иногда понятен мне, а иногда непонятен. Но, если что-то мне непонятно, это не причина для смущения — мой ум ограничен, да и вообще человеческий ум ограничен, и не всё нам открыто в Священном Писании. Святитель Игнатий (Брянчанинов) где-то писал, что на Псалтири лежит покров некоторой неясности и что неслучайно Бог возложил этот покров.

Вызвавший смущение отрывок из 108-го псалма Давидова мне тоже приходилось не раз читать. Но, читая, я не молился этими словами о наказании

своих или чьих бы то ни было врагов, а воспринимал их как пророчество — предупреждение Божие грешнику, какие кары постигнут его вследствие греха.

В книге Исход Бог сам говорит о себе: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи [родов], прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода» (Исх. 34, 6–7).

Это проречение остаётся в силе и в наше время, хотя и не всегда мы это ясно видим. Но ни благословение (в тысячи родов!), ни проклятие за грех предков до четвёртого рода не связывают свободы человека. И тот, кто терпит наказание за грех родителей (скажем, человек, родившийся со СПИДом от матери-наркоманки), не лишён способности верить в Бога, благодарить Его и со смирением нести свой тяжкий жизненный крест. А это уже привлекает милость и благодать Божию, и проклятие может обернуться благословением.

Так же и наоборот: носитель великого родового благословения, если не оправдает его своей верностью Богу, своим личным усилием жить по воле Божией, будет ответственен за то, что пренебрёг Божиим благословением.

Я думаю, нам никогда не следует смущаться никакими словами Священного Писания, а относиться к ним с детской доверчивостью. В Священном Писании нет никакого зла и неправды, а, если истинного смысла каких-то слов Библии я не могу постигнуть, Господь не спросит с меня за это, не отнимет своего благословения и не накажет моих потомков до четвёртого рода.

Батюшка, у вас есть любимая молитва?

Это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд. Ответ на него зависит от того, чем для нас является молитва.

Поскольку слова молитвы — написанный кем-то текст, этот текст может вызывать у читателей и слушателей разные эстетические переживания и, соответственно, больше или меньше им нравиться. Поскольку молитвы в церкви часто поют, то сказанное можно отнести и к мелодиям, на которые мы распеваем молитвы. Например, мне очень нравится «Покаяние» Веделя — и слова содержательные, и музыка захватывающая.

Но если вспомнить, что молитва — это не просто читаемый или распеваемый текст, а обращение реально погибающего грешника к Всемогущему Спасителю, но и Всеведущему Судии, то описанное выше отношение к молитве можно прокомментировать следующим примером. Человек напился пьяным, устроил в доме пожар и так глубоко уснул, что очнулся, когда уже вся квартира оказалась охваченной пламенем и выйти из неё через дверь стало невозможным. Человек распаивает окно.

Будет ли он при этом рассуждать: «Как бы мне обратиться к подъехавшим пожарным? Дорогие товарищи, окажите мне посильную помощь? Или, уважаемые господа, я рад всех вас видеть»? Если этот человек действительно очнулся, то он не будет искать красивые слова, а просто закричит: «Помогите!» Если же человек подбирает «любимые молитвы», значит, он ещё не осознал своего действительно ужасного положения.

Если понять заданный вопрос в чисто практическом смысле, то лучше всего для личной молитвы использовать обычные церковные молитвословы,

в которые включены молитвы святых отцов и подвижников благочестия. Эти слова вылились из их чистых сердец, и поэтому Церковь рекомендует их как образец всем христианам.

А если не по молитвеннику, то всем известна упомянутая Господом в Евангелии молитва мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешному», есть Иисусова молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Есть, наконец, «Отче наш» — молитва, данная нам Самим Господом. Эти молитвы, безусловно, для всех хороши, их любому можно посоветовать. Молитесь: «Господи, помилуй». А придумывать молитвы ни в коем случае не надо.

ОБ ИСПОВЕДИ И ДУХОВНИЧЕСТВЕ

У любого ли священника есть дар духовничества? И можно ли научиться быть духовником, обрести опыт общения с людьми?

В Церкви на Руси так издревле сложилось, что все приходские священники были духовниками. Само по себе это не хорошо и не плохо; важно не изображать из себя старца. Принять исповедь у человека; сознавая свою малоопытность, не лезть с советами, а просто помолиться — для этого не обязательно быть большим подвижником и тем более прозорливым старцем. Дай совет: «Потерпи, помолись, Бог милостив», — не ошибёшься. Совершать таинства, сочувственно выслушивать людей и молиться о них — это отнюдь не маловажно, и это обязанность любого приходского священника.

Но чтобы давать духовные советы, нужно самому иметь духовный опыт, и тогда можно им делиться. Если я думаю, что имею дар давать советы, это уже само по себе опасно, и стоит подумать, почему я так думаю, и кто мне такие мысли внушает. Но вообще долг каждого христианина, не только священника, если к нему обращается человек, делится какой-то проблемой, подумать, что я могу ему подсказать, как помочь.

Нельзя навязывать свою волю — я тебе что-то посоветовал, теперь свято неси послушание. Послушание — тонкий вопрос. Суть послушания, если говорить в общем, состоит в том, что человеку каким-то образом открывается воля Божия, и он её — со скорбью или без скорби, но добровольно — исполняет или принимает. Иногда всё сравнительно просто: дети должны слушаться родителей, подчинённые — начальников. В таких случаях старший может, а иногда и должен, требовать исполнения его распоряжений (подробно об этом говорить сейчас не будем).

А вот духовное послушание, когда внешняя обязанность отсутствует, но я верю, что через слово такого-то человека мне возвещается воля Божия, — это явление великое и в то же время опасное. Как настоятелю мне по службе обязаны послушанием все сотрудники и даже прихожане храма. А слушаться моих советов в духовной жизни никто не обязан, и я не должен никому тут ничего навязывать.

Духовное послушание — это великий и трудный дар, причём дар не столько тому, кто говорит, сколько тому, кто слушает. Ещё попробуй понеси этот дар, ещё хочу ли я Божьей воли, а не своей. Воля Божия нередко противоположна нашей воле. Принять волю Божию навсегда и во всём — это прямой и быстрый путь к святости, как у преподобного Досифея. Нам до этого ох как далеко.

Но бывает дар поменьше, когда у христианина есть доверие к какому-нибудь священнику, и он чувствует, что хорошо, полезно для спасения души слушаться этого священника. Это тоже дар немалый и редкий, который нужно принять и хранить. Для сохранения дара пусть будет поменьше душевных отношений, поменьше «умиления» батюшкой и рассказов ему про свои переживания, поменьше

рассказов окружающим о нём, нужно искренне исповедоваться, а получив совет духовника, стараться его исполнить.

Мы же часто в общении с духовником не ищем Божьей воли, а ищем, как нам лучше исполнить свою волю. Я хочу поступить в институт и говорю: «Батюшка, в какой институт поступать мне — в Рыбный или в Высшую школу экономики?» Я надеюсь, что если батюшка мне скажет «в Рыбный», то я в него поступлю. А если я не поступлю даже в Рыбный, то значит батюшка плохой и не духовный. Задавая вопросы своим духовникам, мы, как правило, ищем не спасения души, а успеха в житейских делах.

Есть опасность для духовника принять уважение и любовь со стороны паствы за признак своей духовной одарённости и едва ли не святости. И это искушение не так редко, как может показаться. Младостарчество — болезнь не только каких-то духовных монстров, а очень многих и многих из нас, и я ей не чужд. Здесь, я считаю, большое заблуждение, не только для молодых священников, но и для опытных, думать о себе, что это мои чада, что я их веду, я ими руковожу. Как один батюшка (хороший батюшка, кстати) про одного своего духовного сына сказал: «это овощ с моего огорода». Такое отношение — ошибочно.

Представим житейскую ситуацию. Иду я по улице, вижу — лежит человек, ногу сломал; чем могу, я должен помочь. Если я сам врач, значит, должен сразу перевязать, шину наложить, первую помощь оказать; если не умею — Скорую помощь вызвать, постоять рядом, пока она приедет. Так и священник — стоит, исповедует, люди приходят с вопросами, куда их отправишь? Надо как-то отвечать. Но не настаивая, не толкая на какие-то непосильные подвиги, не ломая души людей.

Большая радость, что у нас сейчас изданы и даже переизданы жизнеописания святых старцев — Серафима Саровского, Оптинских отцов и многих других. Но читая эти книги, мы зачастую не учимся смирению, терпению, отсечению своей воли ради воли Божьей. Нам хочется, чтобы батюшка пришёл, и стало так тепло-тепло, я ему всё рассказала и вся облилась слезами. И батюшке приятно вести себя как старец из книжки — пошутить, по голове два раза постучать: «Ну, что ты, дурочка, так расплакалась, всё у тебя будет хорошо. Иди с миром». Изображать можно всё, что угодно, но это не имеет никакого отношения к делу. Серафима Саровского старцем делала не согбенность, и не благостный лик, и не знаменитое «Радость моя, Христос воскрес!», а то, что он давал советы не от своего великого духовного опыта, а от Духа Святого, наполнявшего его простую и бесстрастную душу.

Священник должен смотреть на духовничество, как на свою служебную обязанность, и с Божьей помощью исполнять её по мере сил. А если он будет думать, что он пастырь, руководитель и чуть ли не спаситель — это дурной знак.

Недавно священника, которого я считаю своим духовником, перевели в другой храм. Добираться мне туда полтора часа. Теперь, чтобы успеть на службу, в воскресенье приходится вставать на полтора часа раньше. Могу ли я, исповедовавшись у него в субботу на всенощной, причаститься на воскресной Литургии в храме рядом с домом?

Исповедь перед причащением установлена для того, чтобы человек открыл свою совесть священнику и тот или благословил ему причаститься, или —

если для этого есть канонические основания — наложил на него временное запрещение. Священник может и просто подать человеку отеческий совет воздержаться в этот раз от причастия по той или иной причине.

В Русской Православной Церкви (в отличие, кстати, от некоторых Поместных Церквей) всем приходским священникам (кроме отдельных случаев, всегда имеющих характер наказания со стороны священноначалия) доверено принимать исповедь мирян перед причастием. И со стороны священника думать, что он сам или священники его прихода какие-то особо духовные и лучше могут осуществлять данную Богом вообще священству власть связывать и разрешать (см. Мф. 18, 18), это проявление гордости или недопонимания сути вопроса.

Поэтому не может быть никаких оснований требовать, чтобы христианин, который вечером исповедался в одном храме, обязательно и причастился в этом же храме. Не может также быть и никаких причин настаивать, чтобы человек, который пришёл причащаться, получив накануне у священника другого храма благословение на причащение, заново исповедался.

Люди часто ищут духовника, то есть прямо специально занимаются поиском. Это правильно?

Я думаю, что надо всем людям искать Божью волю. Потому что наше спасение как раз и состоит в том, чтобы наша воля слилась с Божьей волей. Замечательно сказал Антуан де Сент-Экзюпери: «Любить — это значит смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении». Вот надо с Богом смотреть в одном направлении, хотеть того, чего хочет Бог, искать Его волю. Если действительно

Бог эту жажду внутри человека видит, то найдёт, как им руководить.

Бывает, что Бог пошлёт такому человеку истинного духовного отца, и тогда это — великий дар, который надо хранить. Собственно, даром Божиим в этом случае является духовное послушание, хранится дар такого послушания как раз самим послушанием. Это настолько редкое явление, что о подробностях и говорить не стоит.

Но для всякого человека, недавно пришедшего в Церковь, бывает полезно обращаться за советами к какому-то конкретному священнику и без нужды не бегать с одним и тем же вопросом к разным батюшкам. Важно только, чтобы священник был доброй нравственности и советовал, а не навязывал своего руководства. Наверное, такое окормление не будет идеальным, но и не будет губительным; всё же это лучше для новоначального, чем совсем не иметь духовного руководства.

В какой мере этот новоначальный осознаёт свою неспособность без помощи более опытных в духовной жизни людей разобраться в постоянно возникающих проблемах, в такой мере душа его открывается к Богу и даёт возможность Самому Богу руководить им даже и не через духоносного старца, а через обычного приходского священника.

А если не искать Божьей воли, зачем искать духовника? Почему надо обязательно ходить только к одному батюшке? Я стараюсь не отслеживать, кто у меня или у другого священника исповедуется. Пусть каждый поступает свободно, как уж его Бог вразумит. Потому что если Бог кому-то через священника открывает Свою волю и этот человек старается оказывать послушание ради спасения души, то оба будут спасаться. А если нет, то что в этом духовничестве?

Попутно отмечу опасность излишней душевности в духовных отношениях. Многие женщины, к сожалению, чувствуют одиночество и неустроенность в семье. И вот, придя в храм, женщина встречает мужчину, который хорошо выглядит — ряса всякому идёт — не бросается на неё и готов её выслушивать, притом с сочувствием, а если он ещё при этом тёплым тоном приятные слова говорит — тогда полное счастье. И женщина находит в общении со священником то, чего не находит у себя дома. Но эта подмена — тонкое блудное искушение, крайне опасное и для женщины, и для священника.

Когда человек приходит на исповедь, он должен суметь открыть все самые тёмные стороны своей души. Но бывает, что даже самому себе трудно признаться в каком-то грехе, настолько он мерзок, и, конечно, сказать о нём духовнику ещё тяжелее. Как преодолеть в себе это стеснение или смущение?

Человек не должен стараться как-то искусственно раскапывать тёмные глубины своей души. Нужно стремиться к простоте и искренности. Мы знаем заповеди Божии, знаем, что нарушение их ведёт нас к вечной муке. Поэтому мы стараемся бороться со своими страстями, прибегая, при этом, и к таинству Исповеди. Всё, в чём совесть меня обличает, я должен на исповеди открыть в надежде, что милосердный Бог простит меня и поможет исправиться в будущем.

По мере очищения сердца человек начинает лучше видеть состояние своей души, и получается парадокс: чем человек чище, чем ближе к Богу, тем он видит себя более грешным. А люди, погрузившиеся в глубину греха, порой кажутся себе невинными.

Нам бывает трудно сознаться самим себе в какой-то своей страсти по единственной причине — гордости. Приятно думать о себе, что ты хороший, чуть ли не святой. Но так же приятно было и королю из известной сказки Андерсена представлять себя хорошо одетым. А король-то был голым! Так что лучше уж знать себя и не обманываться.

А духовника мы стесняемся по тщеславию. Нам кажется, что если мы будем про себя рассказывать всё хорошее, то он будет лучше о нас думать и лучше к нам относиться. Но, во-первых, Бога-то мы не обманем, а каковы мы в очах Божиих, несравненно важнее того, какими мы представляемся духовнику. А во-вторых, и духовник, если он опытный, не обольстится нашей лукавой исповедью, а только пожалеет о нашей духовной слепоте или — ещё хуже — лицемерии.

С другой стороны, не следует вдаваться на исповеди в излишние подробности. Нужно назвать грех по роду, например: «блудные помыслы» или «обижала родителей», а подробно пересказывать эти помыслы или грубые слова без особой нужды не следует.

Я слышала от некоторых людей, что исповедоваться духовнику не обязательно, что можно самому исповедовать свои грехи Богу, находясь дома или ещё где-то. Правильно ли это?

Прежде чем ответить на этот вопрос необходимо вспомнить, в чём состоит наше спасение и от чего мы спасены Иисусом Христом. Грехопадение создало как бы трещину в глубине человеческого естества между человеком и Богом, но Отец Небесный послал Сына Своего Иисуса Христа, чтобы в Нём Божество соединилось с человечеством.

А Христос создал Церковь — богочеловеческое единство, Тело Христово, и, таким образом, всякий человек, становясь членом Церкви, обретает во Христе единство с Богом.

Но своё единство с Богом мы постоянно нарушаем нашими грехами и страстями, которые отвергают нас от Церкви. Как, бывает, у кого-нибудь воспалится, например, рука. Если её не лечить, воспаление может перейти в гангрену, так что придётся руку ампутировать. Покаяние и есть лечение души, заболевшей грехом, чтобы душа не отпала от Бога окончательно и не погибла вовеки. А таинство Исповеди — важнейший момент покаяния, примирение грешника с Церковью. Как же можно примириться с Церковью, отвергая её святые таинства и вообще церковную жизнь?!

Что касается посещения храма, то, разумеется, мы должны молиться Богу не только в храме, но всегда и везде (есть даже апостольская заповедь о непрестанной молитве). Разумеется, Бог может нас простить, где бы мы ни находились. Но человек, который не хочет ходить в церковь, пусть подумает: «А почему, собственно, я не хочу? Не оттого ли, что мне просто лень, просто хочется сидеть дома у телевизора или ещё чем-то заниматься, только бы не участвовать в богослужении?»

Хорошо, если человек приходит исповедоваться впервые в 7 лет, как это и положено. А если в 47 или в 77? Когда позади уже столько накопилось, что и не вспомнишь. С чего начать, как сделать первый шаг?

Взрослому человеку нужно очень серьёзно готовиться к первой исповеди. Конечно, невозможно вспомнить все свои греховные поступки, да это

и не нужно. Главное — не лицемерить. Если были тяжкие грехи, значит нужно так и сказать, что убивала детей во чреве или изменяла мужу, например. А перечислять все случаи, которых у некоторых людей бывает очень много, как правило, нет необходимости. Бог не мелочен.

Главное, чтобы человек прекратил греховную жизнь, никого не осуждал и — что очень важно — безропотно, даже с благодарностью терпел посылаемые Богом скорби, видя в них, с одной стороны, последствия своих грехов, а с другой — очистительное действие Божьей благодати.

Большую помощь при подготовке к первой исповеди может оказать небольшая книга покойного архимандрита Иоанна (Крестьянкина) «Опыт построения исповеди по десяти заповедям». Есть и другие хорошие книги на эту тему.

Скажите, правда ли, что на Афоне у монахов на поясе всегда висит блокнотик и карандаш, куда они записывают каждое неверное движение своей души, чтобы потом исповедать духовнику? Если это так, то как же нам быть в миру, где мы грешим ежеминутно, как спастись?

Я на Афоне не был и ни от кого не слышал о повсеместности обычая постоянно записывать свои помыслы. Но известно, что и в древности некоторые подвижники так делали, и в наше время некоторые люди записывают по возможности все свои не только греховные поступки, но и помыслы.

Однако вопрос этот не принципиальный. Если человеку удобно постоянно вести какие-то записи, пусть ведёт. А если ему это в какой-то момент неудобно — никто не заставляет. Важно, чтобы человек исповедовался искренне, чтобы он обличил

свой грех перед духовником, не предавался ложному стыду и самооправданию, чтобы хотел исправиться, и без ропота терпел всё посылаемое ему Богом.

Как возлюбить Бога всем сердцем и возненавидеть грех всей душой своей? А то бывает, что мы и осознаём грех, и раскаиваемся в нём, но делаем это как-то механически. Батюшка, как же научиться со слезами каяться и так возненавидеть свой грех, чтобы никогда не возвращаться к нему?

То состояние, которое Вы описали, когда человек всей душой возненавидел грех и возлюбил Бога, — это великие плоды, а вовсе не первые шаги покаяния. Пока обретём эти плоды, будем падать и подниматься, но не будем отчаиваться. Как согрешаем постоянно, если не делом, то помышлением, так и каяться должны постоянно. Сказано: «Непрестанно молитесь» (Фес. 5, 17).

Я бы привёл такой пример. Бывает, чистая девушка ждёт своего жениха, чтобы вступить с ним в законный брак. Такая девушка ожидает от возлюбленного всякого утешения, как чего-то естественного. И справедливо.

А бывает, жена изменила мужу и продолжает изменять, жалеет об этом, а остановиться не может, просит прощения и в тот же час опять изменяет. Может муж её простить? Может. Но это с его стороны — великая милость, на которую жена-изменница не имеет никакого права. Она должна каяться, но ни на что не должна рассчитывать.

Так вот, мы должны были бы в отношении к Богу, Небесному Жениху, сравнивать себя с женой-блудницей, а не с чистой девушкой, потому что мы Ему постоянно изменяем. Мы не достойны великих

дарований, к которым относятся духовные слёзы (эти слёзы, кстати сказать, никакого отношения не имеют к слезливости и никогда не даются людям, которые ищут и жаждут в духовной жизни каких-то «переживаний»).

На самом деле искренность покаяния определяется совсем не эмоциями, а тем, насколько человек благодушно терпит скорби. Замечательно сказал об этом преподобный Марк Подвижник: «Разумный и познавший истину исповедается Богу не воспоминанием о сделанном, но терпением постигающих его злоключений» (Слово 2 «О тех, которые думают оправдаться делами», глава 155).

Скорби (страдания, а то и смерть близких людей, свои болезни, неприятности на работе, материальные потери и прочее, и прочее) — далеко не случайный и не посторонний момент в духовной жизни человека. Ведь очень мало таких людей, которые по благодати Божией решаются сами отсечь все свои страсти. Это великие подвижники. А немощному человеку такое бывает не под силу по самым разным причинам.

И вот милосердный Бог Сам начинает бороться с нашими страстями. Например, человек привязался к маринованным огурцам, а ему посылается гастрит, и приходится отказаться от ставших дорогими сердцу огурчиков. Можно благодарить Бога за душеполезное вмешательство, а можно возроптать, что вот я, мол, строго постился на одних маринадах и вместо благодарности от Бога получаю болезнь. Таким выбором между благодарностью и ропотом, в конце концов, решается наша вечная участь. «Господь сносит всякие немощи человеческие, не терпит же человека, всегда ропщущего», — пишет преподобный Исаак Сирин.

От нас: молитвенный труд, милосердие к ближним, неосуждение их, посильный подвиг борьбы

со страстями и благодушное терпение скорбей — всё это, конечно, с помощью Божией. А плоды такого непрелестного делания — непрестанное сердечное единение с Богом и решимость не грешить — это исключительно дар благодати. Он не может быть заработан, но мы можем его получить. Сроки? Настраиваться нужно на всю жизнь.

Ответ на большое письмо читательницы газеты «Красногорские вести».

Автор письма несколько пренебрежительно высказывается о заповедях Божиих, а пренебрегать ими не стоит. Человек, который собрался идти пешком через тайгу, не будет беззаботно говорить: «Я маршрут, конечно, не изучал». Заповеди — это указания, которые дал нам любящий Бог, чтобы мы могли с их помощью выбраться из греховной пропасти, в которой находимся, и взойти в Царство Небесное. И путь этот нисколько не менее сложен и опасен, чем путь через глухую тайгу.

Что касается убийства ребёнка во чреве матери, то, конечно, плохо, что девушку изнасиловали, выгнали из родного дома и из институтского общежития. И, конечно, ей трудно будет растить бедного малыша, если она его не убьёт. Но что это за логика: «Мне трудно тебя прокормить, поэтому я тебя убью»? Очень напоминает слова известного персонажа О'Генри, который сказал их перед тем как застрелил своего товарища: «Мне очень жаль, что твоя Гнедая сломала ногу, но Боливар не выдержит двоих».

Далее читательница пишет: «В общем, получается, что не живёшь, а только и делаешь, что грешить». Но так оно и есть! Мы действительно не живём полноценной духовной жизнью, а погружены

в греховную суету: кто по шею, а кто уже с головой. Только не Бог и не Церковь Христова в этом виноваты. Мы вольны пренебрегать заповедями Божиими, но Страшный Суд будет — хотим мы того или не хотим, верим в это или не верим — и если мы к нему не подготовимся, исправляя свою жизнь по заповедям, если не очистим свою душу покаянием, то на Страшном Суде придётся нам плохо. Церковь не придумывала заповедей — Бог дал нам их в помощь. Зачем же на эту помощь обижаться?

Относительно приятеля, который «ради смеха» обманул священника и «изобразил исповедь», что сказать? Больной раком думал, что он здоров, пошёл к врачу и сказал, что у него насморк. Врач с его слов выписал ему капли от насморка, и этот больной раком пошёл весело рассказывать друзьям, как он ловко обманул врача. Бедный больной!

Почему священник прочитал над этим несчастным обманщиком разрешительную молитву? Почему он не прозрел в нём кощунника? Потому что дар прозорливости — великая редкость, и большинство святых, не только простых людей (в том числе священников), его не имеет. А бывает, что и святой, имеющий дар прозорливости, ошибётся. Но исповедующие священники не занимаются расследованиями, мы предполагаем, что люди, приходящие на исповедь, стараются быть искренними.

Для того чтобы отказать человеку в совершении таинства Исповеди нужны очень серьёзные причины. Если человек открыто ведёт греховный образ жизни (имеются в виду не обычные человеческие страсти, с которыми всем нам приходится каждодневно бороться, а тяжкие смертные грехи), то священник не должен разрешать ему причащаться и не должен принимать у него исповедь, пока он не исправится.

Если человек грешит тайно, но сам сообщает священнику о своих беззакониях (блуде, разбое, занятиях магией и т. п.) и при этом не обещает прекратить их, то священник тоже должен отказать этому не кающемуся грешнику в разрешении грехов. Но — повторяю — мы не занимаемся следствием, поэтому обмануть священника на исповеди совсем нетрудно. Только греховная язва в душе такого обманщика становится ещё более глубокой.

Читательница возмущается, что её соседи регулярно причащают ребёнка в Церкви, а сами говорят, что если он «кагору в церкви попьёт, то вреда от этого не будет». И я согласен с читательницей: её соседи говорят неправду! Мы причащаемся в Церкви не кагору, а Телу и Крови Богочеловека Иисуса Христа.

Автору письма хочется иногда, переступив через свою многоопытность и самостоятельность, прибежать в храм Божий и броситься на колени с искренним покаянием: «Грешница я, простите, ради Бога!» Ну и прибежала бы! Смущаться тут нечего. Никаких изумлённых глаз у священника не будет, потому что покаяние — естественное и хорошее состояние для грешника. И не так уж редко нам приходится общаться с искренне и глубоко кающимися людьми.

Изумляться и плакать нужно, когда грешник не кается, так же как горько бывает видеть больного смертельным недугом, который по легкомыслию или гордости отказывается от спасительного лечения.

Нашу читательницу также смущают предполагаемые «ухмылочки тех, кто в церкви». Те, кто реально в Церкви, а не только телом там пребывают, не будут ухмыляться, а будут радоваться покаянию сестры во Христе и молиться за неё. А на тех, кто лицемерно совмещает внешнее благочестие с безбожной жизнью, не нужно обращать внимания.

Неоднократно видела в церкви очередь на исповедь. Иногда на вопрос «Кто последний?» отвечают: «Здесь вам не магазин». Так по какому же признаку должны миряне подходить к священнику на исповедь? Ждать, пока позвучат? Соблюдать очередь? Но ведь Церковь — действительно не магазин!

Мне думается, всем членам приходской общины от настоятеля до новоназначенного прихожанина следует поступать так, как принято в данном конкретном храме. Если принято ожидать исповеди, выстроившись в колонну, как это действительно бывает в магазинах, пусть будет так. Если принято стоять в рядок, так что священник сам подзывает на исповедь, и это хорошо.

Мне, например, удобнее, когда прихожане стоят в рядок. Я их сам подзываю, обычно стараюсь пораньше отпустить стариков и детей с их родителями. Такой вид очереди легко саморегулируется; то есть те, кому нужно пройти пораньше, легко могут встать поближе. Заметные неудовольствия прихожан друг другом в связи с местом в исповедальной очереди у нас бывают крайне редко и легко прекращаются замечанием или даже взглядом священника. А с незаметными, то есть внутренними, искушениями прихожане должны сами бороться.

Кстати, я обратил внимание, что люди становятся в том или ином порядке самостоятельно, и изменить этот естественно установившийся порядок бывает нелегко. Я после всенощной и за ранней литургией исповедую в одном и том же месте нашего храма. Так вот после всенощной люди всегда встают в рядок, а утром — всегда колонной. Раньше не раз пытался перестроить колонну в рядок — по-хорошему не получается, а по-плохому я и сам не хочу и смиряюсь.

Говорить «здесь вам не магазин» — это грубость, не оправдываемая никакими обычаями. Но, если вас оскорбили, хотя бы даже и в храме Божиим, полезнее для души простить обидчика и помолиться за него, чем отвечать грубостью на грубость или жаловаться. Впрочем, если грубость исходит от церковного служителя, может быть, есть смысл рассказать об этом настоятелю. А то как же настоятель сможет исправить положение, не зная, как ведут себя церковные служители?

Совсем без очередей на исповедь в многолюдном приходе, как правило, не обойтись, но одно дело — очередь на исповедь после вечерней службы, а другое — очередь на исповедь во время праздничной литургии. Первое, я считаю, — дело нормальное, а второго, конечно, желательно избегать.

Насколько я понимаю, та общая молитва, которую читает священник перед исповедью, является частью таинства. Но чтобы попасть на неё, необходимо прийти к самому началу исповеди, а это получается не всегда. Иногда исповедь начинается, когда стоишь в очереди на помазание, и тогда не знаешь, куда деваться — то ли идти на помазание, то ли бежать слушать молитву. Иногда приходишь с утра на исповедь, а она уже началась. А иногда, если священник выходит исповедовать отдельно одного-двух человек, например, перед причастием, он эту молитву вообще не читает. Насколько важно попасть на самое начало исповеди и выслушать общую молитву? Можно ли идти исповедоваться, если это не удалось?

Слова «выслушать общую молитву» для меня звучат странно. Молитва — во всех степенях и формах

— это общение с Богом. Что тут выслушивать? Когда во время богослужения возглашаются, читаются или поются какие-то молитвенные тексты, то в зависимости от их содержания нужно стараться или тоже молиться этими словами (например, «Помилуй нас, Господи, помилуй нас»), или следовать призыву (например, «Паки и паки миром Господу помолимся»), или, когда священник молится о нас (например, произносит две молитвы из чина исповеди), молиться самому в соответствии с ситуацией.

Что касается присутствия на всём чине исповеди, то дело не в формальностях. Если человек просто нуждается в благословении на причастие, такое благословение можно получить и вне чина. Если человек пришёл посоветоваться о каких-то духовных вопросах, то и это не имеет прямого отношения к «выслушиванию молитв» из последования исповеди.

Если действительно пришёл каяться в своих грехах, но по какой-то причине опоздал к началу таинства, покайся и в этом опоздании, если виноват (поленился пораньше выйти из дому, например), но не отказывайся от исповеди и, если собирался, — от причастия Святых Христовых Таин. Это если священник за опоздание не допустит до причастия, тогда его решение, конечно, нужно принять со смирением и послушанием, потому что священнику от Бога дана власть «вязать и решить».

И ещё раз скажу, что ко всем церковным священнодействиям нужно подходить не формально, а по существу. В таинстве исповеди главное — восстановление нарушенного единства с Церковью, Телом Христовым. Об этом и нужно заботиться, а не о выполнении правил самих по себе.

За некоторые тяжкие грехи (убийство, занятия оккультизмом) предполагается отлучение

от причастия чуть ли не на 20 лет. Правила эти никто не отменял, но сегодня они практически не применяются.

Я думаю, сегодня многолетняя епитимья не может выполнять свои функции — врачевания души, примирения её с Богом. В Византии это было возможно. Весь народ там жил церковной жизнью, и совершивший тяжкий грех оставался членом общины, которая была собрана вокруг церкви. Вот и представьте: все идут на службу, а он остаётся на паперти. Не в кино идёт и не у телевизора на диване лежит, а на паперти стоит и молится! Через некоторое время начинает входить в храм, но не может причащаться. Все эти годы епитимья он молитвенно кается, осознавая своё недостойнство. Конечно, и в те времена не всегда люди калялись искренне, но смысл епитимьи сохранялся.

А что будет сегодня, если мы человека, например, на пять лет отлучим от причастия? Не члена общины, а, скорее всего, того, кто впервые в жизни в 40–50–60 лет пришёл на исповедь. Как не ходил он в церковь раньше, так и теперь не будет. При этом «законно» скажет: «Мне батюшка не разрешил причащаться, вот я и лежу дома, пью пиво, а когда пройдёт срок епитимьи, пойду причащаться». То есть в современных условиях, накладывая многолетнюю епитимью на человека, впервые пришедшего в храм, мы, по сути, легализуем его нецерковность. Смысл? Ведь человек, пребывающий в смертном грехе и не желающий каяться, менять свою жизнь, и так не может причащаться до покаяния. Если же он изменился, сокрушается о содеянном, я считаю, даже при самых тяжких грехах если и запрещать ему причащаться, то ненадолго, особенно пришедшим впервые.

К церковным людям отношение должно быть более строгое. К счастью, церковные люди не так уж

часто впадают в тяжкие смертные грехи, но помню случай, когда сделала аборт постоянная прихожанка, которая не один год ходила в храм, причащалась. Тут епитимья была уместна, и женщина не роптала, когда ей назначили епитимью — совесть-то есть у человека.

Когда же приходит пенсионерка, которую в детстве бабушка водила к причастию, потом она стала пионеркой, комсомолкой, заблудила, сделала аборт, а через 40 лет задумалась о Боге, какая тут может быть епитимья? Даже если недавно был сделан аборт, но женщиной нецерковной, которая ходила по путям мира сего, а теперь уверовала и раскаялась, я тоже не думаю, что надо накладывать на неё длительную епитимью.

Замечу, кстати, что священник может накладывать сколько-нибудь продолжительные епитимьи исключительно с согласия самого кающегося. Право церковного суда есть только у собственно церковного суда и у правящего архиерея.

Что делать, если грехи всё время одни и те же? Они ведь и правда всё время одни, исправиться не так просто. И что же делать? Не приходится на исповедь до тех пор, пока не исправился? Значит, и не причащаться всё это время? Или всё-таки приходится и исповедоваться снова и снова в одном грехе? Как избежать формализма при частой исповеди? Как не превратить её в рутинную процедуру для галочки, лишь бы допустили до причастия? Есть мнение, что исповедь и причастие — это два разных таинства, которые не должны быть привязаны друг к другу. Может быть, и правда стоит их разделить? Или нет?

Проблема, на мой взгляд, не так сложна, как кажется. Просто нужно признать, что по сложившейся

почти повсеместно в России приходской практике под одним обрядом, называемым «исповедь», существует несколько нужных и важных церковных явлений, которые могут происходить одновременно, но которые всё же нужно различать. Сразу скажу — я не предлагаю никаких реформ, пусть обычаи — даже не вполне удачные — сохраняются, пока перемены не созреют в душах людей, а тогда перемены, если они действительно нужны, произойдут сами собой и безболезненно. О каких церковных явлениях под обрядом исповеди идёт речь?

Во-первых, собственно таинство Исповеди, как оно было установлено изначально. Это когда христианин впал в тяжкие смертные грехи, которые отсекают его от церковного общения. Такой человек должен прекратить эти грехи, а потом уже идти к священнику, объявить их и, возможно, понести епитимью. После этого он получает от Церкви «прощаю и разрешаю», то есть принимается в церковное общение.

В наше время в этом отношении мало что изменилось с древних времён, только значительно менее суровыми стали епитимьи. И в наше время, если скажем, на исповедь приходит человек и сообщает, что живёт с чужой женой, то, пока он не прекратит это безобразие, исповедь у него не принимается, таинство не совершается и до причастия он не допускается. Есть не только телесные, а и душевные грехи, несовместимые с причастием Тела и Крови Христовых, например, если кто-то отказывается простить своего обидчика.

Кстати, не нужно путать такое запрещение причастаться человеку, который упорно пребывает в смертном грехе, с более или менее длительной епитимьёй, которая накладывается на раскаявшегося человека, прекратившего произвольно впадать

в тяжкие смертные грехи. Пока прелюбодей не перестанет прелюбодействовать или разбойник не прекратит заниматься разбоем он не может быть допущен к Святой Чаше независимо от сроков.

Нуждаются в подробной исповеди за всю жизнь также люди, которые никогда или очень давно не исповедовались и не причащались. В большинстве случаев у них на совести оказываются тяжкие грехи, но даже если смертных грехов не было, такие люди принимаются в церковное общение через таинство Исповеди.

Таинство Исповеди бывает также уместно при грехах, как их называет преподобный авва Дорофей, против устроения. Вот что он пишет: «Бог оставляет человека тогда, когда он сделает что-либо против своего устроения, например, если кто был благоговеен, и уклонится в бесчинную жизнь; или был смирен, и сделается наглым. И не столько оставляет Бог проводящего порочную жизнь, когда он живёт бесчинно, или наглого, когда он гордится, сколько Он оставляет благоговеющего, когда этот делает бесчиние, и смиренного, когда он возгордится: это и значит грешить против своего устроения, и от сего происходит оставление» (Поучение 12).

Каждый человек имеет своё устроение, молитвенную и нравственную меру, он её знает и чувствует. Речь идёт не о той мере, которая ведома одному Богу и о которой нам заповедано: «Не судите, и не будете судимы» (Лк. 6, 37), а о том, что один человек, например, знает только устную молитву, другой старается держать ум в словах молитвы, третьему дано молиться умом в сердце. Это молитвенные меры, а есть нравственные. Например, кто-то по временам впадает в блуд и кается в этом; другой в блуд делом не впадает, но иногда явно кокетничает; третий ничего такого себе не позволяет, но регулярно

посматривает непристойности в интернете; четвёртый, бывает, увлекается греховными помыслами; пятый, если и примет нечистый помысел, то сразу в нём кается; а бывают такие люди, которые греховных помыслов совсем не принимают.

Все они находятся в разных устройствах относительно в первом случае — молитвы, а во втором — страсти, и состояния эти устойчивы; каждый из нас, кстати, знает это на своём опыте. Перейти в более высокую меру просто так не получается при всём желании — нужно особое действие Божией благодати. Но и в более низкую меру человек не сразу проваливается. Обычно, если и согрешит против устройства, но сразу покается, его мера сохраняется. Вот в таких случаях тоже бывает полезно, а иногда необходимо таинство Исповеди. Душа человека, согрешившего против своего устройства, томится и жаждет таинственной помощи от Церкви.

Но ни в тяжкие смертные грехи, ни даже в грехи против своего устройства постоянные прихожане наших храмов не впадают — слава Богу! — каждую неделю. Может быть, если ничего такого не произошло, разрешить всем людям причащаться без исповеди?

Это вполне уместно в регионах, где мало православных. Одна наша прихожанка несколько лет прожила в США и рассказывала, что в их приходе не принято было исповедоваться перед причастием, а когда человек нуждался в исповеди, он договаривался со священником по телефону и приезжал в церковь специально для этого. Но там настоятель лично знал всех своих немногочисленных прихожан, у нас такое бывает разве только в глухих деревнях.

А в нашем приходе — отнюдь не самом многолюдном — постоянных прихожан сотни, да ещё есть множество людей, которые ходят в храм редко, но иногда причащаются, и есть ещё люди приезжие.

Очень многих я и другие священники нашего храма совсем не знаем или знаем мало, но это ещё не означает, что никому из них нельзя причащаться.

Если просто разрешить всем причащаться без исповеди, это приведёт к тому, что многие люди потеряют благоговение перед святыней, станут относиться к величайшему таинству как к одному из многочисленных обрядов. Поэтому обычай исповедоваться перед причастием в наших условиях я считаю разумным и нужным, но надо понимать, что это именно обычай, а не канон и не догмат.

Я против того, чтобы устраивать особые порядки для, так сказать, «своих» или «продвинутых», это развивало бы в людях гордость и зависть. Порядки остаются одни для всех. Но если какая-нибудь прихожанка, которую я хорошо знаю, говорит мне: «Батюшка, у меня обычные повседневные грехи. Благословите в воскресенье причаститься», я благословляю. И так сложилось, что многие постоянные прихожане и сотрудники исповедуются, когда чувствуют в этом необходимость, а на причастие берут благословение не обязательно во время исповеди.

Но если человек по каким-то причинам придёт в другой храм, в котором принято, чтобы перед причастием каждый подходил к исповеди и что-то говорил священнику, пусть следует тамошним обычаям. Это вообще не повод для спора. Глубоко человек кается или формально перечисляет грехи, зависит не от обычаев.

С другой стороны, не только среди новоначальных, но и среди тех, кто в Церкви с детства, есть люди, которые причащаются два раза в год. На мой взгляд, этого мало, но не могу же я им запретить причащаться и эти два раза. Разговаривал как-то раз с одним таким христианином, он сказал, что причащается на Рождество и на Пасху, а чаще ему тяжело.

И что теперь? Отлучить его от Церкви? Или заставить причащаться чаще? Думаю, ни то, ни другое неправильно.

В идеале мы должны всей общиной причащаться за каждой литургией. Эта норма в первые века сложилась. Но сегодня от неё есть разные отступления, и не все они плохие. Ведь во многих больших храмах, в том числе и в нашем, литургия совершается ежедневно. Понятно, что вся община не может собираться каждый день, но я не считаю, что надо отменять ежедневные литургии и по будням вместо литургии читать часы.

А вот то, что некоторые прихожане причащаются всего несколько раз в году, это отступление от нормы по нашим немощам. В Синодальный период это отступление стало признаваться нормой, считалось, что достаточно причащаться один раз в году, а пять раз в год — каждым постом и на День Ангела — это уже много. Это совсем неправильный обычай, противоречащий церковной традиции, но ведь и в то время люди достигали святости. Если человек стремится к Богу, никакие правила ему не помешают.

В наше время, я считаю, церковная жизнь устроена разумней, чем перед революцией, и тем более незачем спорить о порядках. Боюсь, от таких споров будет больше вреда, чем пользы. Надо просвещать людей, публиковать книги и статьи о смысле Божественной литургии. Слава Богу, что сейчас изданы и популярны труды отца Александра Шмемана и других великих богословов нашего времени. Но, кстати, замечу, что если административно насаждать то, что предлагал отец Александр, тоже добра не будет. Добрые обычаи должны вырастать из глубины приходской жизни. Жизнь нужно налаживать, а не администрировать на литургическую тему.

Что это за «обычные повседневные грехи», о которых я упомянул? Да всем известные: пустословие, осуждение, объедение, рассеяние на молитве, смотрение пустых передач по телевидению и шныряние по интернету, и тому подобное. Всё это грехи, конечно, но сами по себе они не препятствуют причащению, и если для конкретного человека не являются грехами против его устройства, то не требуют обязательной Исповеди как таинства.

Повседневные грехи — это постоянные проявления наших страстей. Со страстями мы должны всеми силами бороться, но наличие в сердце страстей, с которыми человек борется, не отлучает его от причастия. Тут требуется не столько совершение таинства Исповеди, сколько постоянное покаяние.

Таинство Исповеди помогает бороться со страстями, но не освобождает от них. Бог оставляет нам страсти, чтобы мы, ощущая их в себе, смирились; падая и поднимаясь в борьбе с ними, обретали духовный опыт, так что со страстями нам придётся бороться всю жизнь.

Но зачем же тогда и каяться в повседневных грехах? А это третий (после Исповеди как таинства и после благословения на причастие) смысл современной исповеди — исповедание помыслов, страстей и состояний. Каждый православный человек знает, я думаю, на своём опыте, что, бывает, душа жаждет перечислить духовнику свои, пусть обычные и повторяющиеся, грехи и страсти. Такое исповедание бывает полезно для укрепления духовных и душевных сил христианина — зачем же его отменять?

А к этому по смыслу примыкает духовная беседа. Конечно, духовную беседу можно было бы совсем отделить от исповеди, но исповедь в беседу иногда перетекает сама собой, потому что духовник, бывает, даст прихожанину совет, а тот что-нибудь спросит

и так далее — получается беседа. Кроме того, прихожанину не всегда легко «поймать» священника, чтобы с ним поговорить. А расписание исповедей висит в притворе и во дворе храма, и в Интернете, вот люди и пользуются возможностью пообщаться с батюшкой.

И последнее — в защиту бумажек. Не раз приходилось читать критические слова против того, что люди исповедуются по бумажкам, как будто отчитываются. Да пусть исповедуются, как им удобнее! У меня в церковной юности был длительный период, когда я подробно записывал, насколько хватало внимания, все свои греховные помыслы и отдавал духовному отцу на исповеди чуть ли не целые тетрадки. Потом это период прошёл. А был тоже длительный период, когда вся исповедь состояла из слов «передаю и мало и холодно молюсь». Разные бывали периоды. И — слава Богу! — мудрый пастырь не привязывался к внешнему образу покаяния, не обучал меня формальностям. Потому что душевная ткань очень тонкая, чуть пережми — и порвалась. Если духовник много внимания уделяет внешнему поведению кающегося (сокрушённый взгляд, скорбный тон, исповедь не по бумажке и тому подобное), есть опасность, что значительная часть внимания духовного чада будет уходить на то, чтобы угодить батюшке.

Пусть наши духовные чада исповедуются, как им удобнее: по бумажкам, по тетрадкам, по памяти — не этому всем нам нужно учиться, а самому покаянию.

О БОРЬБЕ СО СТРАСТЯМИ

Почему люди раздражаются и недоброжелательны друг к другу?

Мы иногда раздражаемся и бываем недоброжелательны друг к другу, очевидно, потому, что в нас много гордости и мало любви. В этом корень человеческого греха, и очень важно заметить, что, когда мы спокойны и добродушны, это отнюдь не означает, что мы не горды и действительно полны любовью к Богу и ближним.

Ведь если на огороде выросла сорная трава, её недостаточно срезать, обязательно нужно удалить корень. Так и с грехом. Совершенно недостаточно научиться благопристойному поведению, избавиться от грубых проявлений греха, нужно очистить землю своего сердца от греховных корней: гордости, тщеславия, самовлюблённости.

Правда ли, что в человеке самой природой заложен ген агрессивности?

На поведение человека влияют многие факторы: и наследственность, конечно, и воспитание (начиная с рождения, даже, наверное, раньше),

и обстоятельства жизни. Огромное значение имеет свободная воля человека. Этот фактор всегда присутствует, и именно он определяет нашу вечную участь, потому что только он и зависит от личности, всё остальное — внешнее относительно неё.

А ещё есть Промысл Божий о каждом конкретном человеке, который взаимодействует со всеми другими факторами и даже определяет их, не лишая, впрочем, человека его свободной воли. Воля Божья всегда благая, но каждый из нас или свободно принимает благую волю Божью о себе, или своевольно отвергает её и живет так, как ему попущено.

Как понять, люблю ли я деньги? В какой степени? А может, мне на самое необходимое даже не хватает (надо выбирать: купить пальто или в отпуск поехать?), и я не могу не радоваться новой книжке, шмотке, духам (вдруг), билетам в театр? Или для детей хочется и спортсекцию оплатить, и английский, и в Ялту на праздники выехать? Имеет ли место сребролюбие в жизни среднего россиянина, который живёт на зарплату, не занимается бизнесом (которые занимаются или имеют деньги, там наверное проще всё, яснее)? С другой стороны, как и всякой страсти — как ей не быть?

Что такое сребролюбие в жизни небогатых сегодня? Как его углядеть, проконтролировать, бороться с ним?

Корректно ли, справедливо ли упрекать бедных в сребролюбии? А может, сребролюбие бедных — это зависть?

Иногда можно услышать, что не в деньгах счастье. Вроде так, и богатые плачут. Но возможно ли в нашем мире совсем не зависеть от денег, когда от денег зависит столько

возможностей? И они могут быть исполнены, а могут и нет?

У нас много естественных желаний, но не нужно забывать, что, перефразируя народную поговорку, мёд дарованного нам Богом естества отравлен дёгтем наших страстей. Поэтому естественность далеко не всегда синоним праведности.

Я тоже, как и автор поставленных вопросов, всегда радуюсь: и хорошо изданной книжке, и новым вещам, и вкусным печеньям, и даже, не буду лукавить, просто деньгам. Я на деньги могу себе купить: и книжку, и рубашку, и торт. Могу потратить деньги и на добрые дела. Да, будь у меня много денег, сколько я мог бы сделать замечательных дел! Даже и в мировом масштабе развил бы свою благотворительность! Короче говоря, читайте Достоевского, «Преступление и наказание».

А ещё, деньги дают определённый статус в обществе: чем больше денег, тем выше статус. А чем больше меня уважают, тем больше я могу влиять на общество, опять-таки, конечно, ради высших целей.

Кроме того, деньги несут душевное спокойствие. Без них всё время думаешь, где их взять. Как оплатить коммунальные услуги, выдать жалованье сотрудникам, обеспечить продуктами трапезную, отремонтировать подвал и так далее, и далее, и далее? А когда у меня сейф полон денег, то я спокоен и уверен в себе и в завтрашнем дне.

Скажет кто-нибудь, что все перечисленные блага ничего не дают для вечности. На это можно ответить, что сама по себе бедность тоже не гарант вечного блаженства. Так что для вечности можно делать разные добрые дела (с помощью тех же денег), можно регулярно ходить в церковь и исполнять там, что положено, и ещё можно дома читать

молитвенное правило. А для временной жизни пусть уж будут деньги.

Почему же тогда апостол Павел сказал, что «корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6, 10)? И почему любостяжание он прямо назвал идолослужением (Кол. 3, 5)? Потому что, Кто для меня источник блага, Тот и есть мой Бог. А во что я верю как в источник благ, то и есть мой идол. Далеко не безобидны все те простые привязанности, которыми мы опутаны.

И то нужно, и это нужно, и это не грешно, и тем я никого не обидел... Вышла девушка замуж, идёт с молодым супругом по улице. То одному встречному подмигнёт, то к другому невзначай прижмётся. А что она такого сделала? Да, ничего. Просто она неверная жена.

Как бы ни были привычны и благовидны наши страсти, лучше будем честно называть их греховными страстями, а не простительными слабостями, мол, все мы люди. Будем со страстями бороться — тогда Бог нам поможет и нас простит, и признает своими, хоть и немощными, но всё же верными чадами.

А что касается духовной оценки бедности и богатства, то это как посмотреть. С одной стороны, богатство — дар, а бедность — испытание. С этим и неверующий согласится. Но, с точки зрения вечности, не наоборот ли? Не дар ли бедность, которая, если человек её примет с благодарностью и возложит всё упование на Бога, откроет ему Небесные врата? И не испытание ли богатство? Иногда святые его решительно отвергали. Иногда принимали со страхом Божиим и употребляли по воле Божией. Но любовь к богатству, надежда на богатство — в этом всегда нужно каяться, с этим нужно в себе бороться.

Мой сын пьёт, несмотря на то что я регулярно заказываю в разных храмах сорокоусты и молебны о его здравии. Почему Бог не слышит меня?! Говорят, за грехи прародителей потомки страдают до седьмого колена. Неужели это так? Значит, судьба каждого определена ещё до его рождения?

В какой-то мере, конечно, так оно и есть, ведь существует наследственность, и за грехи родителей дети страдают. Но это не отнимает у человека свободы.

И если человек родился, скажем, в семье потомственных алкоголиков и преступников, то понятно, что у него будет склонность и к преступлениям, и к алкоголизму, но при этом человек сам может этому противиться, может с этим бороться, каяться в этом — и Бог примет его. А может быть, даст ему силы, и он вопреки порочным склонностям и соблазняющим обстоятельствам не впадёт в тяжкие грехи.

А тем, кто оказался в благоприятных обстоятельствах, не нужно обольщаться. Когда человек родился в хорошей семье с хорошей наследственностью, с хорошим открытым характером, по натуре добрый, потому что все предки у него были добрые и радушные, и душевно тёплые, и приятные, и он живёт — все ему рады. А когда придёт он на Страшный Суд, неизвестно, что получится. Ему было дано так много, а как он этим распорядился? И если он хорошей наследственностью распорядился плохо, то с него будет за это спрос.

Так что не надо отчаиваться тем людям, которые у себя или своих близких видят какие-то душевные или телесные болезни, трудности в характере, даже порочные наклонности, у которых наследственность плохая. Бог смотрит на сердце, судит

сердечное расположение человека, а не что-нибудь другое. Ни отчаиваться, ни оправдывать себя не нужно, а нужно молиться, терпеть и никого не осуждать.

Почему Православная Церковь плохо относится к гомосексуалистам? Ведь Бог велит любить всех людей.

Православная Церковь плохо относится не к гомосексуалистам и, вообще, не к людям, как бы они ни были грешны и духовно немощны, а к греху. В частности, к блуду и, тем более, к его извращённым формам Церковь действительно относится плохо, потому что грех отсекает человека от спасительного единения с Богом.

Что касается гомосексуализма, как психофизического явления, то в скрытой или явной форме он вообще присущ падшему человеческому естеству, и вполне от него свободны только люди, достигшие духовного совершенства, бесстрастия. Поэтому всякий верующий человек должен быть осторожен, дабы не дать разгореться в себе этому, обычно незаметному, но всегда готовому вспыхнуть адскому огню. И поэтому, кстати, особенно важно охранять от пропаганды гомосексуализма детей, которые по неопытности ещё не способны разбираться в своих влечениях и оценивать их: каким следовать, а от каких стараться очиститься.

Гомосексуалист — человек, ощущающий сильное влечение к лицам своего пола. И это не всегда зависит от его воли, но вот как относиться к этому влечению, зависит от свободной воли человека.

Есть среди гомосексуалистов, к сожалению, такие, которые не желают бороться с овладевшим ими злом, впадают в смертные грехи и не хотят каяться в них. Среди этих людей есть и верующие,

они оправдывают свои тяжкие падения надуманными аргументами, но ведь перед судом Божиим ложью не оправдаешься. Таким людям трудно помочь советом, но можно молиться за них и надеяться, что всемогущий Бог сам приведёт их к покаянию, исправит и спасёт.

Однако бывает и совсем по-другому. Есть у нас прихожанин, гомосексуалист, который борется со своей страстью, ходит в храм на службу, кается, молится сам и просит молитвенной помощи. Иногда у него бывают длительные ремиссии, и он причащается Святых Христовых Таин. А бывают и срывы, потому что блудная страсть в такой форме зачастую подобна алкоголизму, и бороться с ней так же трудно, как и с самыми тяжёлыми формами химических зависимостей. Приходится этого человека утешать и душевно поддерживать, чтобы он не отчаивался, молился Богу, а главное смирялся, потому что на первом месте в борьбе со страстями вообще, а с зависимостями в особенности, стоит неосуждение ближних.

Относительно последнего приведу замечательный пример из жизни. Знаю одного гомосексуалиста, который ни разу в жизни не впадал в блудный грех. Он не имеет никакого влечения к противоположному полу и поэтому не может жениться, а к мужскому полу имеет сильное влечение, но борется со своей страстью и ни разу не поддался ей на деле. Этот человек рассказывал мне, как у него эта страсть впервые проявилась.

Он вырос в церковной семье, был воспитан в православной вере и лет до тринадцати не испытывал гомосексуального влечения. Но вот однажды он ехал в автобусе и увидел, как некие юноша и девушка слишком вольно себя ведут. Ему так не понравилось их поведение, что он помолился Богу: «Господи, я не хочу быть таким, как они». И... стал

«не таким, как они», только совершенно неожиданным для себя образом.

Так Бог вразумил этого человека, и он запомнил урок на всю жизнь (нам всем его полезно запомнить). В блудный грех этот человек ни разу в жизни не впадал, он достойно несёт свой крест, и его подвиг, конечно, заслуживает уважения.

На самом деле, этот пример далеко не единственный. В древних патериках (сборниках наставлений и сказаний о жизни святых подвижников) можно найти немало свидетельств, что монахам приходилось зачастую вести тяжкую духовную борьбу с блудными искушениями и нередко в гомосексуальной форме. Одерживая победу в этой борьбе, святые обретали венцы в Царстве Небесном. Те же, кто не устаивали (бывало и такое), смирялись, каялись, исповедовали свои грехи в таинстве Исповеди и духовным наставникам и через это получали от Бога благодатную помощь к исправлению.

Так что Церковь относится к гомосексуалистам, как и ко всем людям, с любовью, старается им помочь в борьбе со страстями, а падающих в борьбе, но кающихся, принимает в свои материнские объятия. Те же, кто дерзает зло называть добром и упорствуют в своих грехах, сами отсекают себя от спасительного единства со Христом и, если не покаются, погибнут.

Иногда слышны предложения возратить уголовную ответственность за гомосексуализм. Не думаю, что это может принести пользу. Бывают такие ситуации, когда любое действие приводит к худшему.

Была статья в Уголовном кодексе о лишении свободы за мужеложство. Относительно гомосексуалистов она была жестокой и, уж конечно, не способствовала их исправлению, потому что в местах заключения их к противоестественному блуду

склоняли уже насильно. Поэтому статью эту, насколько мне известно, применяли редко и неохотно.

Но отменили уголовную ответственность за мужеложство — и стало хуже. Потому что само её наличие было знаком, что общество признаёт гомосексуализм злом. Наличие, пусть и неработающей, статьи заставляло гомосексуалистов таиться, об открытой же пропаганде гомосексуализма и речи быть не могло. А когда уголовную ответственность за мужеложство отменили, этим был дан знак, что гомосексуализм теперь злом не считается.

Вернуть же упомянутую статью теперь не получится. Гомосексуалисты за последние десятилетия набрали в обществе очень большую силу. Это видно из того, с каким «скрипом» вводилась ответственность за пропаганду гомосексуализма хотя бы среди несовершеннолетних. На мой взгляд, уместно было бы ставить вопрос о запрете любой пропаганды и публичной демонстрации гомосексуализма, поскольку он, как извращённая форма блуда, является несомненным злом.

И ещё. Очень многое зависит от общего нравственного уровня народа. Чем выше нравственный уровень, тем строже могут быть законы. Смотрите, в Ветхом Завете за блуд была положена смертная казнь. Но это было возможно и уместно только потому, что блуд был большой редкостью. А сейчас он стал нормой жизни. Причём, если к верным супругам, как правило, относятся, в общем-то, с уважением, то на девушек, а тем более юношей, хранящих чистоту, большинство их ровесников смотрит, как на ненормальных.

Поэтому сейчас суровые наказания за блуд вводить невозможно, да и с пропагандой блуда не очень-то повоюешь. Относительно же гомосексуализма наш народ в большинстве своём настроен

отрицательно, и его пропаганду, мне думается, можно было бы запретить. А возвращать уголовное наказание не только за открытые гомосексуальные связи (это можно было бы отнести к пропаганде), но и за скрытые от людских глаз, я думаю, невозможно и не нужно.

Надо ли желать и просить от Господа здесь на земле максимально пострадать — «сораспяться Христу»? Для человека всё-таки естественней радоваться не самим испытаниям, а освобождению от них.

«Сораспяться Христу» это не значит «максимально пострадать». Не следует указывать Богу меру посылаемых нам страданий. Когда апостол Павел в Послании к Галатам пишет, что «те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24), речь идёт о бескомпромиссной борьбе со страстями.

Да, христианин должен хотеть совершенно очиститься от страстей, то есть от привязанности ко всему греховному и даже просто суетному, а такое очищение невозможно без страданий. Но напрашиваться на них не следует.

Бог даже не запрещает нам пытаться уклоняться от скорбей и стараться уменьшать скорби, в ряде случаев это прямо благословляется. Например, мы обращаемся за помощью к врачам, прибегаем к помощи правоохранительных органов, пользуемся одеждой, живём в домах, хотя знаем, что некоторые великие святые отказывались от всего этого, совершенно уповая на Бога.

Но эти великие святые были призваны к своим удивительным подвигам Богом; совершая их, они исполняли волю Божию. А самочинно вызваться на

такие подвиги было бы проявлением не великой веры, а великой гордости или неразумия.

Если же человек, и не совершив великих деяний, будет всегда безропотно терпеть все посылаемые Богом неприятности, не будет никого осуждать, будет каяться в своих грехах и пребывать в евхаристическом единстве с Церковью, это в конце концов приведёт его в Царство Небесное.

Не понимаю смысла слов: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Вроде бы, нищие духом, по общепринятому пониманию, не имеют ничего за душой. Так почему же они, не имея в душе ни сострадания, ни любви, ни прочих чувств, свойственных добродетели, совестливому человеку, могут рассчитывать попасть в Царство Небесное?

Давайте вспомним, кто такой нищий в обычном смысле? Это человек, у которого есть недостаток в деньгах, который осознаёт этот недостаток, хочет получить деньги, знает, как и у кого просить, и, наконец, просит.

Аналогично, нищий духом это человек, который осознаёт свою духовную недостаточность, хочет обрести дар Святого Духа, знает, что об этом можно и нужно просить Бога, и просит Его, то есть молится.

И ещё на эту тему. Когда человек обращается к Богу, начинает ходить в храм, читать святых отцов, причащаться, обретает духовника, старается исполнять заповеди Божии — он идёт правильным духовным путём, преуспевает и духовно обогащается. Но, если человек признает это богатство заслуженно своим, он осквернит его гордостью, и получится бочка мёда, испорченная ложкой дёгтя.

Значит, от нас требуется жертва, не отказ, конечно, от милости Божией, Его даров (мы ведь не должны возвращаться к прежним грехам), но признание, что всё наше богатство — Господне, что мы лишь пользуемся Его дарами, сами же, помимо Бога, не имеем никакого добра. Сказать это очень легко, умом согласиться труднее, а чтобы принять сердцем, нужен подвиг всей жизни.

Почему в одном месте Евангелия сказано «Кто не со Мною, тот против Меня», а в другом месте — «Кто не против вас, тот за вас»? Нет ли здесь противоречия?

Действительно, в Евангелии есть два похожих высказывания Христа. В некоторых местах Он говорит так: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30 и Лк. 11, 23). А в других местах — по-другому: «Кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9, 40 и Лк. 9, 50). Эти слова были много позже перефразированы в боевой лозунг «Кто не с нами, тот против нас», но все три фразы имеют совершенно разный смысл.

Боевой лозунг призывает единомышленников быть бескомпромиссными и непоколебимыми, а колеблющихся предупреждает, что если они ещё поколеблются, то будут считаться врагами.

Христос же учит своих последователей иному: «Кто не против вас, тот за вас». То есть, если человек в чём-то ошибается, немощствует, даже если он не член Церкви, но ищет с нами сотрудничества и общения, если он не соблазняет нас, если общение с ним не греховно само по себе, то он «за нас», надо смотреть на него как на союзника в добрых делах. Впрочем, если мы сами немощны в вере и нравственности, для нас может быть бесполезно или даже опасно

общение со «внешними». Тогда нужно воздержаться от такого общения, но не осуждая их, а укоряя себя.

О ком же Господь сказал: «Кто не со Мною, тот против Меня...»? О Себе и о нас. Эти слова обращены к каждому человеку. О внешних я должен думать «кто не против меня, тот за меня» и быть снисходительным к людям. Но если я не со Христом, то я против Христа — вот что означают для каждого из нас слова Спасителя. Другим людям судья — Бог, о них сказано Христом: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1). А о себе я должен знать, что если я хотя в чём-то, даже если оно мне кажется неважным, не со Христом, то я против Христа.

Как понять: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас»? Вряд ли найдётся в наше время нормальный человек, который придерживался бы в повседневной жизни такого правила. Жизнь сейчас очень жестокая, конкуренты по бизнесу, да порой и просто соседи по лестничной площадке, ненавидят друг друга, редко встретишь и счастливую спокойную семью. Так можно ли считать эти слова из Библии руководством к действию? Любого, кто начнёт благотворить своим врагам, сочтут умалишённым.

Вот потому жизнь и становится такой жестокой, что в нас оскудевает любовь. Сначала мир отвергает Христову заповедь о любви к врагам. Но, отвергнув Христову заповедь, мы отвергаем Христа, отвергаем Бога. А Бог есть любовь, поэтому вслед за любовью к врагам исчезает и вообще любовь, так что, как сказано в письме, «редко встретишь и счастливую спокойную семью».

Конечно, любовь к врагам представляется нам противоестественной, но причина этого в том, что наше естество — падшее, ненормальное. Если человек всеми своими мыслями и желаниями обращён к земному, то есть к суетному, временному или, тем более, к собственно греховному, тогда, конечно, любовь к врагам невозможна.

Но, когда человек приобщится Божественной любви, он этой любовью будет любить всех: и злых, и добрых. Для него это будет так же естественно, как естественно матери любить своих детей, хотя они вовсе не всегда её радуют.

Кстати сказать, любить врагов вовсе не означает оправдывать чьи бы то ни было злые дела, подражать им или потакать.

Почему так важно уметь прощать и уметь просить прощения?

Уметь прощать жизненно важно, потому что сам Христос сказал: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 14–15).

То, что мы сердимся и обижаемся друг на друга, — это, конечно, проявление нашей гордости, а гордость — корень всех зол и всех страстей, от неё одним махом не избавишься. Но, рассердившись и обидевшись, мы потом опоминаемся. Так вот, опомнившись, христианин должен сознаться себе, что он впал в грех осуждения, тотчас усиленно покаяться в нём, решительно простить обидчика и молиться о том, чтобы сердце совершенно очистилось от обиды. Нам всегда нужно помнить, что в Царство Небесное войдёт много покаявшихся обидчиков, но не войдёт

никто с обидой в сердце.

Когда человек не может попросить прощения, это значит, что он не просто горд, как все мы, грешники, но ещё и одержим в какой-то мере манией величия. Ему представляется, что его поведение должно быть всегда идеальным и что все так и ожидают от него идеального поведения. В этом случае, человеку, конечно, трудно до невозможности сознаться перед самим собой и, тем более, перед другими, что он в чём-то виноват, и попросить прощения. Смиряться надо, но это задача всей жизни, а искренне просить прощения, если в чём-нибудь провинились, это нужно было бы уже сегодня.

Если совершается явное зло, как же можно его не осудить? Или, если друг предал, как может восстановиться дружба?

Надо различать суждение о человеке, личные взаимоотношения с ним и скорбь, которую он мне причиняет.

Что касается личных отношений, то они могут и не восстановиться. Например, если один друг предал другого, то предателя нужно по заповеди Божьей простить и не осуждать, но дружба может и разрушиться, и в этом не будет греха. У нас есть заповедь возлюбить ближнего, как самого себя, но нет заповеди о дружбе. Или, к сожалению, бывает, муж жене изменил, она его простила, но даже если семья сохранится, в их отношениях, возможно, уже никогда не будет былой искренности, доверительности, простоты.

Всегда ли нужно мириться, если кто-то на меня обижен? Ситуации бывают разные. Но во всех случаях, прежде чем предлагать мир другому, нужно самому обрести мир, а иначе ссора, скорее всего, только

разовьётся. Думаю, каждый может вспомнить немало подобных случаев из собственной жизни.

Что касается осуждения обидчиков, то нам дана заповедь: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете». Лично передо мной виноват человек или перед всем миром, как Сталин, Гитлер и другие великие злодеи, суд над ним принадлежит Богу, и мои обиды тут ни при чём.

Исторических злодеев, давно ушедших в мир иной и лично мне ничем не досадивших, простить легко. Гораздо острее переживается, когда кто-то обижает меня лично. Но причинённую мне скорбь я должен принять из рук Божиих. Неважно, через человека она пришла или как-то по-другому. Нужно принять скорбь с благодарностью или, по крайней мере, без ропота, а в огорчившем меня человеке я должен видеть орудие воли Божией. Сказано в Библии, что «Господь, кого любит, того наказывает; бьёт же всякого сына, которого принимает».

Умом мы с этой истиной соглашаемся, но согласиться сердцем бывает очень нелегко, душа иногда упорно не хочет смириться. Но нужно с этим бороться: просить Бога о смирении, терпеть, молиться за обидчика. На борьбу со своей злопамятностью и жаждой мести могут уйти годы, может быть, вся жизнь, но эта борьба отнюдь не бесплодна, если не сдать себя и не стать на сторону зла.

Кстати, совсем не обязательно желать врагам здоровья и успехов в работе и личной жизни. Желать этого ни для себя, ни для других людей мы не обязаны. Но желать грешнику покаяния, исправления, спасения — это долг каждого христианина. Когда же человек желает другому вечной муки, это бесовское устройство.

Пример такого устройства показан в «Гамлете». Когда дядя Гамлета, убийца его отца, в какую-то

минуту раскаялся в своём злодеянии, Гамлет, собиравшийся его в этот момент убить, передумал, потому что решил: если я его сейчас убью, он попадёт в Царство Небесное, дождусь, когда будет в другом состоянии, чтобы пошёл на вечные муки. И убил потом, и сразу сам погиб. Гамлет — неоднозначная фигура, хотя и считается положительным героем.

Действительно положительный пример приведу не из литературы, а из жизни. У одного человека дочка лет шести лежала в больнице. Подробностей не помню — много лет прошло с тех пор, но помню, что там лежали другие мальчики и девочки, и они над ней надругались. Естественно, когда отец об этом узнал, то пришёл в ярость и жаждал отомстить. Но он был человек верующий и после эмоционального всплеска стал молиться, размышлять и осознал, что сатана надругался и над его дочкой, и над теми детьми, которые надругались над ней, и если он сейчас будет предаваться ненависти к тем детям да ещё мстить им, то таким образом сатана надругается и над ним, и это будет его, сатаны, сугубая победа. А если все они покаются, сатана потерпит поражение. Тогда он стал искренне молиться и о своей дочке, и о тех детях, и душа его обрела мир. О судьбе тех мальчиков и девочек я не знаю, но дочка его выросла хорошим верующим человеком.

Как распознать в себе зависть? Мне кажется, завистники — какие-то нелепые люди и встречаются редко.

Насчёт редкости Вы ошибаетесь — многие каются в зависти, и это не какие-то нелепые люди, но, действительно, зависть относится, я бы сказал, к потаённым страстям. В глубине сердца она сидит у всякого человека, пока в нём есть гордость,

но ощущается зависть, только когда кто-то обладает тем, чего я вождедею, но не имею. Такие совпадения бывают не всегда (если не имею и не вождедею, то не завижду, и если имею то, что вождедею, тоже не завижду), поэтому не всегда люди чувствуют зависть.

Чтобы разобраться в вопросе по существу, рассмотрим пример. Если всех людей одного со мной общественного положения наградят медалями, а меня — грамотой (считаем, что медаль почётнее), я почувствую зависть. Как христианин, конечно, обличу её в себе, укорю себя, покаюсь, но обязательно почувствую. Почему? Ведь грамота тоже почётна? Почётна, но в сравнении с медалью — унижение. И у меня будет страдать чувство собственной значимости.

Не чувство собственного достоинства, когда человек сердечно помнит о том, что он — сын Небесного Царя по благодати, а коренящееся в гордости чувство значимости, важности, желанности, чувство превосходства перед другими людьми. Оно ядовито сладостно и всем присуще, кроме людей истинно смиренных, исполняющих заповеди о любви к Богу и ближним.

Гордому если чего-то недодали, значит, его чувство собственной значимости задели, подали знак, что он маленький, нехороший, незначительный. А хочется ощущать (пусть не быть, но ощущать) себя великим, прекрасным и для всех вождеделенным.

В примере с наградами ущемление чувства собственной значимости «лежит на поверхности». Но возьмём другой случай. Два человека ухаживают за девушкой, она за одного из них выходит замуж. Другой не только будет страдать, но ещё и завидовать. Если бы она ушла в монастырь, он страдал бы, но не завидовал. Потому что не было бы момента предпочтения его сопернику.

Один выиграл в лотерею 10 тысяч рублей, а другой 10 миллионов. Будет почва для зависти?

Конечно, да. Но кто же унизил выигравшего в лотерею 10 тысяч? Бог его унизил! Если в предыдущих примерах завистника унижали по видимости люди (начальство, возлюбленная), то здесь «маски сорваны»: Бог — обидчик. На самом деле, завижду людям, мы всегда восстаём именно против Бога. Дьявол, Каин, предавшие Христа на распятие иудеи... и мы.

Что же делать? Делать нечего, нужно бороться со своими страстями. Чем меньше мы будем привязываться к суетным земным вещам, тем меньше будет почвы для зависти (то есть богоборчества) с нашей стороны. Чем глубже я понимаю, что земные знаки почёта сами по себе ничто, что важно исполнять своё дело хорошо, важно волю Божию творить, а земная награда не есть истинное благо, тем меньше зависть будет меня мучить, тем успешнее я буду с Божьей помощью с ней бороться. Чем больше я уповаю на Бога в своих земных делах, чем сильнее моя вера в то, что Бог любит нас и для каждого устраивает то, что ему полезно, тем меньше у меня будет поводов для зависти.

До сих пор мы говорили о зависти на житейской почве, когда кто-то оказался предпочтён нам в земных почестях, деньгах, «делах сердечных». Здесь, кстати, есть своя градация. Бывают настоящие житейские радости (рождение ребёнка, счастливый брак, любимая работа) и бывают настоящие житейские скорби (тяжёлая болезнь, смерть близких, например). Зависть, конечно, остаётся завистью, но, когда у одного человека ребёнок родился, а у другого умер, тут, по крайней мере, не скажешь, что завидовать нечему. Однако сплошь и рядом люди томятся от зависти, что кто-то имеет более престижную машину или юбку, или дом большей этажности. Эти вещи нас не только к Царству Божьему не приближают (это само собой), но и земного-то счастья не дают.

Кроме земного счастья есть, однако, и Божии духовные дарования. Их не назовёшь суетными благами? Почему же не назовёшь? Если Божии духовные дарования присваивать себе, относиться к ним не как к силе Божьей, которая через нас и в нас, и на нас, преображая и очищая, действует, а относиться как к Богом данным, но своим дарованиям, они становятся в наших суетных душах суетными и вредными. Потому-то Бог обычно особенных духовных дарований нам не даёт, или даёт, но от нас же прикровенно, чтобы мы своей гордыней не превратили Божии дары в душевный яд.

А если говорить о вечной участи человека, то вечная участь каждого из нас — исключительно в его собственных руках. Бог всем, всё, в каждый момент времени посылает самое полезное для спасения его души. Тут никогда нечему завидовать. Смириться перед Отцом Небесным, принять от Него всё с благодарностью — этот может каждый, в этом никто не обижен.

Мне часто снятся интересные сны, и я потом подолгу их вспоминаю. Но некоторые знакомые говорят, что это может привести к беснованию. Правда ли это?

Сны бывают трёх видов: от Бога, от бесов и плотские. От Бога сны бывают крайне редко, и то — за малым исключением — великим подвижникам и святым. Ещё бывали видения от Бога во сне царям и другим людям, стоявшим во главе народов. Примеры этому можно найти в Священном Писании. Думать про себя, что я достоин иметь во сне Божественные откровения, — это гордость.

Иногда спрашивают: а как же Иоанн Кронштадтский в своих дневниках постоянно свои сны

упоминает. На это можно ответить примером. Если человек, который и стоять-то на лыжах не умеет, увидев по телевизору, как спортсмены прыгают с трамплина, решит, что и ему можно так прыгать, все сочтут его за шутника или душевно больного. Стоит ли нам, размышляя об отношении к снам, сравнивать себя с праведным Иоанном Кронштадтским?

И не нужно опасаться, нечаянно не распознав, пропустить Божественный сон. Даже если сон послан Богом, а человек, по смирению считая себя недостойным Божественного откровения, не придаст сну значения, Бог за это не осудит его. И если Богу угодно о чём-то известить человека, Он найдёт, как это сделать, чему есть примеры и в церковной истории (призвание к пророческому служению пророка Самуила, обретение Казанской иконы Божьей Матери и другие).

Церковь знает случаи, когда заслуживающие внимания сны бывали и обычным людям. Однако, если приснится какой-то замечательный сон, прежде, чем поверить ему, нужно обязательно посоветоваться с духовно опытным человеком.

Бывают и бесовские наваждения во сне. Вникать в бесовские наваждения, пытаться толковать их — явный грех и неразумие. Если бесы хотят нам что-то внушить, этому нужно противиться, молитвенно обращаясь к Богу.

Если есть основания считать какой-то сон бесовским наваждением, нужно, проснувшись, сразу помолиться; неплохо при этом попить святой воды или умыться ею. Очень важно не бояться таких наваждений, потому что, пока человек с Богом, Бог его защищает от любых демонических воздействий. Недаром ведь перед крещением священник говорит человеку о дьяволе: «И дунь и плюнь на него».

Все остальные сны — плотские. В глубине сердца каждого человека много чего переплелось: и естественного, и противоестественного, и чистого, и нечистого, простые человеческие желания и такие желания, от которых всякий порядочный человек приходит в ужас. Когда человек бодрствует, он, как правило, контролирует своё сознание, а во сне в его сознание проникает всякая глубинная нечистота, причём, обычно, в символических видах, так что снится человеку одно, а стоит за этим видением нечто совсем иное.

Некоторые люди пытаются вникать в свои плотские сны, стараются их запоминать, даже исследовать. Дело это крайне опасное и почти всегда вредное. Нужно не копаться в своих подсознательных желаниях, гнездящихся в сердечных глубинах, а очищать сердце молитвой и церковными таинствами.

Самое опасное в доверии снам это то, что, начав доверять своим обычным снам, человек оказывается беззащитным перед бесовским обманом. Бесы под видом обычных снов начнут навевать своё, а потом уже своё станут выдавать за Божественное. Немало людей таким образом лишилось рассудка и впало в духовную прелесть.

Сны нужно стараться как можно быстрее забывать и не обращать на них внимания, помышляя о себе, что Божественных откровений я недостоин, естественные мои сны — нечисты, а бесовского я видеть не хочу.

Всем нам полезно помнить слова преподобного Иоанна Лествичника: «Кто верит снам, тот вовсе не искусен; а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр».

Часто слышу, что пользоваться нелегальными программными продуктами грешно. Но ведь все вокруг пользуются! Как-то странно.

Среди наших прихожан есть люди, работающие на компьютерах, и они не раз спрашивали меня, можно ли им пользоваться нелегальным программным обеспечением. И ведь никто из них не спрашивал, хорошо ли воровать яблоки на рынке или срезать сумочки в автобусах. Здесь было всё ясно, а с компьютерным пиратством нет. Почему? Хотя бы отчасти попытаюсь объяснить.

В семидесятых годах, когда я работал инженером-математиком в разных вычислительных центрах, ни я, ни мои товарищи даже понятия не имели о компьютерном пиратстве. Было всеобщей нормой: переписывай где и что хочешь, если можешь, бесплатно, если дают. О начальстве не могу сказать, но из рядовых программистов никто об этом даже не задумывался. Конечно, мы не были ворами. Если маленькие дети бегают голыми, никто их не считает развратниками, да они и не развратники. Но когда ребёнок подросток и ему уже объяснили, как следует себя вести, а он всё равно раздевается на людях, это очень плохо.

Так и с безлицензионным копированием программных продуктов. Когда-то это было вполне невинным занятием (по крайней мере, для рядовых программистов), а теперь стало уголовным преступлением и нарушением заповеди Божией «Не укради».

Интересно, что приведённый выше текст в несколько расширенном варианте был заказан мне журналом «PC WEEK/RE» и опубликован там 25 июня 1996 г., но ни гонорара автору, ни обещанной материальной помощи нашему храму со стороны заказчиков не последовало. Так что, как видно, не одни пользователи программ бывают нечестными.

О ПОСТЕ И ПРАЗДНИКАХ

Приближается время поста. Какую задачу лучше поставить перед собой на этот период?

Для всех нас, кроме совершенных, к которым я, к сожалению, не отношусь, главная польза от поста именно в том, что мы осознаём свою немощь. Не будь поста — как бы мы узнали, что страдаем тревоугодием, горды?

А новонаначальному очень важно начать поститься в знак смирения перед Церковью. Он не понимает ещё, зачем это нужно, но говорит, что раз Церковь установила пост, то буду поститься вместе со всеми. Я считаю, что это огромный шаг вперёд — когда человек решается не мерить Церковь своим умом, а просто начинать жить в Церкви.

У каждого своя мера поста, и если человек, имеющий духовный опыт, может её, пусть неточно, нащупать, то начинающему необходим совет духовника. Не только великий святой старец (это большая редкость, да мы и недостойны), но и просто опытный благочестивый батюшка может принести вопрошающему большую пользу. Главное — чтобы

и чадо, и духовник осознавали свою немощь, молили Бога о вразумлении.

Непрестанная молитва в сердце, чтение только Священного Писания и святых отцов — идеал жительствова, к которому должен стремиться каждый христианин. Не для всех это достижимо, я сам далёк от такой меры, но в духовной брани, как и в бою, если приходится отступать, то нужно это делать в порядке, а не трусливо убегать или — ещё хуже — переходить на вражескую сторону. Не получается жить Библией и Добротолюбием — почитаю что попроще: жития святых, письма Оптинских старцев мирянам. И на это не хватает сил — буду читать книги по истории христианства, религиозных философов.

Ещё больше немощствую — почитаю хорошую художественную литературу: Достоевского, Пушкина, Диккенса. Понятно, что даже высокого уровня светское искусство всё-таки искусство душевное, а не духовное. Поэтому, если я смотрю — пусть хорошие — художественные фильмы и читаю — пусть классические — романы, то это моя немощь. Но смотреть порнографию — это уже сравнимо с чтением вражеских листовок во время войны.

Надо ещё учитывать, что у каждого своя мера: что для одного человека может быть восстанием, для другого — падением. Вот смотрите, двое пришли в театр оперетты: один некультурный бомж, а другой монах. О монахе даже неприятно так думать, а некультурный бомж, может быть, вдруг решил: «Брошу пить, буду жить достойно». И на оторванные от выпивки рубли он купил билет в театр — этому радоваться надо, это, может быть, шаг к духовному возрождению.

Я вообще не смотрю на пост как на подвиг. Конечно, это мой личный опыт, и я не образец подвижничества, а человек немощный. Мне думается,

что пост — дар Церкви каждому христианину. С кревоугодием, как и с другими страстями, надо бороться не только постом, а всегда, но на время поста мы получаем особую помощь — начинаем поститься, и страсть кревоугодия хотя бы на время ослабевает, это помогает преодолеть и другие немощи.

Бывает, что преступника, отбывающего наказание, за хорошее поведение расконвоируют. Он ещё остаётся несвободным, но есть частичное послабление. Вот и к посту я отношусь, как к такому послаблению. Конечно, гордость подсказывает, что совершаешь духовные подвиги, однако опыт показывает, что ничего, кроме того, что дал Бог, ты постом не сделаешь.

Но и то, что Бог даёт, мы порой принимаем не как должно. Если мы считаем, что постом чего-то лишаемся (ел мясо, а теперь нельзя), то относимся к нему не как к дару Божьему, а как к повинности. Разве Богу нужны такие оброки? Нет, правильно видеть в посте именно дар — нам даются силы на то, что мы обычно сделать не можем. Это касается ограничения в пище и в супружеских отношениях.

Что касается духовных страстей, то я не вижу разницы между постными днями и всеми остальными. Всегда христианин должен бороться со злобой, гневом, пустословием, гордостью, избегать праздности. Конечно, ограничение в пище помогает и в этой борьбе, Бог даёт нам возможность подтянуться, усердней молиться.

Поэтому мне представляется неправильной сама постановка вопроса. Если я «поставил перед собой задачу» и выполнил её, то пост — это моё приношение Богу, значит, благодарить надо не Бога, а меня. Теряется духовный смысл поста — вместо того, чтобы осознать свою немощь, я придумал повод для гордости.

Можно ли есть шоколад на фруктозе в постные дни?

Посмотрите на этикетке, есть ли в составе этого шоколада молочные или мясные продукты. Таким образом, мы успешно «оцедим комара» нарушения порядка, только не «проглотить бы нам при этом верблюда» гордости и самохваления (перифраз слов Спасителя из Евангелия от Матфея, гл. 23, стих 24: «Вожди слепые, оцедивающие комара, а верблюда поглощающие»). От такого «шоколада» и живот полон, и во рту сладко, и правила соблюдены!

Люди, которые любят кофе, иногда постом от него отказываются. Есть ли в этом какой-то смысл? Можно ли заменить устав отказом от каких-то других продуктов, которые любишь? Например, от шоколада?

Вот есть же такие счастливые люди, которые могут в чём-то себе отказать. Например, в кофе или даже в шоколаде. Я, честно говоря, сколько в своей жизни ни пытался от чего-то воздержаться сам, то или сразу не получалось, или потом боком выходило.

Бывает, только соберёшься попоститься и в тот же день объеешься. Подумаешь при этом, что, мол, слава Богу, хоть объелся хлебом, а не колбасой, как вот уже и колбаса будто сама собой в рот лезет.

Иногда удастся вытерпеть какое-то время. От умеренного питания начинаешь худеть — радость! Кажешься себе, несмотря на возраст, более привлекательным для противоположного пола. Потом, знакомые хвалят: «Как Вы за время поста похудели!» Отвечаешь им, конечно, со смирением, но душа так и тает от тщеславия. От такого поста польза разве только для здоровья. А для души?

Волевой человек может воздерживаться не на показ, а чтобы самому себе доказать, что он может выдержать многое. Или ещё, бывает, человек хочет исполнить церковный устав, чтобы внутренне утешаться своей праведностью. Тут тщеславия может и не быть — чистая гордость. Но такая гордость, ведь, ещё хуже тщеславия.

Бывает, простодушный человек узнал о посте и без размышлений исполняет правила ради послушания Церкви. Или, бывает, христианин ограничивает себя из послушания духовному отцу. Может быть, они в чём-то и ошибутся (неверно поняв устав или совет духовного наставника, или совет неудачно подан), но если человек действительно отсекает свою волю ради воли Божией, то, что бы он ни делал (в том числе пил кофе или отказывался от него), цены нет такому деланию.

Но истинное послушание — великий духовный дар. Что же делать нам, не имеющим его, однако хотящим освободиться от страстей, которыми буквально связаны наши души? Одним из главных смыслов поста как раз и является познание того, что я не могу сам освободиться ни от какой, даже самой мелкой на вид страсти. В том числе и от чашки чёрного кофе по утрам.

Познав на деле свою связанность и бессилие против страстей, человек уже не загадывает, от чего бы ему отказаться в предстоящую четырёхдесятницу, а смиренно ждёт от себя всякого невоздержания, но при этом надеется, что Бог не попустит засевающим в его сердце страстям действовать во всей их губительной силе. И молится Богу. Познавший свою немощь человек всякую меру воздержания, как бы она ни казалась кому-то малой или великой, принимает как милость Божию. Принимает её с благодарностью и трепетно старается сохранить.

Вкусные постные продукты дорогие, а на одной картошке и макаронах современный городской человек не протянет, поэтому Великим постом честнее не стремиться к изыскам постной кухни, а смиренно есть дешёвые сосиски... Оправдана ли такая точка зрения? Уместно ли тех, кто, постясь, изобретает для себя вкуснейшие, но формально постные, лакомства, тоже называть постящимися? Или им лучше по-честному, просто, есть сосиски и всё? Из этого следующий вопрос: может быть, пора уже ослаблять пост не только в частных случаях, но и в правилах Церкви, закрепить, так сказать, признание немощи человеческого естества? Или всё же правила, их высокая планка, необходимы?

Уместно ли тех, кто «изобретает для себя вкуснейшие, но формально постные, лакомства», называть постящимися? Уместно было бы нам исполнить самую лёгкую и одновременно страшную заповедь «Не осуждайте, и не будете осуждены». А то ведь сказано Христом, что каким судом судите, таким и вас будут судить.

Духовные меры, душевные устроения, организмы у всех у нас разные. Сидят за одним столом люди и едят очень дорогие овощные блюда. Один ест и гордится своим постничеством; другой укоряет себя за то, что не может обойтись без разносолов; третий проклинает авокадо и мечтает поесть варёной картошечки, а четвёртый просто Богу молится. Можно и ещё добавить разных сотрапезников.

«Честно есть сосиски» — в каком смысле? Если я не выдерживаю без мясного вкуса во рту, поэтому ем сосиски и каюсь в чревоугодии, то могу надеяться на милость Божию. А если я ем их в пост и считаю себя правым, то это можно сравнить с мытарем из

притчи, который встал на почётное место и возвещает, что он лучше прочих людей. Этаким мытарь-фарисей — что может быть хуже!

Когда человек старается поститься по правилам, но у него не получается, то он обретает драгоценный опыт познания своей немощи и смиряется. А если то, что мне нравится и легко даётся, я объявлю нормой, трудное же и неприятное в церковных установлениях отвергну, то как начну гордостью, так и преуспевать буду в гордости. Это относится и к посту, и богослужебному уставу.

Конечно, в подавляющем большинстве храмов службу сокращают относительно Типикона, но от этого мы, видя свою немощь, смиряемся. А если напишем новый типикон «под себя», то гордо успокоимся, что строго соблюдаем устав, следующим же шагом будет дальнейшее сокращение уже сокращённого устава.

Нужно мерить себя по Христу и великим святым отцам, тогда увидим своё ничтожество (только не будем терять упования на милость Божию). А если будем мерить всё по себе, то застынем в своей мнимой положительности. Если же за норму возьмём серийных маньяков-педофилов, то увидим себя ангелами. Но что в этом проку?

Иногда священники не допускают к причастию за то, что человек говел не три дня, а два. Некоторые отказываются причащать на Светлой седмице или на святках, поскольку в это время прихожане не постятся. С другой стороны, есть мнение, что говение перед причащением вообще не нужно — по церковному календарю в году и так около половины постных дней.

Нарушение поста само по себе не относится к таким тяжким грехам и состояниям, при которых

человек должен быть запрещён в причастии Святых Христовых Таин.

Церковные правила, в том числе и о посте, это дар Церкви её чадам, а не обуза, которую приходится с тоской нести, чтобы батюшка не ругал. Если человек по какой-то не зависящей от него причине не способен воспользоваться даром Церкви, это предмет для терпения и смирения. Если по легкомыслию, или пристрастию, или забывчивости человек нарушил дарованное Церковью правило, это повод для покаяния, но ещё не для запрещения.

Всем нарушителям поста и других подобных церковных установлений я советую не отлучать себя от причастия самовольно, а прийти на службу и вынести вопрос на решение духовника. А решения могут быть разными, но они никогда не должны быть формальными. Задача священника не правило соблюсти, а принести человеку пользу или, по меньшей мере, не навредить.

Бывает, человек так рассеялся и объелся (пусть даже и постной пищей) накануне причастия, что сам чувствует необходимость отложить причащение. Ну и пусть отложит, попостится, а потом причастится. А бывает, кто-то по забывчивости положил сметану в суп. Не думаю, что в таких случаях уместна строгость.

Что касается поста перед причащением, я считаю, вообще отменять его не следует, но строгость и продолжительность поста должны соответствовать ситуации: разным людям в разных обстоятельствах должны даваться разные советы. Одно дело, когда человек по какой-то причине причащается один раз в год, и совсем иное — когда во все воскресные и праздничные дни. И здоровье, и привычный для человека образ жизни имеют значение. Для кого-то отказ от мясного и молочного — настоящий

подвиг, а для кого-то подсолнечное масло в картошке — поблажка чревобесию.

Самое плохое в решении вопросов о посте — это, повторяю, формализм. Одни требуют скрупулезного соблюдения того, что они вычитали в Типиконе, другие требуют отмены строгих правил. А на самом деле, пусть правила остаются в качестве нормы, ориентира, а как и в какой мере их применять, пусть священник решает в каждом конкретном случае особо, молясь о человеке, движимый любовью к нему и желанием помочь ему на пути спасения.

Что касается причащения на Светлой седмице и в Святые дни после Рождества, то, разумеется, если в Церкви служится литургия, то причащаться можно. Как быть с постом? Тем, кто меня спрашивает, я советую есть в эти дни всякую пищу, но не объедаться. Но я не хочу никому ничего навязывать; самое плохое, я считаю, в этой области — споры из-за буквы. Если кто-то хочет есть на Пасху зелень, ничего в этом страшного нет; только пусть не гордится этим и не осуждает тех, кто питается по-другому. И пусть те, кто постятся не строго, не считают постников отсталыми и недуховными.

Позволю себе привести обширную цитату из апостола Павла: «...иной уверен, что можно есть всё, а немощный ест овощи. Кто ест, не унижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его. Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума. Кто различает дни — для Господа различает; и кто не различает дней — для Господа не различает. Кто ест — для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест — для Господа не ест, и благодарит Бога.

...А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов. ...Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну. Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто. Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твою пищую того, за кого Христос умер. ...Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14: 2–6, 10, 13–15, 17).

Основанием для запрещения в причащении на больший или меньший срок может быть только или тяжкий грех (блуд, убийство, воровство, колдовство, отречение от Христа, явная ересь и тому подобное), или совершенно несовместимое с причащением нравственное состояние (например, отказ от примирения с раскаявшимся обидчиком). В иных случаях духовник может не запретить, а порекомендовать человеку на этот раз воздержаться от причастия.

Как встретить Новый год, не нарушив поста?

Не всякому человеку возможно вполне соблюсти пост в новогоднюю ночь. Если, например, хозяйка дома — церковный человек, а все члены семьи неверующие, и они хотят собраться за домашним праздничным столом, чтобы в полночь поднять бокалы с шампанским? Что же ей, этой верующей женщине, отказаться готовить скоромное и устроить скандал, чтобы все родные утвердились в ложной мысли, что от Церкви Божией происходит зло и разлад?

Мы должны идти не только на скандал, а, может быть, даже на смерть, если нас толкают на тяжкий грех: блуд, убийство и тому подобное. Но гораздо

чаще бывают житейские ситуации, где приходится из разных зол выбирать меньшее. И, несомненно, меньшим злом будет, если упомянутая домохозяйка пригубит вина и съест ложку салата с майонезом (а объедаться или напиваться грешно и не во время поста), чем если она откажется устраивать для родных новогодний стол и тем, кстати, спровоцирует их праздновать Новый год вне дома. В такого рода вопросах сильнейшие должны следовать за слабейшими, и во всём должно быть рассуждение.

Но если мы ничем не связаны, то Новый год можно отмечать так же, как и всякий христианский праздник. В нашем Успенском храме г. Красногорска в 18 часов служится обычная вечерня, затем бывает новогодний молебен. Приходит много людей, всё бывает очень празднично и торжественно. А 1 января служится Божественная литургия, многие прихожане причащаются, а уже потом садятся за праздничный, но постный стол.

Почему мы всегда после окончания поста расслабляемся и впадаем в невоздержание в пищу, да и в прочих страстях?

То, что мы по окончании поста зачастую сразу расслабляемся в смысле противостояния страстям (кто не смотрел постом телевизор — опять начинает смотреть; кто ел умеренно — опять стал объедаться, и тому подобное), имеет разные причины.

Во-первых, мы гордимся своими подвигами и добрыми делами, приписываем их себе. Даже если умом вполне понимаем, что они совершаются действием Божией благодати, всё же в глубине души гнездится гордый змей, пожирающий все добрые плоды поста. Чтобы смирить нас, Бог попускает нам расслабление. Если покаемся, Он простит нас

и вновь укрепит на подвиг. Если будем упорствовать в гордыне, будет больше смирать, так, бывает, человек доходит уже не до объедения, а до впадения в тяжкие грехи. Это, конечно, общая схема, в жизни всё сложнее.

Вторая причина — законничество. Мы считаем, что, постясь и чаще причащаясь, исполняем некий долг перед Богом и заслуживаем от Него (да и от людей) похвалы. А, на самом деле, зачем Богу наши подвиги? Он вседозволенный и всеблаженный, и отнюдь не нуждается в наших подвигах и добродетелях. Законничество не угодно Богу и оскверняет Богом дарованный нам пост. Поэтому Бог и отнимает у нас решимость в воздержании, чтобы мы постигли, что она не наша, а Божий дар.

Не только подвиги — вся жизнь человека у Бога в руках. Каждого из нас Он даже не ведёт, а несёт по жизни бережно и уверенно, как мать — младенца. Мать знает, когда нужно покормить дитя, когда — приласкать, а когда — и нашлапать. Умом это принимает всякий православный христианин. А чтобы сердцем принять, нужен подвиг отвержения своей воли ради воли Божией. По мере преуспевания в этом человек обретает сердечный мир и не смущается от своих немощей, а только больше смиряется.

Как разъяснить смысл поста ребёнку четырёх лет? Какие допустимы ограничения? Можно ли оставить молочные продукты и мясо, а ограничивать ребёнка во всяких лакомствах?

Мне кажется, духовный смысл поста объяснить четырёхлетнему ребёнку трудно. И я не считаю, что воцерковление детей нужно начинать с поста. Но если вся семья строго постится, то и дети будут

к этому приобщаться. Тут нужны, конечно, мера и такт, чтобы жёсткими ограничениями не навредить здоровью ребёнка и не отпугнуть его от Церкви.

Если малыш видит, что родители на время поста отказались от каких-то любимых блюд, при этом так же заботливы и внимательны к нему, в семье по-прежнему царят мир и любовь, он, возможно, и сам из солидарности откажется от конфет. Но принуждать его к этому не стоит.

Мой младший сын (4 месяца) до сих пор по ряду причин не крещён. Окрестить ребёнка получится только через полгода, в марте, а это время Великого поста. Для нас крещение ребёнка — праздник, а во время поста ведь нельзя устраивать весёлые застолья?

Крещение — величайшее церковное таинство, в котором духовно рождается новый человек. Это именно праздник, а не повод для очередного застолья. Впрочем, ничего плохого не будет, если после крещения родители с друзьями и родственниками вместе потрапезничают. Из постных продуктов тоже можно приготовить вкусный обед.

По церковному уставу даже Великим постом по большим праздникам благословляется употребление вина. И я считаю, что если люди, собравшиеся после крещения ребёнка за столом, выпьют понемногу вина, в этом не будет греха. А пьянствовать грешно не только постом, но и на Пасху, и на Светлой седмице, и на Рождество, и на святках, и в любой другой день. Что значит понемногу? Это не чувствовать ни малейшего опьянения.

Главное, чтобы и родители, и крёстные, и гости понимали духовный смысл Крещения. Поэтому я желаю вам всерьёз подумать о Боге, о смысле жизни,

исповедоваться и причаститься (могу ошибаться, но судя по вашему вопросу и по тому, что ребёнок до сих пор не крещён, вы человек малоцерковный). А воцерковляясь, вы вскоре осознаете необходимость крещения ребёнка и крестите его как можно быстрее.

Несколько лет у меня были проблемы со здоровьем, а сейчас всё более или менее выправилось, и мой лечащий врач назначил приём препаратов (витаминов и т. д.), для того чтобы забеременеть. Курс — два месяца, и это время попадает на Великий пост. Как мне поступить? Ведь в пост зачатие ребёнка неправильно.

Я никому не навязываю своё отношение, но, на мой взгляд, зря мы во все сферы жизни вносим планирование. «Мы» — это весь наш бывший христианский мир. Уж оставили бы Богу благословлять нам зачатие и рождение детей, не совались бы в эту таинственную, даже священную область.

Не думаю, что страстное желание забеременеть и отказ от поста принесёт реальную пользу. Я не строгий духовник и редко накладываю епитимьи за нарушения постов, но никому не советую нарушать их намеренно.

Если очень хочется родить дитя, лучше молиться, стараться жить по заповедям, быть в обычном супружеском общении и ждать. А не даст Бог зачать, то, может быть, взять ребёнка из детдома? У нас на приходе сейчас несколько семей осчастливили сирот, и так приятно бывает видеть бывшего сироту на руках мамочки.

Но это я высказал свои мысли, а Вы с мужем обсудите, помолитесь и поступите по совести.

Мой муж — воинствующий атеист. О супружеском воздержании во время поста говорить практически не приходится. Он просто не видит для него причин. Моё упорство вызовет очередной шквал ненависти к попам и им подобным, которые морочат головы разным... Ну, и так далее. А ещё пугает грех блуда, на который я могу его толкнуть. С другой стороны, на исполнение супружеского долга постом просто нет сил. Как быть?

О супружеском воздержании во время поста апостол говорит чётко и ясно: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7, 5). «По согласию». Вы же ради соблюдения формального правила готовы нарушить мир в семье, толкнуть мужа на блуд, ещё больше отвернуть его, неверующего человека, от Церкви. И по вашим вопросам видно, что вы прекрасно понимаете, к каким последствиям может привести ваше «благочестие».

Пост — не заповедь, а духовное упражнение, полезное и имеющее смысл для верующих. Со стороны же неверующего человека нет никакого греха в том, что он постом ест мясо или хочет супружеских отношений с законной женой. Вот когда человек блудит, нарушает другие заповеди, он грешит независимо от того, верит ли в Бога, признаёт ли грех грехом. Если бы муж толкал вас на блуд или заставлял сделать аборт, угрожая, что иначе бросит вас, вы могли бы с чистой совестью сказать: «Уйдёшь ли ты или нет, блудить и убивать я не буду».

Но он, как я понимаю, ни к чему плохому вас не склоняет. Брак честен, ложе нескверно. Навязывать

же неверующему человеку то, смысл чего может быть понятен только верующим, неблагоприятно.

Это мой первый Великий пост. Может ли обычный человек (не болящий) собороваться?

Изначально это таинство действительно установлено апостолом Иаковом для болящих: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5, 14–15).

Но ещё до революции в России сложилась традиция соборования раз в году для здоровых людей. Традиция эта подразумевает, что даже если физически человек более-менее здоров, духовно мы все расслаблены.

Правильнее будет исповедоваться и причаститься, а потом собороваться, или можно наоборот? Или это не имеет особого значения?

Если человек причащается каждое воскресенье, а раз в году прибегает к таинству соборования, оно для него само собой свяжется с причастием. А кто причащается раз в год, может присоединить это к соборованию, но плохо, когда люди так редко причащаются. В любом случае последовательность не имеет значения.

Исповедь и Соборование — разные таинства, не заменяющие друг друга и, в принципе, не связанные между собой. А то приходилось слышать: «Поскольку я вчера соборовалась, каяться не нужно». Это какое-то магическое отношение к таинствам, к тому же, открывающее ворота лукавству — мне стыдно

рассказывать о своих грехах, поэтому пойду пособормуюсь. Если какие-то грехи тяготят совесть человека и нарушают его единство с Церковью, восстановить это единство он может только через покаяние, исповедание этих грехов; возможно, епитимью.

Ещё говорят, что в таинстве Елеосвящения человек получает прощение грехов, в которых не мог покаяться по забывчивости или по неведению. Это, в общем, правильно, хотя звучит несколько формально и излишне оптимистично. Дело не в том, что мы пять, десять, сто десять грехов забыли или не считали за грех, а в том, что греховность наша — как море, не только широка, но и глубока.

Даже те, кто серьёзно подвизаются, борются со своими страстями, внимательны к своим помыслам и сердечным движениям, искренне каются во всех грехах, которые знают за собой, даже они видят: сколько с грехом ни борись, сколько свою душу покаянием ни очищай, всё равно остаётся великий пласт греховности. Чем больше человек подвизается, тем яснее видит эту бездну греха в своём сердце, как сказано в псалме: «Приступит человек, и сердце глубоко» (Пс. 63, 7). Не то что очистить эту бездну без милости Божией невозможно, а и познать-то её до конца нам не удаётся, даже если мы посильно подвигаемся.

Но на Страшном-то Суде мы увидим себя, какие мы есть, и ужаснёмся, потому что хотя поверхность своей нечистой души мы старались очищать, но глубину так и не затронули. Для того чтобы не случилось этого ужаса, когда уже будет поздно, мы сейчас, пока ещё живы, пока имеем свободу, имеем возможность обращаться к Богу с покаянной молитвой, просим, чтобы Господь воззрел на нашу немощь и излил на нас свою спасающую и очищающую милость. Так вот, в таинстве Елеосвящения мы испрашиваем и получаем милость Божию, в которой мы все, больные и здоровые, одина-

ково нуждаемся. «Господи, вот подвизаюсь, стараюсь исправиться, и всё равно остаётся в душе великая нечистота. Помилуй меня. Сам, Всемогущий, очисти!»

Я собираюсь держать пост. Если спрашивают верующие друзья, буду ли я держать пост, что нужно отвечать? Правду? Но ведь нужно, чтобы пост и молитва были в тайне? Соврать, сказав, что не держу пост? При этом некоторые из друзей не будут держать пост и не хотелось бы своим положительным ответом как-то возвышаться над ними.

В церковной среде пост не может быть поводом для тщеславия, потому что постятся все. Наоборот, там соблазном будет, если уважаемый человек скажет, что он не постится. В среде же нецерковной никто не станет восхищаться тем, что вы поститесь, поэтому и там вознестись над кем-либо при всём желании не удастся.

Если вы понимаете, зачем поститесь, и готовы ответить на этот вопрос другим, лучше не скрывать свою веру. Понимаю, как это непросто, хотя сегодня за это не только не сажают и не расстреливают, как при Сталине, но и не преследуют, как при Брежневле — тогда и с работы могли уволить, и с очереди на квартиру снять.

Одно время я с амвона говорил прихожанам, что стыдно скрывать свою веру, советовал, чтобы они на работе, приходя в общую столовую, хотя бы мысленно молитву прочитали и тарелочку перекрестили. Некоторые благочестивые прихожане потом подходили и говорили: «Батюшка, не решаюсь перекреститься при сотрудниках». И я понял, что «налагаю на людей бремена неудобноносимые» (см. Лк. 11, 46). Поэтому ни на чём не настаиваю, а советую вам для начала разобраться, в чём для вас смысл поста.

На работе часто приглашают сходить куда-нибудь на неделе, например, в кино или кафе. Отказываться наотрез неудобно и некрасиво, говорить, что всё-таки пост, тоже не хотелось бы. Да и, если честно, посещать такие увеселительные заведения не очень хочется во время поста. Как поступить в такой ситуации?

По совести, как же ещё? Если не хочется или считаете неправильным, то и не ходите — это даже от веры не зависит. Или вы раб своих приятелей?

Я встречала два противоположных мнения о том, нужно ли советоваться со священником о телесном посте в том случае, если здоровый человек не может соблюдать пост по уставу (сыроядение или сухоядение). Одно мнение — да, обязательно, нужно в каждый пост подойти к священнику и попросить разрешение на послабление в посте, чтобы каждый раз этим себе напомнить, что ты всё-таки нарушитель, и почувствовать стыд. Другое — со священниками вообще не следует обсуждать вопросы о том, какие продукты есть или не есть. Поясните, пожалуйста, является ли пост в еде личным делом человека, и может ли человек сам для себя определять, сообразуясь со своим образом жизни и телесными возможностями, как ему поститься? Как нам строить свою церковную жизнь в этом вопросе — по закону или по свободе?

Тут обозначено несколько важных тем. Во-первых, обращают на себя внимание странные слова: «нужно в каждый пост подойти к священнику и попросить разрешение на послабление в посте, чтобы каждый раз этим себе напомнить, что ты всё-таки

нарушитель, и почувствовать стыд». Это какой-то душевный мазохизм, а не христианство. Если я прошу благословение на хорошее дело, то чего мне стыдиться? А на нехорошее дело нельзя просить благословение. Это Малюта Скуратов благословился у священномученика Филиппа перед тем, как его задушить, но мы же не малюты скуратовы.

Чтобы напомнить себе, «что ты всё-таки нарушитель», не нужно и батюшку беспокоить, лучше почитайте заповеди Божии: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем своим» и прочее. И зачем нужен этот бесплодный стыд, раз Вы, всё равно, уже приняли решение стать «нарушителем»? Такой стыд доставляет душе потаённое услаждение, но не ведёт к покаянию и не порождается покаянием; в самой такого рода стыдливости нужно каяться. Если человек чувствует, что связан страстями и не может устоять перед соблазном, то нужно не стыдливо просить «благословение» (на самом деле санкцию) на грех, а безропотно терпеть скорби, которые посылает нам милостивый Господь для очищения от страстей.

Обращаться ли к священникам на тему поста? Если у человека есть духовный наставник, к которому он имеет доверие, то с ним и нужно решать все вопросы, в том числе и «о чём спрашивать — о чём не спрашивать». Если нет такого руководителя, то новонаначальному христианину полезнее советоваться со своим приходским батюшкой, чем ни с кем не советоваться. А если человек не первый год в Церкви, он может держаться уже сложившихся у него порядков поста в соответствии с имеющимся духовным опытом. Поступать надо так, как полезней для души, а общего правила указать невозможно.

Меня нередко просят дать благословение на послабление в посте в связи с болезнью или старческой немощью. Я всем объясняю, что если человек

болен, он должен соблюдать диету, назначенную врачом, а в остальном поститься. Например, согласно диете требуется человеку есть молочную овсяную кашу без соли — нужно её есть, но это не значит, что можно есть мороженое. Или, говорят, при малокровии врачи назначают есть недожаренную печёнку — пусть человек ест эту печёнку, но не колбасу и не шашлык. То есть диета — само собой, а пост — само собой. Употребление мясной или молочной пищи как лекарства не следует обращать в повод для гортанобесия. Если кто-то нарушает пост по чревоугодию, пусть каётся в чревоугодии. Нарушение поста, обычно, не повод отлучать от причастия, но видеть свои страсти и сокрушаться о них необходимо.

Что касается вопросов о сыроядении и сухоядении, то они, как правило, порождаются календарями. Полистал человек календарь — и задумался. Но я вообще против того, чтобы в прессе или календарях прописывали уставы о посте. Нельзя Студийский или Иерусалимский типиконы, принятые полторы тысячи лет назад в других условиях, для великих подвижников, монахов, применять к современным мирянам. Должно быть соответствие между мерой воздержания в пище и внутренним устройством человека.

Кто уже живёт высокой духовной жизнью и имеет дар поста, будет поститься со всей строгостью без указаний в популярных изданиях. А нам, людям немощным, надо больше обращать внимание на свой внутренний мир, каяться, бороться со страстями и в том числе соблюдать пост. Но мера телесного подвига, повторюсь, должна соответствовать молитвенному деланию, а молитвенные дарования даются нам Богом по мере смирения. Помышления же о сухоядении и сыроядении — это, как правило, неофитские фантазии. А тем, для кого такие подвиги актуальны, — не от меня им получать советы.

На работе включаю музыку для приятного фона и чтобы не слушать разговоры коллег. В пост следует выключить музыку, но тогда я буду невольным слушателем всех сплетен. Что мне делать? Чем я меньше погрешу?

Вы не погрешите, если не будете осуждать коллег. Мешают вам их разговоры — можно вставить в уши наушники и слушать хорошую музыку. Но только никого не осуждайте.

Стараюсь во время поста не слушать музыку. А можно ли слушать такие произведения как оратория митрополита Илариона «Страсти по Матфею» или иную духовную музыку?

Ответ зависит от того, чем вообще занято время человека. Если исключительно молитвой и чтением духовной литературы, то лучше и классическую музыку не слушать. Но, конечно, лучше слушать «Страсти по Матфею», чем заглушать скуку, щёлкая телевизионным пультом или бегая по интернет-сайтам.

Подскажите, как быть дома, где неверующие родители слышать ничего не хотят о том, что я собираюсь поститься (мне 27 лет), и будут готовить мясное. Меня спасает то, что к ним я приезжаю только на выходные. Но даже так в Великий пост я не хочу есть мясо. Как быть? Как не допустить конфликта или обиды на меня?

Если Вы приезжаете к родителям в гости, то не обижайте их отказом от угощения. А если Вы живёте вместе, то Ваши 27 лет — вполне зрелый возраст, Вы сами себе хозяйка.

Не хочу ничего навязывать, но, мне кажется, стоит обратить внимание не столько на пост, сколько на свой статус в семье. Если семья строго патриархальная и Вы находитесь в непререкаемом подчинении отцу, то, конечно, и есть Вы будете, что он укажет. Но так же ли Вы послушны ему и во всех других отношениях?

Вы пишете, что будет конфликт. А Вы не конфликтуйте, не требуйте ничего от родителей, не сердитесь на них, не давайте повода для обиды. А если они обижаются без повода, то просто молитесь о них. Мы не должны быть рабами людей. Впрочем, Вам в конкретной ситуации виднее. Поступите по совести.

Учусь в 11 классе, на носу экзамены, кушать нужно плотно. Есть ли послабления для учащихся?

Если Вы во всём маму слушаетесь, то и в этом слушайте маму. Но поделюсь своим богатым опытом. Я сдал за свою жизнь больше сотни экзаменов и зачётов (в школе, в светском вузе, в семинарии). Приходилось перед ними есть плотно, приходилось сдавать и натощак — никакой роли это не играло. Имели значение, во-первых, знания, а во-вторых, везение. Когда учился в семинарии, то уже, конечно, говорил не о везении, а о милости Божией.

Хочу похудеть, пост помогает незначительно. Можно ли православному человеку использовать рекламируемый диск с 25 кадром? Вопрос, конечно, дурацкий, есть нужно меньше, но всё-таки...

Не советую механическими методами лезть в глубины своей души. И главное: полнота — не грех, кревоугодие — грех. С ним надо бороться. А то, что Вы надумали, не истребляет и даже не ослабляет

страсть, а углубляет её. Это похоже на то, как человек, пытаясь выдавить нарыв, вдавливая его в тело.

Эффективнее, на мой взгляд, направить волевые усилия не на сокращение количества и калорийности пищи, а на покаянную молитву, смирение и неосуждение ближних. Глядя на алкоголика в канаве, вспомним, что ему так же не удаётся отказаться от лишнего стакана, как нам с Вами от лишнего бутерброда, и не будем презирать его. Тогда Бог, видя наше доброе расположение, может укрепить нас и в борьбе с кревоугодием.

Почему особенно важно причаститься хотя бы один раз в течение поста? Чем, вообще, причастие помогает в борьбе со страстями?

Для христианина нормально — причащаться гораздо чаще, чем один раз в каждый многодневный пост, то есть всего 4 раза в год. Поэтому и вопрос о причастии «хотя бы раз» не должен был бы ставиться. Причастие Святых Христовых Таин — это и есть, по существу, христианская жизнь. Потому что наше спасение от вечной муки и вечное блаженство возможны только в единении с Богом во Христе. Это единение нам и даётся в причастии Святых Христовых Таин.

Плохо, что нашим грехом оно разрушается. А когда грех становится привычным, срастается с естеством человека, это называется страстью. Конечно, со страстями надо бороться, иначе они погубят душу, как раковая опухоль губит тело. И конечно, невозможна победа над страстями без помощи Божией, без Христа. Поэтому причастие Святых Христовых Таин совершенно необходимо в борьбе со страстями, только, всё-таки, оно цель, а не средство. Так же как, для того чтобы не умереть, нужно лечиться от

болезней, но мы лечимся, для того чтобы жить, а не живём, для того чтобы лечиться.

Впереди Страстная неделя. Уже в самом названии чувствуется важность и глубина этих дней. Как хочется хотя бы одну неделю быть искренне всей душой со Христом, сопереживать Ему и взять на себя чуть-чуть тяжести Его Креста. И, как поётся за Божественной литургией «всякое ныне житейское отложим попечение», оставить хотя бы на неделю свои житейские заботы и последовать за Христом. Конечно, сказать легко, а как сделать?»

Захотелось бедняку хотя бы недельку побыть миллионером. Невозможно это. Видеть свою духовную нищету мы можем, просить у Бога помилования можем, укорять себя за сердечное нечувствие можем. Можем понуждать себя на добрые дела, стараться все неприятности терпеть безропотно. Много чего подобного мы можем и даже обязаны делать.

Но «хотя бы одну неделю быть искренне всей душой со Христом, сопереживать Ему и взять на себя чуть-чуть тяжести Его Креста» — от этого состояния мы далеки, как земля далека от неба. Нужно идти путём покаяния, путём молитвы и смирения. Этот путь приведёт нас в своё время на вершину. А кто попытается на вершину запрыгнуть, тот в лучшем случае будет просто подпрыгивать, а в худшем — сорвётся в пропасть.

Скоро Пасха — Воскресение Христово, тот праздник, которого христианин ждёт весь год. Конечно, многие во время поста стараются усилить молитву, чаще посещать богослужения в храме, но для очень многих из нас пост сводится только

к отказу от скоромной пищи и некоторым другим ограничениям. Соответственно, и сама Пасха начинает восприниматься просто как день, когда, наконец, можно всё есть. Получается, что мы строго соблюдали весь пост, а к светлому дню Христова Воскресения всё потеряли?»

Тут, мне думается, смешаны два разных вопроса. Одно дело, когда человек видит в посте лишь обременительные ограничения, которые он соглашается терпеть только потому, что его кто-то (например, жена или мать) заставляет, или потому что он боится осуждения от окружающих, или потому что ему кажется, что Бог его накажет за кусок колбасы. Если человек соблюдает телесный пост только по таким причинам, а церковной жизнью не живёт и в воскресение Христово не верит, то для него действительно Пасха может оказаться лишь днём, в который можно радостно объесться мясом.

Такое отношение к посту бывает, я думаю, не так уж редко, но оно совершенно не церковно. Такой пост скорее вреден для души, чем полезен. Впрочем, бывает, человек делает какое-то хорошее дело, осмысливая его неправильно, а внутреннее побуждение имеет доброе, хотя сам его не осознаёт. Поэтому не будем осуждать тех, кто неправильно понимает пост, и не будем никого от него отговаривать. Лучше каждому смотреть за своим сердцем.

Но бывает, человек старается соблюдать пост с добрым намерением, надеясь, что внешние ограничения помогут ему внутренне собраться, помогут преуспеть в самопознании, преуспеть в молитве. А мысли при этом как бы сами собой тянутся к скоромной пище, и мечтается о Пасхе не как о празднике Воскресения Христова, а как о возможности наесться скоромной пищей до отвала.

Ужасаться да и удивляться здесь не нужно. Ведь добрые намерения сами по себе не делают нас сразу святыми. Страсти, гнездящиеся в душе, не легко истребляются; на это нужно много времени, много терпения и труда. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и вполне церковный человек во время поста предвкушает, как он приятно разговееется. Но церковный человек не будет предаваться этим искусительным помыслам и чувствам, а будет каяться в них. А видя свою духовную немощь, не будет никого осуждать.

О ЦЕРКОВНЫХ ПРАВИЛАХ

Зачем нужны церковные обряды, ведь всё это внешнее, а Богу важно внутреннее?

Конечно, обряды не спасают сами собой. Важно внутреннее состояние человека, а внешнее благочестие ценно лишь постольку, поскольку оно есть проявление благочестия внутреннего. С другой стороны, также известно, что внешнее влияет на внутреннее. Когда человек в простоте, не гордясь, что он этим якобы угождает Богу, целует икону, или зажигает свечу, или кланяется, то душа его подстраивается под действия тела, и тогда телесные действия обретают духовное значение, помогают человеку настроиться на молитву.

Церковные обряды имеют ещё и обучающий потенциал, особенно это касается детей, но и взрослых тоже. Например, кланяясь перед иконой и прикладываясь к ней, человек узнаёт, что икона есть предмет поклонения, учится почитать того, кто изображён на ней. Когда ребёнок целует благословляющую руку священника, он узнаёт даже без объяснений,

что батюшка — значительное лицо. Приобщая детей к церковным обрядам, можно ненавязчиво, но эффективно способствовать укоренению в их сердцах и умах многих важных христианских истин.

Замечу ещё, что систематическое чтение детям Священного Писания (не «Детской Библии»!) и житий святых (не сказок на житийные темы!) оказывает на детей очень глубокое воздействие. Слово Божие ложится в сердце человека, как семя, и если не будет отвергнуто злым сердцем (в этом случае не так даже важна реакция ума), то прорастёт и принесёт плоды. Внешне это может показаться незаметным, но значение для духовной жизни человека будет иметь гораздо большее, чем любые истины, воспринятые только умом.

Человеку, только-только начавшему ходить в храм, бывает трудно сориентироваться, как себя вести: когда кланяться, куда встать, как повернуться. Что делать?

На самом деле, не стоит излишне переживать, нужно посматривать на окружающих прихожан и стараться не выделяться из них внешним поведением.

Я крестился в 27 лет, а до этого только два или три раза был в храме по нескольку минут. И почти сразу стал штатным алтарником в большом приходе. Естественно, понятия не имел, как себя вести на службе, когда осенять себя крестным знаменем, когда кланяться. Очень тяжело было заставить себя встать на колени — гордость мешала. Но чтобы влиться в новую, до этого чужую мне церковную среду, старался повторять за всеми. И за несколько дней влился.

Но, конечно, так действовать нужно не с превозношением, а с искренним сознанием своей неопытно-

сти в сравнении с остальными прихожанами и желанием не смущать и не отвлекать их от службы своим нелепым поведением.

Не нужно опытным прихожанам превозноситься над неопытными, а неопытным — над опытными, и вообще, не нужно придавать чрезмерное значение обрядовой стороне церковной жизни. А то, к сожалению, бывает, что люди, попадая по разным причинам не в «свой храм», начинают осуждать прихожан или батюшек за непривычные для них местные обычаи. Ну, какое имеет значение, поворачиваются ли прихожане во время каждения за священником, повторяют ли вслух за ним молитвы перед причастием? Вред, который мы получаем, когда осуждаем ближних, несравненно больше, чем вред от каких бы то ни было неудачных обычаев.

Какие бывают вредные привычки прихожан и как с ними бороться?

Одна из самых вредных наших привычек — это привычка копаться в правилах поведения. Когда меня начинают расспрашивать о правилах, которые нужно соблюдать в церкви, я всегда говорю: «Какие правила? Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и ближнего, как самого себя — вот главные правила». Конечно, есть какие-то общецерковные обычаи, которые надо соблюдать, но если человек их не знает, можно знакомого спросить, просто посматривать по сторонам.

Уместно, когда обрядам учат маленьких детей их родители: «Поклонись так, вот так перекрестись, так ручку держи, а этого не делай», — естественное воспитание. Подростка такое обучение будет раздражать. А если взрослым людям толковать, особенно, если с амвона проповедовать о внешнем поведении,

тогда всё внимание человека будет концентрироваться на том, как ему правильно перекреститься, поклониться, и на том, как это делают окружающие, в том числе, батюшки. Получится сплошное фарисейство.

Я сам стараюсь об этих вещах говорить только в случае крайней необходимости (бывает), потому что если мы будем вместе и по отдельности жить духовной жизнью и бороться со своими страстями, стараться молиться Богу, смиряться, терпеть друг друга, и этим, насколько Бог даст, привлекать благодать Божью, то внешние вещи приложатся, и всё наладится само собой.

А если несоблюдение каких-то внешних правил начинает мешать другим людям в храме? Например, человек громко подпевает хору, опаздывает на службу?

Я думаю, если кто-то очень сильно мешает, батюшка, охранник или прихожане могут остановить. Но, может быть, иногда лучше и потерпеть. У меня всегда был очень громкий голос, а музыкальный слух был не развит. Но я насчёт своего слуха заблуждался, поэтому, ещё будучи мирянином, в церкви всегда пел очень громко, и люди меня не останавливали. Они, конечно, страдали, но не останавливали. Такие были добрые и тактичные.

Вообще, это вполне естественно — подпевать. Если человек может подпеть хору, не мешая, это прекрасно; если нет слуха, пусть потихоньку поёт. У нас, кстати, я заметил, в храме очень многие люди подпевают хору общеизвестные песнопения — они никому не мешают, но с другой стороны, участвуют в богослужении. А есть храмы, где общенародное пение развито.

Или, бывает, люди опаздывают. Иногда по лености, по дурной привычке — человек идёт на службу

причаститься, и не может прийти вовремя. А бывает, человек идёт на работу, и у него есть возможность по дороге зайти в храм на пять минут, поставить свечку, помолиться. Пусть это даже посреди службы будет, во время Литургии, но если он никому не мешает, тихо вошёл, перекрестился и пошёл дальше, что тут плохого? Надо радоваться, что человек зашёл в храм хоть на пять минут. В наше время — это обычное явление. Главное, по совести судить самого себя. Чем меньше внимания мы обращаем на поведение других, тем лучше.

Действительно, очень плохо, если человек во время службы громко разговаривает, как-то вызывая себя ведёт, ходит по храму. Но, откровенно говоря, если человек в любое сообщество приходит и ведёт себя вызывающе, явно не так, как принято в этом сообществе, то члены сообщества будут этим недовольны.

Исполнение принятых в церкви правил, если только мы не осуждаем нарушителей правил, хорошо. Если нарушаем правила по неведению — ничего страшного. А вот нарушение заповедей Божьих нам действительно мешает и даже может погубить наши души. На обычаях, которые сложились в том или ином храме не должно быть заостренности. Как сложилось, такие правила и надо соблюдать. Не нужно ни за них, ни с ними бороться.

Недавно я был на Соловках, там принято, чтобы мужчины в храме во время богослужения стояли справа, а женщины слева. Но когда наша группа, и я в том числе, забыв об этом правиле, встали слева, то ни мне, ни другим мужчинам никто никаких замечаний не сделал. Мы через несколько минут сами как-то ощутили неловкость и передвинулись на правую сторону. И хорошо, что ни мы не упорствовали в своей ошибке, ни нас не смущали замечаниями.

Настоятель нашего прихода объявил, что намерен вернуться к древним церковным традициям, поэтому отныне женщины в храме должны стоять слева, а мужчины справа. И на помазание женщины должны подходить после мужчин. Зачем нужно такое разделение по половому признаку? И если оно настолько важно, почему в большинстве современных приходов его сейчас не соблюдают?

Обычаи, о которых спрашивает автор письма, действительно существуют в некоторых церковных общинах (например, у единоверцев, и не только у них), а в древности, насколько я слышал, были распространены повсеместно. Думается, в этом был смысл.

Мужчины и женщины становились поодаль друг от друга, чтобы поменьше друг на друга отвлекаться. А обычай женщинам стоять слева от мужчин и подходить к помазанию и к причастию вслед за мужчинами, думаю, определялся символическим пониманием мужского пола как старшего и правой стороны тоже как, в некотором смысле, старшей и лучшей.

Понятно, что сами по себе эти обычаи женщин не унижают, ведь сказано в Евангелии: «Будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20, 16). А в Послании апостола Павла к Галатам так написано: «Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 26–28). Так что ни мужчинам нечего возноситься, если женщины оказывают им традиционную честь, ни женщинам завидовать, если им пришлось подойти к Святой Чаше на несколько минут позже.

С другой стороны, на мой взгляд, усердно заботиться о возрождении на приходе упомянутых обычаев и других, им подобных, не стоит. Если это как-то само собой складывается или давно сложилось, ну и хорошо. А если приходится убеждать людей, приходится спорить, проповедовать им о правой и левой сторонах и об очередности подходов, то не стоит.

Потому что в результате кто-то по немощи духовной смутится и из-за не имеющего большого значения обычая станет недоволен священником, даже, может быть, потеряет доверие к нему. А кто-то по той же немощи духовной, наоборот, придаст обычая слишком большое значение, начнёт ревностно его исполнять сам, а не исполняющих станет осуждать или поучать, да ещё, пожалуй, во время службы.

На мой взгляд, силы и время, данные Богом нам, духовенству, на проповедь, мы должны направлять, в первую очередь, на проповедь Христа, на разъяснение Его спасительных заповедей, на обучение людей молитве и борьбе со страстями, а не на перестроение прихожан в каких-то особых порядках, даже если сами по себе эти порядки неплохи.

Как Вы относитесь к приходскому консультированию, когда грамотные и специально подготовленные прихожане нарочно дежурят в храме между службами, чтобы подсказывать новичкам?

Я думаю, это хорошая практика. Если есть такие люди среди прихожан, которые могут подсказать другим, и которым это нравится, прекрасно, и нужно им помочь организовать. Но, если говорить о сути, консультирование мало что даёт, потому что от Бога нас отделяет не недостаток приходских навыков, а страсти, приближает же нас к Богу терпение

скорбей, смирение. Остальное всё не имеет особенного значения.

Я сам пришёл в церковь, ничего не зная ни о каких правилах, но совершенно никаких трудностей не видел в том, чтобы встроиться в церковную жизнь. Даже алтарником сразу стал. И другие мои знакомые также — ни от одного из своих знакомых я не слышал, чтобы они испытывали трудности при внешнем вхождении в церковную жизнь. Все наши трудности внутреннего порядка. Некоторые люди, придя в храм первый раз, пострадали от грубых замечаний старых прихожанок или сотрудниц, но тут дело как раз не в неведении новичков, а в духовной немощи знатоков правил.

Бывает, слышишь от некоторых женщин: «Стесняюсь идти в храм, не знаю, как себя вести». Это просто какие-то личные немощи, проявление наших страстей. Сама по себе робость как раз не мешает. Ведь если человек очень робкий, он пришёл в храм, от робости встал в уголок — этим он как раз все внешние правила соблюдает, никому человек не мешает, никого не раздражает.

Зачем нужны церковные награды, особенно, для священнослужителей? Разве священники служат ради наград?

Конечно, духовенство несёт свою службу не ради каких-то знаков внимания начальства или внешних преимуществ. Хотя, к сожалению, и нам, священнослужителям, не чуждо тщеславие и честолюбие, но мы, как и все христиане, боремся с ними. И в этом смысле награды, как имеющие свойство возбуждать гордость, не нужны и даже вредны. Получая их, нужно напоминать себе, что, как бы нас ни возвеличивали люди, Бог знает наше недостойнство.

А не получив ожидаемой награды, нужно вспомнить, что это гораздо полезнее для души, чем получение награды, даже, по житейским понятиям, заслуженной.

Но также как пища не только возбуждает кревоугодие, но и питает тело человека, так и награды не только имеют упомянутое отрицательное значение, но и являются важным инструментом управления. Это относится к любым человеческим сообществам, в том числе и к церкви как организации.

Во-первых, награждаемому награда даёт знак, что награждающий настолько одобряет его деятельность, что даже ставит её в пример другим. И это поощряет человека к усердию.

Во-вторых, окружающим награда даёт знак, что деятельность награждённого заслуживает одобрения начальства, и это поощряет их подражать доброму примеру.

Поэтому особенно важно, чтобы люди знали, за что полагаются награды, то есть знаком чего они являются (иначе знак ничего не будет означать). И очень важно, чтобы награждения совершались справедливо, а не по пристрастию или посторонним соображениям (иначе наградам не будут доверять).

Надо сказать, что для целей церковного управления достаточно было бы одних общецерковных наград — епархиальных и патриарших грамот, медалей и орденов. Правда, в отличие от общецерковных, иерархические награды имеют специфическую функцию указания места священнослужителя при совершении соборных богослужений. Однако эту функцию с успехом могла бы исполнять (и при равенстве наград исполняет) дата рукоположения в священный сан.

Но некоторые иерархические награды имеют ещё и символическое значение. Набедренник и палица символизируют меч духовный, духовное оружие, то есть слово Божие. Камилавка символизирует

умерщвление плоти, защиту от демонских воздействий, а также благодатный молитвенный дар. Поэтому набедренник, палица и камилавка остаются элементами богослужебного облачения духовенства независимо от того, используются они как награды или нет (например, в некоторых Поместных Церквях палицу носят все священники).

Поскольку церковное управление вверено Богом священноначалию, оно в разное время по-разному использует имеющиеся в его распоряжении способы управления, в том числе различные награды. Мы же, священнослужители и миряне, с послушанием и уважением принимаем решения священноначалия: награды принимаем с благодарностью и самоукорением, а задержку (если нам так кажется) наград — с сугубой благодарностью и смирением.

Можно ли охотиться на животных?

Ни ветхозаветная церковь, ни Господь Иисус Христос не запрещали есть мясо. Поскольку во время своей земной жизни Христос был правозверным иудеем, он сам употреблял его в пищу, хотя бы на Пасху. Понятно, что если питаться мясом, то приходится забивать скот или убивать диких зверей на охоте. Нравственной разницы тут нет никакой.

Но нравственное значение имеет то, с каким настроением человек охотится, ради чего. Ради тщеславия, чтобы похвастаться перед приятелями числом подбитых уток? Ради острого чувства опасности и гордости своим бесстрашием при охоте на медведя или льва? Или ради извращённой радости от созерцания предсмертных страданий живого существа?

Но может быть, человек охотится, чтобы заработать на жизнь себе и своей семье, или он, рискуя жизнью, отстреливает тигра-людоеда?

У каждого человека есть совесть, и пусть каждый охотник сам по совести рассудит, с какой целью он охотится. Если цель злая, то пусть воздержится от злого дела. Если дело доброе, то пусть делает его, благодаря Бога. Если же к доброму делу примешивается зло, то дело пусть делает, а в примешавшемся зле кается.

Я в данный момент замужем, беременна, но у меня угроза выкидыша. Можно ли беременным заходить в церковь?

Беременным не только можно заходить в церковь, но и желательно почаще приходить в храм Божий для молитвы и причащения Святых Христовых Таин. Тем более, когда женщина больна и есть угроза выкидыша.

Если тяжело или противопоказано долго стоять, можно сидеть; совсем необязательно класть земные поклоны. Главное — молитва и приобщение к спасительным церковным таинствам, а не внешние правила. Сами по себе правила полезны, но, как сказано в Евангелии, «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2, 27).

Нередко бывает, что беременные женщины приходят в храм причаститься, надеясь, что это укрепит их здоровье и поможет им в родах. Действительно, благодать, подаваемая человеку в церковных таинствах, может благотворно сказываться и на телесном здоровье. Но здесь нет простой прямой зависимости, и смысл таинств не в этом.

В причащении Святых Христовых Таин человек соединяется со Христом и во Христе — с Богом. В этом таинстве осуществляется единство православных христиан как членов единого Тела Христова, глава которого — Сам Господь Иисус Христос.

А таинство Исповеди необходимо, потому что даже крещёный и живущий церковной жизнью человек порой впадает в различные грехи, иногда даже — в тяжкие, как это ни прискорбно.

Если крещёный человек не исповедовался с младенчества или вообще никогда не исповедовался и не причащался, желательно, чтобы он переговорил со священником, который объяснит ему, как лучше подготовиться к исповеди и причащению Святых Христовых Таин и как нужно дальше строить свою духовную жизнь. Это относится ко всем людям, в том числе — к беременным женщинам.

Мне не совсем понятно отношение Церкви к родам. Например, почему женщине после родов в течение сорока дней нельзя причащаться? Ведь как раз в этот период ей необходима духовная поддержка, а её как будто наказывают за что-то, отлучая от причастия. И почему по прошествии сорока дней над роженицей читают молитву очищения от греха? Разве роды грех?

Церковь действительно не благословляет женщинам причащаться во время месячных, а также в течение 40 дней после выкидыша или родов. Но это вовсе не потому, что менструация или невольный выкидыш, или, тем более, роды — грех. Конечно, всё перечисленное грехом не является. И женщина в данном случае не находится под запрещением, а просто ей рекомендовано в эти дни воздержание от причащения, так же как Церковь нам время от времени рекомендует пост. Притом что сама по себе скоромная пища не греховна, да и нормальные супружеские отношения не удаляют человека от Бога.

Кстати, в случае необходимости все ограничения снимаются, и женщина может причаститься

в любом состоянии. И ещё следует заметить, что ограничения накладываются только на причащение, а вовсе не на молитву в храме, как думают некоторые.

Почему существует такое правило, чтобы женщинам в определённые периоды воздерживаться от причащения Святых Христовых Таин, прямо скажу — не знаю, нигде не встречал объяснения этой традиции. Но думаю, что она не случайна, и лучше относиться к ней с почтением. Если мы чего-то не знаем, это не значит, что этого уже и нет. Есть много вещей, которые мы принимаем без объяснений, и правильно делаем. Наша жизнь пронизана множеством неосознанных ритуалов, отказ от которых, однако, привёл бы людей к душевной катастрофе. Многие, я думаю, знакомы с книгой Корнея Ивановича Чуковского «От двух до пяти». В ней приведены примеры того, как устранение из жизни ребёнка обычной сказки превращало его жизнь в сказку уже невротическую.

Что-то, видимо, происходит с душой женщины в некоторые периоды её жизни, что делает для неё бесполезным — кроме особой необходимости — причастие Святых Христовых Таин. Ничего страшного. Если она примет это со смирением, то получит от смирения безусловную пользу, благодати праздника, конечно, не лишится, а причастится в ближайший удобный день.

Как относиться к подарку от некрещёного или от мало знакомого человека. Правда ли, что это принесёт мне беду? Или это просто пред-рассудки?

На Ваш вопрос нельзя ответить однозначно. Кто во что верит, тот того и раб. Если человек верит в порчу и сглаз, верит в силу бесовскую, то эта

ложная вера действительно предаёт его во власть бесов, и его ложные опасения получить вред через подаренную вещь оказываются небезосновательными. Но дело тут не в вещи, а в ложной вере.

Христианин же верует во всемогущего, всеведущего и всемилостивого Бога, он — раб Божий. Он знает, что может заболеть, что может и умереть; знает также, что есть злые люди и есть ещё злейшие бесы, но он верует, что без благой Божьей воли ничего с ним никогда не произойдёт, и не боится никаких «подарков».

Однако если мы немощны в своей православной вере и какие-то предметы нас смущают, то не грешно будет отказаться от них. Так же и с людьми, если общение с кем-то смущает меня, я могу стараться общаться с этим человеком поменьше. Только важно при этом не людей осуждать, которые могут быть и вовсе ни в чём не виноваты, а своё маловерие, подозрительность и излишний, причём поверхностный, мистицизм.

Иногда кажется, что церковная жизнь чрезмерно усложнена. Если пришёл в храм, то обязательно купи свечи, возьми просфору, набери святой воды, положи продукты на канун. Но нужно ли всё это Господу? Бывает, что всё, вроде бы, сделал, как надо, а на душе тяжело. А бывает наоборот: зашёл в храм, только помолился от души и вышел, как «заново родился». Что Вы скажете на это, батюшка?

Что скажу? Идёт человек с работы домой и заранее тоскует: вот опять тапочки надевай, опять руки мой перед едой, опять ужинай... Да необязательно тапочки надевать, просто хочется, чтобы было чисто в доме. И руки можно не мыть, если

приятно есть грязными руками. А ужинать и подавать необязательно, если не голоден. Так и с церковными обычаями, о которых Вы упомянули. Сами по себе они вполне осмысленны и хороши, но Церковь к ним никого не принуждает.

Свеча, зажигаемая перед иконой, помогает настроиться на молитву, она — внешнее выражение сердечной молитвы. Но, если нет настроения, можно и не ставить свечу. В Оптиной Пустыни в XIX веке даже не принято было, чтобы насельники приобретали и ставили свечи, это было уделом паломников.

Нужна просфора — возьми, не нужна — не бери. Если нужно набрать святой воды, набери, не нужно — не набирай. Пожертвования должны делаться свободно, по велению сердца, и в той форме, в какой человеку это удобно и как его душа располагается.

Так и со всеми другими такого рода обычаями. И всё нужно делать с молитвой, благоговеино, стараясь никого не обидеть, не смутить. Бог призвал нас к свободе, а мы сами делаем себя рабами.

Святую воду можно пить только натошак? Есть такой благочестивый обычай — утром съесть кусочек просфоры и выпить святой воды. Но в храмах стоят баки со святой водой, и желающие могут попить в любое время. Как правильно?

Сколько дней положено говеть перед причастием и сколько часов должен длиться евхаристический пост? Насчёт поста приходилось слышать разные мнения: 6 часов, 8 часов, с полуночи, с наступления темноты.

Действительно, есть такой благочестивый обычай — утром съесть кусочек просфоры и выпить

святой воды. И я тоже, когда не служу Литургию, утром съедаю кусочек, правда, не просфоры, а антидора и запиваю крещенской водой. Так меня научила старушка монахиня, когда я только пришёл в Церковь в 1978 г. и стал алтарником в храме, при котором она жила и несла послушание.

Однако я хорошо знаю, что съесть натошак просфорку со святой водой это только благочестивый обычай, а не общецерковное правило и, тем более, не заповедь Божья.

В Типиконе же, в статье на праздник Крещения Господня прямо сказано: «Известно же буди всем о святей воде, яко нецыи суть отлучающе себе от святыя воды вкушения ради, не добре творят, ибо благодати ради Божия дана бысть на освящение миру и всей твари. Темже во всяких местех и скаредных, и всюду кропится, яже и под ногами нашими суть. И где есть сих разум, еже не пити сея? Но да увеси, яко не вкушения ради ястия нечистота в нас есть, но от скверных дел наших. Очищению же от сих, прием без сомнения сию святую воду».

То есть, Церковь не запрещает пить святую и даже крещенскую воду в любое время и укоряет тех, кто считают, что пить святую воду не натошак нельзя.

Как же правильно? Правильная церковная жизнь это непрестанное сердечное молитвенное единение с Богом во Христе и причастность Святым Христовым Тайнам. Вот что насущно необходимо всякому человеку, и если это есть, то всё есть, а если этого нет, то ничего нет.

Ведь сказано святыми отцами, что в главном должно быть единство, во второстепенном — свобода, и во всём — любовь. Поэтому в правилах об употреблении святой воды и во всём подобном нужно просто держаться свободы, то есть послушания.

Если человек живёт в монастыре, пусть слушается монастырское начальство. Если имеет духовного отца, пусть всё делает с его благословения. В семье младшие пусть слушаются старших. Всё очень просто. И никто не должен никому навязывать своей воли и своих обычаев. А старшие, если они обязаны устанавливать какие-то правила, пусть делают это с рассуждением, с молитвой и — если нужно — с советом более опытных.

Вот тогда всё будет правильно, то есть по смирению и любви. А навязывать другим свои мнения — это проявление духовной неопытности.

Есть древняя восточная притча, которую по-русски можно пересказать так:

— Петровна, курица бежит.

— А мне какое дело?

— К тебе на двор.

— А вам какое дело?

Нам не следует ни интересоваться чужими делами, в том числе обычаями и подвигами, ни другим без особой нужды рассказывать о своих правилах и трудах, даже если мы их имеем.

То же самое и по второму вопросу. «Сколько дней положено? ...Сколько часов должен длиться?..» Вопросы эти нужно разрешать в духе свободы и послушания. Есть духовный отец — спроси у него. Только не беги сразу навязывать своим знакомым полученное благословение. Принадлежишь к какому-либо церковному сообществу (монастырь, приход, православная семья) — следуй действующим в нём правилам и обычаям и будь в мире. Некого послушаться — держись средней меры по своему разумению и моли Бога, чтобы Он сам всё устроил и твои ошибки исправил.

Главное не сводить духовную жизнь к правилам и спорам о правилах, потому что, как сказано апостолом

Павлом: «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17).

Можно ли в торговом зале магазина вешать иконы? Не является ли это кощунством?

В тех местах, где прилично бывает верующим православным людям, можно, как правило, размещать и иконы. В магазине, где продают обычные продукты питания или, скажем, обувь, почему бы не быть на стене образу Божьему? Он будет одним своим видом помогать людям не растворяться в мирской суете и будет им напоминать о Царстве Небесном. То же относится и к местам общественного питания. В столовой поместить икону — вполне естественно.

Но есть места, куда верующему человеку лучше никогда даже не заглядывать, которых вообще лучше бы не было. Стриптиз-клубы, например, или магазины «Интим». Понятно, что в таких заведениях вешать иконы — кощунство. Нужно сначала само заведение перепрофилировать во что-нибудь хорошее, потом освятить его и поместить на видном месте икону.

Это — в общем. А в каждом конкретном случае вопрос должен решать сам владелец или директор магазина (кафе), и решать по совести. А освящать или не освящать конкретную торговую точку — должен решать по своей христианской совести священник.

Я считаю себя глубоко верующим человеком, я молюсь Богу. Но я не приемлю навязываемую извне обрядовость и не нуждаюсь в ней.

Знаете, я с Вашими словами «не приемлю навязываемую извне обрядовость и не нуждаюсь в ней» совершенно согласен. Нормальный самостоя-

тельный человек и должен противиться всему, что навязывается извне.

Но представьте, что человек, скажем, решил заняться джиу-джитсу и явился на тренировку в костюме маленького лебедя из известного балета. Думаю, что тренер предложил бы ему переменить костюм. Думаю также, что отказ принять это требование означал бы очевидную неготовность человека к началу занятий.

Мы все постоянно — осознанно или неосознанно — погружены в обряд. Вы встречаете друга и хотите выразить свою искреннюю радость — это порождает определённый ряд жестов. Хотите кого-то «поставить на место» — другой ряд жестов. И эти ряды жестов неслучайны, вместе они образуют традицию форм человеческого общения.

Если человек искренен, то его жесты оказываются проявлением его внутреннего состояния. Но и наоборот: жесты оказывают воздействие на внутреннее состояние. Человек делает поклон — знак смирения — и его душа невольно учится у тела, что тот, кому я делаю поклон, заслуживает поклона. Мама даёт маленькому ребёнку поцеловать икону, ребёнок ещё ничего не понимает, но душа его учится любить того, кто изображён на иконе.

Не обряд — ложь, а обрядоверие, когда человек придаёт значение обряду как таковому, в отрыве от его сущности. Есть замечательный пример крайнего обрядоверия. Забыл уже, с кем и когда это произошло, но случай действительный.

Взбунтовавшиеся казаки решили убить архиерея и для этого вытащили его из церкви. Архиерей был в полном облачении. И вдруг среди казаков нашёлся знаток правил и закричал: «Братцы! Да разве можно поднимать руки на такой великий сан! Ведь архиерей — в облачении!» Выход нашёлся легко.

С архиерея благоговейно сняли священное облачение и тогда уже убили.

Вы, может быть, имели в виду не только обряды, а вообще церковность. Многие люди говорят, что они веруют в душе и не ощущают нужды в Церкви. В этом есть своя правда. Если человек, скажем, работает почтальоном, получает 10 тысяч рублей в месяц и ему достаточно, то пусть он и дальше работает почтальоном. Но, если он хочет заработать 10 миллионов долларов, ему придётся многое изменить в своей жизни.

Христос нам обещал Царство Небесное, но такие, какие мы есть, мы войти в него не сможем, так же как почтальон не может вдруг стать руководителем промышленной корпорации.

Замечу, кстати, что если скромность материальных запросов почтальона даже похвальна, то скромность духовных запросов ни для кого не похвальна. Церковь учит нас призывать Святого Духа, чтобы Он вселился в нас, значит к этой высокой чести, к обладанию таким великим богатством все мы призваны Самим Богом. Итак, все мы — званые, но от каждого лично зависит стать избранным (см. Лк. 16, 24).

Если посмотреть на вещи, не обольщаясь, то духовное состояние каждого человека, даже самого хорошего, умного, верующего(!), можно сравнить с состоянием человека после инсульта — паралич и помрачение сознания. Если хотим быть здоровыми, нужно согласиться на лечение. И лечение это должно быть не абы каким, а профессиональным, то есть в рамках определённой традиции.

Почему в храме так редко увидишь радостное лицо? Все стоят какие-то сосредоточенные, чуть ли не хмурые.

Часто приходится читать о том, что христианин

должен быть радостен. Оно, конечно, неплохо. Да и апостол Павел писал: «Всегда радуйтесь». И сразу вслед за тем: «Непрестанно молитесь». Такая радость, которая побуждает непрестанно молиться и сама порождается непрестанной молитвой, — дай нам Бог пребывать в такой радости. А наши радости о чём? О хорошей погоде, о детях, о здоровье и прочее. Так и атеисты радуются.

Радость о Господе и вообще духовные переживания у нас тоже есть. Только в них всегда центральное место занимает наша самость. Как Я хорошо помолился, как Я переживаю, МОЯ скорбь о Страстях Христовых, МОЯ радость на Пасху... Вот в наших душах истинная радость и не удерживается, как в дырявых сосудах.

Когда человек это осознаёт, это не лишает его радости, но он трезво оценивает своё состояние, благодарит Бога за радость, когда она посещает его, но сознаёт свою неготовность к истинной радости и не ждёт её, точнее, ждёт, но в вечности.

Ожидание же духовных переживаний порождает, соответственно, смущение, если их нет. Слышал такую жалобу: «Я на Светлой седмице не радовалась воскресению Христову». Ну и что, что не радовалась? Скажи себе: «Я не чувствовала радости, но я верую в воскресение Христово, верю, что Господь меня исправит и, как бы это ни было болезненно, пробудит моё сердце для истинной любви. И тогда воскресение Христово станет радостью и для меня».

Церковных людей даже порой упрекают, мол, почему они в храме все такие мрачные, и одежда на них в храме не яркая. Одеваемся в то, что имеем. Празднично, но скромно, чтобы не отвлекать остальных людей от богослужения и, тем более, не соблазнять. А лица — какие уж есть. Разжигать в себе эмоцию радости — это лицемерие. Но мы

вообще приходим в храм не за эмоциями, а чтобы вместе помолиться и причаститься Святых Христовых Таин, в чём и проявляется наше церковное единство как Тела Христова.

Наши отношения с Богом гораздо глубже любых эмоций. Есть хороший пример. Многодетная мать устала от детей, она изнемогла и хочет только спать. Это не значит, что она детей не любит, или в этот момент любит меньше, чем когда с ними тетешкается. Так же, если человек только что был погружён в молитву, а потом увлёкся греховными помыслами, это не значит, что тогда он Бога любил, а потом перестал любить. Это значит, что идёт духовная война, в которой мы то побеждаем, то терпим поражение. Опытный воин не обольщается частными победами и не унывает от частных поражений, он стремится к окончательной победе.

Святитель Феофан Затворник пишет, что для смиренного, когда он впадёт в какое-то согрешение, это не неожиданная новость. А гордый человек от всякого поползновения впадает в смущение или даже в отчаяние, если, конечно, не усыпит свою совесть самооправданием. Сцилла и Харибда подвижничества.

Нужно знать, что борьба со страстями — это надолго. Мы боремся, но страсти продолжают нами владеть; мы виноваты в этом, оправдывать свои немощи не надо, но и унывать не следует. Если я пока не могу удержаться от чего-то вредного для души, то это предмет для покаяния, а не для уныния и отчаяния.

Изображать духовную радость не нужно, но и наводить тоску на окружающих не следует. Я, например, знаю, что я человек гордый и моя гордость ко всему в жизни примешивается. Это знание должно укреплять меня в терпении очистительных скорбей

и удерживать от осуждения ближних, но я не должен ходить с кислой миной и лишать своих ближних — жену, детей, прихожан — душевного тепла.

Много раз читала и в церковной прессе, и в Интернете о том, как странно выглядят молодые люди, особенно женщины, в храмах. Одеты в тёмные тона, у девушек длинные юбки. Пишут об этом, пишут, а почему ничего не меняется?

После отличной книжки Владимира Легойды «Мешают ли джинсы спасению?» все теперь знают, что джинсы спасению не мешают. А юбка? Длинная бурая юбка без разреза мешает?

Недавно я встретился с другом юности, известной журналисткой, крестившейся лет тридцать назад в сознательном возрасте. Она делилась со мной своими трудностями, внешними и внутренними. В ответ я высказал мысль, что причина её тяжёлого душевного состояния отчасти в обстоятельствах жизни, а отчасти в том, что она, хотя и верует в Бога, но по своей вере не живёт. Тогда моя друг-собеседница воскликнула, что не чувствует потребности одеть юбку до пят и серый свитер.

Я ответил ей: «Наташа! Да я не имел в виду одежду!» Одетая она была, кстати, скромно. Дальше мы с ней поговорили о смысле христианской жизни. Но почему она с самого начала заговорила о юбке? Ну, ладно какой-нибудь человек, поработавший в храме или монастыре, которому недостаточно культурные члены общины навязывали местный дресскод. Или девушка, попавшая на исповедь к излишне строгому монаху, считающему уместным всех одеть в подрясники. Но с моей-то собеседницей ничего этого не было!

Другой пример на ту же тему. В некоторых храмах раньше были (говорят, что есть и сейчас) старушки, в глаза ругавшие людей, которые вели себя в церкви не так, как следовало, по мнению старушек. Один замечательный, ныне покойный архипастырь назвал таких старушек «православными ведьмами». Почему столь строго? Почему не «дурами»? Почему не «хамками»? «Ведьма» — очень серьёзное обвинение. А ведь этот архипастырь сам ни разу, я думаю, ни с одной «православной ведьмой» не сталкивался.

Дело в том, что все мы — даже лучшие и умнейшие из нас — подвержены идеологическим штампам и модам. Долгое время держалась мода ругать старушек, которые ругаются в храмах. Они нас ругают, а мы — их. Они нас — грубо и в глаза, а мы их — тонко и за глаза.

Конечно, церковных сотрудниц нужно воспитывать, чтобы они не обижали прихожан; конечно, это обязанность, в первую очередь, настоятеля. Нужно и других пожилых прихожанок воспитывать. И молодых прихожанок. И прихожан мужского пола. И себя самих. И на это у нас уходит вся жизнь. Поэтому будем к себе строги (не до отчаяния, помня о милосердии Божьем), а ко всем будем снисходительны. И с любовью относясь ко внешним, стараясь, чтобы ничто не мешало им прийти в Церковь, будем с любовью относиться и к тем, кто уже в Церкви. Они-то ведь тоже наши. Уча их мягко обращаться с людьми, не лишим их самих нашей любви.

А что касается дресс-кода, для того, кто не знает ничего о внутренней, духовной жизни, естественно всё внимание обращать на внешнее. Христиане же знают, должны знать, что главное — это сердце человека, а не то, как он выглядит. Поэтому не нужно всех женщин стараться переодевать в длинные юбки, но по той же причине не нужно всех переодевать и в брюки.

Помню, когда я, крестившись в возрасте 27 лет, только начал церковную жизнь, мне очень понравилось ходить в косоворотке. Так я везде и ходил: в голубой «русской» рубаше с матерчатым пояском, в простых штанах, туристических ботинках, бороде и шевелюре вокруг зреющей лысины. Но духовный отец мне не делал на эту тему замечаний.

Однажды мы с ним ехали в метро, спокойно разговаривали, на меня покашивался народ, и я как-то сам почувствовал, что ему должно быть неловко сидеть рядом с такой яркой (в прямом смысле) фигурой. Наверное, ему действительно было неловко, но он мне ничего не сказал и даже виду не подал. И правильно сделал, потому что важно, не чтобы неофит во что-то переоделся, а чтобы он сам почувствовал: ни косоворотка, ни фрак, ни пиджак не приближают его к Богу и не удаляют.

Поэтому люди, которые всех хотят нарядить в «православные» юбки, думая, что в этом главное, ошибаются. Но и те, кто с презрением смотрят на мешковато одетых сотрудниц некоторых приходов, тоже ошибаются. «Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17). Не пища и питье, не платок и не шляпка, не джинсы и не юбка.

Батюшка, Вы пришли в Церковь в конце 70-х годов. Как с тех пор изменились прихожане, верно ли, что стало больше молодёжи?

Я пришёл в Церковь в 1978 году. Тогда, как известно, это был мир старушек. О том, какие сложности чинила советская власть молодым образованным людям, пытающимся выйти не то что на священное, но и на любое церковное служение, написано очень много — не буду повторяться. Замечу

только в качестве иллюстрации, что мне, для того чтобы устроиться в храм «уборщиком алтаря», пришлось скрыть (не от настоятеля) наличие у меня высшего образования и по профессии назваться не математиком-программистом, а оператором ЭВМ (электронно-вычислительных машин).

Сейчас храмы (по моим наблюдениям, обо всех не знаю), заполнились молодёжью. Тем более что теперь молодых людей из Церкви не гонят, а даже, наоборот, стараются привлекать. Это хорошо, конечно, но молодость, как известно, явление временное, и для духовной жизни не так уж важно, сколько тебе лет. Старики более устойчивы, юные более подвижны. И вся разница.

А по существу, у одной и той же иконы стоит и старушка с молитвой о пьющих сыновьях, и студент с прошением о сдаче экзамена. Немногие, по-видимому, устремляются в Церковь ради вечной жизни. Большинство идёт в храм, чтобы получить помощь и утешение в жизни временной. По-видимому. А по истине, кто знает?

Вот лежит больной ребёночек в коме и вдруг говорит: «Пи-пи». Как мать обрадуется! Ей не важно даже, о чём он пищит. Ей важно, что дитя вышло из комы. Человек пришёл в церковь помолиться о чём-то суетном, земном, но это он «из комы вышел». Может быть, опять в неё впадёт и совсем погибнет. А может быть, «зацепится» и ощутит веяние иного мира, потянется к нему и опередит нас, «продвинутых христиан», многоопытных в борьбе со страстями, которые (страсти), кажется, от борьбы с ними только растут (по крайней мере, гордость уж точно).

Ещё наблюдение: хрестоматийных «злых бабушек» в храме давно нет. В начале девяностых бывали случаи жалоб от прихожан на некорректные замечания старушек-сотрудниц, но мы сотрудниц быстро

перевоспитали, а старушки-прихожанки сами перевоспитались. Теперь бабушки, хотя не всегда бывают правы, но почти всегда бывают приветливы с прихожанами.

Я думаю, явление «злых бабушек» порождалось раньше, в основном, двумя причинами: неумением настоятеля их вразумить (это иногда) и законодательным отлучением духовенства от управления приходом (это при коммунизме с начала шестидесятых годов — всегда). Сейчас нет почвы для «злых бабушек» как явления церковной жизни.

Однако почвы для явления нет, а страсти наши так просто не исчезнут. И если мы не будем истреблять зло в своих сердцах, оно вырвется у нас — и молодых, и старых — не на прихожан, так на домашних или на подчинённых. Или изнутри сожжёт нас самих ещё прежде временной смерти.

Как решать на приходе конфликт поколений? Бабушки, например, привыкли к каким-то обычаям (длина юбки, платок и прочее), а люди просто с улицы постоянно заходят, кто в чём, как говорится.

У нас на приходе нет конфликта поколений, потому что всё естественно: 18 лет или 50 лет, можешь работать — работай. Если человек несёт послушание, слава Богу, а молодой или старый — не важно.

Бабушки у нас все просвещённые, знают, что не надо никого обижать. Жалобы бывают очень редко, а когда бывают, я объясняю: «Ну, что делать, куда девать бабушек, выгнать?» «Старого учить, что мёртвого лечить», — ещё преподобный Лев Оптинский сказал. Поэтому нужно снисходительно относиться. Сам я вообще стараюсь замечаний насчёт внешнего вида не делать, потому что, по опыту, бывает так, что

приходит православная дама вся в платках и юбках, а при этом в жутком духовном состоянии на грани демонического прельщения. А какая-нибудь девица, у которой юбка где начинается, там же и заканчивается, оказывается не такой уж распушенной, просто ещё не поняла каких-то вещей. Надо смотреть на сущность человека, если человек будет внутренне исправляться, он и внешне сам не захочет одеваться слишком вызывающе.

Забота должна быть о том, чтобы человек воцерковился: отстал от тяжких смертных грехов, начал жить духовной жизнью, участвуя в богослужениях и таинствах и стараясь молиться Богу. А внешнее всё само устроится. Конечно, есть общие правила, но они и так передаются от человека к человеку.

В какой храм ни придёшь — на одного прихожанина примерно десять прихожанок. Как вы думаете, с чем это связано? Такое впечатление, что женщинам вера нужна больше, чем мужчинам.

Необходимо различать живую веру во Христа, которая подвигает человека изменить свою жизнь, а то и пожертвовать жизнью ради единения с Богом, и религиозную потребность, которая побуждает человека совершать определённые ритуалы, обряды, чтобы получить душевное утешение, чтобы получить ощущение покоя и сознание исполненного долга: «всё сделано правильно». Хотя вера, конечно, связана с обрядом: она порождает обряд, а обряд в свою очередь воздействует на душу человека, воспитывает её — всё же вера и обряд — не одно и то же.

Поэтому вопросы «Почему в храмах женщин больше, чем мужчин?» и «Почему верующих женщин больше, чем мужчин?» хотя и похожи, но о разном. Первый касается особенностей мужской и женской

психики, а второй — о таинственном Промысле Божиим и о тайнах человеческого духа.

Относительно психики — я не учёный и могу только поделиться собственными, а отчасти почерпнутыми из книг наблюдениями и впечатлениями. Женщина, кажется, более склонна к ритуалу, к обряду, более мистична, чем мужчина. Кроме того, у женщины более устойчивая психика, поэтому она, если и отпадает от веры внутренне, не так сразу расстаётся с обрядом. Думаю, что именно поэтому женщин в храмах больше, чем мужчин.

Мужчину, если он не имеет глубокой веры, в храм и вовсе не тянет. Женщин же, приходящих за удовлетворением религиозных потребностей, кажется, гораздо больше, чем мужчин, осознанно ищущих богообщения. А вследствие этого среди церковных мужчин доля пришедших в храм только исполнить ритуал: подать записку, положить продукты на канон и заодно исповедаться-причаститься — невелика сравнительно с аналогичной долей среди женщин.

Женщин в храмах и вообще значительно больше, чем мужчин. И в результате получается, что среди церковных людей, сознательно стремящихся идти путём покаяния в Царство Небесное, мужчин и женщин одинаковое число.

Но всё это только мнения, наблюдения и впечатления — не более того! Высказываться в этом отношении сколько-нибудь определённо было бы проявлением крайнего самомнения, было бы грубым нарушением заповеди Спасителя «не судите». В массе — кажется так, как я сказал. А про каждого конкретного человека разве можно со стороны определять, ищет он только ритуала, или через ритуал тянется к Богу, или тянется к Богу, не обращая внимания на привычный нам обряд. Для покаяния всем

людям дана совесть и заповеди Божии, а судья всем нам — Бог.

Всю неделю я занята на работе. Заняться домашними делами — постирать, сварить обед — успеваю только в воскресенье, когда возвращаюсь из храма. Но моя бабушка утверждает, что работать в воскресный день — грех. Так ли это?

Конечно, если кому-то удаётся так организовать своё время, что все воскресные и праздничные дни он может посвятить исключительно молитве и делам милосердия, это прекрасно. Утром человек пошёл на Литургию, причастился, потрапезничал в кругу своей благочестивой семьи, посетил всей семьёй болящих и в темнице сидящих, сходил вечером в храм на службу, опять потрапезничал в кругу семьи, все помолились и отошли ко сну. Чего бы лучше!

Но, если мать семейства отказывается готовить обед, потому что праздник, а муж и дети сидят голодные и, может быть, даже — по немощи человеческой — ещё и обиженные, это не по-христиански, в первую очередь, с её стороны. В аналогичной ситуации Сам Христос сказал начальнику синагоги: «Лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить?» (Лк. 13, 15). Не лучше ли люди волов и ослов?

И второе. А что делать человеку целый день, если ему не удаётся идеально распланировать своё время? Сходил в храм на Литургию, причастился, поел. До вечера ещё несколько часов. И вечером до отхода ко сну несколько часов. А дел милосердия на сегодня не оказалось. Что делать? Пилить и строгать — грех. Готовить и убирать — грех. Только водку пить или телевизор смотреть? Так обычно и бывает.

Грешно, когда кто-то пренебрегает церковным праздником и пропускает Божественную службу ради лени, корысти или ещё чего-нибудь подобного. Плохо, когда человек может провести воскресенье или праздник с семьёй, с детьми, а он пренебрегает этим. Но и в таком случае работа сама по себе, хотя бы и в праздник, не хуже пустого проведения времени и уж, конечно, лучше греховного убийства времени в пьянстве, азартных играх и т. п.

Мы должны благодарить Бога за дарованные нам праздники, стараться посвящать такие дни молитве, посещению храма Божьего и добрым делам. Но всё должно совершаться с рассуждением, в духе любви к Богу и ближним.

Почему в одних храмах есть твёрдые цены на поминовения и требы, а в других всё за свободное пожертвование?

Не знаю, было и письменное, и устное, многократно повторенное указание ещё Патриарха Алексия II, чтобы требы и поминовения совершались за свободное пожертвование. Это не я придумал, это ещё в конце 80-х годов у отца Димитрия Смирнова была введено. И в Троице-Сергиевой Лавре так же.

Я считаю, что предметы, которые продаются за ящиком, должны иметь цену — книга, подсвечник, икона, так как эти предметы были приобретены за деньги. И человек за ящиком должен получать зарплату, и тот, кто привёз товар, должен получать зарплату. Поэтому, естественно, мы должны поставить ценник, и цена должна быть больше, чем та, которую мы заплатили изначально. Впрочем, официально мы это называем «пожертвованием» (тут есть юридические тонкости, не меняющие суть дела).

Но одно дело — церковная утварь, а иное — молитва. Как можно брать деньги за молитву? Молитва или бесценна, или вообще ничего не стоит. Я взял записку и прочитал: «о здравии Марии», — за что здесь брать деньги? Молитву нельзя в деньгах оценивать. Дело любви не может мериться деньгами. Если я считаю, что надо крестить, я должен крестить независимо от того, какое дали пожертвование. Соответственно, люди, которые стоят за свечным ящиком, как церковные служители, тоже так должны рассуждать.

Но не так должен рассуждать прихожанин. Помню, замечательный был случай, он меня многому научил. У нас есть один большой благотворитель, он вложил в храм огромные деньги. Как-то он пришёл и попросил меня отслужить молебен, я отслужил, он мне деньги даёт. Я говорю: «Ну, что Вы? Какие деньги?» Он говорит: «Нет, я хочу пожертвовать». И в Ветхом Завете сказано: «Пусть не явятся пред лице Мое с пустыми руками». Но так должен мирянин думать, это его свободная жертва.

Конечно, храм должен как-то существовать, если никто не будет жертвовать, приходская жизнь окажется под угрозой. Тогда будет, как в тех странах, где православных мало, и батюшка должен работать. Я даже слышал о священнике в Австрии, он работает дальнобойщиком. И что хорошего? Будем работать дальнобойщиками, а раз в неделю в воскресенье на службу будет собираться 15 человек.

Пусть люди жертвуют столько, сколько могут, бедная вдовица в Евангелии две лепты пожертвовала, а была поставлена в пример. До сих пор не забуду один уникальный случай — пришёл в 90-е годы незнакомый человек и дал 20 тысяч долларов. Это была в те годы такая огромная сумма, что мы полремонта храма на эти деньги сделали. Совершенно

незнакомый человек, я его первый раз видел. Конечно, Господь за всякое доброе дело воздаст. Но требовать пожертвования — в этом есть какое-то лицемерие. Мы, конечно, верующие люди, но часто вера у нас где-то сбоку.

Деньги посылает Бог, и если Он хочет послать — не увернёшься, если хочет что-то забрать — заберёт. Поэтому нам надо беспокоиться о деле, о самом служении.

Конечно, служение за свободное пожертвование относится напрямую именно к богослужению, а не к материальному производству или к магазину, например. Если бы я был директором, пусть даже православного магазина, я бы — в рамках христианского благочестия — торговал по рыночным законам. Но здесь же не завод и не магазин. Это приход, люди, которые приходят вместе помолиться, совершить таинства.

Собираюсь прийти в храм на причастие, но не знаю, сколько это стоит.

Понятия «плата», «стоимость» вообще не уместны, когда речь идёт о причастии Святых Христовых Таин. Даже и к церковным требам их нельзя применять. «Платное, бесплатное» — слова из другой области. В некоторых храмах, я слышал, висят объявления вроде «Требы для инвалидов войны и многодетных проводятся бесплатно», но думаю, что это тоже неправильно. Это все равно, что написать в брачном контракте: «Муж обязан любить жену бесплатно».

У Достоевского в «Записках из подполья» главный герой был весьма ядовитый человек. И как-то он призвал к хорошей, доброй жизни проститутку. Та исправилась, но заодно влюбилась в него и в порыве

ему отдалась. А он ей за это дал деньги. И хотя он вообще имел дурной характер, но этот свой поступок сам считал просто за пределами плохим.

А мы что же — пробуем заплатить за любовь Божию?

Пожертвования на храм, конечно, нужны, потому что и храм надо содержать, и священникам жить на что-то нужно. И это даже не немощь духовенства, а просто следствие того, что мы пока пребываем на земле, а не в Царстве Небесном. Но жертва должна быть добровольной. Такая жертва приносит благословение Божие и тому, кто жертвует, и тому, кто получает пожертвование. В этом, кстати, проявляется истина, что в Церкви Божией все мы — не только духовенство — являемся царственным священством.

Когда священник искренне совершает своё служение, прихожанину и самому, без условий, бывает, хочется пожертвовать. А требовать «плату» за требы неприлично духовенству.

Со мной, когда я был ещё молодым священником, однажды произошёл такой случай. Мне пожертвовали какую-то очень маленькую, как мне показалось, сумму, я ничего не сказал, но в душе был недоволен. И тогда спросил себя: «Почём Тело Христово, отец Константин?»

Но жертва — это ещё и участие. Некоторые рассуждают так: если храм богатый, то на него и не надо жертвовать. Конечно, храм будет стоять, Бог найдёт способ помочь ему. Но если я прихожанин этого храма, то мне обязательно захочется что-то сделать именно для него.

И эту тему можно развить. Как хорошо бывает на приходе, если люди друг другу помогают, чем могут, бескорыстно. Врач — безвозмездно проконсультирует больного, учитель — дополнительно позанимается с ребёнком. Состоятельный прихожанин — поможет

деньгами нуждающемуся прихожанину. А священник всем служит тем даром, который получил от Бога в рукоположении. Если мы — пусть не в масштабах страны, а в масштабах одного прихода — будем так поступать, в нашей жизни будет гораздо больше радости, а скорби будут переноситься гораздо легче, чем сейчас.

Существуют такие понятия как рабство, работа и служение. Рабство — это когда человека заставляют что-то делать. Если откажется, его или накажут, или убьют. А без страха он делать не будет. Работа — это когда тебе платят. Не будут платить — уволишься.

А служение — это когда человек занимается каким-то делом, потому что сам хочет, чтобы это дело делалось. Его не заставляют и могут ничего не платить, для него дорогое дело. Один солдат — «пушечное мясо» — воюет, потому что иначе его расстреляют, другой — наёмник — готов убивать и рисковать, потому что ему за это платят (деньгами или, кстати, орденами), а третий — истинный воин — любит Родину, и добровольно идёт на страдания и смерть, чтобы Родину защитить.

И заметьте, он идёт на страдания и смерть — они ведь ему не нравятся. Служение далеко не всегда приносит утешение служителю. Добрый батюшка, допустим, исповедует народ три часа подряд, у него уже и ноги, и спина болят. Какое там «нравится»! Ему просто хочется лечь. Никто его не заставляет исповедовать, но он сам хочет, чтобы люди очищались от грехов и учились свою земную жизнь строить ради Царства Небесного, и поэтому терпеливо выслушивает исповедников и молится за них.

Причём для любого человека, не только воина или священника, его дело может быть служением, а не работой. Есть такая замечательная притча. У двух людей на стройке спрашивают: «Что вы делаете?»

Первый отвечает: «Ношу камни». А второй: «Возвожу собор». Один работает — другой служит, а выбор зависит от нас самих.

Но, кто считает себя «продвинутым» в церковном отношении, пусть остережётся самопревозношения и осуждения ближних. Надо терпеть немощи друг друга. Человек спрашивает, сколько стоит причаститься или окрестить младенца. Звучит это неприятно, а в душе у него, возможно, всё не так плохо. Просто он не умеет выразить свои мысли и чувства.

Что означает обряд чтения записок во время службы?

Когда человек пишет записку «О здравии и спасении» или «О упокоении», он молится о тех, чьи имена записывает. Когда священнослужители или алтарники читают записки, они тоже молятся. Молитва — главное, в этом смысл принятого Церковью обряда чтения записок. Но не надо думать, что если я приложил к записке больше денег, то мои близкие будут хорошо помянуты, а если меньше — то хуже.

Сотрудники свечного ящика в нашем храме испытывают, кстати, большие трудности, объясняя новым прихожанам (постоянные уже поняли и привыкли), что пожертвование должно быть свободным. Некоторые люди даже обижаются, настаивают: «Нет, скажите, сколько это стоит?» Но, как ни трудно противостоять укоренившимся народным заблуждениям, нельзя соглашаться с распространённым отношением к храму, как некоему магазину, в котором в обмен на деньги, продукты и ритуалы приобретают успех, здоровье, а заодно и Царство Небесное.

Не надо путать церковную жизнь и удовлетворение религиозных потребностей. Религиозные

потребности есть, конечно, у всех людей. Родился ребёнок — хочется это отметить, умер человек — совершить над ним соответствующий ритуал, а не просто его в землю зарыть. Но религиозные потребности удовлетворяют и другие христианские конфессии и даже другие религии. И там люди получают душевное утешение.

Однако душевное и даже духовное утешение, которое человек может получить от богослужения, это лишь, так сказать, побочный эффект. А смысл богослужения в том, что на Литургии вся Церковь соборно восходит в Царство Небесное и там причащается Тела и Крови Христовых. Всё остальное — только служит тому, чтобы мы могли войти в Царство Небесное и быть со Христом.

Если же мы забываем о главном, то остаётся бессодержательный обряд. Но Христос не для того распялся и умер, чтобы только дать кому-то отметить семейное событие. И Церковь существует не для пустого обряда. Поэтому те, кто не ищут Божественной глубины, а удовлетворяются лишь внешними формами, заблуждаются.

Многих прихожан беспокоит, прочитаны ли их записки духовенством и церковнослужителями во время службы, бывают искушения и обиды.

На самом деле, по словам известного богослова Павла Ивановича Мейендорфа*, во время Литургии поминается вся Церковь! (По существу, это, конечно, относится и к молебнам, и к панихидам.) В молитве, которой завершается чин проскомидии

* Доктор богословия, профессор литургического богословия Свято-Владимирской православной духовной семинарии, сын известного православного ученого — протопресвитера Иоанна Мейендорфа.

за Божественной литургией, говорится: «Помяни, яко благ и человеколюбец, принесших и ихже ради принесоша, и нас неосужденны сохрани во священнодействии Божественных Твоих Таин». По-русски: «Помяни как благой и человеколюбивый тех, кто принесли, и тех, ради кого принесли (имеются в виду люди, принесшие дары, то есть хлеб и вино для совершения службы, и те, в память о ком, то есть с молитвой о ком принесены дары — прим. автора сборника), и также сохрани неосуждёнными нас, совершающих священнодействие Божественных Твоих Таин». Из других молитвословий проскомидии ясно, что дары приносятся не только за прихожан конкретного храма, но и за всех православных христиан.

Зачем же тогда люди пишут записки? А это форма молитвы человека о его близких и о самом себе, в этом проявляется его участие в Общем Деле («Литургия» означает «общее дело»), в жизни Церкви — Тела Христова. Но, если человек начинает задумываться, прочитали ли его записку, он своим недоверием согрешает и нарушает своё единство с Телом Церкви. В таких помыслах нужно каяться, а покаянием всякий грех врачуется.

Я знаю, что положено, проходя мимо храма, перекреститься и поклониться, но мне как-то неловко, и я боюсь раздражить этим окружающих.

Никогда не видел, чтобы это кого-то раздражало. Даже при коммунизме, когда я, проходя мимо храма, крестился и кланялся, ни разу не заметил, чтобы кто-то был этим недоволен. А тогда верующих было меньше, и к Церкви люди относились хуже, чем сейчас. И если кто-нибудь, скромно выражая

свою религиозность, вызвал явное раздражение окружающих, это, вероятно, лично ему посланное Богом искушение.

Я, кстати, не уверен, что нужно всегда, во всех случаях поворачиваться лицом к храму и кланяться. На шумной улице, в толпе народу или в троллейбусе стоит ли расталкивать всех и обращать на себя внимание? Потому что здесь будет больше вреда от тщеславия, чем пользы от выполнения обряда.

Сам по себе этот обычай добрый, хороший. Но из-за нашей немощи нам приходится отказываться от многих добрых вещей. Не хватает у нас душевных сил для принятия Божьих даров. Однако если поклонны мы не всегда должны делать, то внутренне-то молиться всегда должны.

Среди верующих людей распространены мнения о святых, что мученик Вонифатий помогает от пьянства, преподобный Сергий Радонежский — от плохой учебы, великомученик Пантелеимон — от всех болезней. Как к этому относиться?

Относиться к этому нужно двояко. Нет ничего плохого, если мы молимся великомученику Пантелеимону об исцелении от болезней — своих собственных или родственников. Он был целителем при жизни, от него известно много посмертных исцелений. Так почему же и нам не просить его об исцелении?

А из жития преподобного Сергия мы знаем: он плохо учился, потом, по благодати Божией, получил дар разумения Священного Писания. И вполне естественно молиться ему, если ребёнок плохо учится.

Конечно, если мы просим о чём-то земном, то, обращаясь к Богу или святому, надо добавлять: «Господи, да будет воля Твоя!» Потому что нам не всегда

полезно то, о чём мы просим. Но сама по себе молитва святым — благое дело.

Плохо бывает, когда человек вообще не заботится о спасении, а ищет только земного. И уже за пределы православной веры выходит тот, кто, пытаясь добиться исполнения своих желаний, молитву святому использует как заклинание. Человек, сам об этом не думая, фактически пытается управлять Богом. В грубой форме, конечно, этим почти никто не занимается. Но магическое настроение присуще падшему человеческому естеству, с этим надо каждому в себе бороться.

Почему Церковь почитает святых, разве не достаточно почитать Самого Бога?

Заданный вопрос чрезвычайно обширен и глубок. Я обращаю внимание только на некоторые его аспекты, может быть, не самые важные.

Что общего между нами и преподобными отцами, подвизавшимися в египетской пустыне полторы тысячи лет назад? Да, ничего. Ни по крови, ни по культуре, ни по языку. Но когда читаешь их жития или наставления, то чувствуешь какую-то родственность.

Это потому, что когда человек, пусть даже немощный, делающий по духовному пути лишь первые шаги, любит этот путь, жаждет пройти по нему до конца, тогда люди, которые по этому пути уже прошли, становятся ему близкими.

Как для альпинистов дороги воспоминания тех, кто восходили на сложные вершины и оставили правила поведения в горах, так и для нас, христиан, драгоценны писания святых отцов, даже очень древних и далёких от нас во всех отношениях кроме того, что они восходили на ту же самую духовную гору. И мы чувствуем к ним близость. Понятно, мы нахо-

димся у подножия, святые — на вершине. Но гора одна и та же, и мы собираемся восходить на неё.

Конечно, святые имели каждый свою национальность. Если человек родился китайцем, он не может стать эскимосом. И немец не перестанет быть немцем. Да это и не нужно. Но для православного человека в первую очередь важно принадлежать к народу Божьему. В житиях древних святых встречаются такие эпизоды: когда у мучеников спрашивали имя, они отвечали: «Я — Христианин». — «Из какого ты народа?» — «Я — Христианин». Это родство со Христом и для нас должно быть важнее любого другого родства.

В Церкви все мы кровные родные, причащаемся Тела и Крови Христа, являемся членами Тела Христова. И какая у нас может быть вражда по национальному, расовому или иным внешним признакам?

По заповеди о любви к ближним мы должны и своих родных по плоти тоже любить — и маму, и папу, и детей, и соплеменников. Это естественно. Но единство со Христом — важнее всего остального.

Был такой знаменательный казус в начале 90-х годов. В одной газете написали: «Русский народ дал миру Георгия Победоносца, Пантелеимона Целителя, Николу Угодника». Автор ошибся, эти святые не были славянами, но в его ошибке есть глубокий смысл. И если мы откроем Минею на день Всех святых, в земле Российской просиявших, там особенно поминаются Илия Пророк и Андрей Первозванный... Они действительно настоящие русские святые.

И это совершенно правильно и делает честь нашему православному народу и народному сознанию. Мы прославляем не просто «своих», которые в семидесятом колене нам родственники, а именно духовную близость воспринимаем как родственность. Это очень хорошо.

В Церкви всё мудро устроено: можно молиться Богу, Матери Божией, ангелам, святым. Мы люди разные, с разным душевным расположением. Всё равно, любая молитва, в конце концов, обращена к Богу, поэтому кто как хочет, пусть так и молится — в этом у нас полная свобода.

Кто чувствует особую близость к Пресвятой Богородице, тот пусть молится Ей, кто расположил-ся душой к кому-то из святых людей или ангельских сил — пусть к ним обращается. Когда совершается общественное богослужение, то все в это время молимся тем, кому молится Церковь. А если я один молюсь, то главное — молиться. И если я лично к какому-то святому редко обращаюсь, то это не значит, что я его не почитаю. Да святые на нас и не обижаются, им, вообще, не свойственно обижаться.

Я молодая, но здоровья нет, да и вес лишний одолел, поэтому даже летом хожу в платье с рукавами. И очень переживаю, что не могу во время паломнических поездок, как другие женщины, раздеваться донага и трижды окунуться голышом в святом источнике с головой, да ещё, чтобы даже волоска не было над водной поверхностью, а то грехи на нём и останутся. Можно окунуться в святые источники в купальнике?

Если речь идет о благодати, то, конечно, можно, потому что благодать даётся человеку независимо от одежды. А если речь идет о водных процедурах, то лучше обратиться за советом к специалисту по водным процедурам. Требование же, «чтобы даже волоска не было над водной поверхностью» существует, насколько я знаю, в иудаизме и относится к ритуальному погружению в микву, а в Православии такого требования нет.

При крещении есть древняя традиция погружать человека в купель обнажённым, но в наше время это не всегда бывает удобно и для взрослых не всегда соблюдается. Что же касается купания в святых источниках, то на этот счёт точно нет никаких канонов.

Если человек хочет получить пользу для души, то окунуться в святой источник надо с молитвой. А с головой или по пояс, или только умыться водой — это кому как нравится, и на спасение души не влияет.

Нужно ли стараться на Крещение окунуться в прорубь?

Сегодня Церковь не запрещает крещенские купания в водоёмах, а до революции относилась к ним отрицательно. Отец Сергей Булгаков в «Настольной книге священнослужителя» пишет следующее: «...В некоторых местах существует обычай в этот день купаться в реках (купаются в особенности те, которые на Святках переряживались, гадали и проч., суеверно приписывая этому купанью очистительную силу от этих грехов). Такой обычай нельзя оправдать желанием подражать примеру погружения в воде Спасителя, а также примеру палестинских богомольцев, купающихся в реке Иордане во всякое время. На востоке для богомольцев это безопасно, потому что там нет такого холода и таких морозов, как у нас.

В пользу такого обычая не может говорить и верование в целебную и очистительную силу воды, освящённой Церковью в самый день крещения Спасителя, потому что купаться зимой — значит требовать от Бога чуда или же совершенно пренебрегать своей жизнью и здоровьем».

(Сергий Булгаков, прот. Настольная книга для священноцерковнослужителей. — Репр. изд., 1913. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 1993. — С. 24. — Сноска 2.)

По моему мнению, если не привязывать купание к языческим верованиям, в нём нет ничего плохого. Кому позволяет здоровье, может окунуться, только не надо искать в этом какой-то духовный смысл. Духовное значение имеет крещенская вода, но её можно и каплю выпить, и окропить себя, и нелепо думать, что тот, кто искупался, обязательно получит больше благодати, чем тот, кто выпил глоток. Не от этого зависит получение благодати.

Неподалёку от одного из храмов нашего благочиния, в Опалихе, есть чистый пруд, я знаю, что духовенство храма освящает там воду. Почему нет? Типикон это допускает. Разумеется, в конце Литургии или, когда сочельник приходится на субботу или воскресенье, в конце великой вечерни. Освящение воды Великим чином в другое время допустимо в исключительных случаях.

Например, бывает, что один священник является настоятелем сразу трёх сельских храмов. Служить две Литургии в день ему нельзя. И вот батюшка служит и освящает воду в одном храме, а в два других, иногда за десятки километров, едет, чтобы специально для местных жителей освятить воду. Тогда, конечно, допустим Великий чин. Или в Доме престарелых, если там невозможно совершить Литургию на Крещение, тоже можно совершить Великое освящение воды.

Если же, допустим, благочестивый богатый человек хочет освятить воду в своём пруду, в этом нет ничего плохого, но в таком случае нужно освятить её Малым чином.

Если, как в Опалихе, после заамвонной молитвы проходит крестный ход, освящается вода в пруду, а потом все возвращаются в храм и заканчивают Литургию, церковный чин не нарушается. А уж будут ли потом священники и прихожане окунаться

в проруби, личное дело каждого. Надо только подходить к этому разумно.

Одна наша прихожанка — морж со стажем, даже ездит на соревнования моржей. Естественно, она с удовольствием и на Крещение купается. Но ведь моржами люди становятся, закаляясь постепенно. Если же человек неморозоустойчив, часто простужается, неразумно с его стороны будет без подготовки лезть в прорубь. Если же он таким образом хочет убедиться в могуществе Бога, то пусть поразмыслит, не искушает ли он этим Господа.

Был случай, когда пожилой монах — я его знал — решил вылить на себя десять вёдер крещенской воды. Во время такого обливания он умер — не выдержало сердце. Как любое купание в холодной воде, крещенское купание требует предварительной подготовки. Тогда оно может быть на пользу здоровью, без подготовки же может навредить.

Я говорю о телесном здоровье, возможно, душевном (взбадривает холодная вода), но не о духовном. Духовный смысл есть в самом таинстве освящения воды, а не в купании. Не так важно, купается ли человек в крещенской проруби, гораздо важнее, придёт ли он на праздничную Литургию, причастится ли Святых Христовых Таин.

Естественно, как православный священник, я желаю всем не просто прийти в этот день за крещенской водой, а помолиться за богослужением и по возможности причаститься. Но все мы, православные христиане, должны относиться к приходящим людям с любовью и пониманием, со снисхождением к человеческой немощи. Если кто-то приходит только за водой, неправильно говорить ему, что он такой-сякой и не получит благодати. Не нам об этом судить.

В жизнеописании праведного Алексия (Мечёва) я читал, как он одной духовной дочери, у которой муж

был неверующий, посоветовал, чтобы она давала ему просфорку. «Батюшка, он её с супом ест», — пожаловалась вскоре она. «Ну и что? Пусть с супом», — ответил отец Алексей. И в итоге тот человек обратился к Богу. Из этого, конечно, не следует, что надо всем неверующим родственникам просфорки раздавать, но приведённый пример показывает, что Божья благодать порой действует непонятным для нас образом.

Так и с водой. Пришёл человек только за водой, но, может быть, он через эти внешние действия, сам того не осознавая, тянется к Богу и со временем придёт к Нему. Пока же порадуемся, что он помнит о празднике Крещения и вообще пришёл в храм.

Можно ли тайно подливать Крещенскую воду в пищу неверующим людям, в надежде, что они, таким образом, придут к Богу? Я знаю, что так часто делают благочестивые жены, желающие привести в храм своих неверующих мужей.

Нельзя думать, что если некрещёного человека куда-то заманить в святое место или влить в него святую воду втихаря, этим приведёшь его к спасению. Если жена молится за своего мужа, и с молитвой ещё и водички подлила, то ничего страшного, если же она не на Бога уповает, а считает, что эта Святая как-то тайно сама на него подействует, то это уже похоже на магию.

Можно ли пить Крещенскую воду людям некрещёным или неверующим?

На этот вопрос можно ответить так же, как отвечает Типикон на вопрос, можно ли пить Крещенскую воду не натошак. Можно. Ведь если этой водой кропят жилище и животных, то любому

человеку тем более не возбраняется её употреблять. Кстати, при освящении дома ею кропят даже туалеты. Конечно, из этого не следует, что некрещёных надо специально поить Крещенской водой, но я не вижу беды в том, чтобы какой-нибудь некрещёный человек её пил.

Если он верит в Бога, но ещё не крестился, и если при этом он испытывает благоговение к церковной святыне, то это будет только во благо. Если некрещёный неверующий человек, и просто ничего не понимая, решил её попить — тоже ничего страшного не произойдёт, попил и попил. Но если человек не просто не верующий, а богоборец, и специально пьёт эту воду со злым чувством, то такое потребление Крещенской воды, понятно, нельзя рекомендовать. Впрочем, это относится и к крещёным людям.

Правда ли, что Крещенская вода не портится, и куда можно выливать Крещенскую воду?

По-разному бывает. У нас нет никаких статистических данных, чтобы сделать выводы и понять, почему иногда она портится. Это вообще не важно. У меня в шкафу лет пятнадцать стоит бутылочка с водой из Иордана, вода не испортилась. Но, если вдруг в ней начнутся естественные процессы разложения каких-то организмов, это не значит, что Бога нет и что вода не святая.

Если всё же Крещенская вода испортилась, то, по обычаю, её надо вылить в какое-нибудь «непопираемое место». Это либо специальное место при храме, куда сливают при необходимости святую воду, либо река. Можно вылить на газон или под дерево. В любом случае, если есть возможность, лучше её не выливать в канализацию, потому что символические действия имеют значения для нашей души.

Как утилизировать церковные записки, документы, и как быть с церковными предметами, пришедшими в ветхость?

«Суббота для человека, а не человек для субботы», — сказал Господь (Мк. 2, 27). Поэтому не нужно чрезмерно погружаться в проблему утилизации газет и записок, тем более что ни заповеди Божией, ни церковных канонов на этот счёт нет. Есть, однако, весьма распространённые церковные обычаи, как поступать с вышедшими из употребления священными предметами, и эти обычаи, надо сказать, отнюдь не бессмысленны.

Такие действия как «разорвать», «смять», «бросить в мусорный бак» не простые, они имеют отрицательную знаковую составляющую: так поступают с предметами, которыми пренебрегают. Икона — это символ, образ, соединяющий нас с Богом, записка с именами — символ молитвы. Такими символами пренебрегать не должно.

Поэтому в Церкви издревле стараются применять к священным предметам (прочитанные поминальные записки, иконы, вышедшая из употребления богослужебная утварь) другие действия, тоже знаковые, но положительные, означающие благоговение: предавать огню, закапывать в непопираемом месте, погружать в чистую воду.

Однако в современных городских условиях зачастую невозможно найти ни чистой воды, ни непопираемого места, и невозможно разжечь огонь для благоговейного предания ему поминальных записок. А главное, в наше время священные предметы производятся многими тоннами и в миллионах экземпляров. И едва ли не в каждой газете, в том числе вполне светской, можно встретить икону или изображение креста. Но ведь очевидно, что нет

никакой возможности благоговейно и вечно сохранять всю эту печатную продукцию и бутылочки из-под святой воды и масла.

Как же выйти из положения?

Для этого полезно вспомнить, что икона — это символ Бога, но не сам Бог, и записка — символ молитвы, а не сама молитва. Символ включает в себя образ, но не сводится к нему, он существует в качестве именно символа, а не просто вещи только в связи с интерпретацией, истолкованием. Одно и то же действие может иметь совершенно разную нравственную оценку в зависимости от того, с каким намерением, настроением, мыслью оно совершается.

Человек целует икону. Он может это делать с молитвой, выражая поцелуем — это символ любви — свою любовь к Богу, а может прикладываться к иконе по привычке, ничего не думая и не чувствуя. Те же действия могут совершаться и только ради тщеславия. Понятно, что их нравственная оценка будет во всех трёх случаях совершенно разной.

Богоборцы, делавшие костры из икон, вовсе не «предавали их духовной огненной стихии», и тот, кто со злобой или насмешкой выбрасывал святыни в реку, не «погружал их в чистую проточную воду». Злое намерение меняло благую знаковую связь на противоположную, и действие превращало в злодейство.

В нашей власти своей молитвой и благоговейным отношением сохранять и усиливать положительные знаковые связи. И в нашей же власти, когда знаковая связь неуместна, мысленно отказываться от неё и таким образом разрывать.

Поэтому, когда есть возможность, мы стараемся с благоговением и молитвой совершать положительные знаковые действия: ставим свечи, целуем образы Спасителя и святых, предаём огню прочитанные

поминальные записки и пришедшие в ветхость иконы.

Но когда нет такой возможности, мы властно мысленно разорвать неуместную отрицательную знаковую связь, и тогда уже не икону или поминальные записки бросаем в корзину для бумаг или измельчитель «Шредер», а просто ставшую ненужной бумагу.

Может ли православный христианин заложить записку в Стену Плача? Не противоречит ли это канонам Православной Церкви?

Конкретных канонов о Стене Плача не существует. Но, как известно, иудеи пишут на листочках бумаги свои желания и вставляют листочки в щели между камнями Стены Плача в Иерусалиме в надежде, что эти желания исполнятся. Значит, со стороны верующих в Бога иудеев это форма молитвы, молитвенный ритуал. Православным христианам не следует участвовать в молитвенных ритуалах иноверцев, в том числе иудеев. На этот счёт есть уже и канонические нормы в Апостольских правилах:

«10. Если кто с отлучённым от общения церковного помолится, хотя бы то было в доме: таковой да будет отлучён.

65. Если кто из клира, или мирянин, в синагогу иудейскую или еретическую войдёт помолиться: да будет и от чина священного извержен, и отлучён от общения церковного».

Можно, конечно, сказать, что среди иудеев, вставляющих записки в Стену Плача, есть и не верующие в Бога. Но, в таком случае, ожидание чего бы то ни было от вставления бумажки между камнями есть примитивное суеверие. Поэтому ни в каком случае православному христианину не следует этого делать.

У православных есть истинные храмы Божии, в которых совершается Божественная литургия; есть у нас домашние церкви, в которых нам следует возносить семейные молитвы; и есть у каждого из нас сердечный жертвенник, который доступен всегда и везде. Поэтому для православных христиан нет нужды участвовать в ритуалах иноверцев.

В журнал «Нескучный сад» поступило письмо одного священника, в котором он доказывал недопустимость причащения мирян на Пасхальной литургии, приводя следующие аргументы:

- После пасхальной заутрени очень многие, празднуя, кушают и выпивают, и могут изблевать Святыню.
- После 18.00 положено не вкушать ничего желающему причащаться. Это выполняют не все.
- Пасхальная служба — это радость, которая может быть омрачена всем пришедшим на праздник ожиданием покаяния желающих причащаться.
- Многие, действительно, причащаются раз в году, на Пасху. О посте они и слышать не хотят. Это проблема пастырства, но она пока существует (и всегда будет).
- Я навожу порядок в избе до того, как придёт Гость. Было время покаяния — Великий пост, Чистый Четверг — где был человек, которому времени не хватило, чтобы приготовиться к Празднику Праздников.
- Совет: идти в те храмы, где причащают, — это совет уйти со своего прихода. Кому это необходимо?
- О причащении на Пасху я разговаривал со старыми и опытными священниками. Один

из них, протоиерей Василий Ермаков, авторитетнейший батюшка, друг почившего Святейшего Патриарха Алексия (Ридигера) в своём интервью на Петербургском радио очень ясно объясняет, откуда взялась традиция причащать на Пасху и почему этого делать не следует.

По просьбе редакции протоиерей Константин Островский прокомментировал это письмо.

На мой взгляд, не следует всех, кто пришли в храм в пасхальную ночь, призывать причащаться. Я сам был свидетелем того, как лет двадцать пять назад один ревностный настоятель на Пасху, выйдя со Святой Чашей к народу, воскликнул: «Причащайтесь все!» Но, когда он увидел хлынувшую к амвону толпу, наполовину состоявшую из пьяных, то сам ужаснулся, и едва удалось исправить положение.

Многим людям, хотя бы и крещёным и даже признающим себя православными, не только на Пасху, но и никогда не следует причащаться. Например, пребывающим в смертном грехе, и не желающим покаяться.

Также человек, который заранее предполагает упиться на Пасху до такой степени, чтобы даже, как пишет автор письма, «изблевать», сначала должен принести покаяние в таком своём отношении к Святым Тайнам, исправиться, а уже потом причащаться. Я знаю нескольких православных христиан, имеющих алкогольную зависимость, но никто из них сразу после причастия не впадал в пьянство. Люди были немощные, но глубоко верующие, и Господь хранил их.

Принятого всей Церковью правила ничего не вкушать после 18 часов перед причащением за ночной литургией не существует, хотя многие (и я в их числе) рекомендуют поступать именно так. Но если

кому-то по какой-то причине его духовник благословляет иначе, пусть он поступает по совету, потому что душевные и телесные состояния у людей бывают разные и нельзя ко всем подходить с одной меркой.

Вполне согласен с автором письма, что не следует исповедовать народ во время пасхальной службы. Да и вообще исповедь во время Литургии явление нежелательное и вынужденное. В храме, где я служу настоятелем, мы просим постоянных прихожан исповедаться заранее, но в течение Великой Субботы исповедуем всех желающих до 17 часов (у нас многоштатный приход, священники исповедуют по очереди). А потом храм вообще закрывается до 21 часа, чтобы навести порядок и чтобы сотрудники могли отдохнуть.

Также согласен с автором письма, что люди, которые «о посте и слышать не хотят», не должны без серьёзного покаяния допускаться к причастию. Такое дерзкое отношение само по себе — большой грех. Иное дело, когда человек немоществует, нарушает церковные правила или даже заповеди Божии, но искренне скорбит о своей немощи, кается и желает исправиться. Такому человеку, я считаю, нужно оказывать снисхождение. О них-то и говорит святитель Иоанн Златоустый в своём слове, которое читается во время пасхальной заутрени: «Постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь днесь. Трапеза исполнена, насладитесь вси. Телец упитанный, никтоже да изыдет алчай». Думаю, кстати, что под тельцом упитанным святитель Иоанн Златоустый имеет в виду не разговение после утомительного поста, а того Тельца, который Сам Себя принёс за нас в жертву на Кресте.

О причащении во время Великого поста и в Великий Четверг автор письма, конечно, говорит

совершенно правильно. Христиане по возможности должны причащаться не только на Пасху, но и в другие великие праздники и, особенно, в Великий Четверг. Это и будет лучшей подготовкой к Празднику Праздников.

А вот с мнением батюшки, что «совет идти в те храмы, где причащают, это совет уйти со своего прихода», я согласиться не могу. Что значит «свой приход»? Если имеется в виду только территориальная близость, то нет ничего плохого, когда человек посещает храм несколько более отдалённый, чем ближайший к дому, видя в этом пользу для своей души.

На мой взгляд, приход можно в полном смысле называть своим, если есть духовное единство с настоятелем, братией и прихожанами по главным вопросам духовной жизни, к которым, безусловно, относится и порядок причащения Святых Христовых Таин. Каково было бы человеку, который считает причащение на Пасху неким нарушением, если бы его вдруг стали к этому принуждать или косились бы на него, как на белую ворону? Так же огорчительно будет человеку, который хочет причаститься на Пасху, а его этого лишают, потому что «не положено».

Тот факт, что своё мнение о неуместности причащения мирян на Пасху автор письма разделяет с известным протоиереем Василием Ермаковым, другом, как пишет он, почившего Святейшего Патриарха Алексия II, рассматривать в качестве аргумента некорректно. Когда я ещё был пономарём в храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, наш настоятель, весьма достойный, ныне покойный, протоиерей Николай Ситников, народ на Пасху не причащал. Но не менее достойный протоиерей Георгий Бреев, многие годы бывший духовником епархии города Москвы, выдвинутый на эту должность как раз Святейшим Патриархом Алексием II, причащал

нас на Пасху. Поэтому ссылаться на чьи бы то ни было заслуги и знакомства при обсуждении богословских и литургических вопросов, я думаю, не следует.

Как часто, на ваш взгляд, надо причащаться мирянину? Можно ли на святках или Светлой седмице причащаться каждый день?

Нормально — хотя эта норма большинством из нас забыта — когда вся община собирается в воскресный или другой праздничный день на Литургию и все причащаются Святых Христовых Таин. Но с тех пор много воды утекло, церковные обычаи изменились и не только из-за недостатка духовности у прихожан и священнослужителей, есть и не зависящие от конкретных людей факторы. Сейчас, я думаю, невозможно вводить или даже рекомендовать общие для всех правила.

Если православный человек причащается во все воскресные и праздничные дни, это естественно для христианина. Если так почему-либо не получается, пусть будет, как получается. Раз в месяц, мне кажется, всякий человек может выбраться в храм для причастия, но, если это невозможно, что поделаешь. Господь и намерение приветствует.

Есть люди, осознающие себя православными, не впадающие в тяжкие смертные грехи, которые однако причащаются всего 3–4 раза в год и не чувствуют потребности в большем. Я не думаю, что их следует понуждать или даже уговаривать причащаться чаще. Хотя по возможности я стараюсь разъяснять всем прихожанам смысл и спасительность таинства Тела и Крови.

Кстати, не нужно причащение Святых Христовых Таин считать исполнением долга или даже подвигом! Страдальческая жизнь и смерть Христа —

подвиг не наш, а Его. Причастие же Тела и Крови — милость Божия.

Если кто-то на Светлой седмице хочет причаститься несколько раз подряд, не в порядке подвига, а в простоте, то что в этом плохого? Если человеку ничто не препятствует, я обычно не возражаю.

Но чтобы постоянно причащаться каждый день, должны быть серьёзные основания. Ежедневное причастие никогда не было всеобщей нормой, потому что и литургию служили не каждый день. Хотя по временам и местами практиковалось ежедневное причащение запасными Дарами, но это не прижилось в Церкви.

Святитель Феофан Затворник в последние годы своей жизни причащался каждый день; были и другие святые, причащавшиеся ежедневно. Но пусть каждый, кто вознамерился им подражать, рассмотрит, что его реально побуждает к экстраординарному частому причащению: благодать Божия или собственные тщеславные фантазии. Неплохо и с духовником посоветоваться.

Сами же духовники должны подходить к человеческим душам с большой осторожностью. Помню, пришлось мне как-то исповедовать одну старушку (я тогда ещё был начинающим священником), она говорила, что не хочет, но причащается каждый день, и объяснила, что ей так указал духовный отец. Я попытался отговорить старушку от этого нелепого, на мой взгляд, подвига, но авторитет духовного отца превозмог. Не знаю, чем дело кончилось.

О ЖИЗНИ В ОБЩЕСТВЕ

До своего воцерковления я иногда употребляла матерные слова, выражала ими свои отрицательные эмоции. Уже 10 лет, как я в Церкви, не матерюсь, но эти слова поневоле всплывают в памяти довольно часто. Кроме того, ненормативная лексика часто встречается в Интернете, причем используют её и талантливые авторы, пишущие на актуальные темы. Как быть? Во избежание соблазна не пользоваться Интернетом? И как бороться с приходом на ум матерных слов?

Всем нам, кроме совершенных святых, время от времени приходит на ум много чего греховного или просто суетного. Возникает оно отчасти из внешних впечатлений, а отчасти из нашего же сердца, «ибо из сердца исходят злые помыслы», как сказал Господь (Мф. 15, 19).

Когда помыслы возникают из сердца, их нужно отгонять молитвой и волевым усилием (по мере сил). Удивляться нашествию помыслов не стоит, это так же наивно, как наивно, ступив в глубокую лужу,

удивляться, что промочил обувь. Тем более, не следует смущаться, то есть предаваться самоугрызениям, мол, как это мне (подразумевается: такому хорошему) могут приходиться такие плохие помыслы. Смущение происходит от неведения своей глубинной греховности, оно только мешает покаянию, его нужно отгонять благодарением Богу за то, что Он открывает нам наши грехи, и исповеданием Ему своей веры в Его бесконечную любовь и милосердие.

На самом деле, надо не удивляться тому, что у нас бывают греховные помыслы, а радоваться тому, что у нас кроме греховных помыслов ещё что-то есть. Если бы Господь не удерживал зло, которое накопилось в нашем сердце, то оно нас совершенно захлестнуло бы, и мы даже не смогли бы вспомнить о Боге и о молитве. Такой вечный кошмар ожидает нераскаянных грешников после Страшного Суда.

Окружающий мир тоже возбуждает в нас различные помыслы. Что тут делать? Совсем удалиться от мира — удел немногих избранных. Для людей, живущих среди мира, невозможно не подвергаться его воздействию. И не всегда от нас зависит, с кем общаться, какие книги читать, пользоваться Интернетом или нет и т. п. Но, что от нас не зависит, за то с нас и не спросится. Хотя душа, всё равно, оскверняется греховными впечатлениями, пусть даже и невольно полученными, но в этом случае можно с дерзновением надеяться, что Господь очистит душу и сохранит её от вреда.

А если мы по своей воле смотрим непристойные фильмы, или посещаем греховные сайты, или празднично проводим время с праздными людьми, то лучше больше так не делать. Если же нет сил побороть свои дурные привычки, то нужно каяться, благодушно терпеть скорби и не осуждать подобных нам грешников.

По роду своей деятельности мне приходится часто сталкиваться с людскими страданиями. Я общаюсь с бездомными, наркоманами, бывшими осужденными. И всё хорошо, вроде бы. Я в теме, общаюсь с ними давно, знаю, что с ними и как. Только вот люди, знавшие меня до начала такого рода моей деятельности, жалуются на то, что я становлюсь мужеподобной. Мне уже ничего не стоит употребить крепкое словцо (чего раньше я никогда не делала, хотя словечки-то прекрасно знала), в моём лексиконе появляется всё больше жаргонизмов из разряда тех, что употребляют асоциальные подростки. Да и сама я замечаю, что как-то черствее душой, что ли. Что уже не девочка-незабудочка, прямо скажем. И мне это не очень нравится. В этом есть потеря себя, как мне кажется. Да и вообще, чего хорошего в очерствении души? Что делать прикажете? Зинаида.

Уважаемая Зинаида! Что делать? Общась, мы все, вольно или невольно, друг на друга влияем, перенимаем манеры, стиль речи и многое другое и на разных уровнях душевной глубины.

Кое-что, конечно, зависит и от нас самих. Я, например, тоже замечаю, что общение с людьми малообразованными, особенно с подростками, плохо влияет на мою речь. Стараюсь следить за собой, чтобы, скажем, слово «нормально» означало у меня «в пределах нормы», а не заменяло собой слово «хорошо».

Наверное, и всем нам надо стараться быть внимательными, а особенно тем, кто общается с людьми, как говорят, «из группы риска». Так ведь и в телесном отношении: все культурные люди моют руки перед едой, но врачи-инфекционисты — особенно тщательно.

Но всё же, как ни остерегайся, очень многое мы перенимаем у людей невольно, ведь и народная мудрость говорит: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Тогда стоит, мне думается, задаться вопросом: «Зачем я общаюсь с людьми, от которых могу заразиться душевно, а то и телесно?» Ради зарплаты? Ради тщеславия? Ради самоутверждения? Всё это и тому подобное стоит ли того, чтобы жертвовать своей культурностью или здоровьем? Пусть каждый сам решает.

Но если Вы работаете с бездомными, наркоманами, бывшими осуждёнными ради того, чтобы помочь этим людям встать на ноги, начать добрую человеческую жизнь, обрести правую веру, то Бог воздаст Вам за те жертвы, которые Вы приносите ради Божьего дела.

И ещё мне сейчас вспомнились слова апостола Павла, что сила Божия в немощи совершается. Пока мы хотим творить добро своей силой, уповаем на себя, Бог, хотя и благословляет наше благое намерение, но даёт проявиться и нашей немощи. В частности, это выражается и в том, что не только наши подопечные учатся у нас хорошему, но и мы учимся у них плохому.

Если же человек, глубоко познав свою немощь, при этом не отчаивается, а, упоая на милосердие Божие и призывая Бога в помощь, берётся за святое дело, то начинают действовать уже не те силы и законы, какие действовали раньше, а действует благодать Божия, и в познанной нами нашей немощи начинает совершаться сила Божия. И тут уже не до манер.

Люди жертвуют деньги на содержание храмов, но всегда ли церковь правильно употребляет пожертвования?

Конечно, бывает, что деньги тратятся неправильно. Где-то — по нашей немощи (мы можем

ошибиться), иногда — по вине других людей (приходится переплачивать за какие-то работы для храма, нас могут подвести).

Порой люди считают, что священники позволяют себе какую-то роскошь, например, богатые облачения. Но видят эти облачения не батюшки, а прихожане. И красивые сосуды — тоже для них. Богатое убранство храма — образ обилия благодати в Царстве Небесном.

Иногда упрекают священников за дорогие автомобили. Но ведь важно не то, на чём батюшки ездят, а то, куда они ездят. Если причащать больных, преподавать в школах, общаться с духовными детьми, то и — слава Богу! — пусть ездят на любых машинах. А если — не дай Бог! — кто-то из них ездит, куда не следует, то это само по себе — горе, и дело тут не в машине.

Патриарха Пимена, еще при коммунизме, упрекали за то, что он ездит на «Чайке». Да это же хорошо, что его возили на такой большой машине! Неужели мы всей нашей Церковью не купим удобный автомобиль своему Патриарху?

Есть мнение, что батюшке не к лицу иметь хорошую машину, технику, красивые вещи, современно одеваться он тоже не должен. По нему должно быть видно, что живётся батюшке нелегко, а если всё иначе — это уже неприлично. Ведь кормят-то его прихожане, значит, и «шикует» он на их деньги. И люди готовы осудить такого отца «за сребролюбие». С чем связано такое представление о «бедном священнике» в народе? Что в нём доброго, а что — ложного?

Еду я в набитом автобусе, в потёртом подряснике, с крестом на груди, портфель тяжёлый, и никто

мне место не уступит, хотя видят же, что я в годах и батюшка. А в окошко я вижу иностранный автомобиль и в нём молодого священника с коротко подстриженной бородкой. И мне обидно за наше молодое духовенство, вообще за нашу молодёжь, которая ни старых не уважает, ни стыда и совести не имеет, разъезжая среди нищего народа на иномарках.

А обидно мне потому, что я завидую богатым и здоровым, потому что сам хотел бы ездить на иномарке, только мне её, во-первых, никто не дарит, а во-вторых, я боюсь людских пересудов. И такое моё духовное устроение очень плохо.

А если бы я ехал в автобусе или на новом мерседесе, или на осле, или пешком шёл, молясь Богу в сердце, это было бы очень хорошо. Перед Богом всё равно: во что мы одеты, как причёсаны, на чём едем и сколько у нас денег в банке.

Но у священника есть ещё и пастырский долг. Мне всё равно, я не привязан к земным благам (не привязан ли?). Но меня окружают немощные люди, они верующие, добрые, но немощные. Есть в них и жертвенность — и зависть, и любовь — и ненависть, и желание добра — и подчинённость злу. Всё как у меня. И судя по себе, я думаю, что им тяжело видеть, как их батюшка строит себе роскошный коттедж и ездит на дорогой машине. Они соблазняются — они не правы.

Но апостол Павел писал: «Если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (1 Кор. 8, 13). Поэтому если у меня есть возможность выбирать, то, пожалуй, лучше не иметь дорогих вещей. (Об этом, кстати, не раз говорил на Епархиальных собраниях г. Москвы покойный Патриарх Алексий II, укоряя священников за дорогие иномарки, даже советуя их продать в пользу своих приходов.) А если без дорогих вещей

не обойтись, то будем ими пользоваться, не заботясь об искушениях людей, но укоряя себя.

Горе нам, книжникам и фарисеям, лицемерам, что очищаем внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды (перифраз из Мф. 23, 25). Не спасут нас ни роскошь без милосердия, ни нищета без смирения, поэтому простим друг другу.

Я хочу застраховать дачу, а муж против. Говорит, что надеяться надо на Бога, а не на страховые компании. Неужели любое страхование — грех?

Надеяться всем и всегда нужно только на Бога. Если я застраховал автомобиль от угона и надеюсь на страховку, то, конечно, погрешаю такой ложной надеждой. Но если я купил себе вторую пачку сахара и надеюсь, что она обеспечит мне сладкий чай в случае пропажи первой пачки, то погрешаю не меньше. Но всё дело тут именно в ложной надежде.

А просто иметь в хозяйстве запасы — обязанность всякой хозяйки и всякого руководителя. Запасы делали и святые настоятели монастырей, ведь мы в их житиях читаем, что они расточали свои запасы нуждающимся. Значит, эти запасы были.

Страхуя имущество, человек платит деньги за то, что в случае утраты или порчи этого имущества он получит что-то в возмещение. Это само по себе отнюдь не означает, что человек уповает на страховку.

Верующий человек, страхуя имущество, делая запасы, обращаясь к врачу, заботясь о своих детях, помнит, что и вещи, и здоровье, и родные, и он сам находятся во власти Божией. Страхуя, запасая, лечась и воспитывая, он надеется, что Бог сохранит, исцелит и возрастит. Но также он помнит, что Бог может

и при всех наших разумных усилиях и предусмотрительности не исполнить наших желаний. Верующий человек заранее с этим смиряется.

Так что нужно стараться всё делать разумно в соответствии со своими Богом данными обстоятельствами и в меру Богом данных разума и сил. А всю надежду нужно возлагать на Бога.

Не могу заработать много денег... Всю жизнь пашу — а денег нет. Работа с высокой зарплатой как будто от меня «убегает», хотя я знаю людей моей профессии, квалификации и опыта — они много зарабатывают. А я всё время оказываюсь в ненужное время в ненужном месте... И как относиться к деньгам, чтобы быть довольным своим материальным положением, а не мучится, что их нет?

На самом деле, христианин вообще не должен работать. Христианин должен только служить. Слова апостола Петра: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 2, 9) — обращены ко всем христианам, ко всем нам. Значит, все мы — священники Божии, и все призваны к служению, а не к работе.

Под служением обычно понимают лишь многие виды человеческой деятельности: принадлежность к священной иерархии, воинское служение, врачебная и преподавательская деятельность и ещё некоторые. Но, в действительности, любое дело — служение Богу, если я делаю его ради Бога, как послушание воле Божьей.

Конечно, есть иерархия человеческих занятий. Поэтому «высокое служение учителя» звучит

естественно, а «высокое служение дворника» приносится только с иронией. Но эта иерархия внешняя.

А с внутренней, духовной точки зрения, если Бог благословил мне служить в алтаре, то это — мой путь, по нему мне нужно идти, на нём я обрету благодать. Но если Бог благословляет человеку всю жизнь просить милостыню, а быть нищим — самая низкая из деятельностей (греховные деятельности — вообще, вне иерархии), то суть остаётся той же. Если нищий смирится и примет свою судьбу как Божье благословение, то и на этом пути он обретёт благодать. «Царь и воин, богатый и убогий — в равном достоинстве или прославится или постыдится», — поёт Святая Церковь.

Блаженной памяти отец Иоанн Крестьянкин вспоминал, что в советском концлагере, где он много лет чистил отхожие места, ему так легко было молиться, как никогда уже после освобождения.

Не заработка нужно искать, а нужно искать свой жизненный путь. Сначала, естественно, нужно выбирать то, к чему лежит душа. И если «открывается дверь», то идти по своей дороге, благодаря Бога и храня заповеди Его. А если не «открывается», то в самом этом можно и нужно видеть волю Божью. Значит, мой путь в том и состоит, чтобы потерпеть — временно, а может быть и всю жизнь, — нелюбимое дело.

Однако бывает, что нужны-таки именно деньги. Скажем, у талантливого школьного учителя пошли дети один за другим. Жена — с ними дома, не работает, материально поддержать некому. Приходится уходить из любимой школы туда, где можно заработать. Но и в этом верующий учитель увидит Промысл Божий. Если он со смирением примет это, то Бог благословит и его, и семью

его, и оставленных им школьников не оставит. Работа может быть скучной, но тому, кто предал себя на служение Богу, на исполнение воли Божьей, тому скучно не бывает.

А когда денег меньше, чем хочется, это значит, хочется их больше, чем Богу угодно послать. Нужно принять и такую волю Божью. Может быть, потом деньги появятся, а может быть, в вечности Бог воздаст за терпение и смирение.

Здравствуйте! Вопрос у меня такой — должен ли человек, мужчина в частности, проявлять волю в борьбе с трудностями в жизни, в преодолении трудных ситуаций и как, если должен? Вопрос вызван очень сложным положением, в которое я попал, и пока безрезультатными попытками исправить его. Долгое время не могу найти работу, нет средств к существованию, вынужденно живу за счёт матери (очень стыжусь этого), имею алиментные обязательства перед детьми и не имею возможности общаться с ними, имею непогашенные кредиты в банке. Работу ищу активно, но результата нет. Вчера почитал проповедь Святейшего Патриарха Кирилла после литургии в неделю по Воздвижению в Вознесенском Банченском монастыре. Там есть такие слова: «Отвергнись себя, не настаивай, не требуй, не борись за свои временные человеческие цели и ценности. Отвергнись себя, возьми крест и следуй за Христом. И тогда будешь творить только добро, преображая жизнь окружающего мира». Запутался совсем — так стараться мне найти работу с достойным заработком, чтобы себя обеспечивать, детей, мать и долги вернуть, или не бороться за временные человеческие ценности??? И ещё —

как понимать слова «На Бога надейся, а сам не плошай?» Заранее благодарю за ответ!

«На Бога надейся, а сам не плошай» означает, что всё своё упование — и относительно временной жизни, и относительно вечности — возложив на Бога, самому следует жить по заповедям Божиим. То есть: пребывать в церковном общении (причащаться Святых Христовых Таин и избегать тяжких смертных грехов), каяться в остальных грехах и молиться Богу (по мере сил непрестанно), стараться делать добрые дела (всегда, когда представляется случай), никого не осуждать (а ещё лучше — совсем не судить) и благодушно терпеть посылаемые Богом скорби.

В Вашей конкретной ситуации трудно давать определённые советы, не зная всех обстоятельств. Конечно, лучше не брать кредитов без очевидной необходимости. Конечно, плохо, когда у отца есть алиментные обязательства перед детьми. Но грызть себя: «Ах, я такой-сякой, сижу на шее матери, детям денег не шлю, банк обижаю», — самое последнее дело. В этом нет ни покаяния, ни исправления, а только нездоровое упоение расчёсыванием зудящих душевных струпов. В действительности, нужно другое.

Во-первых, признать свои ошибки и принять возможные наказания за них как должное. В том числе обиды родственников и претензии кредиторов.

Во-вторых, если долгое время не получается найти работу «с достойным заработком», то не повод ли это задуматься: а какого, собственно, заработка я достоин? Вполне вероятно, что завышенные материальные требования и являются одной из основных причин того, что трудоспособный человек оказался «на шее у матери».

И в-третьих, лучше работать за непривычно маленькую зарплату, чем не работать вообще. Работая на низкооплачиваемой или неинтересной работе, можно потихоньку подыскивать работу более подходящую. Близкие не так смущаются, когда видят, что человек всё-таки работает, а не пребывает в бесконечных поисках работы. Да и сама зарплата, пусть даже пять тысяч рублей, всё же лучше, чем ничего.

Относительно же слов Святейшего Патриарха «не борись за свои временные человеческие цели и ценности», то из контекста вполне ясно, что здесь *временные человеческие* цели и ценности берутся в противопоставлении *вечным Божественным* целям и ценностям. Но автору письма в его конкретной ситуации как раз и нужно смириться, молиться и любить своих ближних — всё это заповеди Божии, а значит, ценности вечные и Божественные.

Грешно ли опаздывать?

Бывает, Господь человеку попускает какую-то немощь — один болтлив, другой раздражителен, третий всегда опаздывает... Грех ли опаздывать? Это определяется не формально, а сердечным расположением человека. Если он помышляет: «А... ничего, подождут», — то это, конечно, грех — пренебрежение ближним. Если обижаются, когда его наказывают за опоздание, тоже грех. Если всячески старается никого не огорчить, но по внешним причинам, или по особому попущению Божьему опаздывает, при этом укоряет себя и благодушно терпит неприятные последствия, то не грех. Пусть каждый сам судит. Иногда наша немощь может даже послужить нам ко спасению.

Мы должны быть по возможности снисходительными друг к другу, причём как к тем, кто

опаздывает, так и к тем, кто нас ждёт. Плохо, если люди из-за нас нервничают и переживают. То, что ты смутил братьев и сестер, — предмет для покаяния. Но если ты, наоборот, человек, от природы склонный к порядку, организованный — ты должен понимать, что это твоё личное качество, и не осуждать людей беспорядочных — люди все разные.

Если ты начальник, и подчинённые у тебя опаздывают, нужно выбрать рациональную линию поведения. С чем-то смириться, за что-то наказать. Важно избежать морализма. Человека нужно наказывать не за грех (это дело Божие), а за проступок. Опоздал — расплатись. Если я, как начальник, считаю, что можно и нужно сделать снисхождение — это моё дело.

Поддаётся ли несобранность исправлению? Если человек осознаёт смысл организованности (духовный — любовь к ближним, душевный — поддержание добрых отношений, деловой — помогает в работе), то будет стараться. Если же он себя постоянно оправдывает или пребывает в иллюзии относительно себя — ничего, что я опаздываю, в конце концов, я всё успеваю сделать — вряд ли что-то изменится. Вообще же дисциплина с духовной точки зрения — это смирение перед Богом установленным порядком.

Конечно, когда человек опаздывает, иногда причиной этому бывают обстоятельства, и с непредвиденными обстоятельствами приходится смиряться. Но иногда можно их предупредить. Например, мне до Епархиального управления ехать 45 минут. Если предстоит встреча с митрополитом, я выезжаю за 3 часа, приезжаю обычно за 2 (из-за пробок). Если вдруг будет 4-часовая пробка, это форс-мажорные обстоятельства. А если я выеду за час, то опоздание — моя вина, потому что пробки в Москве — не редкость.

Мне кажется, выходить всегда впритык, надеясь, что авось проскочу — это дурная привычка. В этом есть и элемент неправильного упования на Бога — конечно, всё в руках Божиих, и когда Богу угодно, то и пятичасовую поездку можно совершить за полчаса, но очень неправильно на это рассчитывать. Однако если каяться и добродушно терпеть последствия, тогда и многие дурные привычки нередко исчезают.

Вы больше десяти лет преподавали в Коломенской духовной семинарии. Как бы Вы оценили культурный и духовный уровень учащихся?

Диапазон очень широк. Бывает, приходят добрые, верующие, но малокультурные ребята. А бывает — доктора наук. Несколько лет назад у нас защитил диплом доктор филологических наук, профессор МГУ. Также на моей памяти окончили семинарию кандидат физико-математических наук, кандидат химических наук. И возраст учащихся, и уровень их подготовленности различен.

Объединяет всех — призвание. Иногда смотришь на семинаристов и думаешь: и не столь они благочестивы, как бы мне хотелось, и не столь культурны. Но Господь призвал именно их. Многих хороших не призвал — а этих призвал.

Иногда бывает и так: пока студент учился — был шалопаем, его несколько раз хотели отчислить, да он умолял простить, оставить. Еле-еле окончил семинарию, и брать его на приход никто не хотел. Наконец, нашёлся один благочинный, у которого была особая нужда в священнике. И бывший шалопаи, став настоятелем, буквально расцвёл — служит хорошо, одни положительные отзывы. А бывают истории и с печальным концом. Бывает всякое.

Священноначалие и руководство семинарии стараются по мере сил, чтобы все достойные абитуриенты поступили учиться, а недостойные нет. Но, как и во всяком деле, иногда Бог проявляет свою благодать и силу, а иногда даёт проявиться нашей немощи.

Какова главная проблема современного духовного образования?

Я не являюсь экспертом в этой области, но, на мой взгляд, как священника, много лет прослужившего, причём в самых разных ситуациях, важнейшей проблемой является то, что у нас не разделена подготовка приходского духовенства и церковных учёных.

Для семинарии, готовящей приходских священников, главное, чтобы в ней была тёплая, братская атмосфера, чтобы администрация и преподаватели показывали пример добрых пастырей. Если это есть — всё хорошо. И конечно, у самих учащихся должно быть призвание.

Приходского батюшку надо учить литургике, догматике, другим важнейшим церковным предметам, истории, многим практическим дисциплинам, полезным для приходского служения. Желательно, чтобы студенты получили элементарную подготовку по ведению приходских дел, педагогике, возрастной психологии и психологии семейной жизни, ознакомительно — по психиатрии. Всего, конечно, сходу не перечислить, но за четыре года семинарии будущий приходский пастырь мог бы достаточно подготовиться к своему служению. И совсем не обязательно, чтобы его семинарский диплом признавался во всём мире.

А будущим церковным преподавателям и учёным нужна основательная гуманитарная подготовка,

языки. Их нужно учить не в семинариях, а в каких-то других церковных учебных заведениях, вроде общецерковной аспирантуры. Туда можно было бы принимать и женщин, и людей с каноническими препятствиями к рукоположению. Если человек, окончивший такой институт и несущий ответственное церковное послушание, окажется достойным и призванным — можно его и рукоположить. Но обучать приходских батюшек и церковных учёных следует раздельно.

Возможно ли обычному человеку, не священнослужителю, устроиться на работу в Русской Православной Церкви? Есть ли у вас какой-то единый центр вакансий?

Русская Православная Церковь большая, имеет в своём составе множество разных структур, и порядки везде, естественно, разные. Но, в общем, можно сказать, что руководители этих структур и их подразделений, как правило, стараются принимать в штат людей или лично им известных с хорошей стороны, или имеющих хорошие рекомендации. Такая строгость определяется высокой мерой ответственности.

Приоритет имеют по понятным причинам выпускники церковных учебных заведений: Духовных семинарий, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и других. В случае нужды могут взять, конечно, и «человека с улицы», но это обычно касается технических должностей.

Единого центра вакансий нет и, надеюсь, никогда не будет. Дело в том, что Церковь — это не просто учреждение, это Тело Христово, органическое единство православных людей во Христе с Богом. Ещё Церковь можно сравнить с семьёй. В семью не входят через бюро по трудоустройству.

Всё вышесказанное относится к любой церковной структуре. Но сугубо это относится к монастырям и приходам. Духовенство направляется на служение Указами священноначалия, а не устраивается на работу. Остальные люди сначала становятся прихожанами, в монастыре — прихожанами или трудниками. А потом могут войти в число братии прихода или монастыря.

Более подробно говорить невозможно, потому что как все семьи имеют свои особенности, так и приходы, и монастыри.

Поэтому человеку, который чувствует призвание целиком посвятить себя на служение Церкви, лучше всего, думается, для начала стать просто православным христианином, жить церковной жизнью, молиться, причащаться Святых Христовых Таин, бороться со своими страстями. А там Господь сам устроит. И если Богу угодно и человеку полезно, то Бог даст ему нести церковное послушание.

В Библии говорится о любви к Богу и о любви к ближнему, но нет заповеди о любви к Родине. Каково православное отношение к патриотизму?

Есть две крайние позиции в отношении любви к своей Родине, как бы два полюса. С одной стороны — безответственное равнодушие к ней, а с другой — идолопоклонство родной земле, своему народу. Естественный патриотизм лежит между этими крайностями.

Что касается равнодушия к Родине, то оно вполне оправдано лишь у редких подвижников, совершенно отрехшихся от мира с его суетными благами и ставших как бы мёртвыми для всего временного ради вечной жизни с Богом. Обычный же человек, отказывая своей Родине в заботе, ответственности

и любви, просто перекладывает — осознанно или неосознанно — на других это бремя заботы и проявляет отнюдь не святое бесстрашие, а свою душевную незрелость, нравственный инфантилизм.

С другой стороны, когда привязанность к родным местам или родной стране, или к своему народу затмевает в душе человека любовь к Богу и ближним, тогда эта страстная привязанность оказывается грехом, идолопоклонством. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня», — сказал Господь (Мф. 10, 37). Это относится, конечно, и к земному отечеству.

Посередине между полюсами равнодушия и страсти лежит естественное чувство любви к Родине, которое подобно естественной любви к своей семье: родителям, жене или мужу, детям. Мы любим своих не потому, что они лучше других (они часто не лучше, а хуже), а просто потому что они свои, они — часть нас самих. Такая любовь — свойство нашего падшего естества, но, всё же, в ней есть и отблеск святой любви к ближнему.

Христианин своё естественное чувство любви к родным понимает ещё и как возложенную Богом особую ответственность за них. В мире много детей и стариков, но именно моих старых родителей и моих малолетних детей вручил мне Господь, чтобы я заботился о них. Относительно них у меня особенный долг, причём это долг перед Богом.

Подобным образом, испытывая естественную любовь к родным местам или к своей большой стране, признавая при этом, что его Родина, возможно, не лучше других стран и мест (а кто судья странам и народам? — только Бог!), христианин, однако, понимает, что именно его Родина дана ему Господом, чтобы заботиться о ней и даже служить ей.

Впрочем, сказанное во многом относится не только к христианам, потому что естественная любовь свойственна всем людям, она не вполне зависит от веры. А вот что именно считать благом для своих близких и для своей Родины, это уже, в первую очередь, определяется верой человека. И здесь образец христианского отношения к сродникам даёт нам святой апостол Павел в Послании к Римлянам, когда говорит: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть израильтян» (Рим. 9, 3–4).

Не о том пишет апостол, что его родная страна оккупирована чужеземцами (да ещё язычниками), не о том, что её богатства разграблены, не о том, что его соплеменники терпят унижения (хотя всё это было ему, конечно, неприятно). «Великую печаль и непрестанное мучение сердцу» (Рим. 9, 2) апостол Павел испытывал из-за того, что его соплеменники — богоизбранный народ — отвергали Христа и тем лишали себя Царства Небесного.

Так же и настоящий патриот-христианин, заботясь о своей семье, своём селе, районе, области, стране — стараясь об их житейском благосостоянии, на первое место ставит их духовное благоустройство. И если какое-то житейское благо предлагается нам ценой греха, то для нас, верующих во Христа, неприемлема такая цена!

Нужно ли христианину участвовать в выборах?

Если христианин живёт в пустыне, совершенно отрёкся от всего мирского и занимается только непрестанной молитвой, то он может с чистой совестью ни в какие мирские дела не вникать, в том числе и не ходить на выборы. Но в таком случае он

и на плохую работу коммунальных служб роптать не будет, и, если его пустынную келью ограбят разбойники, не будет жаловаться на бездеятельность правоохранительных органов.

Большинство из нас не живёт в пустыне, и чаще, по-видимому, бывает, что мы просто ленимся участвовать в общественных делах, но, при этом, чуть что, ругаем власти. Это инфантильная, незрелая позиция, а значит, не христианская. Живя в мире, мы не должны уклоняться от ответственности за то, что в нём происходит. И, если общество устроено так, что многие руководящие должности выборные, взрослые люди должны принимать участие в выборах.

Конечно, наш народ не привык к демократии, ведь в России до революции она была в зачаточном состоянии, а после революции существовала только на бумаге. Кроме того, многие люди, будучи многократно обмануты, никому не верят; многие чувствуют свою неспособность разобраться в решаемых властью политических и экономических вопросах. Некоторые не интересуются вообще ничем, кроме своих индивидуальных проблем, которые надеются решить при любой власти. Во многих случаях люди просто не видят разницы в кандидатах. Бывает, что и выбирать-то приходится не лучшего из хороших, а наименее плохого.

Но отказ от участия в выборах это тоже выбор, и за него человек тоже ответствен. Ведь совсем без власти не бывает, и если мы её никому не вручим, то кто-то возьмёт её сам. Кто? Мечтается, что самый смелый и умный, а может быть, самый наглый и хитрый.

Верующий человек должен знать, что нет власти, которая не от Бога. Мудрый и добрый правитель — дар милости Божьей, глупый или злонамеренный — поупущение и наказание Божье. Могу я или не могу

разобраться в личностях и программах кандидатов, я должен молиться Богу о вразумлении, молиться о том, чтобы Он благословил мой выбор.

Не исключено, что тот, кого мы сегодня поддержим на выборах, завтра проявится как человек совершенно недостойный. Это не значит, что все голосовавшие за него — преступники или глупцы. Тот, кто желал добра своему народу и лишь по неведению подал голос за недостойного человека, не понесёт на себе его грехов. Но последствия своего ошибочного выбора мы должны мужественно нести, не роптать на власти и, тем более, на Бога, но стараясь исправить ошибки.

Одно дело — конструктивная критика власть имущих и даже, возможно, противостояние им законными средствами, и совсем другое — ропот и брюзжание. Первое — это деятельность политически и умственно зрелых людей, а второе — безответственное ребячество.

Может ли христианин быть судьёй?

На первый взгляд, конечно, нет, ведь сам Христос сказал в Евангелии: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены» (Лк. 6, 37). И подобные высказывания есть ещё в нескольких местах Нового Завета. Однако есть и другие места, в которых о суде говорится иначе.

Так, обращаясь к иудеям, которые осуждали Его за исцеление больных в субботний день, Христос сказал: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин. 7, 24). Значит, возможен и праведный суд. Причём в этом случае Спаситель говорил не о Страшном Суде Божиим, а о человеческом рассуждении.

В 1-м Послании к Коринфянам апостол Павел укоряет их за то, что они подают друг на друга жалобы

римским властям, но при этом пишет: «Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить мало-важные [дела]? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более [дела] житейские?» (1 Кор. 6, 2–3). Конечно, святой апостол не одобрял, что христиане вообще судятся из-за житейских вещей: «И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?» (1 Кор. 6, 7). Но укоризна здесь относится к истцам, а не к самому суду.

Заповедь «не судите» призывает *не судить о внутреннем состоянии человека* по его внешним проявлениям. К сожалению, для всех нас такой суд очень привычен, но это дурная привычка, потому что, пока мы судим ближних, мы сами подлежим строгому Божьему суду. А если не только судим, но ещё и осуждаем, то нам грозит осуждение на Страшном Суде. Наш суд над сердцем человека неправ потому, что глубина его скрыта от нас, а видим мы одну только внешность. Бывает, кто-то блещет добродетелями, а поистине это лишь фарисейская мишура. И бывает наоборот: кто-то явно и тяжко грешит, а душа его уже стонет и кается перед Богом, и Бог принимает покаяние грешника. Поэтому со своей страстью к осуждению ближних каждому из нас необходимо бороться.

Именно из-за того, что вечное Божие определение о каждом конкретном человеке скрыто от нас, Церковь не лишает христианского напутствия перед смертью никого из раскаявшихся грешников, в том числе и людей, приговорённых к смертной казни за несомненно совершённые ими тяжкие злодеяния.

Но кроме суда над сердечным устройством человека и мысленным осуждением его на вечную

муку, которые действительно греховны, есть ещё рассуждение об упомянутых апостолом Павлом «делах житейских». Разумеется, пустынный отшельник, отрешившийся от всего временного и погружившийся умом в глубину сердца в непрестанной молитве Богу, не должен отвлекаться от этого высшего делания ни на что земное. Он, кстати, и по врачам не ходит, и не зовёт полицию на помощь, если нападают разбойники. Удалившись от «дел житейских», он и не судит о них.

Но обычный человек, живущий среди людей, вступающий с ними в различные взаимоотношения, нуждающийся в защите от внешних врагов и от преступников, в лечении на случай болезни и прочее, и прочее — такой человек не должен уклоняться от рассуждения и вынесения оценок по различным житейским вопросам.

Скажем, дочка помогает маме по дому. Должна мама оценить её работу и вынести своё суждение (любящее и ласковое, но всё же суждение), хорошо дочка сделала или плохо? Должна. Если сын нагрубил матери, должен отец дать строгую оценку поступку сына и наказать его? Очевидно, должен. Мало того, если отец так не поступит, то согрешит.

Должен учитель оценивать знания своих учеников и применять поощрения и наказания? Должен (формы поощрений и наказаний мы сейчас не обсуждаем). Такого рода примеры можно умножать, и всё это примеры вполне допустимого и даже зачастую необходимого суждения, суда, не нарушающего заповедь Божию. Причём люди — родители, учителя, начальники на работе — нередко допускают ошибки в своих суждениях, но это не значит, что они не должны вообще рассуждать и оценивать.

Аналогично и в борьбе с преступностью. Бывает, люди поступают настолько плохо (убивают,

насилуют, грабят, например), что общество обязано не только увещевать их, но и силой противостоять злу. Поэтому Бог благословил быть в государстве правоохранительным органам и судебным учреждениям. При этом бывают, конечно, судебные ошибки; бывает, к сожалению, что судьи сами нарушают закон; наконец, законы, как и всё на земле, несовершенны. Но всё же лучше несовершенные законы и несовершенные судьи, чем совершенное беззаконие!

Согрешающим людям, в том числе судьям, нужно каяться в своих грехах, но сами суды — установление Божие, дар Божий немощному и падкому на грех человечеству, чтобы люди хотя бы страхом наказания удерживались от самых тяжких грехов. Судебная система не может очистить мир от преступлений, но она призвана препятствовать тому, чтобы преступление полностью восторжествовало в мире.

Впрочем, для большинства людей вопрос «быть профессиональным судьёй или не быть?» не актуален. А вот вопрос об участии в суде присяжных может коснуться едва ли не каждого, и ко мне не раз обращались люди, получившие приглашение стать присяжными заседателями, и хотевшие от этого отказаться. Некоторым просто лень было тратить время на исполнение не вполне понятной им гражданской обязанности, но некоторых смущала именно необходимость принимать решение о виновности или невиновности подсудимого.

Не будучи юристом, не стану давать комментарии к действующим законам. Но из вышесказанного ясно, что заповедь о неосуждении ближнего сама по себе не запрещает христианину участвовать в правосудии.

Разумеется, исполняя обязанности присяжного заседателя, православный человек не просто должен внимательно вникать в обстоятельства дела, но должен при этом молиться Богу, чтобы и

в рассматриваемом деле, как и во всём совершалась благая Божья воля; должен молиться о подсудимом (как бы он ни был ему, возможно, неприятен), чтобы Господь устроил полезное для спасения души подсудимого; и не должен осуждать никого (в смысле Страшного Суда), потому что лишь Бог поистине знает сердце человека. А когда уже нужно принять решение, виновен человек или не виновен (то есть, нарушил закон или не нарушил), присяжный заседатель должен высказаться по совести и в соответствии с известными ему обстоятельствами дела.

Может ли присяжный ошибиться? Может, как и вообще, бывает, люди ошибаются. Как может ошибиться и врач. Но хирург не должен на этом основании отказываться от операции, если она необходима больному. Поэтому возможность невольной судебной ошибки не означает, что нельзя быть присяжным заседателем или профессиональным судьёй.

И ещё. От суммы да от тюрьмы не зарекайся. Каждый человек при известных обстоятельствах может оказаться под судом присяжных, пусть даже невинно. И пусть каждый представит себе, что все благочестивые, добросердечные, верующие люди отказались стать присяжными заседателями, а согласились одни неблагочестивые и злые безбожники. Тут уместно вспомнить слова Спасителя: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6, 31).

Иногда люди устраивают голодовки с целью выразить свой протест. Допустимо ли православным христианам участвовать в этом?

Я не могу категорично сказать, что голодовка недопустима, греховна. Всё зависит от цели и побудительных мотивов. В сталинских лагерях

любые попытки такого протеста тут же подавлялись, а вот уже в хрущевское время голодовки диссидентов были распространены. Впрочем, зачастую голодающих кормили насильно.

Недавно я читал воспоминания поэта Ирины Ратушинской, сидевшей уже в 80-е годы прошлого века. Она тоже описывает, как если кого-то из их женской политической зоны обижало лагерное начальство, остальные политзаключённые в знак протеста устраивали голодовку. Об этой голодовке узнавали во всем мире, и властям приходилось отступить. Женская и мужская зоны для политических находились рядом. В мужской многие заключённые погибли, а в женской все выжили. Ну, и кто решится сказать, что выживая в экстремальных условиях благодаря таким протестным акциям, они грешили?

Наверное, если человеку сегодня зарплату снизят на 2–3 тысячи, и он в знак протеста начнёт голодовку, это будет неправильно. Так что надо исходить из конкретной ситуации.

Голодовка — один из так называемых ненасильственных методов борьбы, а сама по себе борьба не всегда является грехом. Всё зависит от цели, которую преследуют голодающие, от обстоятельств, в которых они находятся, и от их духовной настроенности. Ради корысти голодать плохо, но ради защиты своих ближних — может быть и свято.

Водитель сбил насмерть пешехода, заплатил его родственникам большую сумму, и они отказались от всех претензий к невольному убийце. Хорошо ли это?

Имеется в виду, должен ли человек стремиться отомстить? Мечь своим обидчикам совершенно

чужда христианству. Об этом сказано и апостолом Павлом со ссылкой на Ветхий Завет: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12, 19). И сам Христос сказал: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк. 6, 37).

Это, кстати, не отменяет обязанности правоохранительных органов действовать по закону. Но ведь речь идёт не о прокуратуре, а о родственниках погибшего.

Если они не хотят мстить, то это хорошо с их стороны. Если бы они искренне простили человека, причинившего им тяжкую скорбь, это было бы благочестиво, прямо-таки по-христиански.

Со стороны же невольного виновника смерти человека естественно просить у родственников прощения и насколько возможно возместить причиненный ущерб. В рассматриваемом случае ущерб, конечно, полностью не возместишь, поскольку человек погиб. Но можно хотя бы как-то попытаться утешить родственников, в том числе помочь им материально. Если родственники в благодарность за это смягчатся и будут просить правоохранительные органы смягчить наказание, если речь идет не о взятках или запугивании, а о законных действиях, то что в этом плохого?

Можно спросить: «А если родственники отказываются от своих требований и перестают добиваться справедливости не по любви к врагу, а по любви к деньгам? Нет ли здесь безнравственного поступка, продажи памяти родственника и справедливости за деньги?»

Но разве лучше предаться безусловной злобе? Ведь о чём идет речь, о мести. Если человек из милости без всяких денег отказывается от мести, то

благо ему. Если он хотя бы деньгами смягчается, то это всё-таки лучше, чем если он не смягчается вообще ничем.

Про справедливость есть замечательная притча. Спрашивают батюшку — где справедливость в этом мире. Он отвечает — справедливость в аду. — А что же в раю? — В раю милость. Лично я ни в коем случае не хотел бы, чтобы ко мне Господь был справедлив, потому что это означает вечную погибель. Я надеюсь на милость Божию.

9 февраля 2014 г. неоязычник застрелил в Южно-Сахалинском кафедральном соборе сотрудницу монахиню Людмилу (Пряшникову) и нищего Владимира Запорожца. Как могло произойти такое преступление в наше время? Почему оно было попущено? Для чего? Нужно ли всем нам, живущим сегодня, что-то осознать, понять?

Почему такое убийство произошло в наше время? А что, сейчас какое-то особое время? А назовите, не то что столетие, хотя бы год, день, когда подобных вещей не бывало. Всегда совершались самые разные преступления. Вспомните историю нашей страны: и в XIX веке было множество нападений на Церковь, XX век был почти весь посвящён борьбе с Церковью, в стране бушевала активная ненависть к Богу.

Конечно, уничтожить Церковь не удалось, это невозможно, «врата ада не одолеют её», но поубивали людей много, повредили церковной жизни очень сильно. Да, последние 20–25 лет мы живём сравнительно спокойно, внешних гонений нет. Но понятно, что всегда будут появляться люди, злобствующие на Церковь, и среди них окажутся и оккультисты, которые будут свою злобу проявлять ещё и в убийствах.

Ведь трагедия в Южно-Сахалинске — не единственный случай за последние годы.

Как уберечься от сатанистов и воров? Надо по мере сил с этим бороться, какие-то обычные разумные меры принимать. Быть внимательными, не разбрасывать вещи по храму, чтобы их не украли. Но невозможно защититься от руки Божией. Что Он пошлёт — то и пошлёт. Совсем распахнуться и говорить: вот, приходите, убивайте, грабьте нас — это самонадеянность, гордость. Обычные меры, какие раньше принимались, такие и должны приниматься.

Если мы поставим в храмы камеры видеонаблюдения, вооружённых охранников, что это даст? Зло в мире не уменьшится. Надо молиться.

С убийцей, конечно, должны разбираться органы власти. У них есть для этого разные средства — допросы, экспертизы. Если будет установлено, что убийца болен, то его отправят не в лагерь, а в больницу, где будут как-то лечить. А если признают вменяемым, то он получит срок, должен будет нести наказание; насколько это возможно, исправляться... Дай Бог, чтобы убийца покался! Ведь Господь через покаяние может дать и ему прощение, даже после такого тяжкого преступления.

Конечно, родственникам погибших тяжело, но сами убитые монахиня Людмила и Владимир, можно надеяться, получают милость у Бога, потому что пострадали, защищая ближних.

Их даже можно сравнить с новомучениками: они, несмотря на смертельную опасность, противостояли злу. Так же и новомученики. Большинство из них не уговаривали отречься от веры, но они, понимая, что им грозит от безбожных правителей, продолжали служить, молиться в храмах. Многие другие покинули Церковь. Так коммунисты невольно способствовали очищению церковной жизни.

А когда давление кончилось, церковный народ подрастал. Понятно, что когда воды нет и палит солнце, то всё высыхает, выживают только самые стойкие растения. А когда сыро и тепло, то всё распускается — и цветы, и сорняки, и хорошее, и плохое. Когда во внешнем отношении для Церкви благоприятно и просторно, как это у нас в последнее время, проступают и немощи, и соблазны. Всем нам нужно каяться.

Как в жизни каждого человека бывают разные периоды: то Бог во всём добром помогает, и всё само собой даётся, и всё хорошо, а то вдруг раз — заболел, а потом вдруг раз — умер, так и в жизни общества. Сейчас пока живём потихонечку, хотя обольщаться не стоит, но и немощи наши заметнее проявляются.

Какие бы ни были времена, нужно жить по заповедям Божиим. Бог и радость, и горе, и свободу, и узы, и жизнь, и смерть посылает нам во благо. Христос всегда один и тот же. И человек — перед Ним. Можем принимать Божие, а можем служить своим страстям — этим и определяется наша вечная участь, а не внешними обстоятельствами.

Данные некоторых социологических опросов показывают рост числа людей, считающих, что, для того чтобы считаться истинным россиянином, важно быть православным. Как Вы считаете?

Конечно, Россия — многонациональная страна, жители которой относят или не относят себя к разным религиям. Поэтому утверждать, что «истинный россиянин» обязательно должен быть православным, некорректно. Правильно будет сказать, что православие было и остаётся традиционной религией русского народа. Что такое традиционная

религия народа? Вот что: неверующий русский не ходит в церковь, а неверующий узбек не ходит в мечеть.

Традиция православной народной религиозности была в значительной мере ослаблена и едва ли не прервана в России в начале прошлого века. Но, сколько бы ни боролись с религией, невозможно уничтожить в человеке религиозную потребность — даже богоборческий коммунизм с самого начала развивался как псевдо-религия со многими религиозными атрибутами: учителями, «святыми», «мощами» и т. п. Естественно, что когда кончился государственный атеизм, многие люди вернулись к традиционным формам удовлетворения этой потребности: крестят детей, просят отпеть близких.

Понятно, что это ещё не говорит ни об осознанной вере, ни о церковности. Но кто-то через такую бытовую религиозность постепенно приходит к осознанной вере, воцерковляется. Для других религия так и остаётся только культурно-исторической традицией. Почему так — это тайна человеческого сердца.

Как Вы относитесь к пикетам, которые иногда устраивают православные люди, чтобы выразить свой протест против чего-то или свою поддержку кому-либо? При этом собравшиеся молятся, держат в руках иконы.

Что касается пикетов, организуемых православными, то к ним я отношусь как и к любым другим. Ни закон, ни священноначалие не запрещает православным христианам заниматься политической деятельностью, видом которой являются пикеты и демонстрации.

Что же касается богослужений, совмещённых с пикетами и демонстрациями, то, казалось бы, что тут плохого? Молиться можно всегда и везде. Но

молитва никогда не должна быть демонстрацией, пусть даже в добрых, как представляется, целях. Всякое использование молитвы унижает её. Молитва во всех своих степенях — это общение с Богом. Молясь напоказ, мы фактически пытаемся Им манипулировать. Не думаю, что это угодно Богу.

Конкретно о людях, которые участвуют в таких молитвах-демонстрациях, я ничего не могу сказать. Бог знает сердце человека, поэтому только Он и может поистине судить. У каждого есть совесть, поэтому пусть каждый сам смотрит: молился ли он Богу о спасении себя и ближних или совершал некую молитвообразную акцию.

На Ваш взгляд: справедливо ли осудили группу женщин, которые устроили, по их выражению, «панк-молебен» в храме Христа Спасителя?

Поразительно, как много церковных людей не смогли правильно разобраться в этом простом вопросе. Насколько я мог заметить, большинство из тех, кто высказывались о панк-молебницах публично, ратовали или за то, чтобы их простить (или даже чаем напоить), или за то, чтобы их посадить (или даже в речке утопить).

На самом деле, вопросы уголовного или административного наказания находятся в компетенции государственных органов. В этом отношении Церковь может только молиться, и Церковь молится за всех: и за грешников, чтобы покаяться, и за судей, чтобы судили по правде и по закону.

А собственно в церковном отношении ясно, что женщины, о которых идёт речь, и те, кто ими руководили, совершили грех делом. Поскольку нет греха непросительного, кроме греха нераскаянного, то в случае покаяния, они могли бы получить проще-

ние. Но это уже компетенция священнослужителей, к которым они — будем надеяться — когда-нибудь придут на исповедь.

На сайте журнала «Нескучный сад» было опубликовано интервью с Дмитрием Цорионовым (псевдоним — Энтео), печально прославившимся проведением псевдо-православных акций. При этом поведение людей, к которым приставали цорионовцы, и содержание мероприятий, которые они пытались сорвать в ходе своих акций, действительно заслуживали порицания. Вопрос стоял не о самих кощунниках, а о церковном отношении к организуемым Дмитрием Цорионовым акциям. По просьбе редакции журнала «Нескучный сад» протоиерей Константин Островский дал свой комментарий на интервью с Дмитрием Цорионовым.

Очень хорошо, что пропагандисты разврата получают отпор. Но сами по себе акции (не только цорионовские, а любые) всегда отмечены некоторой фальшью. Одно дело — просто пожалеть несчастного и помочь ему, а другое — когда та же помощь оказывается в порядке акции милосердия. Любовь — это не «акция любви».

Мне, впрочем, тоже приходится постоянно принимать участие в различных общественных и государственных акциях; это делается по необходимости, чтобы не потерять контакт с обществом и государством. Но акции Дмитрия Цорионова обусловлены совсем другим. Если Дмитрий Цорионов не преувеличил и имеет на уровне двух синодальных отделов официальную поддержку, то на грамм пропагандистских успехов мы рискуем получить тонну вредного для Церкви эффекта. Потому что,

когда просто некий человек вступает с кем-то в конфликт, это его частное дело.

Но если при этом у него в кармане благословение от Синодального миссионерского отдела — это дело Церкви, и Церковь за него отвечает. Я не считаю, что священноначалие должно благословлять такие вещи. Оно конечно не должно и запрещать, не должно быть защитником безобразий. Если человек надевает непристойную одежду или выходит голым на улицу, он должен быть готов к тому, что его могут и побить. И я не считаю, что Церковь должна усиленно защищать таких людей, которые непристойным поведением вызывают раздражение нашего народа, в том числе и верующего. Но благословлять сами акции побивания Церковь не должна.

Среди либеральных активных людей — не одни только преступники и враги Бога. Там есть люди и верующие, и православные. Может быть, они заблуждаются, все мы не без греха. Церковь должна всякого принять. Если Церковь поддержит такие акции, какие проводит Дмитрий Цорионов, то это значит, что мы заняли партийную сторону и оттолкнули всех несогласных. Если я Цорионова поддерживу, то те, кого он оскорбил и напугал, люди, которые такие акции не приемлют, мною отвергнуты.

Приведу пример. Ко мне несколько лет назад ходил неонацист. Но он себя считал православным. Я совершенно его не поддерживаю, я не считаю, что евреи — источник всех наших бед. Но я ему не говорил: «ты враг Божий, я не буду с тобой разговаривать». Я для начала предлагал ему их простить. Если даже всё, что он говорил, — правда, что евреи действительно такие страшные его обидчики, надо простить их. А здесь получается, что мы, благословляя Цорионова на его акции, берём на себя ответственность отталкивать других людей.

Скажу как священник, который какой-никакой, но всё-таки много лет со многими людьми общаюсь. Из всего своего пастырского и просто человеческого опыта я знаю, что когда человек начинает участвовать в таких акциях, это ломает его душу. У человека есть естественная скромность. Чтобы вот так вдруг рвануть в помещение и начать так кричать, как они кричали во время акции, нужно над своей душой примерно то же самое сделать, вы меня простите за сравнение, как для того, чтобы снять штаны в автобусе. Хотя произносили они правильные слова — «храните супружескую верность», «любите друг друга» — не поспоришь.

Участник акций, подобных цорионовским, должен переступить через какое-то естественное, и здоровое, и верное чувство стыда. Другое дело, когда вы должны переступить через что-то, а может и жизнью пожертвовать, ради дела Божьего. Но здесь не тот случай; вот так врываясь и крича, нельзя никого привлечь к Богу. Привлечь можно любовью, молитвой, терпением, страданием. Но не таким насилием над своей душой.

Думаю, что огромное количество людей мы оттолкнём, если мы, как Церковь, поддержим это акционистское движение, если оно будет принято как внутрицерковное. От нас отвернётся очень важная часть, я имею ввиду не развратников и богохульников. Отвернутся многие настоящие интеллектуалы, люди, действительно духовно настроенные, глубокие, которые тянутся к Богу, ищут пути. Для них акционизм православных станет соблазном. Конечно, Бог может привести всякого человека, это мы не обсуждаем. Но ведь мы говорим о миссии, Цорионов позиционирует себя как миссионера. Цель миссионера — привлечь людей к Богу. Я думаю, что акции не привлекут людей, а оттолкнут.

Привлечь они смогут людей, как бы мягко выразиться, внушаемых. Людей, которые ищут, чтобы им был дан лидер, за которым они смогут пойти. Этим людям куда-нибудь повели, их чем-то зажгли. Скорее всего — чем-то плотским, я бы сказал душевным, а не духовным огнём. Это пройдёт, выгорит, наскучит, и люди это бросят. И никакой ценности я, честно говоря, не вижу в том, что кто-то вот так загорится акционизмом и будет ходить на акции. Невозможно такими вещами долго заниматься. Это действительно некое юношеское дело. Поэтому такое искусственное привлечение молодых людей к акциям я считаю на самом деле вредным и опасным. Человек, привлечённый в церковную среду только внешними средствами и приёмами, недолго в ней задержится. То, что сначала покажется «крутым и клёвым», рано или поздно приестся, и человек уйдёт на поиски новой крутизны.

Дмитрий Цорионов говорит про тщеславие. Мы действительно тщеславимся всем, чем угодно — и добром и злом. Но человек, который идёт и кричит другим «я вас люблю» в качестве запланированной акции, волей-неволей гордость ставит во главу угла. Мне приходится в проповедях объяснять это, особенно перед исповедью, что говорить «я всех люблю» — значит, себя не знать. Потому что это очень сильно — сказать: я вас люблю. Это надо быть готовым душу за людей отдать. А тут ничего этого нет на самом деле. Думаю, что и самому Дмитрию Цорионову нужно было бы сначала воцерковиться, углубиться в себя.

Приведу пример. У меня есть знакомый, который до прихода в Церковь был литератором. Когда он пришёл в Церковь, то лет пять ничего не писал, старался жить углублённой жизнью, в храм ходил постоянно, у него был духовник, человек вёл какие-то

записи. И через много лет, став уже глубоко церковным человеком, он вновь стал писать. А здесь, я думаю, Дмитрий очень рванул.

Он молодец, конечно, он пиарщик — всех заставлял называть его по псевдониму. С какой стати? Разве он писатель, артист, разведчик? Псевдоним употребляют, когда хотят себя скрыть (например, в спецслужбах). В артистической среде псевдоним могут взять для привлекательности (например, знаменитый актёр Пожаров взял псевдоним Остужев). Артист или писатель, бывает, пользуется псевдонимом, чтобы подчеркнуть свою личную отстранённость от своего же творчества. Мол, Алексей Максимович Пешков это одно, а Максим Горький — другое. Но в случае с Дмитрием Цорионовым, я считаю, это неоправданно, и с его стороны — претенциозно. Сравнение себя с Игнатием Богоносцем — это церковные юношеские фантазии. Поэтому я не имею оснований публично называть Дмитрия «Энтео» и думаю, что правильно называть его по имени и фамилии.

Дмитрий также говорит, что в Церкви сейчас мало молодёжи. Я не думаю, что в Церкви так уж мало молодёжи. Что значит мало? Сколько Бог привёл, столько и есть. А искусственное, внешними средствами произведённое вовлечение, ничего не даст. Придут и уйдут.

Что вы думаете о проблеме скинхедов? Откуда они появились в нашей стране, страшно пострадавшей от фашизма?

Наша страна пострадала не только от германского национал-социализма, но и от собственного увлечения безбожным большевизмом. Большинство современных россиян, хотя и исповедуют православие, но по православной вере, по заповедям

Божьим не живут. А свято место пусто не бывает. Если в сердце не Бог, то зло. А формы зла бывают разными: большевизм, фашизм, национал-социализм, сатанизм, просто безбожная жизнь даже и без всякой идеологии...

Когда с годами ненависть к бывшему военному противнику (немцам) в нашем народе ослабела (и слава Богу!), то ослабело, к сожалению, и отвращение к сатанинской идеологии национал-социализма, которой было охвачено когда-то большинство немцев. Поэтому скинхеды и другие фашиствующие русские люди не получают жёсткого всенародного отпора, что было бы вполне естественным и справедливым.

Приходится много слышать и читать о террористических актах, совершаемых мусульманами. Постоянно приходится видеть их рядом, особенно на рынках, не пора ли дать им отпор?

Бог дал нам заповедь о любви к ближнему, поэтому ко всем людям, в том числе к мусульманам, к людям любой веры и национальности, мы должны относиться с любовью. Это, кстати, нисколько не противоречит гражданскому долгу мужественно и, если нужно, с оружием в руках противостоять внешним и внутренним врагам Отечества. Среди этих врагов, надо сказать, могут оказаться не только люди, называющие себя мусульманами, и не только атеисты и язычники, но и те, кто носят крестик на груди — Бог им судья.

Но ведь вопрос задан не об афганских талибах и не о чеченских боевиках, а о тех татарах, азербайджанцах, таджиках — вообще о представителях народов, которые традиционно исповедуют ислам, живущих в России, в Москве, в Подмосковье. К ним, нашим

соседям, нужно относиться с искренней доброжелательностью. И этому нас должна учить не только заповедь Божия, но и простое благоразумие.

Ведь одной из главных целей терактов как раз и является то, чтобы русские озлобились и восстали против российских мусульман и против людей с восточной внешностью (среди людей «с восточной внешностью», между прочим, множество православных; например, грузины и осетины — традиционно православные народы). И тогда мы будем иметь у себя в России миллионы врагов России, а нам нужны миллионы не врагов, а друзей.

Нужно бороться с террористами, а не с мирными людьми иной веры или иной национальности, живущими среди нас, а самим нужно укрепляться в вере и доброй христианской нравственности. Тогда мы не будем бояться никаких врагов.

Список литературы

1. Типикон. М., Издательство Московской Патриархии, 1997, л. 183 об.
2. *Прав. Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе. — Полн. собр. соч., 2-е изд. — С.-П., 1893. — Т. 4.
3. Сборник мыслей и изречений митрополита Филарета, извлечённых из переписки его с разными лицами. — М., 1897.
4. Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. М.: Отчий дом, 1994.
5. *Свт. Филарет (Дроздов)*. Избранные труды, письма, воспоминания. М.: ПСТБИ, 2003.
6. Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу. М., изд-во Афонского Пантелеимонова монастыря, 1889.
7. *Прот. Сергей Булгаков*. Настольная книга для священно-церковно-служителей. — Репр. изд. — М., 1993.
8. *Прот. Владимир Воробьев*. Покаяние, исповедь, духовное руководство. М.: «Свет Православия», 1997.
9. Подвиг семейного воспитания (сборник бесед, выступлений, статей). М., Храм Трёх Святителей на Кулишках, 2000.
10. *Свящ. Константин Островский*. Жития святых, изложенные в сокращении для детей по святителю Димитрию Ростовскому. — М.: Орбита, 1991.
11. *Прот. Константин Островский*. Жития святых. — Красногорск: Успенский храм, 2014.
12. Сборник «Записки о Второй школе или групповой портрет во второшкольном интерьере», вып. 2. М., 2006 г.
13. Журнал «Московские епархиальные ведомости»; 2007 г., № 11–12; 2008 г., №№ 1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10; 2009 г., №№ 1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10.
14. Журнал «Нескучный сад»; 2007 г., № 8; 2009 г., №№ 2, 3, 4, 6, 8; 2010 г., № 9.
15. Журнал «Приход»; 2004 г., №№ 9, 10, 11; 2005 г., №№ 1, 3, 9; 2007 г., № 4; 2008 г., №№ 4, 11; 2009 г., №№ 1, 3; 2010 г., №№ 2, 11.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ И КНИГЕ	5
Раздел 1. КОНТЕКСТ	
На пути в Церковь	9
Первые шаги в Церкви	22
Раздел 2. С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ	
Четыре мальчика	29
Чудо воспитания	32
Почему они уходят?	67
Ответы на вопросы о воспитании детей	72
Раздел 3. С ДЕТЬМИ В ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ	
О воскресной школе при Успенском храме г. Красногорска	99
Церковно-педагогический проект «Урок-молебен»	101
Особенности учебного процесса в детской воскресной школе	113
Об отсеве учеников из воскресных школ и нецерковном поведении церковных детей	121
Слово детям о Боге в воскресной и в средней общеобразовательной школе	125
Служение Богу или потребление духовных благ?	129
Взрослые и дети — вместе!	136
Интервью мухе	142

Тексты песен для воскресной школы	157	Проблемы организации богослужений в отдалённых населённых пунктах	320
Практический опыт подготовки театрализованных представлений	165	Храм за миллион, за месяц	324
О юридическом статусе воскресной школы	173	Слово при вручении всероссийской премии «Хранители наследия» 20.07.2013	327
Раздел 4. ПРИХОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ		Маленькие уроки великой войны	329
Трудности начинающего священника	179	Колокольный звон	333
Как бы старцы, как бы чада...	191	Раздел 7. ОТВЕТЫ НА РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ	
Не угаси курящегося льна	194	О Крещении и обретении веры	341
Трудности приходской семьи	201	О браке	352
Ответы на вопросы о приходских делах	211	О смерти	372
Катехизация и миссия – направление усилий	222	О молитве	379
Для служебного пользования	230	Об исповеди и духовничестве	400
Приход и спонсор	256	О борьбе со страстями	427
О реорганизации приходской жизни	265	О посте и праздниках	450
Раздел 5. ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ		О церковных правилах	477
Разные истории и притчи	275	О жизни в обществе	533
Допустим ли юмор для православных христиан?	283	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	
Педагогическое пространство	285		572
Иное измерение	288		
Раздел 6. СПОР СТАРОГО И НОВОГО О ВЕЧНОМ			
Спор старого и нового о вечном	301		
Поиски нового языка в церковной архитектуре	307		
Гильдия храмоздателей и экспертиза эскизных проектов	311		
Принципы работы консультативно-экспертного совета при епархиальном отделе по реставрации и строительству	314		

Протоиерей Константин Островский

НА ПРИХОДЕ И В СЕМЬЕ

(статьи, ответы на вопросы, разные истории)

В оформлении книги использованы
работы Елены Черкасовой

Редактор А. Стариченков
Оригинал-макет Е. Агафонов, С. Хидятов
Оформление С. Хидятов

Знаменский храм, г. Красногорск

ООО Издательство
«Христианская библиотека»
603086, Нижний Новгород,
ул. Стрелка, 4а, оф. 20.
Тел.: 8-831-277-64-75

Подписано в печать 18.05.2016
Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Объем 18 печ. л. Печать офсетная.
Тираж XXXX экз. Заказ №....

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru